
К 70 4/4

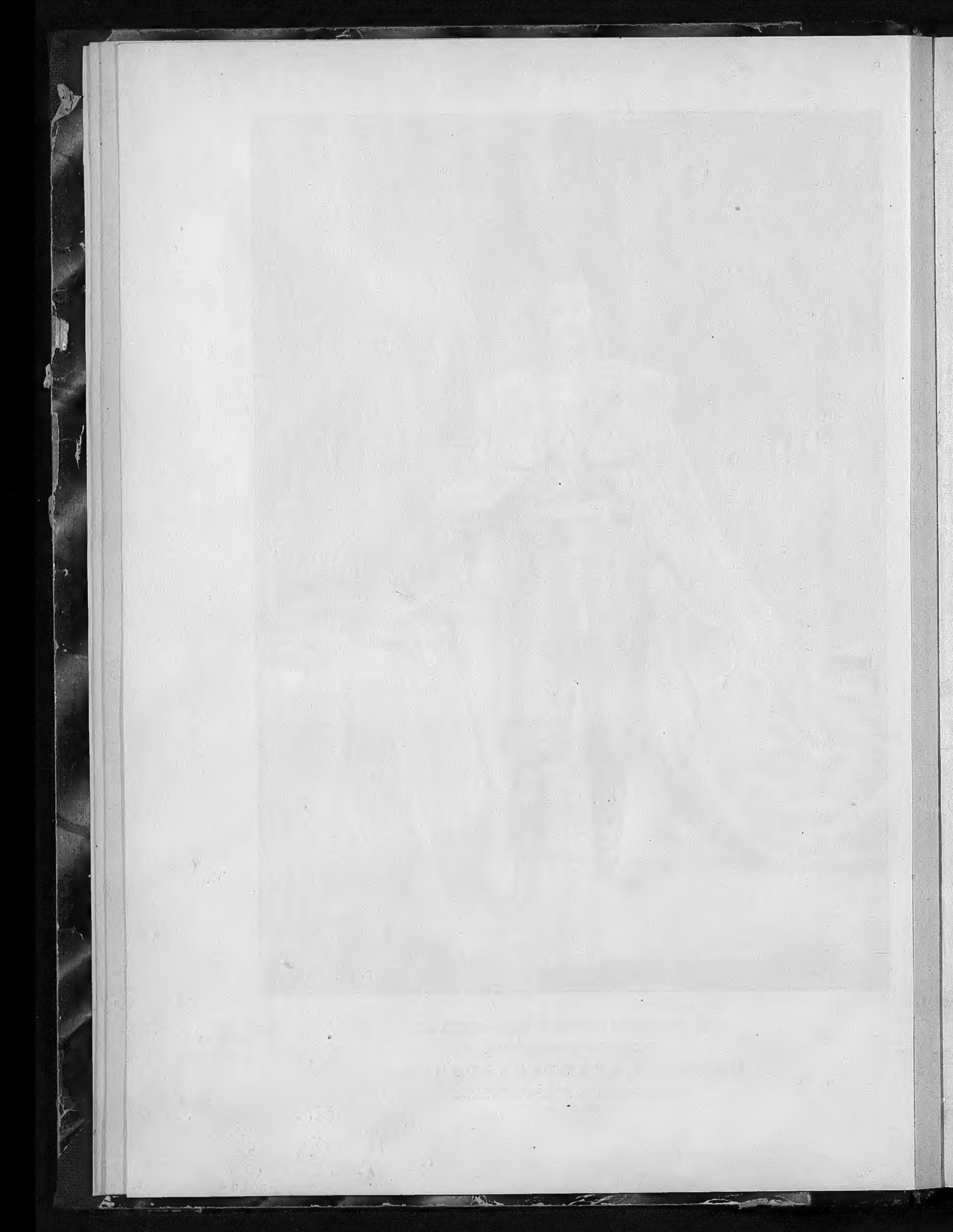
Россія подъ скипетромъ Романовыхъ

В. Васнецовъ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

РОССІЯ

ПОДЪ

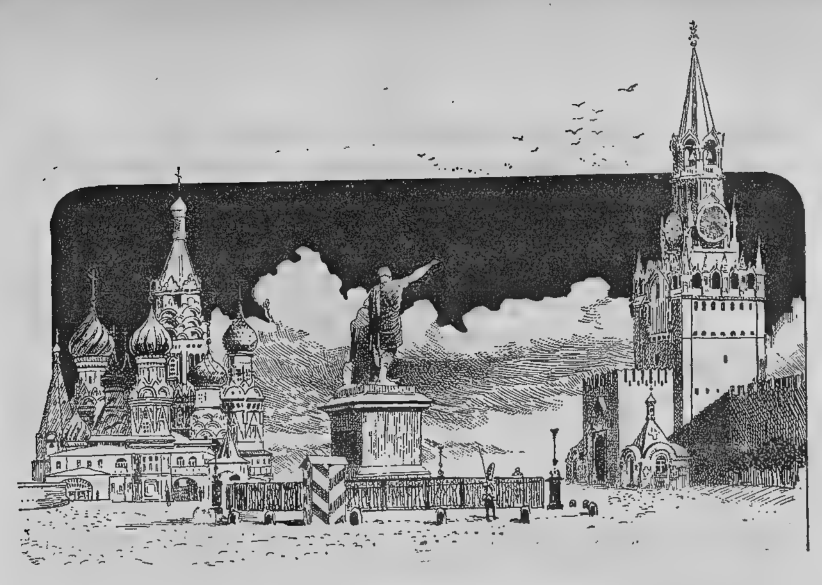
СКИПЕТРОМЪ РОМАНОВЫХЪ

ОЧЕРКИ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ ЗА ВРЕМЯ
СЪ 1613 ПО 1913 ГОДЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Государственная Типографія.
1912.

Изданіе Высочайше учрежденнаго Комитета для устройства празднованія трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ.

Подъ редакціею проф. П. Н. ЖУКОВИЧА.

Красная площадь. Памятникъ Минину и Пожарскому.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

Прекращеніе дома Рюриковичей.

18 марта 1584 года московскіе колокола своимъ печальнымъ перезвономъ возвѣстили жителямъ столицы о кончинѣ Царя Ивана Васильевича Грознаго.

При этой вѣсти народъ забылъ всѣ великія жестокости Грознаго Царя, забылъ всю ненавистную его опричнину, а вспоминалъ только такія великія дѣла его царствованія, какъ взятіе Казани, завоеваніе Астрахани и Сибири, изданіе Царскаго Судебника и построеніе въ Москвѣ великолѣпнаго храма Василія Блаженнаго. Русскіе люди искренно молились о упокоеніи грознаго, но вмѣстѣ и великаго по своимъ дѣяніямъ Государя.

Послѣ Царя Іоанна остались два его сына: Ѳеодоръ, бывшій сыномъ всѣми любимой, кроткой Анастасіи Романовны, первой супруги Грознаго, и малолѣтній Царевичъ Димитрій, которому отецъ незадолго до смерти назначилъ въ удѣлъ городъ Угличъ. Царь уже давно чувствовалъ приближеніе смерти и сдѣлалъ всѣ

распоряженія, поэтому старшій сынъ его Θеодоръ спокойно, безъ всякихъ волненій и смутъ, какъ говорилъ лѣтописецъ, «воцарися и сѣде на превысочайшій престолъ Богомъ хранимаго Россійскаго Царствія».

Всѣ въ государствѣ однако сознавали, что новый Царь не будетъ въ состояніи справиться съ государственными дѣлами. Постникъ и молчальникъ—онъ больше походилъ на смиреннаго инока, чѣмъ на Царя. Это хорошо видѣлъ уже и его отецъ, который постарался окружить сына вѣрными и опытными въ дѣлахъ государственныхъ людьми. Въ первые дни около новаго Царя мы видимъ пятерыхъ бояръ, которые, составляя какъ-бы постоянный совѣтъ при немъ, вѣдаютъ всѣми дѣлами правленія.

Среди этихъ пятерыхъ лицъ по своимъ душевнымъ качествамъ и по своему вліянію на московское населеніе выдается бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ-Захарьинъ, дядя Царя, братъ его матери Анастасіи. Онъ былъ во все царствованіе Грознаго вблизи Государя, пользовался его неизмѣннымъ довѣріемъ; однако не только не запятналъ себя ни малѣйшимъ участіемъ въ его жестокостяхъ, но даже прославился, какъ постоянный ходатай передъ нимъ за опальныхъ: не разъ добрая рука Никиты Романовича вырывала ихъ изъ цѣпкихъ когтей Малюты Скуратова.

Сотни три лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ скончался этотъ замѣчательный человѣкъ, но и сейчасъ еще на далекомъ нашемъ сѣверѣ живетъ преданіе о томъ, какъ Никита спасъ отъ гнѣва Грознаго его собственнаго сына... Понятно, почему именно онъ, какъ царскій дядя и какъ самый свѣтлый человѣкъ среди московскаго боярства, занялъ первое мѣсто у трона молодого Государя.

Пока былъ живъ Никита Романовичъ, онъ своимъ добрымъ совѣтомъ и вліяніемъ сдерживалъ ненависть среди бояръ. Но вотъ черезъ годъ старика Захарьина не стало, и вражда среди бояръ проявилась сильно и рѣзко. Шуринъ Государя, Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ сталъ принимать всѣ мѣры, чтобы устранить опасныхъ соперниковъ и одному править государствомъ. Послѣ смерти Захарьина опала постигла знатнѣйшихъ бояръ, среди нихъ князей Мстиславскаго и Шуйскихъ: они были разосланы по дальнимъ тюрьмамъ и монастырямъ. Борисъ въ это время еще друженъ былъ съ молодыми Романовыми (такъ стали называться сыновья Никиты по имени своего дѣда). Говорятъ, что старикъ, умирая, взялъ съ Годунова клятву въ томъ, что онъ будетъ заботиться о его сыновьяхъ, и Годуновъ пока исполнялъ свое обѣщаніе. Тѣмъ временемъ власть его въ государствѣ все болѣе увеличи-

вается: онъ получаетъ титулъ «правителя», «двороваго воеводы» и «намѣстника царствъ Казанскаго и Астраханскаго». Не только Русскіе, но и иностранцы, посѣщающіе Москву, замѣчаютъ, что онъ, а не Ѳеодоръ, правитъ царствомъ. И нельзя сказать, чтобы это правленіе было плохо: царскій шуринъ, человѣкъ умный и опытный, старался успокоить государство послѣ тѣхъ потрясеній, какія оно испытало при Грозномъ, и имѣлъ въ этомъ добромъ дѣлѣ успѣхъ.

Такъ мирно и спокойно протекала жизнь государства, какъ вдругъ въ 1591 году она была нарушена страшнымъ событіемъ: семилѣтній Царевичъ Димитрій 15 мая былъ зарѣзанъ въ Угличѣ. Жители Углича въ тотъ же день умертвили приставленныхъ къ нему Борисомъ Битяговскаго, Качалова и ихъ товарищей, которыхъ считали виновниками ужаснаго злодѣянія. Черезъ четыре дня изъ Москвы пріѣхали лица, посланныя разслѣдовать все дѣло: это были митрополитъ Крутицкій Геласій, князь Василій Шуйскій, недавно передъ тѣмъ возвращенный Годуновымъ изъ ссылки и съ нимъ породнившійся, и окольничій Клешнинъ, всѣмъ обязанный Борису. Эти слѣдователи вели дѣло безтолково, а можетъ быть, и недобросовѣстно и, вернувшись въ Москву, донесли Царю и боярской думѣ, что Царевичъ вовсе не былъ убитъ, а самъ въ припадкѣ падучей натолкнулся на ножъ. Боярская дума этимъ страннымъ объясненіемъ осталась довольна, а угличанъ за самоуправство и за убійство якобы невинныхъ людей сурово наказала. Однако народъ не могъ повѣрить наивному объясненію московскихъ слѣдователей и говорилъ, что Царевичъ убитъ; а многіе прибавляли, что онъ убитъ по наущенію Годунова.

Это страшное дѣло въ Угличѣ и до нашихъ дней осталось нераскрытымъ окончательно. Есть нѣкоторыя основанія считать Годунова виновнымъ въ гибели Царевича, но доказать его виновность невозможно.

Какъ бы то ни было, но ближайшаго наслѣдника царскаго престола въ 1591 году не стало.

Прошло семь лѣтъ: наступилъ 1598 годъ. Уже осенью Царь тяжко занемогъ; а въ самый крещенскій сочельникъ, къ вечеру «послѣдній царственный цвѣтъ Русской земли отошелъ отъ очей всѣхъ»,—писалъ лѣтописецъ. Овдовѣвшая Царица Ирина удалилась въ монастырь и тамъ постриглась. Съ Ѳеодоромъ прекратился царскій родъ Рюриковичей, правившій Русью болѣе 700 лѣтъ. Русскимъ людямъ предстояло теперь избрать новаго Царя, а съ нимъ возвести на престолъ и новый царствующій домъ.

Борисъ Годуновъ и первый Самозванецъ.

Послѣ смерти Өеодора въ Москвѣ упорно говорили, что почившій Царь передъ смертью своей завѣщалъ царство старшему изъ Романовыхъ—Өеодору Никитичу. Мысль народа, очевидно, обращена была къ Романовымъ, которые принадлежали къ числу самыхъ знатныхъ старо-московскихъ боярскихъ родовъ и издавна пользовались всеобщею любовью за свою справедливость и заботу о народномъ благѣ. Ихъ испытанная вѣрность и близкое родство съ царями Рюрикова дома были хорошо всѣмъ извѣстны: Өеодоръ Никитичъ приходился двоюроднымъ братомъ умершему Царю. Все это дѣлало избраніе его на Московскій престолъ вѣроятнымъ. Однако Царемъ былъ избранъ на земскомъ соборѣ Борисъ Годуновъ. За него стояли патріархъ Іовъ и многіе служилые люди.

Земскій соборъ, избравшій на царство Годунова, былъ составленъ не изъ особыхъ выборныхъ отъ различныхъ сословій Русскаго государства, а изъ тѣхъ лицъ, которыя стояли тогда во главѣ этихъ сословій по выборамъ или по назначенію. А такъ какъ правителемъ уже болѣе десяти лѣтъ былъ Годуновъ, то понятно, что на соборъ явились люди, многимъ ему обязанные. Такимъ образомъ соборъ 1598 года не былъ похожъ на послѣдующіе земскіе соборы, на которые собирались люди, выбранные для участія въ нихъ самимъ населеніемъ.

Послѣ торжественнаго царскаго вѣнчанія Борисъ объявилъ, что онъ все сдѣлаетъ для своего народа, что онъ готовъ будетъ послѣдней рубашкой своей подѣлиться съ подданнымъ. И, дѣйствительно, первые два года Борисъ былъ хорошимъ царемъ, и жившій во времена Бориса, келарь Троице-Сергіева монастыря Авраамій Палицынъ говоритъ, что «ради всенародныхъ строеній своихъ Борисъ всѣмъ любезенъ бысть».

Дальнѣйшее царствованіе Годунова было для Россіи ознаменовано великими бѣдствіями: страшный неурожай вызвалъ повсемѣстный голодъ. Въ одной Москвѣ за два года погибло 120.000 человѣкъ. Царь всѣми силами боролся съ бѣдствіемъ, велѣлъ, наконецъ, раздавать въ Москвѣ хлѣбъ даромъ; но эта мѣра имѣла очень печальныя послѣдствія: въ Москву пришло великое множество тунеядцевъ, которые не желали работать, благо кормиться въ столицѣ можно было даромъ. Вслѣдствіе страшнаго голода появилось въ государствѣ множество разбойниковъ, отъ которыхъ страдали мирные жители подъ самой Москвой.

Народъ ищетъ виновниковъ всѣхъ этихъ бѣдствій и, наконецъ, находитъ въ лицѣ самого Царя Бориса: уже въ 1601-мъ году глухо начинаютъ поговаривать о томъ, что гнѣвъ Божій караетъ народъ Русскій за то, что онъ терпитъ на престолѣ царя-дѣтоубійцу. Борисъ узнаетъ объ этихъ слухахъ, и свѣтлый умъ его затемняется мрачной злобой: онъ ищетъ своихъ враговъ, поощряетъ всякіе навѣты. Жизнь, вслѣдствіе ихъ, въ Москвѣ становится нестерпимой. Поссорятся два пріятеля, и одинъ въ злобѣ на другого донесетъ, что тотъ злоумышляетъ противъ Царя, и этого довольно: несчастнаго хватаютъ, пытаютъ, иногда казнятъ. Холопы и слуги, недовольные чѣмъ-нибудь на господъ, бѣгутъ и клевещутъ на нихъ. По доносу собственнаго холопа была погублена Годуновымъ семья Романовыхъ. Борисъ повѣрилъ словамъ двороваго человѣка одного изъ братьевъ Романовыхъ. Онъ хорошо помнилъ, что старшій изъ братьевъ Ѳеодоръ былъ его соперникомъ при избраніи на царство, и рѣшилъ избавиться отъ опасной для него семьи. Братья Романовы подверглись жестокому заключенію, а старшій изъ нихъ Ѳеодоръ былъ насильно постриженъ въ монахи, подъ именемъ Филарета: этимъ хотѣли отнять у него навсегда возможность занять престолъ. Монашество заставили принять и его жену Ксенію Ивановну, съ именемъ Марѳы. Пятилѣтній сынъ ихъ Михаилъ былъ разлученъ съ родителями и вмѣстѣ съ теткой Анастасіей Никитишной былъ сосланъ на Бѣлоозеро. Особенно тяжелое заключеніе испыталъ Михаилъ Никитичъ Романовъ: онъ содержался въ земляной тюрьмѣ-ямѣ въ селѣ Ныробѣ (нынѣ Пермской губерніи, Чердынскаго уѣзда). До сихъ поръ тамъ сохраняются тяжелыя желѣзныя кандалы, въ которыхъ былъ закованъ несчастный бояринъ. Изъ пяти братьевъ Романовыхъ только инокъ Филаретъ да Иванъ Никитичъ вынесли тяжелое заключеніе и остались живы.

Годуновъ, расправившись съ Романовыми и со всѣми ихъ родными — Черкасскими, Шереметевыми и другими, былъ увѣренъ въ своей безопасности. Но бѣда пришла для него съ той стороны, съ которой онъ ея совсѣмъ не ожидалъ. Уже въ началѣ царствованія Бориса начинаетъ распространяться слухъ о томъ, что Царевичъ Димитрій не погибъ, а спасся и гдѣ-то живетъ, скрываясь до времени. Наконецъ, въ 1603 году появился человѣкъ въ Польскихъ владѣніяхъ, который выдавалъ себя за несчастнаго Царевича. Человѣкъ этотъ служилъ у князя Адама Вишневецкаго и, находясь будто-бы въ тяжелой болѣзни, открылъ на исповѣди священнику, что онъ сынъ Царя Іоанна. Когда онъ выздоровѣлъ, то Вишневецкій вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ,

воеводой Сендомирскимъ, Юріемъ Мнишкомъ отвезли незнакомца въ Краковъ. Польскій сенатъ, боясь войны съ сильной Москвой, совѣтовалъ королю быть осторожнымъ въ отношеніяхъ къ человѣку, выдававшему себя за Царевича. Не такъ смотрѣлъ на дѣло король Сигизмундъ. Онъ также, конечно, былъ увѣренъ, что незнакомецъ, находившійся передъ нимъ,—самозванецъ; но считалъ полезнымъ поддержать этого самозванца, чтобы ослабить внутренними раздорами ненавистную ему Москву, а въ случаѣ его успѣха, имѣть въ немъ союзника и пособника для войны со Швеціей, когда-то ему принадлежавшей, и для распространенія римско-католической вѣры въ Русскомъ Царствѣ. Самозванецъ уже въ Краковѣ тайно принялъ эту вѣру.

Кто же былъ этотъ человѣкъ, дерзнувшій присвоить себѣ имя Царевича Димитрія? Совершенно точно на этотъ вопросъ отвѣтить невозможно. Одно несомнѣнно, что Самозванецъ былъ не полякъ и не русскій изъ Западной Россіи. Все обнаруживало въ немъ человѣка изъ Московской Руси.

Царь Борисъ, узнавъ о появленіи за рубежомъ Самозванца, велѣлъ объявить, что это ни кто иной, какъ бѣжавшій изъ Московскаго Чудова монастыря чернецъ Гришка Отрепьевъ. Весьма возможно, что Годуновъ былъ правъ; но царскому объявленію въ Москвѣ плохо вѣрили: ненавидя Бориса, многіе желали, чтобы Царевичъ былъ живъ, а потому и легко повѣрили тому, что онъ живетъ въ Польшѣ и скоро явится добывать свой прародительскій престолъ.

Въ то время, какъ Самозванца торжественно проклинали во всѣхъ церквахъ, онъ за московскимъ рубежомъ набиралъ себѣ товарищей: на его призывъ откликнулись многіе польскіе шляхтичи (дворяне), которые хотѣли поживиться впослѣдствіи Русской казной, и казаки, которые рады были всякой войнѣ. Однако подъ знамена самозваннаго царевича собралось всего тысячъ 5 или 6 человѣкъ, изъ которыхъ далеко не всѣ были вооружены хорошо. И вотъ съ такою-то ничтожною силою безвѣстный проходимецъ задумалъ пріобрѣсти себѣ Московскій престолъ! И ему это скоро удалось сдѣлать, только благодаря обаянію принятаго имъ на себя имени!

16 октября 1604 года Самозванецъ перешелъ московскую границу и вступилъ въ предѣлы Сѣверской Украины (теперь Черниговская и Курская губерніи). Еще раньше, сидя въ Польшѣ, онъ разсылалъ по Руси подметныя письма, въ которыхъ разсказывалъ вымышленную исторію о мнимомъ своемъ спасеніи; теперь онъ обращался къ населенію съ своего рода манифестомъ, въ которомъ, объ-

щая миръ и благоденствіе, убѣждалъ всѣхъ оставить Бориса и служить ему, якобы законному государю.

Сѣверская Украина населена была въ то время бѣглыми изъ разныхъ мѣстъ людьми, народомъ озлобленнымъ, безпокойнымъ, бунтовскимъ. Многіе, и не вѣря Лжедимитрію, рады были возстать противъ Царя Бориса. Но большинство народа и войска вѣрило, что передъ ними находится подлинный сынъ Грознаго, и съ восторгомъ кричало: «Да здравствуетъ Государь нашъ, Димитрій». Городъ Черниговъ сдался безъ сопротивленія. Самозванецъ подошелъ къ Новгородъ-Сѣверску, но здѣсь встрѣтилъ мужественное сопротивленіе со стороны воеводы Петра Басманова.

Хотя Самозванецъ одержалъ побѣду подъ Новгородомъ-Сѣверскомъ надъ царскими воеводами, пришедшими на его выручку, однако въ концѣ января 1605 года онъ потерпѣлъ полное пораженіе подъ Сѣвскомъ и самъ едва спасся бѣгствомъ въ Путивль. Борисъ въ Москвѣ торжествовалъ побѣду, но Самозванецъ вскорѣ воспрянулъ духомъ. Давно уже почти весь южный край призналъ добровольно его власть надъ собою. Весной около гор. Кромъ происходили непрерывно битвы и стычки. Въ Кромахъ засѣлъ отрядъ преданныхъ Самозванцу казаковъ. Царское войско многократно пыталось принудить его къ сдачѣ, но всякій разъ безуспѣшно.

Въ это время, именно 13 апрѣля, Царь Борисъ послѣ торжественнаго обѣда, даннаго иноземнымъ посламъ, почувствовалъ себя дурно и черезъ нѣсколько часовъ скончался, успѣвъ передъ смертью благословить на царство своего сына Өеодора и принять иноческій чинъ.

Царское войско, которое мало расположено было сражаться и за Бориса, еще менѣе хотѣло проливать кровь за его сына. Басмановъ, поставленный юнымъ Царемъ во главѣ войска, видя его ненадежное настроеніе и посовѣтовавшись съ другимъ воеводой княземъ Голицынымъ, перешелъ на сторону Лжедимитрія. Все почти войско послѣдовало ихъ примѣру. Путь на Москву теперь для Самозванца былъ открытъ. 1-го іюня въ Москву прибыли посланные имъ дворяне Плещеевъ и Пушкинъ, они подстрекнули московскую чернь свергнуть Өеодора Годунова. Вмѣстѣ съ матерью и сестрой, его перевезли изъ дворца въ старый боярскій домъ Годуновыхъ, и народъ принесъ присягу самозванному Димитрію. Черезъ нѣсколько дней несчастный Өеодоръ Борисовичъ и мать его были умерщвлены.

Утромъ 20 іюня 1605 года Самозванецъ вступилъ въ Москву. Народъ его торжественно привѣтствовалъ. Новый царь прежде

всего отправился въ Архангельскій соборъ помолиться у гроба мнимаго отца своего Іоанна Грознаго. Въ ближайшіе за этимъ дни начались царскія милости всѣмъ тѣмъ, кто былъ гонимъ во времена Годунова. Не были забыты, конечно, и тѣ, кого Самозванецъ считалъ близкими своему роду: оставшіеся въ живыхъ Романовы были вызваны къ царскому двору; инокъ Филаретъ, освобожденный изъ заключенія, былъ поставленъ митрополитомъ Ростовскимъ. Этими мѣрами Самозванецъ хотѣлъ убѣдить всѣхъ въ истинности своего происхожденія отъ Іоанна Грознаго, но уже при вступленіи его въ Москву нѣкоторые въ этомъ сомнѣвались. Поэтому Самозванецъ поспѣшилъ заручиться признаніемъ со стороны мнимой матери его инокини Марѳы. Говорятъ, что ее принудили къ этому страхъ и желаніе вернуть себѣ прежнее положеніе царицы.

Ликованіе, съ которымъ было встрѣчено новое царствованіе, прошло, и наступило среди Русскихъ людей разочарованіе— новый царь многимъ не нравился. Уже самый въѣздъ его въ Москву въ сопровожденіи польской свиты произвелъ на москвичей невыгодное впечатлѣніе. Дальше стали замѣчать въ новомъ царѣ нѣкоторыя уклоненія отъ православнаго русскаго быта: послѣ царскаго вѣнчанія первымъ поздравилъ государя римско-католическій монахъ; поляки были всегда къ нему особенно близки. Наконецъ, въ Москвѣ стали говорить и о тайномъ договорѣ, заключенномъ имъ въ Польшѣ съ королемъ и римскимъ папой: по этому договору онъ, дѣйствительно, обѣщалъ подчинить православную Русскую церковь папѣ, а Польшѣ отдать Смоленскую и Черниговскую области. Но всего больше волновался въ Москвѣ народъ слухами о царской женитьбѣ. Самозванецъ рѣшилъ жениться на католичкѣ—Маринѣ Мнишекъ, дочери польскаго сенатора, который много помогалъ ему въ Польшѣ.

2-го мая 1606 года Марина, въ сопровожденіи отца и огромной Польской прекрасно вооруженной свиты, пріѣхала въ Москву, а черезъ недѣлю произошло ея вѣнчаніе съ Лжедимитріемъ и коронованіе по православному обряду; но Марина осталась католичкой—въ православіе она не перешла. Послѣднее особенно возмутило москвичей; а этимъ возмущеніемъ воспользовались князь Василій Шуйскій и другіе бояре, чтобы свергнуть ненавистнаго имъ Самозванца. Общее недовольство Русскихъ еще усилила наглость польскихъ пановъ, которые смотрѣли на себя, какъ на хозяевъ въ Москвѣ, и насмѣхались надъ москвичами, говоря: «Мы дали вамъ царя».

Въ ночь на 17 мая нѣсколько тысячъ войска, стоявшаго подъ Москвой, по приказанію князя Василія Шуйскаго и другихъ бояръ, были введены въ Москву, и съ ранняго утра въ Москвѣ началась рѣзня народа съ поляками. Во время этой рѣзни толпа бояръ и народа, предводимая Василіемъ Шуйскимъ, ворвалась въ Кремль и тамъ покончила съ Самозванцемъ. Такъ прекратилось одиннадцатимѣсячное правленіе Лжедимитрія.

Василій Шуйскій и усиленіе смуты.

Всѣхъ больше хотѣлось занять окровавленный уже дважды престолъ честолюбивому князю Василію Шуйскому. Его знатное происхожденіе — по прямой линіи отъ Св. Александра Невскаго и его смѣлость въ послѣдніе дни давали, правда, ему преимущество передъ другими боярами на занятіе престола; но онъ такъ хотѣлъ поскорѣе сдѣлаться Государемъ, что не сталъ дожидаться, какъ умный Годуновъ, земскаго собора, а принялъ уже 19 мая царскій вѣнецъ отъ боярской думы, будто-бы повинуясь крику народной толпы на Красной площади, которая желала видѣть его Царемъ. Такое поспѣшное избраніе Шуйскаго въ Цари ничего хорошаго не предвѣщало. Кромѣ того, чтобы угодить боярамъ, которые, главнымъ образомъ, и возвели его на престолъ, онъ далъ имъ клятвенное обѣщаніе, что онъ никого не будетъ предавать смерти, «не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими». Очевидно, Московская знать, посадившая Шуйскаго на престолъ, желала обезопасить себя отъ того, что она испытала при Годуновѣ. Но народъ не былъ доволенъ такимъ, хотя и слабымъ, ограниченіемъ власти Государя: онъ боялся боярскаго самовластія и въ шутку прозвалъ новаго Царя «полуцаремъ». И дѣйствительно, не Шуйскому было справиться съ тѣмъ тяжелымъ положеніемъ, въ какое попало Русское государство лѣтомъ 1606 года. Его вступленіе на престолъ еще усилило смуту.

Убіеніе Самозванца и выборъ новаго Царя произошли такъ быстро, что во многихъ городахъ, которые стали свыкаться уже съ правленіемъ Лжедимитрія, его смерти не повѣрили. Въ самой Москвѣ злонамѣренные люди уже черезъ нѣсколько дней послѣ убіенія Самозванца говорили, что Димитрій опять спасся отъ руки убійцъ. Внѣ Москвы слухъ объ этомъ принимался съ еще большимъ довѣріемъ, и прежде всего противъ Шуйскаго поднялись Сѣверскіе города;

которые первые и встали раньше за Самозванца. Во главѣ многочисленныхъ шаекъ, образовавшихся тамъ, сталъ бѣглый холопъ Болотниковъ, который хотѣлъ поднять всѣхъ бѣглыхъ холоповъ и всякихъ гулящихъ людей, не только противъ Царя Василія и бояръ, но и противъ служилыхъ и торговыхъ людей. Грабя и разоряя все на своемъ пути, шайки эти двинулись къ Москвѣ. Къ нимъ присоединились ополченія служилыхъ людей изъ Тулы и Рязани. Рязанскіе дворяне возмущены были тѣмъ, что Шуйскаго на престолъ посадила одна Москва, безъ совѣта съ другими городами. Во главѣ съ дворяниномъ Прокопіемъ Ляпуновымъ они шли возстановлять законный порядокъ, нарушенный Московскими боярами. Понятно, что холопы и дворяне имѣли совсѣмъ различныя желанія, и поэтому Ляпуновъ со своими рязанцами вскорѣ отсталъ «отъ воровства» (такъ въ то время называли всякую измѣну, всякое возмущеніе), билъ челомъ Царю Василію и получилъ прощеніе.

Между тѣмъ по городамъ Царь разсылалъ грамоты, гдѣ говорилось, что онъ по праву избранъ на царство, что Лжедимитрій былъ разстрига, истинный же Царевичъ Димитрій погибъ отъ руки Бориса въ Угличѣ. Однако такимъ грамотамъ народъ мало былъ склоненъ довѣрять: Василій Шуйскій совсѣмъ другое говорилъ въ годъ смерти Царевича Димитрія.

Тогда Царь Василій рѣшился на новую мѣру, которая должна была, по его мнѣнію, прекратить всѣ толки о томъ, что истинный Димитрій живъ. Уже нѣсколько лѣтъ гробъ съ останками Царевича въ Угличѣ привлекалъ благочестивыхъ людей, которые получали отъ него исцѣленія. Царь, посовѣтовавшись съ патріархомъ Гермогеномъ, рѣшилъ перенести мощи Царевича въ Москву. За ними въ Угличъ былъ посланъ митрополитъ Ростовскій Филаретъ. Во всѣхъ городахъ Св. мощи встрѣчали съ великимъ благоговѣніемъ. Въ Москвѣ онѣ были поставлены въ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ покоятся и понынѣ.

Въ ту пору шайки Болотникова подошли къ самой Москвѣ; городъ, по словамъ современниковъ, былъ «въ великомъ утѣсненіи». Но въ Москвѣ въ это время нѣкій благочестивый мужъ обнародовалъ посланіе о томъ, что онъ въ Успенской церкви видѣлъ Божію Матерь, умолявшую Спасителя пощадить Москву, если москвичи покаются. Жители наложили на себя строгій постъ съ 12 по 19 октября, и, дѣйствительно, вскорѣ явилась помощь изъ Смоленска и съ Сѣвера. Болотниковъ долженъ былъ бѣжать въ Тулу, гдѣ его осадили царскія войска. Благодаря военному искусству

Михаила Скопина-Шуйскаго, двоюроднаго племянника Царя, Тула была взята, Болотниковъ былъ отправленъ въ ссылку, гдѣ его утопили, а воры, бывшіе съ нимъ, или казнены, или разогнаны.

Казалось, государство могло теперь отдохнуть и успокоиться. Но освободились отъ одного врага—явился новый. Въ той же Сѣверской Украинѣ, въ городѣ Стародубѣ какой-то человѣкъ объявилъ себя спасшимся отъ смерти царемъ Димитріемъ. Этотъ второй Самозванецъ былъ уже такой явный обманщикъ, что почти никто ему не повѣрилъ; однако многіе къ нему пристали, или по ненависти къ Шуйскому, или изъ желанія погулять вволю и поживиться на чужой счетъ, среди всеобщаго развала.

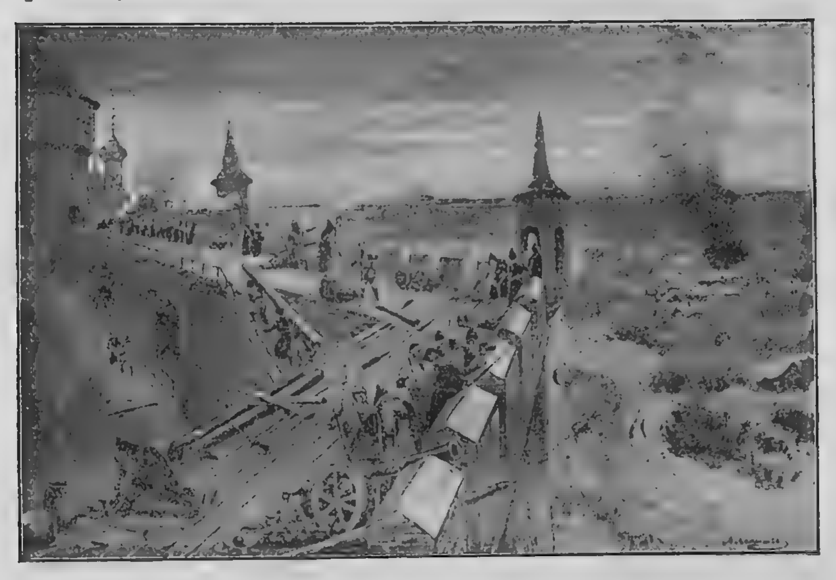
Ополченія новаго Самозванца, котораго попросту стали называть Воромъ, быстро росли по мѣрѣ приближенія ихъ къ Москвѣ. Однако взять Москву ему не удалось, но и Царю Василію не было возможности разбить Самозванца, который сталъ укрѣпленнымъ лагеремъ въ селѣ Тушинѣ, всего въ 12 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Москвы. Вскорѣ въ Тушино къ нему явилась значительная помощь: пришелъ изъ Литвы знатный панъ Янъ Сапѣга съ 7,000 поляковъ и казаковъ. Онъ привезъ и Марину съ отцомъ ея: ихъ Шуйскій отправилъ на родину съ другими поляками, но они попались въ руки казаковъ, сторонниковъ Вора. Марина забыла свою польскую гордость и согласилась признать безвѣстнаго бродягу своимъ мужемъ. Спустя нѣкоторое время, у Марины родился сынъ, котораго по отцу стали называть «Воренкомъ».

Многіе города, лежавшіе къ сѣверу отъ Москвы, не имѣя силъ сопротивляться Самозванцу, стали принимать воеводъ и начальниковъ отъ него. Въ самой Москвѣ нашлись князья и бояре, которые отъѣзжали въ Тушино, признавали Вора своимъ Государемъ, а затѣмъ, побывъ тамъ и получивъ помѣстья или деньги, опять возвращались въ Москву къ Царю Василію, били ему челомъ, говорили, что отстали отъ измѣны. Такихъ людей въ Москвѣ стали называть въ насмѣшку «перелетами».

Войска Тушинскаго Вора все росли, все новые и новые отряды поляковъ, казаковъ и русскихъ измѣнниковъ прибывали въ Тушинскій станъ. Прежде всего тушинцы рѣшили захватить Троице - Сергіевъ монастырь, который стоялъ на дорогѣ изъ Москвы въ сѣверные города, и въ концѣ сентября 1608 года 30,000 воровъ, казаковъ и поляковъ, подъ начальствомъ Яна Сапѣги и Лисовскаго, подошли къ стѣнамъ монастыря. Началась знамепитая осада святой обители. Въ ней было только нѣсколько сотъ человѣкъ воиновъ, подъ начальствомъ воеводъ князя Долго-

рукова и Голохвастова; но почти всѣ иноки и крестьяне, сбѣжавшіеся изъ окрестныхъ селъ въ монастырь, вооружились. Своимъ многочисленнымъ врагамъ эта горсть осажденныхъ противопоставила только свое мужество и надежду на Преподобнаго Сергія. Сапѣга поклялся, что не отойдетъ отъ обители, пока ея не возьметъ; но всѣ его усилія оказались напрасны.

Еще при началѣ осады архимандритъ Іоасафъ привелъ къ присягѣ у раки Преподобнаго всѣхъ защитниковъ. Первые десять

Осада Троице-Сергіева монастыря.

дней октября прошли въ непрерывномъ обстрѣливаніи стѣнъ и укрѣпленій монастыря, а въ ночь на 14 октября полупьяныя войска Сапѣги бросились на приступъ, но были быстро отбиты; еще нѣсколько разъ дѣлалъ Сапѣга ночные приступы, но, наконецъ, видя ихъ полную безполезность, принужденъ былъ прекратить нападенія. Тогда осажденные, въ свою очередь, начали дѣлать вылазки и захватили нѣсколько плѣнныхъ, которые разсказали, что подъ стѣны обители ведется подкопъ, но гдѣ,—никто долгое время не зналъ. Можно себѣ представить, въ какомъ состояніи находились иноки и защитники обители: они должны были каждую минуту ожидать, что взлетятъ на воздухъ!.. Однако они не теряли присут-

ствія духа и съ большимъ стараніемъ дѣлали вылазки. Наконецъ, удалось найти подкопъ, въ который уже были внесены бочки съ порохомъ. Два смѣльчака-крестьянина—Шиловъ и Слата—уничтожили подкопъ, взорвавши порохъ, и сами при этомъ погибли; но своей геройской смертью они избавили монастырь отъ страшной опасности.

Зимой Сапѣгѣ пришлось измѣнить способъ борьбы: приступы были прекращены. Но зато началось самое тѣсное обложеніе: даже выходить за дровами изъ монастыря въ сосѣдній лѣсъ приходилось со страшной опасностью—почти всегда при возвращеніи кого-нибудь не досчитывались. Вскорѣ къ недостатку дровъ прибавились болѣзни и сильная смертность: хоронили иногда до тридцати человѣкъ въ день. Но не ослабѣвалъ духъ славныхъ защитниковъ обители, хотя помощи они не получали ни откуда, если не считать 60 казаковъ, вѣрныхъ Царю, которыхъ прислалъ онъ въ февралѣ 1609 года.

Весной, совершенно истощенные осадой, воины и иноки должны были отбивать новые яростные приступы Сапѣги и Лисовскаго. Силы защитниковъ Сергіевой обители были ничтожны: способныхъ выйти въ бой было человѣкъ 200. Но они знали, что желанная помощь уже близка: 12 января 1610 года, узнавъ о приближеніи войска князя Скопина-Шуйскаго, Сапѣга снялъ осаду, а вскорѣ и самъ молодой витязь прибылъ въ монастырь и былъ торжественно встрѣченъ братіей. Такъ кончилась 16-ти-мѣсячная осада Троицкой обители, показавшей примѣръ всѣмъ Русскимъ людямъ, какъ надо защищать свою вѣру и родину.

Между тѣмъ Царь Василій, еще за годъ передъ этимъ, ищетъ вездѣ помощи и, наконецъ, не видя ничего лучшаго, рѣшаетъ обратиться къ Шведскому королю—недругу поляковъ, который съ неудовольствіемъ и безпокойствомъ смотрѣлъ на успѣхи ихъ въ Россіи. Для переговоровъ со шведами былъ посланъ племянникъ царскій князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, которому послѣ долгихъ усилій удалось нанять на службу Россіи шведскаго полководца Делагарди и 5,000 человѣкъ прекрасно вооруженнаго шведскаго войска. Москва обязывалась щедро платить шведскимъ солдатамъ и отдать еще шведамъ городъ Корелу съ уѣздомъ (нынѣ г. Кексгольмъ Выборгской губерніи). Вмѣстѣ со шведами и Русскими вѣрными войсками молодой полководецъ подъ Калязиномъ, у стѣнъ Макарьевскаго монастыря, встрѣтилъ главныя силы тушинцевъ и поляковъ и нанесъ имъ жестокое пораженіе. Послѣ этого многіе сѣверные и поволжскіе города, присягнувшіе

Вору, стали отъ него отпадать. Въ сѣверномъ, особенно крестьянскомъ, населеніи со всей силой сказалась его всегдашняя любовь къ вѣрѣ православной и законному Царю. Оно увеличило ряды войска, шедшаго на выручку Москвы. Скопинъ-Шуйскій, сдѣлавшійся благодаря своимъ побѣдамъ сразу народнымъ любимцемъ, освободивъ отъ осады Троицкую обитель, двинулся на помощь къ Москвѣ, желая уничтожить Вора въ Тушинѣ. Но когда прославленный побѣдами герой въ январѣ 1610 года подошелъ къ Тушину, то тамъ уже никого не было. Тушинскій лагерь незадолго передъ тѣмъ распался. Произошло это вслѣдствіе вмѣшательства въ Русскую смуту Польскаго короля Сигизмунда. Уже съ первымъ Самозванцемъ явилось немало поляковъ; второго Самозванца поляки окружають въ гораздо большемъ числѣ. По всему государству разлетѣлось много этихъ хищниковъ, которые, подъ предлогомъ «стоянія за царя Димитрія», грабили и били Русскихъ людей. Видя теперь, что Русское государство уже достаточно разорено и не сможетъ оказать большого сопротивленія, Сигизмундъ, придравшись къ союзу Царя Василія со шведами, объявилъ ему войну и осадилъ Смоленскъ. На предложеніе сдаться воевода Шеинъ со всѣми воинами и горожанами отвѣтилъ королю, что «они за истинную православную вѣру и Божьи церкви и государя своего Царя Василія рѣшили всѣмъ помереть, а Литовскому королю и панамъ его отнюдь не поклониться». Королю пришлось послѣ этого начать упорную осаду Смоленска. Войска, пришедшаго съ Сигизмундомъ, было однако мало, поэтому король приказываетъ всѣмъ полякамъ, сражающимся за Вора, идти къ нему подъ Смоленскъ. Большая часть польскихъ отрядовъ оставила Тушино, передъ уходомъ зажегши всѣ его зданія. Самъ Воръ Тушинскій незадолго передъ тѣмъ, видя, какъ пренебрежительно относятся къ нему поляки, бѣжалъ съ казаками въ Калугу. Часть русскихъ его сторонниковъ вернулась въ Москву къ Царю Василію. Съ ними вмѣстѣ возвратился и митрополитъ Ростовскій Филаретъ, котораго воры захватили въ Ростовѣ и насильно задерживали въ своемъ лагерѣ.

Но не всѣ сторонники Вора ушли въ Москву. Часть ихъ, во главѣ съ Михаиломъ Салтыковымъ и Ѳеодоромъ Андроновымъ, уѣхала вмѣстѣ съ поляками въ лагерь къ Сигизмунду. Здѣсь эти измѣнники предложили королю посадить на Русскій престолъ его сына Владислава, причемъ они даже не требовали отъ королевича принятія православія.

Вотъ почему, когда князь Скопинъ-Шуйскій подходилъ къ Москвѣ, то уже никого не было въ Тушинѣ. 12 марта 1610 года

молодой вождь вступилъ въ Москву, какъ ея желанный освободитель. На него народъ смотрѣлъ, какъ на будущаго Царя, такъ какъ у Василія не было сыновей. Но многіе знатные бояре, а особенно братъ Царя Димитрій, втайнѣ завидовали герою и ненавидѣли его.

На крестинномъ пиру у князя Воротынскаго—кума Михаила, жена Димитрія Шуйскаго поднесла ему кубокъ съ виномъ, въ которомъ была, вѣроятно, отрава, такъ какъ черезъ нѣсколько минутъ славный воевода почувствовалъ себя дурно, былъ отвезенъ домой и, промучившись нѣсколько дней, скончался. Горе народа было безутѣшно. По общей просьбѣ, безвременно погибшаго витязя похоронили рядомъ съ царями Московскими въ Архангельскомъ соборѣ, отпѣвалъ и хоронилъ его самъ патріархъ Гермогенъ. Горько всѣ рыдали въ соборѣ, плакалъ и Царь Василій, какъ-бы сознававшій, что порвалась послѣдняя нить, связывавшая его съ народомъ. Какъ хорошо и долго помнятъ русскіе люди молодого князя-героя, видно изъ пѣсни, до сихъ поръ сохранившейся на Сѣверѣ объ его смерти. Въ пѣснѣ этой говорится, что «Скопинъ очистилъ царство Московское и великое государство Россійское, за что и славу поютъ ему до вѣку».

Государство на краю гибели. Поляки въ Москвѣ.

Въ то самое время, какъ въ Москвѣ умиралъ Скопинъ-Шуйскій, отъ Смоленска къ Москвѣ приближалось польское войско подъ начальствомъ искуснаго польскаго гетмана Жолкевскаго; царское войско, высланное навстрѣчу гетману подъ начальствомъ неспособнаго и всѣми нелюбимаго Димитрія Шуйскаго, было имъ наголову разбито при деревнѣ Клушинѣ. Черезъ нѣсколько дней Жолкевскій, усилившій свое войско русскими отрядами, присягнувшими королевичу Владиславу, подошелъ къ Можайску и здѣсь сталъ ожидать дальнѣйшихъ событій.

Вѣсть о Клушинскомъ дѣлѣ повергла москвичей въ полное отчаяніе. Бѣдствія увеличились еще оттого, что Воръ, сидѣвшій въ Калугѣ, осмѣлѣлъ и со своими шайками, подойдя къ самой Москвѣ, занялъ село Коломенское. Тогда сильная нелюбовь народа къ Шуйскому проявилась открыто: чернь московская, руководимая Захаромъ Ляпуновымъ и княземъ Василіемъ Голицынымъ, который самъ мечталъ о коронѣ, съ буйствомъ ворвалась 17 іюля 1610 года во дворецъ и увезла несчастнаго Василія въ его боярскій

домъ, гдѣ черезъ нѣсколько дней его насильно постригли въ монахи. Напрасно патріархъ Гермогенъ и другіе благоразумные люди противились этому, говоря, что какъ ни худъ Царь Василій, а безъ него Москвѣ станетъ еще хуже: ихъ не хотѣли слушать, а Ляпуновъ и его приспѣшники, по словамъ лѣтописца, «лаяли на самого патріарха».

Послѣ сверженія Шуйскаго власть перешла въ руки боярской думы, во главѣ которой стоялъ князь Мстиславскій. Москвѣ надо было спѣшить съ избраніемъ Государя. Патріархъ предложилъ избрать князя Василія Голицына или сына митрополита Филарета—Михаила Ѳеодоровича Романова. Такъ впервые произнесено было это великое имя устами святѣйшаго патріарха, будущаго мученика за родину! Однако предложеніе патріарха не встрѣтило сочувствія. Чернь, желавшая съ водвореніемъ Самозванца заняться въ самой Москвѣ грабежомъ и разбоемъ, высказывалась въ пользу Вора; но гнусное самозванство его было настолько извѣстно, и на Москвѣ такъ сильно боялись грабежа, что боярская дума, а вслѣдъ за ней и московское населеніе поспѣшили избрать на престолъ королевича Владислава. О полной свободѣ выбора въ то время не могло быть и рѣчи: поляки всюду рыскали по Руси, а гетманъ Жолкевскій стоялъ въ Можайскѣ. Къ гетману, двинувшемуся къ самой Москвѣ, были высланы послы, которые съ нимъ и заключили договоръ; въ переговорахъ принималъ участіе и измѣнникъ Михайло Салтыковъ. На этотъ разъ въ договорѣ было поставлено требованіе о принятіи Владиславомъ православія: только подъ этимъ условіемъ патріархъ согласился допустить цѣловать крестъ королевичу. Тушинскій Воръ, угрожаемый тогда и со стороны москвичей, и отъ Жолкевскаго, опять ушелъ въ Калугу. Въ Москвѣ же, по совѣту гетмана, дѣятельно принялись за составленіе великаго посольства къ королю подъ Смоленскъ, чтобы просить у него поскорѣе отпустить королевича. Во главѣ посольства, по совѣту хитраго Жолкевскаго, были поставлены митрополитъ Филаретъ и князь Голицынъ, какъ наиболѣе опасные люди для Владислава. Въ Москвѣ великимъ посламъ даны были подробные наказы, что и какъ говорить и отвѣчать королю.

Въ день отправленія великаго посольства патріархъ въ Успенскомъ соборѣ отслужилъ обѣдню и затѣмъ обратился къ посламъ съ рѣчью, убѣждая ихъ стоять за православіе; отвѣчалъ Гермогену отъ лица всѣхъ пословъ митрополитъ Филаретъ, который поклялся, что они ничего не уступятъ королю изъ того, что сказано въ договорѣ.

Послы уѣхали, а Жолкевскій успѣлъ убѣдить Московскихъ бояръ, что для безопасности столицы отъ Вора нужно ввести туда польскія войска. Бояре, не смотря на несогласіе патріарха и народа, въ ночь на 21 сентября открыли ворота, и поляки заняли Кремль, Китай-городъ и другія важнѣйшія мѣста.

Вотъ къ чему привела присяга королевичу: вмѣсто православнаго Государя москвичи увидѣли въ столицѣ польскаго военачальника и наглую польскую шляхту и пановъ.

Пока былъ еще въ Москвѣ Жолкевскій, онъ сдерживалъ безчинства поляковъ, но вскорѣ онъ уѣхалъ, захвативъ съ собою на пути, въ Волокламскомъ монастырѣ, вопреки договору, несчастнаго бывшаго царя Василія съ братьями. Въ Москвѣ начальникомъ польскаго войска вмѣсто него остался панъ Гонсевскій. Съ отъѣздомъ гетмана для Москвы наступило самое бѣдственное время.

Переговоры великихъ пословъ съ королемъ затягивались. Принятые сначала съ почетомъ, послы очутились потомъ въ положеніи плѣнниковъ. Многіе члены посольства не выдержали, цѣловали, по требованію поляковъ, крестъ самому Сигизмунду, а не его сыну, и, получивъ отъ короля милостивыя грамоты и подарки, отъѣзжали домой. Но не такъ поступили митрополитъ Филаретъ и князь Голицынъ: съ твердостью переносили они всѣ лишенія и ни за что не соглашались отступить отъ договора, подписаннаго Жолкевскимъ, а тѣмъ болѣе признать Царемъ самого Сигизмунда. Стойкость этихъ пословъ вызываетъ невольно благоговѣйное уваженіе къ нимъ: ихъ держали въ палаткахъ, раскинутыхъ на болотѣ, отчего они болѣли, имъ не давали необходимаго пропитанія и настаивали на томъ, чтобы они написали Шеину сдать Смоленскъ. Но Филаретъ отвѣтилъ, что они никогда этого не сдѣлаютъ. Такимъ же твердымъ человѣкомъ оказался и воевода Шеинъ. Никакія угрозы польскихъ пановъ не могли его заставить сдать твердыню Смоленска.

Когда сѣверные и поволжскіе города узнали о захватѣ Москвы поляками и о присягѣ Владиславу, то, при всемъ отвращеніи своемъ къ сидѣвшему въ Калугѣ Вору, нѣкоторые изъ нихъ стали присягать ему, а не Владиславу, не желая видѣть поляка на Русскомъ престолѣ. Но въ то самое время, какъ на сѣверѣ присягали Самозванцу, онъ былъ убитъ однимъ крещенымъ татариномъ, и сама Калуга вскорѣ присягнула королевичу.

Со смертью Вора Русскіе люди, вѣрные своей родинѣ, избавились отъ большой опасности, и многіе изъ нихъ пожалѣли теперь, что такъ быстро признали Владислава, особенно, когда они уви-

дѣли, что въ Москвѣ всѣми государственными дѣлами заправляетъ панъ Гонсевскій. Въ то же время они не могли не видѣть, что бѣдствія государства достигли крайнихъ предѣловъ. Всюду бродили шайки казаковъ, поляковъ и своихъ воровъ, которые грабили, убивали, насильничали; при этомъ свои воры и разбойники проявляли какую-то особенную жестокость, даже поляки имъ удивлялись. На Волгѣ возстали почти всѣ инородцы: черемисы, мордва, татары. Сѣверъ захватывали шведскіе отряды. Словомъ, не было въ несчастной Россіи мѣста, гдѣ можно было бы жить въ безопасности. Многимъ Русскимъ людямъ казалось, что спасенія уже нѣтъ, что государство гибнетъ. Появляется и ходитъ по рукамъ сочиненіе: «Плачъ о плѣненіи и конечномъ разореніи Московскаго государства». Въ яркихъ красках описывая бѣдствія родины, составитель плача восклицаетъ: «Горе, горе. Увы, увы. Великая злоба содѣяся и многомятежная буря воздвижеся, рѣки крови истекоша». Но не всѣ приходили въ такое мрачное отчаяніе. Въ другомъ сочиненіи, написанномъ въ томъ же 1610 году,—«Новой повѣсти о преславномъ Россійскомъ Царствѣ», восхваляется стойкость великихъ пословъ, особенно митрополита Филарета, и защитниковъ Смоленска. Составитель повѣсти совѣтуетъ всѣмъ подражать имъ, клеймитъ безбожныхъ измѣнниковъ Михайлу Салтыкова и Ѳедьку Андронова и призываетъ Русскихъ людей «лучше славно умереть, нежели безчестно и горько жить».

Патріархъ Гермогенъ.

Во главѣ людей, еще не отчаявшихся въ спасеніи государства, всталъ святѣйшій патріархъ Гермогенъ, человѣкъ твердой воли и строгихъ нравственныхъ правилъ, хорошо умѣвшій владѣть перомъ и словомъ. Еще будучи митрополитомъ Казанскимъ, онъ составилъ прекрасное сказаніе о явленіи Казанской чудотворной иконы Божіей Матери. Патріархъ видѣлъ, что Сигизмундъ вовсе

не хочетъ отпускать сына, а самъ желаетъ занять престолъ. Онъ рѣшилъ, что медлить нельзя, и началъ разсылать по городамъ грамоты, разрѣшая народъ отъ присяги Владиславу и призывая его присылать ратныхъ людей для защиты православной вѣры и святынь московскихъ. Русскіе измѣнники донесли о грамотахъ патріарха Гонсевскому, тогда поляки окружили Гермогена стражей и отняли отъ него даже перо и бумагу. Между тѣмъ разные города, получивъ грамоты патріарха и узнавъ о «великомъ утѣсненіи» Москвы отъ поляковъ, пересылаются между собою грамотами и сами другъ друга призываютъ на борьбу съ поляками и ворами.

Первыми на призывъ патріарха откликнулись рязанцы, во главѣ съ пылкимъ ихъ воеводой Прокопіемъ Ляпуновымъ, который самъ не разъ былъ раньше зачинщикомъ смутъ, но теперь все готовъ былъ сдѣлать для спасенія родины. Въ мартѣ 1611 г., вмѣстѣ съ многочисленнымъ ополченіемъ изъ разныхъ городовъ, онъ подходилъ уже къ Москвѣ, гдѣ враждебныя отношенія между жителями и поляками достигли крайнихъ предѣловъ. Москвичи открыто ругали короля, называя его «старой собакой», а королевича «щенкомъ», а 19 марта, когда передовой отрядъ земскаго ополченія, подъ начальствомъ князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, входилъ въ Москву и занималъ Срѣтенку, въ Москвѣ загудѣли колокола, и москвичи единодушно поднялись противъ поляковъ. Но они, по совѣту измѣнника Салтыкова, подожгли въ разныхъ мѣстахъ столицу, а сами укрылись за стѣнами Кремля и Китай-города. Въ теченіе трехъ дней пылала Москва—выгорѣло все Замоскворѣчье и такъ называемые Бѣлый и Деревянный города. Поляки захватили на пепелищѣ множество золота и драгоцѣнностей, но мало позаботились о съѣстныхъ припасахъ. Главныя силы Ляпунова застали только груды дымящихся развалинъ и множество заражавшихъ воимъ гніеніемъ воздухъ труповъ людей и животныхъ. Началась осада Русскими людьми попавшихъ въ руки враговъ Кремля и Китай-города.

Въ то время какъ Ляпуновъ, подкрѣпленный многочисленными отрядами казаковъ во главѣ съ атаманомъ Заруцкимъ, который послѣ смерти Вора пожелалъ служить общерусскому дѣлу, мужественно сражался съ поляками, на Россію обрушилось новое бѣдствіе: палъ Смоленскъ. Сигизмундъ, видя, что съ митрополитомъ Филаретомъ не сговоришься, отправилъ его и другихъ пословъ, согласныхъ съ нимъ, плѣнниками въ Польшу. Русское войско въ Смоленскѣ было изнурено голодомъ и цынгой, но Шеинъ не хотѣлъ и слышать о сдачѣ. Измѣна помогла королю: сквозь проби-

тую въ стѣнѣ брешь въ мѣстѣ, указанномъ измѣнникомъ, поляки ворвались въ городъ. Многіе смольняне заперлись въ соборномъ храмѣ Богородицы, не желая сдаваться, подожгли бывшій въ подвалѣ порохъ и вмѣстѣ съ храмомъ взлетѣли на воздухъ. Шеинъ оборонялся со своей семьей въ одной башнѣ, и весь израненный былъ взятъ въ плѣнъ.

Тогда же, благодаря измѣнѣ, взятъ былъ и Новгородъ шведами. Въ Псковѣ явился третій Самозванецъ. Бѣдствія увеличивались еще тѣмъ, что въ земскомъ ополченіи, собравшемся подъ Москвой, начались раздоры. Казаки Заруцкаго не ладили съ земскими людьми; особенно ненавидѣли они Ляпунова. Пригласивъ для какого-то объясненія мужественнаго воеводу къ себѣ въ казачій кругъ, они его измѣннически убили. Послѣ гибели Ляпунова большинство служилыхъ людей разъѣхалось; подъ Москвой остались только казаки съ Заруцкимъ, да прежніе сторонники Вора во главѣ съ княземъ Трубецкимъ, которые лѣниво продолжали осаду Москвы, а больше занимались разбоемъ и грабежомъ.

Въ Русскомъ государствѣ не было не только Царя, какъ послѣ сверженія Шуйскаго, но не оказалось ни одного человѣка, которому бы можно было подчиняться. Не Заруцкаго же и его воровъ было считать правителями государства! Все, казалось, рушилось, не откуда уже было болѣе искать помощи; но Божій Промыселъ незримо хранилъ Русскій народъ, которому предстояло великое будущее. Всѣ потерялись, но не потерялся одинъ, которому всѣхъ было хуже: это былъ великій духомъ патріархъ Гермогенъ. Захваченный поляками въ Кремлѣ и заточенный въ тѣсномъ заключеніи, онъ, не смотря на бдительность стражи, находилъ возможность, главнымъ образомъ благодаря двумъ смѣлымъ нижегородцамъ, сноситься съ Русскими городами. Онъ снова шлетъ въ города грамоту, въ которой проситъ неуклонно стоять за православную вѣру противъ ляховъ, да и противъ казаковъ, которые, какъ онъ слышалъ, хотятъ поставить въ цари «Воренка»—сына Марины и Вора. Чтобы окончательно отрѣзать для старца—патріарха сношенія съ внѣшнимъ міромъ, поляки и Салтыковъ посадили его въ каменный подвалъ въ Чудовомъ монастырѣ и тамъ уморили его голодомъ.

Но смерть подвижника-патріарха за Вѣру и Родину не пропала даромъ; мученическая кончина его еще болѣе усилила новое народное движеніе, которое привело въ концѣ концовъ къ спасенію Русскаго царства.

Нижегородское земское ополченіе и избраніе въ Цари Михаила Θеодоровича Романова.

Послѣднее посланіе патріарха было обращено главнымъ образомъ къ Нижнему-Новгороду. Во всю предшествующую смуту нижегородцы проявили удивительную стойкость: они ни разу не пристали къ Вору и до послѣдней минуты стояли за Царя Василія. Теперь патріархъ проситъ ихъ писать въ Вологду и въ Казань, чтобы тамъ не присягали Маринкину сыну. Въ концѣ грамоты Гермогенъ восхвалялъ нижегородцевъ и писалъ: «А вамъ всѣмъ отъ насъ благословеніе и разрѣшеніе въ семъ вѣцѣ и будущемъ, что стоите за вѣру неподвижно, а я долженъ за васъ Бога молити».

Патріархъ не ошибся въ нижегородцахъ: въ августѣ 1611 года жители Нижняго получили грамоту его, а уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Нижнемъ, по почину великаго гражданина Минина, готова была новая рать для освобожденія Москвы отъ враговъ.

Въ настоящее время въ Нижегородскомъ Спасо-Преображенскомъ соборѣ, съ лѣвой стороны, находится гробница съ сѣнью изъ чернаго мрамора: здѣсь рядомъ съ древними нижегородскими князьями и святителями покоится прахъ простого мясного торговца нижегородскаго—Кузьмы Минина Сухорука. И не даромъ погребенъ онъ на такомъ почетномъ мѣстѣ: много ему обязано Русское государство своимъ спасеніемъ въ годину лихолѣтія, онъ началъ то народное движеніе, которое привело къ избранію въ Цари Михаила Θеодоровича Романова.

召Мининъ пользовался глубокимъ уваженіемъ со стороны своихъ согражданъ и былъ выбранъ ими земскимъ старостой. Онъ уже давно болѣлъ душой о бѣдствіяхъ родины. Грамота патріарха окончательно показала Минину, что отечеству мало однихъ сокрушеній и словъ, что ему нужно дѣло, нужна работа. Созвавъ совѣщаніе главныхъ представителей Нижегородской торговой общины въ земской избѣ, Мининъ предложилъ прежде всего найти денежныя средства для новаго ополченія. По общему приговору нижегородцы рѣшили сдѣлать сборъ «пятой деньги», т. е. взять пятую часть имущества каждаго; кромѣ того они постановили во всемъ Кузьму слушаться и «приговоръ ему на себя дали». Такъ было начато великое дѣло.

Черезъ два мѣсяца въ Нижній пришла грамота отъ Троице-Сергіева монастыря. Въ началѣ грамоты иноки обители яркими

чертами изображали бѣдствія государства: «поляки съ измѣнниками нашими безчисленную христіанскую кровь пролили, святыя Божьи Церкви разорили и осквернили, а твердаго адаманта, святѣйшаго патріарха Гермогена съ престола низвергнули и въ тѣсное заключеніе затворили». Въ концѣ своего посланія архимандритъ Діонисій съ братіей умоляли поспѣшить на спасеніе Москвы отъ поляковъ. Грамота была прочитана торжественно въ Спасскомъ соборѣ протопопомъ Саввою, который горячо призывалъ молящихся идти на «заступленіе многоцѣлебныхъ мощей московскихъ чудотворцевъ». Послѣ молебствія, когда толпа выходила изъ собора, къ ней здѣсь же, на соборной площади, обратился съ своей знаменитой рѣчью Мининъ. Онъ говорилъ, что, если понадобится, Русскіе люди не только должны пожитки и дворы свои продавать, но должны быть готовы заложить и женъ и дѣтей своихъ для спасенія государства. Послѣ рѣчи Минина снова на площади народъ молился во главѣ съ архимандритомъ Нижегородскаго Печерскаго монастыря Ѳеодосіемъ, и всѣ молитвы сливались въ одну: «да спасетъ Господь Царство Русское». Ранѣе всего Кузьма Мининъ совѣтовалъ избрать опытнаго воеводу. Нижегородцы съ нимъ немедленно согласились. Однако найти хорошаго воеводу было не легко — мало было найти витязя храбраго и опытнаго, нуженъ былъ еще мужъ искренній, твердый, ни разу не запятнавшій себя какой-нибудь измѣной. Такого человѣка нижегородцы нашли въ лицѣ князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, который служилъ сначала законному Царю Шуйскому, а потомъ сражался въ земскомъ ополченіи Ляпунова. Пожарскій ни разу не склонился, какъ другіе, въ пользу Вора или короля Польскаго. Онъ принялъ предложеніе нижегородскихъ пословъ и сказалъ, что «радъ страдать до смерти за вѣру православную».

Казны военной было собрано много; были люди, которые не то-что пятую часть своего имущества давали, а отдавали все, что имѣли, а сами становились въ ряды войска. Князь Пожарскій предложилъ нижегородцамъ и жителямъ другихъ городовъ выбрать для завѣдыванія казной особаго надежнаго гражданина. Всѣ единогласно выбрали Минина.

Слухъ о новомъ земскомъ ополченіи быстро распространяется въ разныхъ городахъ. Раньше другихъ вступаютъ въ ополченіе служилые люди изъ Смоленска, Вязьмы и Дорогобужа, спасшіеся переселеніемъ въ Нижегородскую область отъ польскаго плѣна. Затѣмъ подошли ратные люди разныхъ поволжскихъ городовъ, а также Коломны, Рязани, Вологды и другихъ.

Въ началѣ марта 1612 года Пожарскій могъ уже двинуться изъ Нижняго. Какъ разъ въ это время ополченіе узнало о мученической кончинѣ патріарха Гермогена. Среди воиновъ передавались слова патріарха, сказанныя имъ измѣннику Салтыкову въ отвѣтъ на предложеніе написать, чтобы нижегородцы не шли къ Москвѣ: «Да будутъ, говорилъ старецъ, благословенны тѣ, кои идутъ на очищеніе Московскаго государства, а вы, окаянные измѣнники, будьте прокляты».

Князь Пожарскій пошелъ къ Москвѣ не прямой дорогой, а двинулся сначала черезъ Юрьевецъ-Повольскій, Кинешму и Кострому на Ярославль, для того, чтобы взять съ собою ополченія изъ этихъ городовъ, а также, чтобы очистить среднее Поволжье отъ шаекъ казаковъ и поляковъ. Въ Ярославлѣ земское ополченіе задержалось надолго: надо было устроить войско и образовать совѣтъ всей земли для управленія дѣлами.

Стоявшіе подъ Москвой князь Трубецкой и атаманъ Заруцкій усиленно звали ополченіе къ Москвѣ, но земскіе люди въ Ярославлѣ поговаривали, что казаки подъ Москвой хотятъ убить Пожарскаго такъ же, какъ убили Ляпунова.

Только послѣ того, какъ въ Ярославль пріѣхалъ келарь Троице-Сергіева монастыря Авраамій и сталъ убѣждать отъ лица архимандрита Діонисія и всей братіи поспѣшить, князь Пожарскій и Мининъ выступили въ походъ. Однако опасенія земскаго ополченія оказались вѣрными: передъ самымъ выходомъ ополченія, во время осмотра его княземъ Пожарскимъ, на него было произведено покушеніе, къ счастью неудавшееся. Предатель, хотѣвшій ударить князя ножемъ, передъ смертью показалъ, что его подослалъ Заруцкій. Послѣдній, узнавъ, что его гнусный замыселъ не удался, ушелъ съ нѣкоторыми казаками изъ-подъ Москвы, объявивъ себя за Воренка—сына Марины. Подъ Москвою оставались только тѣ казаки, которые хотѣли помочь общему Русскому дѣлу. Однако полнаго согласія между ними и ополченіемъ Пожарскаго не было. Князь и Мининъ мало довѣряли казакамъ, которые еще такъ недавно стояли за Вора. Положеніе подъ Москвой стало весьма труднымъ: къ полякамъ, сидѣвшимъ въ осадѣ, приближался на помощь литовскій гетманъ Ходкевичъ. Когда гетманъ попытался проникнуть въ Москву, земское ополченіе храбро его встрѣтило, но лучше вооруженные поляки начали уже тѣснить нашихъ. Исходъ битвы могъ бы быть очень печальный, но войско изъ бѣды выручили Мининъ, который съ коннымъ нижегородскимъ полкомъ врѣзался въ середину враговъ, и казаки. Они вначалѣ издали смотрѣли на

битву, не принимая въ ней участія; но увѣщанія келаря Аврамія пробудили и въ нихъ любовь къ родинѣ, и съ крикомъ «Сергій Преподобный!» казаки бросились на поляковъ. Послѣдніе были отбиты, даже обозъ Ходкевича достался побѣдителямъ. На другой день онъ совсѣмъ ушелъ отъ Москвы.

Въ Китай-городѣ и Кремлѣ, гдѣ сидѣли поляки и русскіе измѣнники, насталъ сильный голодъ. Сначала страшно подорожали всѣ съѣстные припасы (за корову платили 600 рублей, за кошку 8 рублей). Когда все, что можно было ѣсть, было съѣдено, начали ѣсть трупы животныхъ, а потомъ перешли и на трупы человѣческіе. Напослѣдокъ начали убивать для ѣды и другъ друга.

16 сентября князь Пожарскій писалъ полякамъ, что дольше сопротивляться имъ не стоитъ. Въ отвѣтъ на это предложеніе, польскіе начальники прислали гордое и надменное письмо, гдѣ позволили себѣ нагло издѣваться надъ Русскимъ войскомъ и Русскимъ народомъ; но уже черезъ нѣсколько недѣль полякамъ пришлось сильно пожалѣть о своемъ хвастливомъ и дерзкомъ отвѣтѣ: 22 октября Русскіе взяли приступомъ Китай-городъ, а черезъ четыре дня поляки должны были сдать и самый Кремль.

Великая Русская столица—Бѣлокаменная Москва—снова принадлежала Русскому народу.

Когда суровые воеводы и воины, придя на Лобное мѣсто, увидали вышедшій изъ Кремля крестный ходъ и епископа, несшаго Владимірскую чудотворную икону Божіей Матери, которой уже не чаяли никогда видѣть, они, по словамъ современника, «слезъ источники источиша и облабызаху Святую икону сію». Послѣ молебствія на Лобномъ мѣстѣ, князья Пожарскій и Трубецкой, вмѣстѣ со всѣмъ ополченіемъ, вошли въ Кремль, который представлялъ самую печальную картину разоренія: поляки, сидя тамъ, оскверняли церкви, разсѣкали образа Христа и Богоматери, переворачивали престолы.

Какъ только привели хоть немного въ порядокъ кремлевскія святыни, Русскіе люди стали думать о самомъ важномъ и неотложномъ дѣлѣ—объ избраніи Царя. Измученные годами смуты они единодушно признавали, что теперь нужно выбрать такого Царя, передъ которымъ бы всѣ могли единодушно преклониться. Готовились къ избранію Государя съ глубокимъ благоговѣніемъ: во всѣ города было послано отъ освященнаго собора предложеніе всѣмъ православнымъ поститься три дня и молить Бога даровать Россіи Царя и благополучіе и миръ всему государству. Послѣ того изъ Москвы было велѣно присылать изо всѣхъ городовъ «выбор-

ныхъ, лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей для земскаго совѣта и для царскаго избранія». Такъ собрался въ Москвѣ въ самомъ началѣ 1613 года Великій Земскій Соборъ, которому и предстояло избрать Государя. На этомъ соборѣ находились выборные представители отъ всѣхъ сословій Русскаго народа, въ томъ числѣ и отъ крестьянскаго и отъ казачьяго. Земскій соборъ этотъ, прежде всего, постановилъ, чтобы отнюдь не выбирать Воренка—сына Марины или какого-нибудь иностраннаго принца, а выбрать изъ Русскихъ великихъ боярскихъ родовъ. Затѣмъ, всѣ жители Москвы и всѣ выборные отъ другихъ городовъ, разныхъ чиновъ люди, послѣ долгаго обсужденія, 7 февраля, единодушно рѣшили быть Царемъ Русскимъ двоюродному племяннику послѣдняго Государя изъ дома Рюрика Михаилу Ѳеодоровичу Романову. Не только земскіе люди всякихъ чиновъ, но и казаки рѣшительно и радостно стали за него. Всѣ знали государственныя заслуги его предковъ, начиная съ первыхъ дней Москвы, хорошо помнили страданія всей семьи Романовыхъ при Годуновѣ и особенно Филарета Никитича подъ Смоленскомъ и въ польскомъ плѣну и бѣдственную жизнь самого юноши Михаила въ Москвѣ, когда тамъ сидѣли поляки, которые держали его съ матерью, какъ плѣнника.

Однако окончательное торжественное избраніе отложили на двѣ недѣли, чтобы за это время послать въ ближайшіе къ Москвѣ города вѣрныхъ и богобоязныхъ людей, дабы они свѣдали, кого желаетъ народъ въ Государи. Черезъ двѣ недѣли посланные вернулись въ Москву и доложили собору, что у всѣхъ Русскихъ людей одна общая мысль: быть Царемъ Михаилу Ѳеодоровичу Романову, а кромѣ него никого не хотятъ.

Въ недѣлю Православія, 21 февраля, въ Успенскомъ соборѣ послѣ торжественнаго молебна всѣ выборные люди, отъ знатнаго боярина до простого крестьянина и казака, единогласно избрали Царемъ своимъ Михаила: «да приметъ онъ, говорилось въ избирательной грамотѣ, подписанной участниками собора, скипетръ Россійскаго Царства для утвержденія истинныя нашея православныя вѣры, и чтобы Господь Богъ Его Государскимъ призрѣньемъ во всемъ Московскомъ Государствѣ расточенные и разоренные исправилъ и во едино благочестіе совокупилъ и междоусобіе утолилъ и вся благая Московскому Государству устроилъ».

Тутъ же, въ Успенскомъ соборѣ, выборные цѣловали крестъ Россійскому Самодержцу. Но въ Москвѣ его въ то время не было: старица Марѳа, освободившись отъ польскаго плѣна въ

Московскомъ Кремлѣ, уѣхала съ сыномъ въ свои вотчины около Костромы и, помолившись въ нѣсколькихъ монастыряхъ, проживала въ селѣ Домнинѣ, въ 70 верстахъ отъ Костромы, думая здѣсь укрыться отъ всякой опасности. Но польскія и казацкія измѣнническія шайки все еще продолжали рыскать въ приволжскихъ областяхъ, и вотъ одна такая польская шайка остановилась въ поселкѣ Деревнищахъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Домнина и, желая извести соперника Владиславу, приказала старостѣ

Смерть Сусанина.

деревни Ивану Сусанину вести ее къ Михаилу. Сусанинъ, догадавшись о замыслѣ поляковъ, успѣлъ послать гонца къ инокинѣ Мареѣ и Царю Михаилу, чтобы тѣ спасались за крѣпкими стѣнами Ипатьевскаго Костромского монастыря, а самъ повелъ шайку поляковъ по разнымъ окольнымъ дорогамъ, а затѣмъ, заведя ихъ въ лѣса и болота и увѣрившись по времени, что Царь теперь уже въ безопасности, открылъ полякамъ истину. Тѣ звѣрски его умертвили. Такъ честно умеръ крестьянинъ Сусанинъ за своего Государя, показавъ примѣръ доблести всѣмъ Русскимъ людямъ на вѣчныя времена!

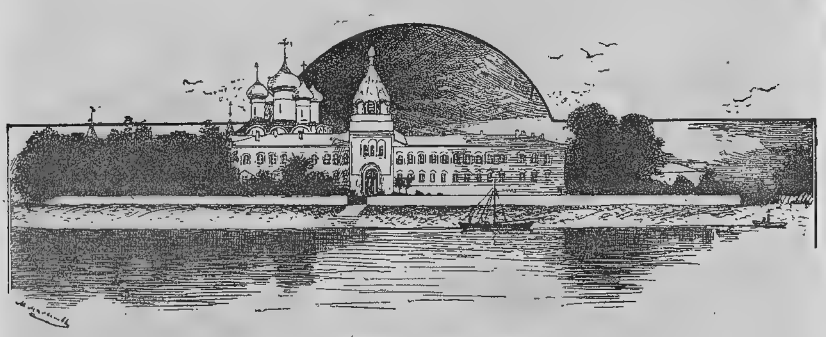
Инокиня Мареа и Михаилъ проживали въ Ипатьевскомъ монастырѣ, когда въ Кострому прибыло торжественное посольство отъ земскаго собора просить Михаила Θеодоровича на царство. Когда посольство 14-го марта явилось, въ сопровожденіи крестнаго хода, въ Ипатьевскій монастырь, Мареа съ гнѣвомъ говорила главнымъ посламъ—Рязанскому архіепископу Θеодориту и боярину Θедору Шереметеву, что русскіе люди измалодушествовались, въ годы смуты часто измѣняли своимъ правителямъ, и что она не мо-

Просьба на царство Михаила Θеодоровича.

жетъ отпустить сына на царство. Долго просили и молили послы, и только къ вечеру, когда архіепископъ, взявъ икону Θеодоровской Божіей Матери, сталъ грозить инокинѣ, что Богъ на ней взыщетъ конечное разореніе государства, Мареа уступила и благословила сына. Только черезъ мѣсяцъ, въ виду большихъ неустройствъ въ Москвѣ, молодой Государь могъ прибыть въ столицу, а 11 іюля онъ торжественно вѣнчался на царство, при чемъ дядя Государя бояринъ Иванъ Никитичъ держалъ Мономахову шапку, князь Трубецкой—скипетръ, а князь Пожарскій—державу (золотое яблоко). На другой день Пожарскому былъ пожалованъ

высшій въ Москвѣ санъ боярина, а Кузьмѣ Минину—санъ думнаго дворянина. Награда эта давала Минину право засѣдать въ боярской думѣ, рядомъ съ знатнѣйшими особами и родственниками Государя. Не была забыта молодымъ Царемъ и семья Сусанина: Богдану Сабинину, мужу Антониды, единственной дочери Сусанина, была пожалована половина дворцовой деревни Деревнищъ «за службу и за кровь тестя его», съ освобожденіемъ его и его потомства отъ всякихъ податей. Такъ милостями спасителямъ Отечества началось новое царствованіе, а съ нимъ началось и правленіе новой династіи—Романовыхъ!

Ипатьевскій монастырь.

Гербъ бояръ Романовыхъ.

ПЕРВЫЕ РОМАНОВЫ.

Михаилъ Өеодоровичъ.—Борьба съ врагами, заселенiе новыхъ земель.

Миръ со Швецiей и Польшей.

Тяжелое наслѣдство досталось избранному землею молодому Царю.

Пограбленные врагомъ города, сожженныя села, вытоптанныя, заброшенныя поля, толпы нищихъ, голодныхъ, ограбленныхъ, полуодѣтыхъ—вотъ что могъ видѣть онъ, по пути изъ Костромы въ Москву. Чуть не половина земли была въ конецъ разорена войною и разбойными грабежами. Убитыхъ, умершихъ съ голоду, угнанныхъ въ плѣнъ—было не сосчитать. Въ царской казнѣ не было ни рубля.

А враги тѣснили со всѣхъ сторонъ. Шведы сидѣли въ Новгородѣ. Поляки заняли войсками цѣлый край по Днѣпру и Деснѣ, съ двумя десятками городовъ, и грозили самой Москвѣ. Татары безъ перерыва грабили, опустошали южныя окраины. Русская земля, не оправившаяся еще отъ страшной смуты, не имѣла силы бороться со всѣми врагами. Надо было мириться, съ кѣмъ возможенъ былъ миръ.

Со шведами помириться было не трудно. Они не хотѣли ни разорять, ни завоевывать Русской земли. Имъ нужны были нѣсколько городовъ на берегу Балтійскаго моря, по Невѣ и по Ладожскому

Царь Михаилъ Өеодоровичъ Романовъ.

озеру. Эти мѣста—Водская пятина Новгорода Великаго—испоконъ вѣковъ принадлежали Русскимъ. Но напрасно спорили Русскіе послы—шведы только посмѣивались и говорили: «этихъ городовъ вамъ не видать, какъ своихъ ушей». «Это вы говорите, забывая Бога» грозились послы: «а мы, прося у Бога милости, будемъ до-

искиваться своего. Не отдадите теперь безъ крови—отдадите потомъ съ кровью». Но шведамъ угрозы были не страшны, а выбить изъ занятыхъ ими городовъ крѣпко засѣвшія тамъ войска—не было силы. Миръ былъ заключенъ въ Столбовѣ въ 1617 году. Широкая полоса русской земли по морю, Невѣ и Ладожскому озеру, и дальше за Невою (Карелія) осталась въ рукахъ шведовъ. Бѣдная, болотистая страна не дорога была сама по себѣ. Шведамъ важно было отрѣзать Россію отъ моря, чтобы ослабить ее, не дать ей разбогатѣть. Россія пугала сосѣдей своими размѣрами, только раздоры и смута на время обезсилили ее, и шведы спѣшили воспользоваться этимъ несчастьемъ, чтобы сколько можно помѣшать дальнѣйшему развитію Русской земли. Шведскій король Густавъ-Адольфъ, очень довольный выгоднымъ миромъ, говорилъ: «Теперь этотъ врагъ не можетъ безъ нашего дозволенія ни одного корабля спустить въ Балтійское море. Большія озера, болота и сильныя крѣпости отдѣляютъ насъ отъ него. У Россіи отнято море, и теперь, Богъ дастъ, Русскимъ трудно будетъ перепрыгнуть черезъ этотъ ручеекъ».

Русскіе сами понимали хорошо, какъ тяжела для нихъ потеря приморскихъ земель. Но имъ въ 1617 году было не до того, чтобы спускать корабли на Балтійское море. Королевичъ Владиславъ стоялъ съ польской ратью подъ стѣнами Москвы. Онъ требовалъ, чтобы его признали царемъ.

А у молодого Царя Михаила не было даже столько войска, чтобы выйти въ поле: съ трудомъ можно было отбиваться за стѣнами Кремля.

Однако москвичи такъ упорно и стойко отбили всѣ приступы польской рати, что Владиславу пришлось отступить отъ Москвы. Поляки сами утомлены были долгой войной, и въ 1618 году было заключено между Россіей и Польшей перемиріе на 14½ лѣтъ. Россія могла вздохнуть и оправиться немного отъ разоренія.

Изъ Польши вернулся, согласно условію перемирія, отецъ Государевъ, митрополитъ Филаретъ Никитичъ. Съ почетомъ и ликованіемъ встрѣтилъ его народъ. Молодой Царь самъ выѣхалъ навстрѣчу отцу и поклонился ему въ ноги. Филаретъ былъ посвященъ въ санъ Патріарха и сталъ помогать сыну въ дѣлахъ государственнаго управленія.

Ихъ стараніями и трудами выборныхъ отъ земли, изъ году въ годъ, стали приводиться въ порядокъ государевы и земскія дѣла. Усаживались на землю разогнанные смутой помѣщики и крестьяне; царскіе воеводы тѣснили и ловили разбойничьи шайки; собирали, гдѣ могли, деньги въ казну.

Среди многихъ тяжелыхъ заботъ Великихъ Государей и земскихъ людей забота о ратныхъ людяхъ была главной. Безъ хорошаго войска нельзя было жить, потому что каждый день нападали и грабили со всѣхъ сторонъ разбойники и татары, а впереди грозила неизбѣжная война съ Польшей. Владиславъ продолжалъ называть себя царемъ Россіи и готовился оружіемъ отвоевать для себя Русскій престолъ и Русскую землю.

Патріархъ Филаретъ.

Войско во времена Московскихъ Царей было устроено не такъ, какъ теперь. Казна не имѣла средствъ кормить и содержать его въ мирное время. Служилые (военные) люди, вмѣсто денежнаго жалованья, получали отъ казны землю — помѣстья; крестьяне, жившіе на землѣ помѣщика, были его крѣпостными, должны были обрабатывать его поля, кормить его своимъ трудомъ, чтобы онъ могъ исправно нести государеву службу. Зато, когда наступитъ война, поскачутъ изъ города по окрестнымъ помѣстьямъ гонцы, съ приказомъ, чтобы помѣщики шли на сборное мѣсто «конны, людны и оружны»: на коняхъ, со своимъ оружіемъ, со своими съѣстными запасами и съ вооруженными на свой счетъ людьми. А кончилась война—помѣщики разъѣзжались опять по своимъ усадьбамъ до новой войны.

Такіе служилые люди—помѣщики назывались дворянами, или боярскими дѣтьми.

Была у насъ и пѣхота—стрѣльцы. Ихъ набирали изъ вольныхъ людей, давали имъ казенную одежду и оружіе—ружье, саблю, бердышъ; устраивали въ полки, и каждый полкъ селили особой

деревней—стрѣлецкой слободой. У каждаго стрѣльца была своя изба, огородъ, иногда участокъ пахотной земли; многіе заводили въ слободѣ лавочки, занимались какимъ-нибудь ремесломъ, словомъ—жили своимъ хозяйствомъ, какъ мелкіе мѣщане, только подъ надзоромъ полковника и офицеровъ, которыхъ назначали въ стрѣлецкіе полки изъ дворянъ.

Стрѣльцы стоили казнѣ довольно дорого, зато ихъ полки были всегда въ сборѣ и скоро могли двинуться въ случаѣ войны.

Служилые люди.

Немало труда пришлось положить, чтобы привести въ порядокъ военныя силы Москвы, разстроенныя годами смуты, чтобы собрать исчезнувшіе стрѣлецкіе полки, надѣлить помѣстьями обнищавшихъ дворянъ, усадьбы и земли которыхъ были опустошены до тла, переписать служилыхъ людей и ихъ помѣстья въ новыя книги. Но всего этого было мало для неизбѣжной войны съ Польшей.

Въ войнахъ смутнаго времени ясно сказалось, что наши войска—и стрѣлецкія, и дворянскія—много уступаютъ въ военномъ искусствѣ и шведамъ, и полякамъ: у тѣхъ и ружья, и пушки, и даже холодное оружіе были гораздо лучше нашихъ; и порядку, дис-

циплины въ полкахъ больше; и военный строй искуснѣе; и оружіемъ солдаты владѣли лучше, потому что всю жизнь занимались однимъ дѣломъ, учились военному искусству и были привычны къ войнѣ. А наши дворяне большую половину жизни проводили по своимъ деревнямъ, отвыкали отъ войны; у тѣхъ, которые побѣднѣе, лошади были очень плохи и не поспѣвали за добрыми конями богатыхъ помѣщиковъ; понятно, что строя держать дворяне не могли, да и не учились тому, а сражались просто толпою, какъ татары. И ору-

Стрѣльцы.

Наемный нѣмецкій солдатъ.

жіе было у всѣхъ разное, у многихъ совсѣмъ плохое: ружья, пистолеты рѣдко у кого были—только у богатыхъ; остальные приходили на войну по старинѣ—съ лукомъ и стрѣлами, съ саблей, а то такъ и просто съ топоромъ или рогатиной.

Теперь, готовясь къ опасной и тяжелой войнѣ, Царь и Патріархъ, посовѣтовавшись, рѣшились на новое дѣло: нанять на службу нѣсколько нѣмецкихъ полковъ, выписать изъ Швеціи и Англіи опытныхъ офицеровъ, которые обучили бы Русскихъ всѣмъ хитростямъ военнаго строя и иноземнаго искусства. Оттуда же выписали тысячъ десять ружей. Казалось, дѣло пошло хорошо. На

доброе жалованье и солдаты, и офицеры изъ шведовъ, англичанъ, нѣмцевъ, голландцевъ потянулись охотно въ невѣдомую имъ Московію. Набрали изъ мелкихъ, обѣднѣвшихъ помѣщиковъ нѣсколько полковъ, роздали имъ выписанное изъ-за границы оружіе и стали обучать иноземному военному искусству. Эти новые полки получили названіе рейтаровъ, драгунъ, солдатъ; офицеры въ полкахъ были изъ иностранцевъ. Когда истекъ срокъ перемирія, и началась война,—больше половины войска, посланнаго противъ поляковъ, было уже изъ полковъ иноземнаго строя.

На бѣду, военныя дѣйствія сразу пошли неудачно. Русское войско осадило Смоленскъ—очень сильную крѣпость, которую нельзя было взять скоро. Поляки тѣмъ временемъ закупили крымскихъ татаръ, и тѣ бросились грабить южныя окраины Россіи. «Не спорю—говорилъ польскій канцлеръ (министръ): хорошо ли это по-христіански—напускать поганцевъ на христіанъ; но по земной политикѣ это вышло очень хорошо». Помѣщики тѣхъ окраинъ, провѣдавъ, что татары жгутъ ихъ усадьбы и угоняютъ въ неволю ихъ женъ и дѣтей, стали уѣзжать изъ лагеря, спѣша защищать свои семьи. Войско сразу уменьшилось, а сильная польская рать въ это время подошла на выручку Смоленска. Полки иноземнаго строя оказались плохо обучены, въ сраженіи теряли строй и дрались постарому, каждый за себя. Да и наемные офицеры-иноземцы, служившіе только ради денегъ, не проявили въ бою большой храбрости. Русское войско было разбито и отступило отъ Смоленска.

Несмотря на это пораженіе, Россія была еще достаточно сильна, чтобы продолжать войну. Видя это, Владиславъ отказался отъ мысли завоевать Россію и призналъ Михаила Өеодоровича Царемъ. Но земли, захваченныя поляками въ смутное время, остались въ ихъ рукахъ: все Приднѣпровье, по рѣку Десну, до 20 старыхъ русскихъ городовъ—въ томъ числѣ Смоленскъ, Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Брянскъ, Дорогобужъ. Истощенная смутою Русская земля еще не въ силахъ была вырвать изъ рукъ враговъ своихъ исконныхъ владѣній.

Татары.

Цѣной тяжелыхъ уступокъ купленъ былъ миръ съ Швеціею и Польшей. Затихала война на западной границѣ. Но прочнаго мира и покоя не знала въ то тяжелое время Русская земля.

На южномъ рубежѣ, между Десною и Дономъ, Россія не имѣла тогда точныхъ, договорами установленныхъ, границъ. Крайніе русскіе городки (въ теперешней Курской и Харьковской губ.) уходили здѣсь въ дикую, безлюдную степь. Необозримой равниной раскинулась эта степь по всему югу теперешней Россіи—съ Буга на Днѣпръ, съ Днѣпра на Донецъ и на Донъ, и дальше—на Волгу и на Уралъ, сливаясь здѣсь съ азіатскими степями. Теперь эти мѣста (Херсонская, Екатеринославская, Харьковская, Курская губ.)—житница Россіи, ея лучшія, самыя хлѣбородныя земли. Но тогда сосѣдство этой безлюдной, хотя и цвѣтущей, степи висѣло постоянной угрозою надъ нашей южной окраиной.

За степью, на гористомъ полуостровѣ Чернаго моря, залегло съ XV вѣка страшное разбойничье гнѣздо—татарскій Крымъ. Каждый годъ, едва земля покроется травою, орда, то большой толпою, то малыми шайками, выѣзжала въ степь на добычу. Привычные кони быстро переносили разбойниковъ черезъ степь, къ границамъ Польши или Россіи. Открытаго нападенія татары избѣгали: они шли не на войну, а на грабежъ—и всегда старались пробраться незамѣченными, по оврагамъ, мимо сторожевыхъ военныхъ постовъ, какъ можно глубже въ населенную землю. И вдругъ повернувъ назадъ, уже не скрываясь, начинали быстро отступать въ степи, разсыпавшись широкимъ строемъ, зажигая всюду пожары, грабя все, что попадалось подъ руку, гоня передъ собою все живое—скотъ и людей. Самая дорогая добыча, за которой они приходили, были именно люди. Угнать ихъ въ Крымъ, продать богатымъ турецкимъ купцамъ—этимъ жила и обогащалась дикая орда. На всѣхъ рынкахъ въ Крыму и въ Турціи толпами продавались рабы—плѣнники изъ Россіи или изъ Польши. Торговля была выгодная, и турецкіе купцы сами раздавали оборванцамъ-татарамъ лошадей и оружіе и снаряжали ихъ на ихъ страшный промыселъ, на охоту за людьми. Въ рѣдкомъ зажиточномъ турецкомъ домѣ не было русскаго раба или рабыни. Всего тяжелѣе приходилось тѣмъ, кто попадали гребцами на корабли: большіе корабли двигались тогда на веслахъ; рабы-гребцы, цѣпями прикованные къ скамьямъ, безъ устали, до изнеможенія работали тяжелыми веслами, а турокъ-надсмотрщикъ бичемъ подгонялъ тѣхъ, которые, выбившись изъ силъ, гребли слабо. Такова была судьба Русскихъ плѣнниковъ, попавшихъ въ турецкую неволю. Никакимъ договоромъ нельзя было защититься отъ хищныхъ набѣговъ изъ Крыма. Московское правительство, чтобы немного хоть ослабить ихъ, чуть не каждый годъ посылало крымскому хану и его мурзамъ (князьямъ) богатые подарки. Но

и подарками можно было развѣ только уменьшить набѣги: если не шелъ самъ ханъ, то простые татары шли на разбой отъ себя.

Чтобы прикрыть русскіе поселки отъ ихъ опустошительныхъ набѣговъ, строили по границѣ, на протяженіи 300—400 верстъ, деревянныя крѣпости, между крѣпостями копали рвы, дѣлали засѣки изъ рубленнаго лѣса, забивали кольями броды на рѣкахъ, черезъ которыя переправлялись обычно татары. За такою сторожевой чертой на казенныхъ помѣстьяхъ селили дворянъ и низшихъ военно-служилыхъ людей. Каждую весну дворяне южныхъ городовъ сзывались на государеву службу и сильными отрядами становились по городамъ. Ставилось на ноги цѣлое войско, не меньше 60—70 тысячъ. Въ степь высылались сторожевые разъѣзды. Если успѣютъ во время замѣтить татаръ, гонцы скачутъ во весь опоръ, люди сбѣгаются въ города, царскія рати выступаютъ навстрѣчу разбойникамъ. Бывало, что коннымъ дворянамъ удавалось нагнать орду, когда она отступала уже съ добычей: тогда плохо приходилось хищникамъ. Но татарскіе кони были выносливы и быстры, сами хищники по-звѣриному хитры и жестоки. Несмотря на стражу и на засѣки, рѣдкій годъ одинъ или два уѣзда не оказывались выжжены и разорены: несчастные люди толпами шли въ тяжелую неволю. По всей Россіи собирался особый налогъ—«полоняничныя деньги»—для выкупа плѣнниковъ отъ турокъ и татаръ.

Давно хотѣли на Руси собраться съ силами и раздавить разбойничью берлогу—взять самый Крымъ. Но Крымъ былъ подъ властью Турціи, а передъ Турціею дрожала тогда вся Европа, и ни одно государство не смѣло выступать противъ нея въ одиночку.

Москва же, кромѣ Турціи и Крыма, имѣла бы передъ собою въ этой войнѣ еще неисчислимыя орды азіатскихъ народовъ. Между Волгой и Дономъ кочевали ногайцы и калмыки; а за Волгой, на востокъ, шла Киргизская степь. Большинство этихъ дикарей (ногаи, киргизы) были мусульмане и признавали турецкаго султана своимъ духовнымъ главою. Эти орды были не такъ опасны, какъ Крымъ, но и отъ нихъ надо было быть постоянно на сторожѣ, и въ нынѣшней Пензенской губ., между Волгой и Дономъ, рубилась противъ ногаевъ такая же линія крѣпостей и засѣкъ, какъ и на западѣ, за Дономъ, отъ крымцевъ.

Въ годы смуты татарскіе набѣги начисто смели цѣлый рядъ южныхъ городковъ. Южная часть Украйны (теперь Курская губ.), заселенная уже довольно густо, превратилась снова въ пустыню: все населеніе или угнано было татарами въ неволю, или разбѣжа-

лось подальше—къ лѣсистымъ берегамъ Тихой Сосны и Воронежа. Татарскіе набѣги проникали уже въ нынѣшнія Тульскую и Рязанскую губерніи, къ Епифани, Одоеву, Бѣлеву, Данкову.

Но богатый черноземъ курскихъ степей неудержимо привлекалъ русскаго пахаря. Едва установился порядокъ, какъ начался новый наплывъ поселенцевъ на знакомыя уже мѣста. Въ 1636 году, для защиты ихъ, Царь велѣлъ рубить новую «черту» городовъ-крѣпостей, засѣкъ и всякихъ укрѣпленій. Новая черта пошла южнѣе прежней, охватывая всю теперешнюю Курскую губернію и пересѣкая Воронежскую и Тамбовскую: съ Ахтырки на Бѣлгородъ и дальше на Корочу, Острогожскъ, Коротоякъ, Воронежъ, Усмань, Козловъ. Огромная площадь черноземной степи, отхваченная этой линіею крѣпостей, стала быстро заселяться служилымъ и земледѣльческимъ людомъ. Татарскіе набѣги слѣдовали одинъ за другимъ. Рѣдко удавалось имъ теперь прорваться черезъ надежную линію укрѣпленій; во всякомъ случаѣ, дальше пограничныхъ уѣздовъ они не проникали. Но царскія рати, по прежнему, каждое лѣто должны были сторожить степной «берегъ», и нескончаемая война съ лукавыми степными хищниками изъ году въ годъ тянулась по всей южной степной границѣ—отъ Днѣпровскихъ притоковъ до устья Волги. Здѣсь, изъ Астрахани, государевы воеводы тѣснили Ногайскую орду, кочевавшую между Волгою и Дономъ. Уже въ 1616 г. Астраханскій воевода кн. Львовъ погромилъ ногайцевъ, отбилъ у нихъ 15 тысячъ русскихъ плѣнниковъ, набранныхъ разбойниками изъ беззащитныхъ въ смутные годы селъ и городовъ, и самую орду «привелъ подъ государеву руку», велѣлъ имъ кочевать около Астрахани и быть въ послушаніи у него, государева воеводы. И не разъ послѣ, когда нужно было наказать крымцевъ за набѣги на русскіе города, воеводы изъ Астрахани шли на Азовъ, черезъ Ногайскую степь, ведя съ собою, кромѣ ратныхъ людей, еще и Ногайскую орду.

Казаки.

Между Украинскими и Приволжскими царскими городами, съ двухъ сторонъ тѣснившими татарскую степь, по берегамъ тихаго Дона, Донца и ихъ степныхъ притоковъ, разсѣяны были городки и поселки донского казачества. Здѣсь, на степномъ просторѣ,

на вольной, никому непринадлежавшей землѣ, издавна селились бѣглые изъ разныхъ мѣстъ, смѣлые и разгульные люди, не ужившіеся съ порядками Москвы. Богатыя рыбныя ловли, безчисленное множество дичи въ степи и въ донскихъ камышахъ—досыта кормили казачью вольницу; зато сукна на одежду, оружія, пороху, свинцу взять было негдѣ, и жизнь первыхъ поселенцевъ на безлюдныхъ берегахъ Дона полна была тягостей и лишеній, вынести которыя могли только сильные люди. Вдобавокъ, со степи грозилъ постоянно татарскій набѣгъ, отъ котораго не было другой защиты, кромѣ собственной сабли. Но на Донъ бѣжали смѣльчаки, не дорожившіе своей головой и не боявшіеся перевѣдаться съ татариномъ. Несмотря на жестокіе набѣги, не разъ сметавшіе казачьи вольные поселки, новые бѣглецы толпами валили на приволье донскихъ степей. Уже въ XVI вѣкѣ такъ людно стало на берегахъ Дона, Донца, Медвѣдицы, Вороны, что татарамъ не пробиться было до Русскаго рубежа черезъ толщу воинственнаго казачьяго населенія. Казачьи городки придвинулись почти до самаго устья Дона: отъ Черкаска до турецкаго города Азова не было и 100 верстъ. Понятно, что съ Азовскими татарами и ногаями, кочевавшими въ степяхъ между Дономъ и Кубанью, казаки были въ постоянной войнѣ. Безпокойные и воинственные, они сами мстили за татарскіе набѣги такими же набѣгами и опустошеніями, жгли татарскія и турецкія села, угоняли плѣнниковъ и скотъ.

Уже со временъ Іоанна Грознаго донскіе казаки считались на службѣ у Московскаго Царя. Но первое время ихъ служба была ненадежна. Въ смутные годы съ Дона вышло не мало разбойничьихъ шаекъ, грабившихъ и разорявшихъ Русскую землю заодно съ поляками.

Подъ конецъ смуты, однако, общее движеніе на защиту Православія и Русской земли охватило и казаковъ: многіе изъ нихъ помогали земскому ополченію въ войнѣ съ поляками, участвовали въ избраніи Михаила Ѳеодоровича. Иныя шайки продолжали еще грабежи, но съ каждымъ днемъ все больше и больше казаковъ стекалось къ Москвѣ, цѣловало крестъ молодому Государю. Уже въ 1614 году Царь запретилъ называть казаками шайки грабителей, «чтобы прямымъ казакамъ, которые служатъ, безчестья не было». На Дону царскіе послы съ извѣстіемъ объ избраніи Михаила на престолъ были встрѣчены общей радостью и почетомъ. «Много разоренія причинено нашимъ воровствомъ»—толковали казаки, «теперь Богъ далъ намъ Государя милостиваго, такъ намъ уже

болѣе не воровать, а преклониться къ Государю Царю Михаилу Θеодоровичу».

Михаилъ Θеодоровичъ радъ былъ снова принять казаковъ въ свою службу. Въ знакъ милости и прощенія онъ послалъ на Донъ большое царское знамя, чтобы съ этимъ знаменемъ казаки выходили въ походъ противъ царскихъ недруговъ. Въ то же время послали казакамъ и жалованье за службу—деньги, сукна, вино, а главное порохъ, свинецъ и всякіе боевые запасы: ими особенно дорожили казаки.

Съ той поры царское жалованье уже каждый годъ посылалось на Донъ. Посылались не только хлѣбъ, сукно, порохъ и деньги, но и священныя книги для казачьихъ церквей, образа въ серебряныхъ окладахъ, ладанъ. Въ донскихъ церквахъ пѣлись молебны за здравіе Православнаго Государя. Каждый годъ шли съ Дона богомольцы на сѣверъ къ прославленнымъ монастырямъ, доходили даже до далекой Соловецкой обители. Государю били челомъ бѣжавшіе изъ турецкой неволи казаки, и Государь «за ихъ службу и за терпѣніе» жаловалъ ихъ деньгами на обзаведеніе новымъ хозяйствомъ.

Каждый годъ выборные казаки—иногда самъ войсковой атаманъ съ эсаулами и приличной свитой—ѣхали съ посольствомъ въ Москву, везли съ собою «отписки»—доклады о войсковыхъ дѣлахъ, иногда везли плѣнныхъ татаръ или отбитыхъ отъ татаръ русскихъ плѣнниковъ, взятыя съ бою отъ враговъ знамена.

Постоянно сталкиваясь съ татарами, казаки узнавали всѣ ихъ замыслы и немедля сообщали въ Москву о томъ, подъ какіе царскіе города готовятъ набѣгъ ногаи или крымцы; а сами, собравшись, старались ударить въ тылъ ордѣ, отрѣзать ей отступленіе въ степь и отбить русскій «полонъ». Донская вольница понемногу превращалась на дѣлѣ въ «Оберегателей Великія Россійскія Державы», какъ сами себя называли казаки.

Въ то же время начинаютъ служить Москвѣ и Яицкіе казаки, жившіе въ степи по берегамъ Урала (тогда Уралъ назывался Яикомъ). По ихъ просьбѣ, Царь Михаилъ далъ имъ грамоту на владѣніе Ураломъ, со всѣми его землями и угодьями, отъ верховьевъ той рѣки до самаго устья. Зато уральцы защищали Поволжье отъ калмыцкихъ и киргизскихъ набѣговъ. Въ помощь имъ выстроена была на Уралѣ крѣпость—Гурьевъ городокъ, въ городкѣ стояли съ тѣхъ поръ постоянно царскія войска.

Чувствуя за собой могущественную поддержку Москвы, донскіе и уральскіе казаки съ удвоенной силой обратились на югъ

на исконныхъ своихъ враговъ. Теперь донцы не довольствуются уже мелкой войною съ ногаями и азовцами. Чуть не каждый годъ, на нѣсколькихъ стахъ лодокъ, они выходятъ мимо Азова въ море. Берега Крыма, Малой Азіи, самыя окрестности Константинополя познали ужасъ безпощаднаго казачьяго набѣга. Богатѣйшіе города были разграблены и сожжены удальцами. Купеческіе корабли едва осмѣливались выходить въ море. Со стѣнъ самой турецкой столицы нерѣдко виденъ былъ дымъ пожаровъ, зажженныхъ казаками. Сильная Турція, передъ которою дрожали всѣ государства Европы, ничего не могла подѣлать съ этими набѣгами. Иногда удавалось большимъ турецкимъ кораблямъ пушечнымъ огнемъ потопить казачьи челны; но случалось и такъ, что казаки на утлыхъ лодкахъ успѣвали подойти вплотную къ турецкому флоту, и тогда огромные, гордые корабли, охваченные огнемъ, шли ко дну со всѣми пушками, грузомъ и людьми.

Турки, въ безсильной злобѣ, безъ конца жаловались Царю на набѣги казаковъ. Но имъ отвѣчали такими же жалобами на набѣги крымскихъ и азовскихъ татаръ, а про казаковъ говорили, что они—люди вольные, и унять ихъ никакъ нельзя.

Дѣйствительно, удержать казаковъ отъ войны съ татарами было трудно: тѣ, не переставая, задирали ихъ разбойничьими набѣгами, и казаки говорили: «Воленъ Богъ да Государь, а мы терпѣть не станемъ, будемъ за отцовъ своихъ, матерей, братію, сестеръ стоять».

Лѣтомъ 1637 года, потерявъ терпѣніе отъ безпрестанныхъ татарскихъ набѣговъ, казаки двинулись на самый Азовъ и, послѣ трехъ недѣль осады, отчаяннымъ приступомъ взяли гордую крѣпость.

Огромная турецкая армія, въ 240 тысячъ человѣкъ, не могла выбить ихъ оттуда и, потерявъ въ 24 приступахъ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, со стыдомъ отступила.

Но казакамъ держаться въ Азовѣ было невозможно: они оскудѣли съѣстными припасами, разстрѣляли весь порохъ и свинецъ, да и людей у нихъ стало немного.

Казаки искали помощи у Государя: били челомъ, чтобы онъ принялъ Азовъ подъ свою высокую руку, прислалъ на защиту его своихъ ратныхъ людей. Но война съ Турціей требовала очень сильнаго войска и огромныхъ расходовъ, а народъ на Руси такъ обѣднѣлъ отъ разоренія смутнаго времени и отъ тяжелой Польской войны, что страшно было возложить на него тягость новыхъ военныхъ налоговъ. Царь похвалилъ казаковъ за добрую службу и храбрость, послалъ имъ богатое жалованье, но велѣлъ

оставить совершенно разбитыя во время осады укрѣпленія Азова и возвратиться въ ихъ донскіе городки. Туркамъ было заявлено, что казаки, вопреки царскому запрещенію, самовольно взяли Азовъ.

Турецкіе министры плохо вѣрили такимъ заявленіямъ.—«Помощь казакамъ отъ васъ: если бы вы имъ не помогали, они бы давно пропали», твердили они, но начинать войну сами остерегались. Въ Турціи начинали уже побаиваться Москвы. Православные подданные турецкаго султана—валахи (румыны), сербы, болгары и греки—съ надеждою смотрѣли на Москву, единственное тогда свободное и сильное православное государство. Не разъ ко двору Царя Михаила Ѳеодоровича пріѣзжали тайкомъ послы отъ турецкихъ христіанъ, просили избавить ихъ отъ турецкаго ига и обѣщали общее возстаніе противъ турокъ, какъ только царскія рати вступятъ въ предѣлы Турціи. Царь, какъ мы видѣли, не хотѣлъ начинать самъ новой тяжелой войны. Но и турки, видя такое настроеніе своихъ подданныхъ-христіанъ, предпочитали сохранять миръ съ опаснымъ сосѣдомъ—Москвою.

Сибирь.

Въ то время, какъ на западномъ рубежѣ велись опасныя и изнурительныя войны, на дальней восточной окраинѣ Московскаго государства шло движеніе, во много разъ возмѣстившее обидныя и тяжелыя уступки, цѣною которыхъ истомленная Русская земля купила миръ съ Швеціею и Польшей.

Русскія владѣнія въ Сибири доходили въ 1613 году до рѣки Енисея. Два—три десятка русскихъ городковъ-крѣпостей были раскиданы по этой огромной области, почти сплошь покрытой дремучими лѣсами. Вокругъ городковъ тѣснились «государевы пашенныя слободы»—поселки государственныхъ крестьянъ, переселенныхъ по царскому указу въ Сибирь: полудикое туземное населеніе края не знало земледѣлія, и первое время послѣ завоеванія Сибири приходилось подвозить въ сибирскіе города хлѣбъ, для прокормленія служилыхъ людей, изъ дальнихъ русскихъ городовъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ подвозъ хлѣба уже былъ прекращенъ — «для того, что въ Сибирскихъ городахъ хлѣбная пахота учала быть большая, и всякіе денежные доходы, и хлѣбные запасы собираются больше прежнихъ годовъ».

Помимо государственныхъ—«пашенныхъ крестьянъ» шли въ Сибирь и вольные переселенцы. Но всего охотнѣе тянулись туда промышленники-звѣроловы. Сибирскіе лѣса были богаты пушнымъ звѣремъ дорогихъ и рѣдкихъ породъ: бобры, куницы, темнобурыя лисицы и особенно драгоцѣнный соболь, почти исчезнувшій уже тогда въ лѣсахъ европейской Россіи. Мѣха были главнымъ богатствомъ Сибири. Бѣличьи и собольи шкурки ходили по рукамъ вмѣсто денегъ. Ими же платило «ясакъ» (подать) мѣстное населеніе, бѣдное и грубое, не знавшее земледѣлія и питавшееся исключительно охотой.

Бродячія ватаги вогуловъ, остяковъ и самоѣдовъ, населявшія Сибирь до прихода Русскихъ, были мало воинственны и безъ большого сопротивленія покорились Русской власти. Опаснѣе были татары—ногайцы, бывшіе прежде господами края и сами бравшіе съ туземцевъ ясакъ. Они были и воинственнѣе, и болѣе развиты и горды, чѣмъ дикари - сибиряки. Покоренные Русскими, татары не могли забыть своего прежняго положенія, а наслѣдники послѣдняго татарскаго царя Кучума выбивались изъ силъ, чтобы поднять ихъ противъ Русскихъ и вернуть себѣ утраченную власть.

Нѣмымъ знакомъ къ возстанію служили, по сибирскому обычаю, деревянныя стрѣлы съ нарѣзанными на нихъ фигурами 11-ти шайтановъ (чертей): такія стрѣлы посланцы царевичей-кучумовичей разносили по татарскимъ и остяцкимъ кочевьямъ. Возстаніе поднималось чуть не каждый годъ—то въ одномъ, то въ другомъ углу Сибири. Иногда татарамъ удавалось привлечь къ бунту и остяковъ или самоѣдовъ. На помощь русскимъ городкамъ приходили обыкновенно туземныя же племена, сохранившія вѣрность. Но иногда возстаніе охватывало чуть не весь край,—и тогда русскіе ратные люди еле отбивались огненнымъ боемъ изъ своихъ городковъ отъ вдесятеро-сильнѣйшаго врага. Такимъ тяжелымъ, тревожнымъ временемъ были для Русской Сибири черные годы смуты, отразившейся и здѣсь, на далекой окраинѣ.

Сынъ царя Кучума, Ишимъ, пользуясь замѣшательствомъ, успѣлъ бѣжать изъ Москвы, гдѣ его держали въ плѣну, и поднялъ чуть не поголовное возстаніе во всей Сибири, едва не погубившее слабыхъ городковъ, затерявшихся въ дремучихъ лѣсахъ пустыннаго края, иногда на 1000 верстъ одинъ отъ другого.

Съ водвореніемъ на Руси порядка, воеводамъ молодого Царя пришлось и въ Сибири вести упорную и долгую борьбу съ возстаніемъ, которое то замирало, то разгоралось съ новой силой. Только

въ 1628 году послѣдніе татарскіе отряды были разбиты, и Русская власть въ краѣ возстановлена вполнѣ.

Царь Михаилъ заботился, чтобы покорившимся инородцамъ жилось хорошо. Сибирскимъ воеводамъ посылались изъ Москвы строгіе наказы: обходиться съ покоренными туземцами ласково, не взыскивать ясаку съ больныхъ, которые не могли тотъ годъ охотиться; а если кто захочетъ креститься,—такихъ принимать на службу и давать имъ государево жалованье. Такихъ крещеныхъ инородцевъ, знавшихъ уже русскій языкъ и записанныхъ въ государеву службу, къ концу царствованія Михаила Өеодоровича набралось нѣсколько тысячъ.

Броженіе среди коренныхъ сибиряковъ утихло, зато появился новый опасный врагъ, отъ котораго приходилось защищать оружіемъ тѣхъ же замиренныхъ туземцевъ—русскихъ подданныхъ. На югѣ къ лѣсистой равнинѣ Сибири прилегала степь—все та-же степь, что съ береговъ Днѣстра, черезъ Донъ и Волгу, перекинулась въ Азію, до самаго Алтая. Въ степи кочевали орды калмыковъ—«калмацкихъ людей», какъ ихъ звали.

Калмацкіе люди, такіе же дикари-наѣздники, какъ ихъ родичи—ногайскіе и крымскіе татары, что ни годъ приходили набѣгами грабить ясачныхъ людей, а иной разъ нападали и на русскіе города. Набѣги ихъ были тѣмъ опаснѣе, что они сносились и съ ногайцами, и съ Крымомъ, и крымскій ханъ не разъ обѣщалъ прислать имъ на подмогу тысячъ 20 орды—громить государевы сибирскіе города. Воеводы опасались даже пропустить въ Москву пословъ калмыцкихъ, «чтобы калмаки къ Москвѣ пути не узнали, потому что они люди многіе и воинскіе; а прибыли въ нихъ нѣтъ никакой—люди неученые, безграмотные, и торговать съ ними нечѣмъ».

Особенно опасно и тревожно было лѣтомъ, когда служилые люди разбредались изъ городовъ: кто на пашню, кто на охрану промысловъ, кто на соляныя озера—набирать соль. Въ городѣ, иной разъ, всего военной стражи оставалось нѣсколько человѣкъ; если приходили калмыцкіе послы, то случалось, на страхъ имъ, наряжать стрѣльцами гулящихъ людей и давать имъ, для виду, деревянныя ружья....

На всю Сибирь приходилось тогда служилыхъ, ратныхъ людей, считая съ крещеными служилыми инородцами,—меньше 10 тысячъ человѣкъ. Разсѣвшись по нехитрымъ, изъ дерева рубленнымъ, острожкамъ, эта горсть воиновъ не только держала въ повиновеніи и защищала отъ калмыцкихъ набѣговъ все населеніе

огромнаго края, но еще находила въ себѣ силу и мужество для новыхъ завоеваній. Несмотря на весь просторъ сибирскихъ лѣсовъ, въ Русской Сибири становилось уже тѣсно для охотничьяго промысла. Слышались жалобы, что «у ясачныхъ людей въ угодьяхъ звѣрь выловился: иныя многія ясачныхъ людей угодья, гдѣ они прежде звѣря добывали, стали за русскими людьми, что русскихъ людей въ Сибири умножилось, а иныя ясачныхъ людей угодья заняты пашнями». Тѣсновато было и Русскимъ охотникамъ. А за Енисеемъ, въ восточной Сибири, разстилались тѣ же дремучіе лѣса, сплошная сибирская тайга, еще нетронутая русскою рукою.

Остатки Сибирскихъ крѣпостныхъ башенъ.

Смѣлые промышленники-звѣроловы, въ одиночку или по 3—4 человѣка, то по рѣкамъ на лодкахъ, то на лыжахъ, то прямо пѣшкомъ, сквозь вѣковую нерубленную чащу, съ лукомъ или самопаломъ за плечомъ, стали пробираться въ глубину этого дикаго лѣсного царства. «До тѣхъ мѣстъ однимъ лѣтомъ не дойти, до коихъ мѣстъ ходятъ промышленные люди», доносили Царю сибирскіе воеводы: «а тамъ соболи ловятся добрые, и государевой казнѣ отъ тѣхъ промысловъ прибыль не малая».

Туземцы—тунгусы, якуты и другіе такіе же дикари и язычники, какъ остяки и вогулы западной Сибири, не всегда мирно встрѣчали пришлецовъ. Гнали ихъ прочь, грозили побить до послѣдняго человѣка, иногда и впрямь побивали. Тогда, если мѣсто, по разсказамъ бывалыхъ промышленниковъ, того стоило,—воевода изъ ближайшаго города, иногда за нѣсколько сотъ верстъ,—

высылалъ, на защиту Русскихъ охотниковъ, «государевыхъ ратныхъ людей съ огненнымъ боемъ». А государевы ратные люди, встрѣтивъ на «новыхъ землицахъ» людей, не платившихъ ясаку,—тотчасъ начинали говорить, «чтобы имъ быть подъ царскою высокой рукою, и ясакъ-бы Государю дали». Иногда доходило до драки, но царскіе люди почти всегда побивали на голову «тѣхъ государевыхъ непослушниковъ», брали заложниковъ—«лучшихъ людей», а остальныхъ переписывали въ книги и облагали ясакомъ.

Если новые подданные жили слишкомъ далеко отъ Русскаго города, и трудно было ходить къ нимъ за ясакомъ,—выбирали удобное мѣсто, гдѣ можно бы пахать пашню, гдѣ были хорошіе покосы, вода и рыбная ловля, и рубили на «новой землицѣ» городъ, или острожокъ. А изъ новаго острожка опять шли вольные промышленники или сборщики ясаку въ глубину невѣдомыхъ лѣсовъ, которымъ конца никто не зналъ: ихъ манили слухи о невѣдомой еще имъ «великой рѣкѣ Ленѣ, что рѣка та угодна и пространна, и соболей, и иного всякаго звѣря тамъ много, и лисицъ, и бобровъ, и горностаевъ».

Въ 1621 г. построенъ былъ первый городокъ на правомъ берегу Енисея. А въ 1631 году по обоимъ берегамъ Лены разъѣзжали посланные изъ ближнихъ острожковъ государевы служилые люди, смотрѣли, «каковы у той рѣки берега, и есть ли какіе угожіе мѣста и лѣсъ, который бы къ судовому и ко всякому дѣлу пригодился, или горы, или степныя мѣста, и откуда та рѣка вышала и куда устьемъ впала, и рыбная-ль рѣка». Уже въ 1640 году въ Москву посланы были подробные чертежи и описаніе Лены и всѣхъ ея притоковъ и дороги къ нимъ отъ старыхъ сибирскихъ городовъ. Берега «великой рѣки» и Байкала заставились Русскими острожками: въ 1632 году построенъ Якутскъ, въ 1635 году Олекминскъ, въ 1638 году Верхоянскъ, уже далеко восточнѣе Лены, въ 1644 году Нижнеколымскъ, почти у самой Камчатки...

За 32 года царствованія Михаила Ѳеодоровича Русскія владѣнія въ Сибири, словно въ возмѣщеніе уступокъ, сдѣланныхъ на западѣ шведамъ и полякамъ, выросли почти втрое, охвативъ собою площадь свыше 4.000.000 кв. верстъ—цѣлое государство.

Дорогіе сибирскіе мѣха кормили много тысячъ Русскихъ промышленниковъ и купцовъ и составляли главное богатство царской казны. Русскій соболь сталъ извѣстенъ по всей Европѣ, и иностранные купцы на вѣсъ золота скупали, въ Архангельскѣ и Москвѣ, драгоцѣнныя пушистыя шкурки. Соболями Царь дарилъ своихъ слугъ и бояръ. Соболями привлекали московскіе послы

иноземныхъ вельможъ и министровъ, жадныхъ до рѣдкаго и дорогого подарка.

А Русскіе люди, служилые, пашенные и промышленные, дѣлали въ суровой, чужой странѣ свое суровое, тяжелое дѣло: шли впередъ, рубили новые и новые города и острожки, раздирали пашню, били звѣря, добывали въ казну ясакъ, бились на смерть, одинъ противъ десяти, съ государевыми непослушниками, умирали въ лѣсной глуши, за тысячу верстъ отъ церкви или часовни; а иной разъ, отбившись отъ неминуемой бѣды или излѣчившись отъ ранъ, тянулись за тридевять земель—поклониться по обѣту роднымъ Русскимъ святынямъ, или увидѣть государевы ясныя очи, какъ и съ вольнаго Дона, и со всѣхъ далекихъ окраинъ тянулись туда же Русскіе люди. Царскій Кремль въ Москвѣ, Троице-Сергіева обитель и Соловецкій монастырь были узлами, стянувшими въ одно крѣпкое тѣло разбредавшійся по необозримымъ равнинамъ Европы и Азіи Русскій народъ.

Алексѣй Михайловичъ.—Начало возсоединенія Руси.

Польская и Литовская Русь.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, скончавшійся 12 іюля 1645 г., далеко раздвинулъ предѣлы государства на Востокѣ въ Сибири. На долю его сына, Царя Алексѣя Михайловича, выпало расширить предѣлы его на Западѣ, начавши возвращеніе отъ Польши захваченныхъ ею Русскихъ областей.

Вмѣшательство поляковъ въ смуту и ихъ непримиримая ненависть къ Москвѣ не были ни случайными, ни неожиданными. Уже больше двухсотъ лѣтъ Москва и Польша были врагами, и причина вражды была такъ глубока, что прочный миръ былъ невозможенъ.

Держава польскихъ королей составилась во времена великаго князя Дмитрія Донского (въ 1386 году) изъ двухъ государствъ: Польскаго королевства и великаго княжества Литовскаго. Королевство и княжество однако имѣли каждое свои особые законы, свое войско съ особыми гетманами (или главнокомандующими) и особое правительство: сеймъ (собраніе выборныхъ отъ дворян-

ства) и министровъ, только государь у нихъ былъ общій и носилъ двойной титулъ: короля Польскаго и великаго князя Литовскаго.

Царь Алексѣй Михайловичъ.

Кровные поляки и литовцы составляли лишь небольшую часть населенія этой огромной державы. Большая часть ея (въ Литвѣ—около $^9/_{10}$) состояла изъ исконныхъ русскихъ земель, захваченныхъ польскими и литовскими государями или добровольно подчинившихся имъ въ тяжелые вѣка татарскаго ига.

Польша владѣла богатымъ Галицкимъ княжествомъ (Галичъ, Львовъ), Холмщиною и западною частью Подоліи; Литва—старѣйшими нашими городами: Полоцкомъ, Смоленскомъ, Черниговомъ, Владиміромъ-Волынскимъ, Луцкомъ, Брацлавомъ, самимъ Кіевомъ—древней столицей Русской земли. Вся Бѣлая и Малая Русь входили цѣликомъ въ составъ Литовскаго великаго княжества.

Литовцы—народъ воинственный, но малочисленный и менѣе Русскихъ развившійся—переняли русскій языкъ и законы; русскіе князья и вельможи занимали въ Литвѣ первыя мѣста по службѣ; русскіе подданные Литвы могли бы смотрѣть на Литовское княжество, какъ на свое, Русское государство, если бы не разница вѣры: русское населеніе крѣпко держалось восточнаго православія, литовцы же со времени соединенія Литвы съ Польшей обращались изъ язычества, а отчасти и изъ православія, въ римско-католическую вѣру.

Уже въ XV-мъ вѣкѣ многіе русскіе князья, жалуясь на обиды со стороны государя-католика, стали отъѣзжать изъ Литвы на службу къ единовѣрному великому князю Московскому. Московскіе великіе князья не забыли, что Кіевъ, Смоленскъ, Волынь—принадлежатъ по праву наслѣдства имъ—потомкамъ Св. Владиміра. И когда затѣмъ русское населеніе Литвы заволновалось, когда послышались жалобы отъ него на притѣсненія православія,—Москва взялась за оружіе.

Такъ началась борьба между Москвою и Польско-Литовскимъ государствомъ, борьба не на жизнь, а на смерть. Польша, отдавъ свои русскія владѣнія, превратилась бы изъ великой державы въ небольшое, слабое государство. Москва, отказавшись отъ борьбы, отдала бы въ жертву злому насилью почти цѣлую половину православнаго Русскаго народа.

Въ XVI-мъ вѣкѣ Московскіе великіе князья успѣли вернуть себѣ часть своей «вотчины»—Смоленскую и Черниговскую земли. Но эти завоеванія были снова потеряны въ смутное время, и Государямъ новой династіи приходилось начинать борьбу съ начала или помириться съ тѣмъ, что половина Русскаго народа останется навсегда подъ властью иновѣрцевъ. А польская власть становилась все тяжелѣе для Западной Руси.

Въ 1569 году Польское королевство и Литовское великое княжество, стараніями и хитростью польскихъ пановъ, болѣе тѣснымъ образомъ были соединены: не только государь, но и сеймъ сталъ у нихъ общимъ. Кромѣ того, коварствомъ и наси-

ліемъ поляковъ, южная половина Русскихъ земель Литвы (Волынь, восточная Подолія и Кіевская Украина) была отторгнута отъ Литвы и подчинена непосредственно Польшѣ. Населеніе этихъ земель, хотя и стѣсненное отчасти въ своей вѣрѣ, жило до тѣхъ поръ все-таки по своимъ русскимъ исконнымъ обычаямъ и законамъ, принятымъ въ Литвѣ. Теперь новое правительство круто стало вводить новые польскіе законы и порядки. А польскіе порядки были суровы и тяжелы для простого народа. Владѣть землею въ Польшѣ могли только дворяне (шляхта), и потому польскіе короли безъ стѣсненія стали раздавать своимъ «панамъ» земли, которыя принадлежали крестьянамъ. Крестьяне обращались въ крѣпостныхъ, паны по своей волѣ перегоняли ихъ, если находили полезнымъ для себя, съ насиженной земли на новые участки или обращали на обработку своихъ «фольварковъ» (хуторовъ).

Малороссійская крестьянка.

Вдобавокъ, на обиды и насилья отъ самихъ пановъ или ихъ челяди некуда было и жаловаться: въ Польшѣ не только знатные паны, но и простые шляхтичи-помѣщики были такъ сильны, что даже самъ король не могъ ничего подѣлать противъ ихъ своеволья.

Отъ новыхъ порядковъ застонала старая русская земля. А вдобавокъ и гоненія на вѣру со времени извѣстнаго уже намъ Сигизмунда стали такъ упорны, какъ никогда не бывали прежде. Митрополитъ и нѣсколько епископовъ обманомъ, будто-бы отъ лица всей церкви, подписали унію—договоръ о соединеніи западно-русской церкви съ католическою, подъ властью римскаго папы.

Все православное населеніе Руси, и простые крестьяне, и знатные паны, съ возмущеніемъ отказалось признать введенную обманомъ унію. Но паны скоро отступились отъ начатаго дѣла: въ польскихъ порядкахъ было для нихъ много выгоднаго, и соблазнъ пересилилъ голосъ совѣсти. Знатныя русскія фамиліи князей Острожскихъ, Чарторыйскихъ, Вишневецкихъ и др., одна за другою, переходили въ римско-католическую вѣру, перенимали польскій языкъ и образъ жизни: въ нихъ, какъ говорили тогда, «русскія кости обрастали польскимъ мясомъ». Въ православіи остались мелкіе дворяне, мѣщане да хлопы. Но съ простыми людьми польскіе законы не считались, и теперь противъ православной Руси правительство католической Польши, паны-католики и измѣнники-уніаты подняли уже открытое жестокое гоненіе: томили по тюрьмамъ, насильно обращали православныя церкви въ уніатскія, били и оскорбляли духовенство.

Малороссійскій мѣщанинъ.

А между тѣмъ русскій народъ былъ главной опорой государства противъ безконечныхъ хищныхъ набѣговъ съ юга изъ разбойничьяго Крыма: русскія земли заслоняли собою со стороны степи и польскія, и литовскія области. Польскому правительству, какъ и Московскому, приходилось ограждать свою южную границу цѣпью каменныхъ замковъ-крѣпостей, выдвинутыхъ въ степь (Каменецъ, Брацлавъ, Бѣлая-Церковь, Винница, Баръ, Каневъ, Черкасы). Но самодержавіе Московскихъ государей могло каждый годъ поднимать, для защиты сторожевой черты, 70 тысячъ послушной рати. Въ Польшѣ-же король не имѣлъ ни войска, ни

денегъ, ни власти: всѣмъ распоряжался сеймъ. А на сеймѣ паны такъ скупо отпускали деньги на государственныя дѣла, что иной годъ коронный (польскій) гетманъ могъ выставить на степной границѣ всего 300 человѣкъ, и то не дольше, чѣмъ на 2—3 мѣсяца. Вся тяжесть татарскихъ набѣговъ падала на населеніе беззащитной Русской Украины.

Вокругъ королевскихъ сторожевыхъ крѣпостей и дальше въ степи, далеко заходя за ихъ черту, ютились издавна, по Днѣпру и его нижнимъ притокамъ, поселки, хутора и городки малороссійскихъ казаковъ, такихъ же вольныхъ степныхъ промышленниковъ — воиновъ, какихъ мы видѣли на Дону: та же бѣдная, полная лишеній и опасности жизнь, тѣ же непрестанныя схватки съ наѣздами степного разбойника-татарина, тѣ же безпощадные морскіе набѣги на «басурманскую» Турцію. Главнымъ боевымъ постомъ днѣпровскаго казачества противъ татаръ и турокъ стала знаменитая Запорожская Сѣчь. Городокъ, пріютившійся на одномъ изъ безчисленныхъ въ этомъ мѣстѣ днѣпровскихъ острововъ, былъ почти недоступенъ для нападенія: съ берега подойти мѣшали топкія трясины, сплошь заросшія камышомъ, а на лодкахъ только сами казаки могли пройти, не заблудившись, среди отмелей, острововъ и плавней, постоянно мѣнявшихъ свое положеніе. Горе было турецкому кораблю, посмѣвшему зайти въ запорожскія трущобы!

Запорожскій казакъ.

Сюда, на богатые рыбные промыслы, шли отборные смѣльчаки, не боявшіеся тягости дикой, почти звѣриной жизни. Отсюда выходили всѣ походы и набѣги на Турцію. Отъ Запорожья степью недалеко было до донскихъ казачьихъ городковъ. Запорожцы и донцы называли другъ друга братьями, часто цѣлыми толпами переходили съ одной рѣки на другую и походы

начинали сообща: съ двухъ сторонъ, изъ Дона и изъ Днѣпра, выплывали въ Черное море страшные казачьи «човны», и все турецкое побережье стонало отъ казачьяго меча и пылало огнемъ казачьимъ.

Казалось бы, поляки должны были дорожить казаками для защиты степной границы, какъ дорожили въ Москвѣ службою и вѣрностью вольнаго Дона. Вмѣсто того, польскія власти съ слѣпой жестокостью стали вводить и въ степной казачьей Украинѣ свои тяжкіе, непривычные русскому люду порядки. Степь годъ за годомъ застраивалась все дальше королевскими крѣпостями. Наѣзжали паны съ королевскими грамотами на владѣніе вольными казачьими землями. Казаки, кромѣ 6 тысячъ, взятыхъ правительствомъ на службу, объявлены были крѣпостными новыхъ пановъ; сеймъ изъ году въ годъ издавалъ законы, грозившіе смертной казнью всякому, кто будетъ называть себя казакомъ. За панами наѣхали евреи-арендаторы, и вольные гордые воины-казаки оказались въ рабствѣ не только у пана, а у послѣдняго еврея, которому панъ сдавалъ въ аренду, съ землею, и свое право судить хлоповъ и даже казнить ихъ смертью. Заодно съ имѣніями, отдавались панами на откупъ и православныя церкви: не заплативъ жиду-откупщику, нельзя было ни крестить, ни вѣнчать, ни хоронить, ни помолиться въ церкви.

Напрасно болѣе умные изъ самихъ поляковъ стыдили своихъ, напоминая о заслугахъ казаковъ. «Казаки охраняютъ все христіанство»—говорилъ своимъ одинъ полякъ-писатель: «не имѣя отъ васъ никакой помощи, они доставляютъ вамъ такое спокойствіе, какъ откармливаемымъ воламъ. Слава этого народа останется за нимъ на вѣки, хотя бы Польша и погибла»...

Напрасно нѣкоторые знатнѣйшіе польскіе вельможи отстаивали казачьи права и бранились съ епископами-уніатами, упрекая ихъ за неслыханныя насилія, какими вводилась на Украинѣ всѣмъ ненавистная унія. «Отъ этой уніи всѣмъ намъ, быть можетъ, суждено погибнуть»—писалъ одинъ изъ значительныхъ пановъ, Сапѣга: «за нее казаки насъ ненавидятъ, а отъ ихъ вѣрности больше пользы для края, чѣмъ отъ всей уніи»...

Для огромнаго большинства пановъ, державшихъ въ рукахъ сеймъ, казаки съ ихъ любовью къ вольной жизни, съ ихъ непокорствомъ,—казались опаснѣе и ненавистнѣе самихъ турокъ. Войны

съ Турціей изнѣженные и скупые богачи-паны боялись больше всего на свѣтѣ. Въ угоду туркамъ, сеймъ настрого запретилъ казакамъ выходить въ Черное море. Польское войско ходило нарочно въ Запорожье и, овладѣвъ Сѣчью, сожгло всѣ казачьи «човны». Около пороговъ построена была крѣпость, чтобы не пропускать на Сѣчь никакихъ припасовъ, особенно толстыхъ бревенъ, изъ которыхъ запорожцы могли бы выдолбить себѣ новые челны. Сильная польская стража, вмѣстѣ съ турецкой, охраняла устье Днѣпра и безъ пощады рубила или выдавала туркамъ попадавшихъ ей въ руки казаковъ-запорожскихъ или донскихъ, зашедшихъ съ моря...

Малороссія и Москва.

Чѣмъ тяжелѣе приходилось Русскому населенію въ Польской державѣ, тѣмъ больше росло и крѣпло въ немъ сознаніе, что только у православной Москвы можно искать и найти защиту. Уже въ XV-мъ вѣкѣ много Русскихъ князей и бояръ отъѣхало на службу къ Московскому великому князю. И въ простомъ народѣ жива была связь съ родною по крови, по вѣрѣ и по языку Москвою: въ XVI-мъ вѣкѣ турки жаловались польскому королю, что его подданные—каневскіе и черкасскіе казаки—мѣшаютъ татарамъ грабить московскія окраины, давая знать въ Москву о всякомъ движеніи орды.

Однако въ войнахъ съ Москвою казаки долгое время служили, какъ вѣрные подданные, польской коронѣ. По всей Польшѣ едва ли не они одни были понастоящему вѣрны королю. Паны же своевольничали, измѣняли, возставали противъ короля—и называли это своею вольностью.

Наконецъ, нестерпимыя притѣсненія правительства, пановъ и уніатовъ надломили вѣрноподданническое настроеніе Малороссіи. Цѣлый рядъ страшныхъ кровавыхъ возстаній потрясалъ Украину.

Казацкій гетманъ Сагайдачный въ послѣдній разъ попытался вѣрной службой добиться отъ правительства справедливости къ казакамъ. Въ 1621 году, въ дни страшнаго нашествія на Польшу 300-тысячной турецкой арміи, казачьи сабли, въ кровавой битвѣ подъ Хотиномъ, спасли Польшу: разбитое турецкое войско со стыдомъ отступило. Польское правительство могло выставить въ

этой битвѣ противъ турокъ только тридцать тысячъ, а казаковъ въ ней было сорокъ тысячъ.

Напуганное страшной опасностью королевское правительство обѣщало признать митрополита и епископовъ, поставленныхъ для православныхъ въ Кіевѣ Іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ, и утвердить за казаками ихъ старыя вольности. Но гроза прошла, Сагайдачный въ слѣдующемъ году умеръ отъ ранъ, полученныхъ подъ Хотиномъ, и польское правительство забыло о своихъ обѣщаніяхъ.

Это вѣроломство убило послѣднюю надежду на примиреніе. Еще при жизни Сагайдачнаго патріархъ Ѳеофанъ навсегда запретилъ казакамъ ходить войной на православную Москву. Самъ Сагайдачный, не вполнѣ довѣряя польскимъ обѣщаніямъ, засылалъ къ Царю Михаилу Ѳеодоровичу пословъ. Но въ Москвѣ помнили еще казачьи грабежи въ годы смуты, и пословъ не допустили передъ царскія очи.

Послѣ смерти Сагайдачнаго, когда вѣроломство поляковъ стало явно, кіевскій митрополитъ Іовъ отправилъ въ Москву, въ 1625 г., новое посольство со слезной челобитной—принять Малороссію подъ защиту. О томъ же просили послы изъ Запорожья, пришедшіе съ повинною за свои грабежи въ смутное время. О томъ же писали Царю монахи нѣсколькихъ православныхъ монастырей: «Мы всѣ подъ государевою рукою быть хотимъ. А кромѣ Государя намъ дѣться некуда»,—говорили въ одинъ голосъ всѣ послы.

Запорожцевъ Государь пожаловалъ: отпустилъ имъ старыя ихъ преступленія противъ его благочестиваго государства и впредь обѣщалъ имъ того не поминать. Относительно же подданства въ Москвѣ были осторожны: посламъ обѣщана была прямая помощь тогда, когда вправду станетъ видно, что весь народъ того хочетъ. А до того позволено желающимъ переселяться на царскія земли.

Возстанія въ Малороссіи продолжались—одно страшнѣе другого. Поляки, подавивъ возстаніе, жестоко расправлялись съ побѣжденными. Казаки десятками тысячъ, съ женами и дѣтьми, бѣжали за Московскій рубежъ и селились вокругъ царскихъ городовъ—Ливенъ, Новосиля, Мценска, Оскола, Воронежа, Дѣдилова, Рыльска, Путивля, Курска, Сѣвска. Поляки настойчиво требовали выдачи бѣглецовъ и жаловались, что «Царь де ихъ на службу принимаетъ, а надобно было бы, чтобы и колы то тѣ уже подгнили, на которыхъ они бы посажены были»... Изъ Москвы

былъ неизмѣнный отвѣтъ: такого договора, чтобы выдавать бѣглецовъ, нѣтъ между Москвою и Польшею.

Весною 1648 года изъ Запорожья поднялось новое возстаніе. Во главѣ возстанія сталъ умный и ученый, посѣдѣвшій въ бояхъ, казакъ Богданъ Хмельницкій. Казаки толковали, что онъ имѣлъ на то разрѣшеніе отъ самого короля. Король Владиславъ хотѣлъ воевать съ Турціей, и помощи ждалъ не отъ польскихъ пановъ, а отъ казаковъ. Говорили, что онъ прислалъ Хмельницкому деньги на постройку челновъ и велѣлъ запорожцамъ быть готовыми, по его слову, выступать въ походъ; а на жалобы казаковъ, что паны ихъ притѣсняютъ всякими обидами, — онъ отвѣчалъ: «Есть у васъ сабли, такъ обидчикамъ не поддавайтесь и кривды свои мстите саблями». Своевольные паны и самому королю были противны, а силы противъ нихъ, кромѣ казачьихъ сабель, у короля не было.

Опытный и хитрый старикъ Хмельницкій мастерски подготовилъ возстаніе. Онъ успѣлъ даже заключить тайный союзъ съ крымскимъ ханомъ, и тотъ выслалъ ему на помощь татарскую орду.

Возстаніе началось очень удачно. Польскія войска были побиты на-голову, двое гетмановъ попали въ плѣнъ. Возстаніе охватило всю Украину. Крѣпостные «хлопы» чуть не поголовно взялись за оружіе и толпами стекались подъ знамена Хмельницкаго, сила котораго росла съ каждымъ днемъ. «Каждый хлопъ—нашъ врагъ»—въ отчаяніи писали поляки: «каждое селеніе мы должны считать отрядомъ непріятельскимъ». Особенно пугало поляковъ невиданное ожесточеніе возставшихъ: ни одного измѣнника или шпіона не могли они найти среди нихъ, плѣнные казаки давали себя сжечь, а не говорили ничего.

Король Владиславъ умеръ въ разгарѣ возстанія, когда вся Украина залита была кровью. Избранный на престолъ братъ его Янъ-Казиміръ тоже благоволилъ къ казакамъ, помня ихъ прежнюю вѣрную службу, и упрекалъ своихъ пановъ за то, что они своими притѣсненіями довели казаковъ до возстанія.

Но паны такъ-же мало слушались новаго короля, какъ и умершаго Владислава: «Лучше умереть, чѣмъ казакамъ и хлопамъ въ чемъ-нибудь уступить», кричали они: «либо казаковъ истребимъ, либо они насъ истребятъ!» Вмѣсто уступокъ и примиренія, сеймъ объявилъ поголовное ополченіе для войны съ казаками. Новое войско польское было разбито казаками на-голову. Ужасъ охватилъ всю Польшу. «Казнь Божья на насъ»—говорили всюду: «чего никогда

не бывало, вездѣ казаки насъ побиваютъ». Самъ Богданъ ожесточился и не хотѣлъ больше слышать о мирѣ. «Выбью изъ польской неволи народъ русскій весь. Вся чернь, по Люблинъ и по Краковъ, поднимется за меня»—грозилъ онъ: «лучше голову сложить, чѣмъ возвратиться въ неволю».

По всей Украинѣ поляки и евреи были перерѣзаны чуть не до послѣдняго человѣка. Казаки всюду устраивали свое управленіе и свои казачьи суды и порядки. «Пусть ни одного шляхтича не будетъ на Украинѣ»—говорили они: «а который захочетъ съ нами хлѣбъ ѣсть, пусть будетъ послушенъ войску Запорожскому, а на короля не брыкаетъ. Пусть король будетъ королемъ: провинится князь—рѣжь ему шею; провинится казакъ—и ему тоже: вотъ будетъ правда».

Польское войско больше не существовало. Самъ король въ послѣдней битвѣ чуть не попалъ въ плѣнъ. На смерть перепуганные поляки сами запросили мира,—и Хмельницкій имѣлъ слабость согласиться. Правда, миръ былъ выгоденъ для казаковъ: число ихъ, вмѣсто 6 тысячъ, было установлено въ 40 тысячъ, Кіевскій митрополитъ православный былъ допущенъ въ польскій сенатъ, и евреи изгнаны изъ казачьихъ городковъ и мѣстечекъ. «Отъ нихъ все зло»—говорили казаки полякамъ—«они и васъ съ ума свели». Но все же не такого мира ждала Украина: никто изъ возставшихъ не хотѣлъ возвратиться въ рабство къ своему пану, не 40 тысячъ, а всѣ хотѣли быть казаками и жить не по польскимъ, а по казачьимъ законамъ. Въ народѣ начался ропотъ, Хмельницкаго называли измѣнникомъ. Началось новое возстаніе. Богданъ опять сталъ во главѣ народа, но со своимъ неудачнымъ миромъ онъ упустилъ время: за два года поляки собрались съ силами и, главное, успѣли подкупить подарками крымскаго хана. Ханъ со своей ордой измѣнилъ Хмельницкому во время самой битвы, и казаки потерпѣли страшное пораженіе. Началась обычная у поляковъ расправа съ побѣжденными. Опять, знакомою дорогой, потянулись толпы бѣглецовъ на востокъ, въ Московскіе предѣлы. Оставшіеся мѣщане, казаки и крестьяне роптали отъ страшнаго разоренія, причиненнаго долгой войною, и требовали, чтобы гетманъ просилъ подданства у Московскаго Царя: въ Москвѣ вѣра одна у всѣхъ, и междоусобной войны не бываетъ. Хмельницкій и самъ много разъ засылалъ пословъ въ Москву, просилъ помощи на поляковъ и обѣщалъ отъ всего войска вѣрную службу и подданство Государю. Въ Польшѣ все время боялись выступленія Москвы и съ опаскою посматривали на царскія войска, стоявшія на границѣ: «Одна

кровь, одна вѣра»—разсуждали поляки. Пока казаки сами справлялись съ врагами, въ Москвѣ медлили, не видя нужды разрывать миръ съ Польшей, только принимали бѣглецовъ подъ защиту, да въ голодные годы посылали хлѣбъ въ малороссійскіе города. Но въ началѣ 1653 года прибыли въ Москву новые послы отъ Хмельницкаго съ извѣстіемъ, что поляки въ конецъ опустошаютъ и губятъ несчастную Украину, и съ послѣдней мольбою о помощи. Молодой Царь Алексѣй Михайловичъ созвалъ на совѣтъ своихъ бояръ.

Переяславская рада.

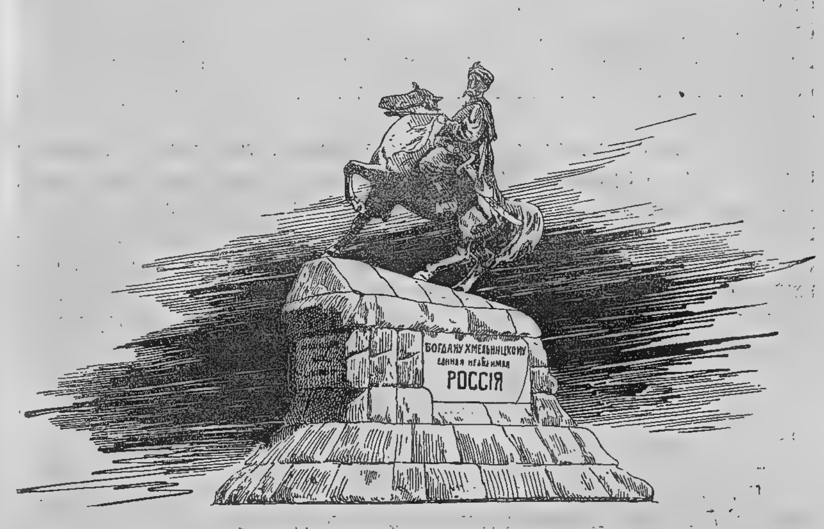
14 марта 1653 года «совершися Государская мысль въ семъ дѣлѣ»: Царь рѣшилъ принять Малороссію подъ свою высокую руку.

Осенью 1653 г. собрался въ Москвѣ земскій соборъ. Выслушавъ изложеніе дѣла люди всѣхъ чиновъ на соборѣ рѣшили такъ: гетмана Богдана Хмельницкаго и все Запорожское войско съ ихъ городами и землями, чтобы изволилъ Государь принять подъ свою высокую руку; польскій король, притѣсняя православную вѣру, нарушилъ этимъ договорную присягу, и потому его подданные - казаки тоже свободны отъ своей присяги и

вольны передаться, кому хотять. Съ объявленіемъ царской воли отправилось въ Малороссію особое посольство. Во всѣхъ городахъ его встрѣчали колокольнымъ звономъ, крестными ходами, хлѣбомъ-солью.

8-го января 1654 года въ городѣ Переяславѣ собралась казачья «рада» (сходъ). Гетманъ Хмельницкій объявилъ народу, что Царь склонился на шестилѣтнія непрестанныя моленія и согласенъ принять подъ свою высокую руку Запорожское войско, если войско доброю волей того хочетъ. Весь народъ единодушно воскликнулъ: «Волимъ подъ Царя восточнаго, православнаго. Боже утверди! Боже укрѣпи! Чтобы мы вовѣки всѣ едино были!»

Гетманъ, полковники и весь народъ торжественно цѣловали крестъ на вѣрность Государю.

Памятникъ Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ.

Война съ Польшею.

Въ Москвѣ, между тѣмъ, готовились къ войнѣ. Уже лѣтомъ 1653 г. дворянство было созвано на государеву службу, и Царь лично дѣлалъ смотръ полкамъ. 23-го октября въ Успенскомъ соборѣ прочитано было объявленіе о войнѣ съ Польшей. Въ самомъ началѣ 1654 года началось движеніе войскъ къ литовской границѣ. 23 апрѣля былъ во дворцѣ торжественный отпускъ князя Трубецкого, назначеннаго главнымъ воеводой. Послѣ богослуженія и пира, Царь Алексѣй Михайловичъ сказалъ Трубецкому напутственное слово—милостивый и грозный приказъ и, взявъ обѣими руками, прижалъ къ своей груди и поцѣловалъ сѣдую голову воеводы. Старый воинъ расплакался и началъ кланяться Царю въ землю. Скоро стало извѣстно, что Государь самъ идетъ съ войскомъ, чтобы «радость и нужду всякую принимать вмѣстѣ». Великое одушевленіе господствовало въ полкахъ: шли защищать отъ врага Русскую кровь и православную вѣру, послѣднему воину были извѣстны обиды, терпимыя въ Польшѣ Русскими людьми. Патріархъ и духовенство кропили выступавшіе полки святой водою. Многіе воины плакали, глядя на Государя и слушая его слова.

Въ концѣ мая царскіе полки перешли литовскую границу и вступили въ предѣлы Бѣлоруссіи. Русское населеніе этого края, хотя и не примкнуло прямо къ движенію въ Малороссіи, но сильно волновалось, слѣдя за ходомъ войны. Теперь, при появленіи Московскихъ войскъ, бѣлорусскіе города одинъ за другимъ стали сдаваться безъ бою на царское имя. «Мужики очень намъ враждебны»—писали перепуганные поляки: «надо опасаться чего-нибудь вродѣ казацкой войны». Съ юга въ Бѣлоруссію вторглись казачьи отряды Хмельницкаго. Князь Трубецкой на голову разбилъ около Борисова польское войско; однихъ полковниковъ взято было въ плѣнъ 12.

23 сентября, послѣ трехмѣсячной осады, сдался Смоленскъ. Литовскіе воеводы, выходя изъ города, слагали свои знамена къ ногамъ Алексѣя Михайловича. Къ зимѣ вся Бѣлоруссія занята была крѣпко царскими войсками. Лѣтомъ 1655 г. война возобновилась. Царскія войска повели наступленіе на самую Литву. Въ августѣ взята была столица Литвы—Вильна, и Алексѣй Михайловичъ къ титулу Царя и Самодержца Великой, Малой и Бѣлой Россіи присоединилъ титулъ Великаго Князя Литовскаго.

Богданъ Хмельницкій, подкрѣпленный Московскими полками, занялъ тѣмъ временемъ не только всю Украину, но и Галицкую Русь.

Такими блестящими успѣхами начата была война за великое народное дѣло.

Эти успѣхи взволновали весь православный людъ, жившій подъ властью турокъ. Опять пошли въ Москву послы изъ Румыніи, изъ подвластныхъ Турціи греческихъ и славянскихъ земель, изъ далекой Грузіи: всѣ просили Царя принять ихъ въ свое подданство, «чтобъ совокупилось все христіанство воедино», всѣ просили царскаго войска себѣ на помощь, чтобы возстать противъ поработителей-мусульманъ. Страданья православныхъ народовъ подъ тяжелымъ турецкимъ игомъ глубоко огорчали и трогали Царя. Всей душой стремился онъ освободить и ихъ. Завѣтной его мечтою было—увидѣть въ Софійскомъ соборѣ въ Константинополѣ торжественное богослуженіе, совершенное Московскимъ патріархомъ, совмѣстно съ четырьмя патріархами православнаго Востока. Но дѣла складывались такъ, что онъ не могъ разсылать свои войска на Кавказъ и Турцію.

Присоединеніе Малороссіи, Бѣлоруссіи и Литвы къ Московскому царству испугало европейскія державы, слѣдившія ревниво, чтобы Москва не усилилась слишкомъ на счетъ Польши. Первые вмѣшались шведы: они напали также на обезсиленную Польшу, и шведскій король Карлъ, взявъ Варшаву, провозгласилъ себя королемъ польскимъ. Многіе польскіе и литовскіе вельможи присягнули ему. Карлъ обѣщалъ полякамъ вернуть всѣ земли и города, отнятые Русскими. Между русскими и шведами начались столкновенія, перешедшія затѣмъ въ открытую войну. Въ то-же время къ Царю явились послы отъ австрійскаго императора: они убѣждали Алексѣя Михайловича отказаться отъ дальнѣйшихъ завоеваній въ Литвѣ, поставляя ему на видъ, что поляки готовы теперь же, при жизни Яна-Казиміра, избрать его наслѣдникомъ Польскаго королевства. Поляки съ своей стороны убѣждали Царя въ томъ же.

Въ Москвѣ хорошо знали цѣну польскимъ обѣщаніямъ: недаромъ, заключая съ поляками какой-нибудь договоръ, приказывали посламъ зорко слѣдить, чтобы король, дѣйствительно, поцѣловалъ крестъ, а не блюдо около креста. Но на этотъ разъ предстоящая тяжелая война со шведами и казавшіяся искренними увѣренія польскихъ вельможъ склонили Царя Алексѣя Михайловича на пріостановку дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій противъ Польши; паны съѣзжались на съѣздъ и готовились, повидимому, къ избранію Алексѣя Михайловича въ короли.

Война со шведами пошла не очень удачно. Несмотря на всѣ старанія Царей Михаила и Алексѣя, Русское войско все еще далеко уступало шведскому и въ вооруженіи, и въ военномъ искусствѣ. А тѣмъ временемъ поднялась смута въ Малороссіи.

Принявъ Малороссію въ свое подданство, Алексѣй Михайловичъ оставилъ ей ея старое привычное управленіе: населеніе дѣлилось на полки, казаки сами выбирали себѣ полковниковъ, эсауловъ и всю «старшину» (начальство); во главѣ Малороссіи стоялъ тоже выборный гетманъ. Но въ населеніи Украины скоро обнаружился расколъ. Управленіе выборной старшины вызывало горькія жалобы со стороны мѣщанъ, на которыхъ казаки смотрѣли съ презрѣніемъ, какъ на людей невоенныхъ, и нерѣдко обижали и грабили, а казачья старшина не давала мѣщанину суда и управы противъ казака. Мѣщане роптали и слали Царю челобитную за челобитною, чтобы онъ прислалъ въ города, для защиты и управленія, своихъ воеводъ. Сами казаки тоже не могли поладить между собою. Полковники и вся старшина привыкали понемногу смотрѣть на себя, какъ на пановъ, а на простыхъ казаковъ, какъ на своихъ хлоповъ. Пользуясь властью, они отписывали себѣ изъ войсковыхъ земель большія имѣнія, богатѣли, заводили крѣпостныхъ. Простое казачество роптало, иногда поднимало бунты. Еще при жизни старика Богдана поддерживался кое-какъ порядокъ. Но въ 1657 году Хмельницкій умеръ — и началась полная неурядица. Противъ новаго гетмана, Выговскаго, начали возставать его-же полковники. Для усмиренія ихъ гетманъ вызвалъ татаръ, и пошло междоусобіе. Царскій посолъ Кикинъ старался какъ-нибудь примирить казаковъ. Когда гетманъ хотѣлъ штурмовать непокорную ему Полтаву, Кикинъ заставилъ его поклясться, что онъ не позволитъ своимъ союзникамъ-татарамъ грабить христіанскій городъ. Полтава была взята. Начался повальный грабежъ. «Гдѣ-жъ твоя клятва?» спросилъ Кикинъ. Гетманъ устыдился и велѣлъ казакамъ отогнать татаръ отъ города.

Среди общей усобицы началась уже и прямая измѣна. Гетману и полковникамъ польскіе порядки нравились больше казачьихъ и московскихъ: имъ самимъ хотѣлось быть панами, а нигдѣ паны не имѣли такой воли и такого почета, какъ въ Польшѣ. Тотъ-же Выговскій заключилъ съ поляками тайный договоръ и сталъ исподволь возбуждать казаковъ противъ Москвы. Нашлись такіе, которые пошли за старшиною и передались опять Польшѣ, забывая о клятвѣ на Переяславской радѣ. Надѣясь на то, что Москва

занята шведской войной и малороссійской смутой, польскій сеймъ и не подумалъ избирать на престолъ Царя Алексѣя, а вмѣсто того сталъ собирать противъ него войска.

Военное счастье измѣнило Русскимъ. Въ 1659 году измѣнникъ Выговскій съ татарами нанесъ московскимъ воеводамъ пораженіе подъ Конотопомъ. Лучшіе дворянскіе полки погибли въ этой несчастной битвѣ. Воевода князь Пожарскій, взятый въ плѣнъ, былъ обезглавленъ татарами за то, что плюнулъ въ лицо хану, хвалившемуся своей побѣдой.

Польскія и литовскія войска, собравшись съ силами за четыре года перемирія, тоже открыли военныя дѣйствія. Въ 1661 году самъ король съ огромными силами осадилъ и взялъ Вильну. Воевода князь Мышецкій защищалъ городъ геройски, отбивая приступъ за приступомъ и безъ пощады рубя голову всякому, кто заговаривалъ о сдачѣ. Наконецъ, когда всего гарнизону осталось 78 человѣкъ, измученныхъ голодомъ,—поляки ворвались въ крѣпость. Воевода бросился въ пороховой погребъ, чтобы взорвать всю крѣпость на воздухъ, но не успѣлъ и былъ схваченъ.

Приведенный къ королю, онъ не захотѣлъ поклониться. Его спрашивали: какой милости хочетъ онъ отъ короля?—«Никакого милосердія отъ короля не требую, а желаю себѣ смерти», отвѣтилъ князь. Поляки, вопреки всѣмъ военнымъ обычаямъ, казнили храбраго воеводу.

Со шведами миръ заключенъ былъ въ 1661 году, но война въ Литвѣ и въ Малороссіи затянулась еще на 6 лѣтъ. Неурядица въ Малороссіи все росла. Всякіе выборы гетмана сопровождались жестокимъ побоищемъ на радѣ. Партія, поставившая своего гетмана, тутъ же начинала грабить и казнить будто-бы за какую-то измѣну неугодныхъ ей казаковъ. Доносы на всякаго избраннаго гетмана такъ и сыпались въ Москву. Не знали, кому вѣрить. «Гдѣ и подъ страхомъ живутъ—и тамъ безъ плута не бываетъ, а у насъ въ малороссійскихъ городахъ вольность: если бы государевой милости ко мнѣ не было, то у нихъ бы на всякій годъ было по десяти гетмановъ»,—жаловался одинъ гетманъ. Старшина жаловалась на своевольство простыхъ людей, а тѣ жаловались на корыстолюбіе старшины. Въ Малороссіи все больше привыкали полагаться на государеву милость: сами гетманы выпрашивали себѣ московскихъ солдатъ для охраны, выпрашивали войска для обузданія своихъ ослушниковъ, были рады, когда получали боярскій чинъ...

Среди неурядицы, раздоровъ и измѣны въ средѣ старшины огромная масса простого казачества и мѣщанства хранила вѣр-

ность добровольно избранному православному Царю. Особенно старики, помнившіе польскіе порядки, боялись возстановленія ихъ и благословляли Царя, который поборовъ не требуетъ, а, начавши войну, самъ и своего здоровья за нихъ не жалѣетъ.

Послѣ несчастной битвы подъ Конотопомъ польскій полководецъ Потоцкій доносилъ королю: «Не изволь ожидать для себя ничего добраго отъ здѣшняго края. Всѣ жители здѣшніе скоро опять будутъ Московскими: они того хотятъ и только ждутъ случая, чтобы достигнуть желаемаго».

Война затягивалась, пораженія и побѣды смѣняли другъ друга, силы Россіи и Польши истощались, а несчастная Малороссія, раздираемая двадцатилѣтней смутою, превращалась почти въ пустыню. Наконецъ, начались переговоры о мирѣ. Польскіе послы упрямились и требовали, чтобы имъ были отданы цѣликомъ бѣлорусскія и малорусскія земли, бывшія за ними до 1654 года. Русскіе предлагали вернуть полякамъ западную половину Малороссіи (по Днѣпръ), сохранивъ за собою восточную. Главный русскій посолъ, бояринъ Ординъ-Нащокинъ, совѣтовалъ даже Царю вовсе отказаться отъ Малороссіи и въ союзѣ съ поляками напасть на Швецію. Но для добраго и набожнаго Алексѣя Михайловича защита православной Малороссіи была дороже, чѣмъ выгодныя завоеванія отъ шведовъ. Даже половину Малороссіи уступалъ онъ съ болью, отъ крайней нужды, отдать же всю цѣликомъ подъ иго иновѣрцевъ онъ считалъ непростительнымъ грѣхомъ: «Какое оправданіе примемъ мы, если допустимъ это?—писалъ онъ Нащокину.

Поляки пошли на уступки. Въ селѣ Андрусовѣ, осенью 1667 года, заключено было перемиріе. За Россіей остались Смоленская и Черниговско-Сѣверская области. Границею Русскихъ и Польскихъ владѣній на Украинѣ указанъ былъ Днѣпръ. На правомъ берегу Днѣпра Русскіе сохранили Кіевъ, съ обязательствомъ вернуть его Польшѣ черезъ два года. Такимъ образомъ, Алексѣй Михайловичъ не только возвратилъ Россіи то, что было уступлено Польшѣ послѣ смутнаго времени, но и сдѣлалъ новое цѣнное земельное пріобрѣтеніе на югѣ: пріобрѣлъ лѣвобережную польскую Украину, называвшуюся съ этого времени Гетманской Украиной (нынѣшнія Полтавская и южная часть Черниговской губерніи).

Гетманская Украина быстро оправилась отъ разорительной войны. Населеніе ея съ каждымъ годомъ становилось все гуще: сюда во множествѣ бѣжали съ праваго берега Днѣпра крестьяне и казаки, не желавшіе подчиняться польскимъ порядкамъ. Новые

города выростали одинъ за другимъ. Черноземная земля давала богатые урожаи. Гетманская Украина бойко торговала хлѣбомъ и скотомъ, сбывая ихъ въ Польшу, въ нѣмецкія земли и въ Москву. Быстро поднявшійся Нѣжинъ сталъ большимъ торговымъ городомъ: черезъ него шла вся торговля Московскихъ южныхъ городовъ съ Турціею; сюда свозились во множествѣ товары изъ Москвы, изъ Польши, изъ Константинополя, изъ Запорожья, съ Дона. Такъ быстро заселилась и разбогатѣла эта благословенная Богомъ страна, освобожденная русскимъ оружіемъ отъ тяжелаго иновѣрнаго ига.

Кіевъ въ XVII вѣкѣ.

Старому Кіеву—матери русскихъ городовъ—не пришлось больше быть подъ польскою властью. Не прошло назначенныхъ двухъ лѣтъ, какъ правобережная (польская) Украина возстала противъ Польши и поддалась турецкому султану. Огромное турецкое и татарское войско надвинулось на Польшу съ юга. Лучшія польскія крѣпости пали одна за другой. Польша не могла бороться и поспѣшила заключить съ Турціею миръ, которымъ уступила ей свою (западную) половину Украины. Теперь уже не было рѣчи о томъ, чтобы отдавать Кіевъ полякамъ: надо было защищать его отъ турокъ. Казаки западной стороны, сами призвавшіе турокъ, теперь опять волновались и роптали, видя, какъ татары грабили, что

попало подъ руку, мостили улицы иконами и продавали въ рабство казачьихъ женъ и дѣтей. Въ мартѣ 1674 года въ Переяславѣ съѣхались на раду полковники всѣхъ малороссійскихъ полковъ и восточной (московской), и западной (турецкой) стороны и избрали общаго гетмана—Ивана Самойловича. Западные полковники снова присягнули на вѣрность Царю Алексѣю Михайловичу.

Царскія войска, вмѣстѣ съ казачьими, заняли главный городъ западной Украины—Чигиринъ.

Едва успѣли Московскіе ратные люди разойтись по домамъ послѣ Андрусовскаго перемирія, какъ снова были созваны подъ знамена. Опять, какъ 20 лѣтъ назадъ, москвичи сбѣгались толпами смотрѣть на царскія рати, выступавшія къ Украинѣ—на этотъ разъ противъ «турскихъ людей», съ любопытствомъ и гордостью смотрѣли на сильную артиллерію: никогда въ Москвѣ не видали такихъ большихъ и хорошихъ пушекъ, такъ ловко прилаженной упряжи. Опытные люди говорили, что противъ такихъ пушекъ «турскимъ людямъ» не устоять.

Среди военныхъ приготовленій скончался Алексѣй Михайловичъ. Молодой Царь Өеодоръ принялъ престолъ въ тревожное время. Уже лѣтомъ 1677 г. загремѣла снова пальба по всей Украинѣ: татары и турки осаждали Чигиринъ. Но русскія пушки не обманули надеждъ: сильное турецкое войско бѣжало, бросая по дорогѣ обозъ, оружіе, тысячи труповъ.

Черезъ годъ безчисленныя турецкія рати снова наводнили западную Украину. На этотъ разъ Чигиринъ не устоялъ: его земляныя стѣны были взорваны турецкими подкопами, и остатки Русскаго войска оружіемъ пробили себѣ дорогу и отступили, оставляя туркамъ дымящіяся развалины бывшаго города. Но и турки, потерявшіе подъ Чигириномъ третью часть своей стотысячной рати, не посмѣли двинуться ни къ Кіеву, ни на лѣвый берегъ Днѣпра—и завели переговоры о мирѣ. О западной Украинѣ, занятой турецкими войсками, спорить не стоило. Отъ тридцатилѣтней польской и турецкой войны она превратилась въ пустыню. Города лежали въ развалинахъ, населеніе, чуть не до послѣдняго человѣка, перебѣжало за Днѣпръ, въ Московскія владѣнія,—и степь на югѣ отъ царскихъ украинскихъ городовъ густо покрылась городками и поселками малороссовъ-переселенцевъ. Съ теченіемъ времени въ этой части южной степи (въ нынѣшнихъ Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерніяхъ) образовалась Слободская Украина, или Слободскіе украинскіе полки, взявшіе на себя защиту Русской земли отъ крымскихъ и иныхъ татаръ.

Въ 1681 году миръ съ Турціей былъ заключенъ. Подолія и западная Украина остались за Турціей, въ ихъ безлюдныхъ теперь степяхъ стали кочевать татарскія орды съ ихъ стадами. Кіевъ и восточная Малороссія, а также и самый Днѣпръ и его притоки съ богатыми рыбными промыслами навсегда были закрѣплены за Россіей. Отъ Кіева еще раньше (въ 1678 г.) Польша отказалась, получивъ взамѣнъ его въ Бѣлоруссіи Себежскій, Невельскій и Велижскій уѣзды.

Такъ кончилась долгая кровавая война за соединеніе въ единое православное государство великаго Русскаго народа. Польша, обезсиленная пораженіями и потерею всей Украины, раздираемая вѣчно внутренней смутой, была больше не опасна. Зато новый, грозный врагъ—страшная для всей Европы Турція—придвинулся къ самымъ границамъ Московскаго государства.

Заботы о внутреннемъ благоустройствѣ государства.

Успокоеніе земли.

Царю Михаилу Русское государство досталось въ печальномъ состояніи. Не только опасные внѣшніе враги угрожали странѣ, но и внутри много было неустройства. Къ молодому Государю отовсюду шли жалобы на разореніе. Дѣйствительно, за долгіе годы смуты населеніе совершенно обнищало. «Денегъ Твоему Государеву Величеству», пишетъ Коломенскій воевода, «собрать нельзя, не съ кого». Рязанскій архіепископъ доноситъ Государю, что вотчины и помѣстья рязанскихъ дворянъ разорены до конца, дома ихъ выжжены, крестьяне уведены. Такія же точно вѣсти приходили и изъ другихъ мѣстъ. Тамъ, гдѣ населеніе бѣдствовало особенно сильно, съ него не взыскивали податей и недоимокъ: такъ, Новгородская область, послѣ ея возвращенія отъ шведовъ, была освобождена на три года отъ всякихъ податей. Но такія льготы нельзя было широко распространять: въ казнѣ денегъ было мало, а деньги были неотложно нужны и для войнъ со Швеціей и Польшей, и для внутренняго порядка.

Вскорѣ послѣ вступленія Михаила Θеодоровича на престолъ, по рѣшенію земскаго собора, былъ установленъ сборъ «пятой

деньги» съ торговыхъ и иныхъ болѣе состоятельныхъ людей, т. е. потребована была пятая часть ихъ доходовъ. И этотъ сборъ производился два года подрядъ. Въ то же время увеличены были налоги и съ остальнаго населенія.

До смуты существовали государственныя писцовыя книги, на основаніи которыхъ власти могли равномѣрно распредѣлять налоги. Но теперь эти старыя писцовыя книги уже не годились: во время смуты много людей совершенно разорилось, цѣлыя деревни и села запустѣли. Приходилось поэтому составлять новыя книги, а для того, чтобы опредѣлить, гдѣ и въ какомъ положеніи сохранилось населеніе, отправлены были изъ Москвы особые «дозорщики». Но эти дозорщики вели дѣло плохо: частью по незнанію, а иногда ради взятокъ показывали, что въ томъ или другомъ селѣ «дворишки всѣ стоятъ пусты», тогда какъ жители тамъ были. Поэтому, черезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ возвращенія въ Москву отца Государя, были посланы новые дозорщики и писцы для составленія писцовыхъ книгъ. И тѣмъ, и другимъ было запрещено подъ страхомъ жестокаго наказанія брать взятки; такому же наказанію подвергались и тѣ лица, которыя давали взятки или невѣрныя показанія о своемъ имуществѣ. Кромѣ налоговъ, государева казна пополнялась иногда и добровольными пожертвованіями людей, радѣвшихъ о благѣ родины. Среди нихъ особливо выдѣлялись Строгановы, владѣвшіе соляными промыслами на Уралѣ; съ нихъ приходилось подати 13.000 р., но Государь и земскій соборъ просили ихъ порадѣть о Церкви и Родинѣ, заплатить 40.000 рублей, и Строгановы заплатили.

Кромѣ страшнаго разоренія, народъ нерѣдко страдалъ еще отъ злоупотребленій воеводъ, дьяковъ и подьячихъ. Привыкнувъ безчинствовать и насильничать во время смуты, они не могли сразу отрѣшиться отъ неправды, они грабили и разоряли населеніе, брали съ него больше, чѣмъ было положено. Такъ поступали не только назначенные изъ Москвы воеводы, но и избранные самимъ населеніемъ старосты.

Съ возвращеніемъ въ 1619 году отца Государя митрополита Филарета, поставленнаго тогда же въ патріархи, явилась давно жданная помощь молодому Царю въ управленіи государствомъ. Сразу же почувствовалась опытная и твердая рука человѣка, котораго не сломили ни притѣсненія Бориса Годунова, ни долгій, мучительный польскій плѣнъ. Бояре дѣлали доклады о государственныхъ дѣлахъ и Царю, и патріарху. Имъ обоимъ представлялись и иностранные послы. Въ государственныхъ грамотахъ этого

времени видимъ рядомъ два имени: «Государь Царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Руси съ отцомъ своимъ великимъ Государемъ Святѣйшимъ Патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ Московскимъ и всея Руси». 14 лѣтъ такъ и шло, до смерти патріарха, послѣдовавшей въ 1633 году.

Про патріарха Филарета одинъ изъ современниковъ говоритъ, что онъ «не только слово Божіе исправлялъ, но и земскими дѣлами всѣми правилъ, многихъ освободилъ отъ насилія... Кто служилъ въ безгосударное время и былъ не пожалованъ, тѣхъ всѣхъ онъ взыскалъ и пожаловалъ». Напротивъ, онъ былъ суровъ по отношенію къ провинившимся и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько былъ справедливъ, что не щадилъ и своихъ родственниковъ: такъ, племянники его Салтыковы, изобличенные въ разныхъ злоупотребленіяхъ, были наказаны и сосланы въ отдаленные города.

Въ непрестанныхъ заботахъ о насажденіи порядка и уничтоженіи тяжелыхъ послѣдствій пережитой смуты, Царь и патріархъ настойчиво искореняли всякаго рода несправедливости и насилія. На одномъ изъ земскихъ соборовъ они возвѣстили о своей непреклонной волѣ, чтобы «всѣ люди государства, Божіею милостью и ихъ царскимъ призрѣніемъ, жили въ покоѣ, мирѣ и радости».

Царю и патріарху со всѣхъ сторонъ подавали челобитья на бояръ и всякихъ другихъ чиновъ людей за ихъ насильства и обиды. Для защиты обиженныхъ былъ учрежденъ приказъ Сыскныхъ Дѣлъ (приказами тогда назывались высшія учрежденія въ Москвѣ, которыя завѣдывали тѣми или другими государственными дѣлами). Во главѣ этого приказа были поставлены близкіе Государю и патріарху люди, князья Черкасскій и Мезецкій, которые должны были принимать жалобы и «накрѣпко по этимъ дѣламъ сыскивать».

Однако уничтожить сразу притѣсненія и насилія было трудно. Въ приказы проникло не мало неблагонадежныхъ людей, особенно изъ числа бывшихъ тушинцевъ. Искоренить дурные внутренніе плоды смуты было очень трудно; но Филаретъ Никитичъ все, что могъ, сдѣлалъ для того, чтобы ихъ искоренить. Благодаря мудрой дѣятельности его, начало рости общее довѣріе къ правительственной власти, и Царская власть, пошатнувшаяся въ смутное время, окрѣпла и возвратилась къ своей прежней силѣ.

Помимо заботъ о справедливомъ распредѣленіи податей и повинностей и борьбы съ насильниками, Царь и патріархъ заботились всемѣрно о благоустройствѣ государства. Со времени смуты многіе города лежали въ развалинахъ. Въ самой Москвѣ, когда въ нее вступилъ новый Государь, царскія палаты стояли безъ

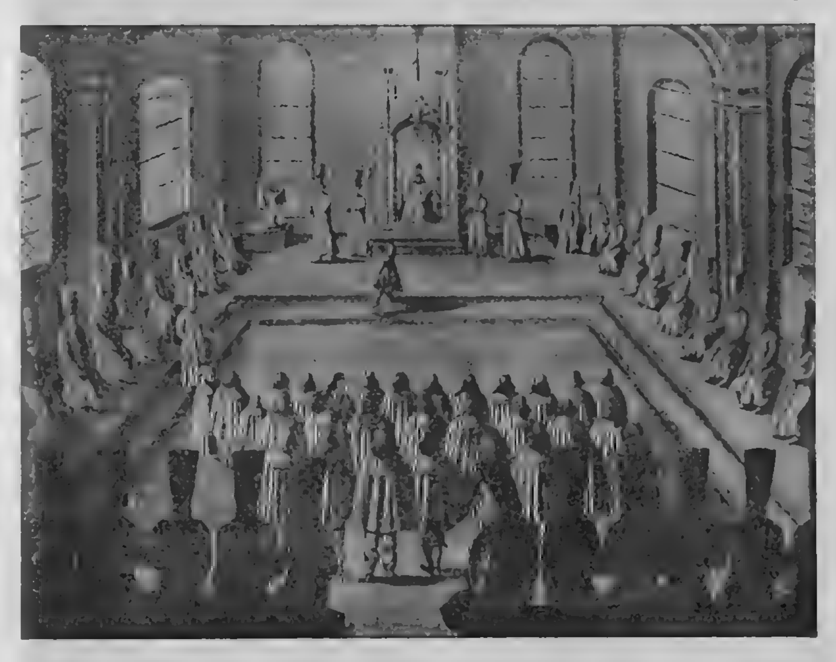
крышъ. Кромѣ того, Москва и другіе города сильно страдали отъ пожаровъ. Столица горѣла при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ три раза: въ 1626, 1629 и 1634 годахъ. Для борьбы съ пожарами стали принимать строгія мѣры. По приказу Государя, особый «объѣзжій голова» ежедневно долженъ былъ по нѣскольку разъ осматривать свой участокъ, слѣдить за пожарными сторожами и ловить поджигателей. Въ Москвѣ въ это время уже содержались постоянные пожарные обозы съ сотнями лошадей. Всѣ эти мѣры оказались дѣйствительны, и послѣ 1634-го года такихъ страшныхъ пожаровъ уже не было.

Государь проявилъ большую заботу о возстановленіи изъ развалинъ Москвы и другихъ городовъ. Въ Москвѣ деревянныя стѣны, шедшія вокругъ города, были замѣнены большимъ валомъ, многія деревянныя церкви были перестроены въ каменныя. Были возобновлены разрушенный поляками Печатный дворъ и Царская библіотека, почти уничтоженная во время лихолѣтья. Для этого изъ многихъ монастырей брались въ нее такія книги, которыхъ тамъ было нѣсколько, а съ рѣдкихъ книгъ дѣлались для нея особые списки. Отчасти благодаря этой книжной заботѣ, возродилась вновь и русская письменность: появляются замѣчательные труды Авраамія Палицына—Сказаніе объ осадѣ Троице-Сергіева Монастыря и Симона Азарьина—Житіе преподобнаго Сергія. Строились укрѣпленія и храмы и въ другихъ городахъ.

Всѣ эти многочисленныя работы и необходимыя улучшенія въ разныхъ областяхъ жизни нельзя было исполнить одними своими мастерами. Приходилось поневолѣ обращаться въ иностранныя государства, гдѣ среди внутренняго мира, упорнаго труда и процвѣтанія наукъ развились и достигли преуспѣянія разнаго рода искусства и ремесла. Иностранные мастера, главнымъ образомъ нѣмцы, голландцы и отчасти англичане, устраивали у насъ различныя фабрики. Особенно нужны были для государства литейныхъ дѣлъ мастера и такъ называемые «рудознатцы», т. е. люди, умѣвшіе отыскивать желѣзную, мѣдную и всякаго рода другую руду. Ихъ Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ усиленно призывалъ изъ-за границы. Среди этихъ иноземцевъ особенно прославился голландецъ Андрей Виніусъ, который, по приказанію Царя, основалъ чугунно-плавильный заводъ близъ Тулы. Этимъ самымъ Царь положилъ основаніе Тульскому оружейному заводу. На ряду съ иностранными мастерами намъ въ это время приходилось имѣть дѣло и съ иноземными купцами, которые усиленно ходатайствовали передъ Царемъ о дарованіи имъ разнаго рода льготъ. Какъ ни трудно

было положеніе Московскаго государства въ то время, однако власти крѣпко обороняли своихъ торговцевъ отъ соперничества иностранцевъ.

Таковы были главныя мѣры Царя Михаила Ѳеодоровича для внутренняго благоустроенія разореннаго смутою государства. Надо отмѣтить одну особенность: почти всегда Царь, прежде чѣмъ предпринять что-нибудь важное, созывалъ земскій соборъ, т. е. выборныхъ отъ разныхъ чиновъ людей, у которыхъ спрашивалъ мнѣнія относительно того или другого дѣла. Выборные, посовѣтовавшись по сословіямъ (отдѣльно служилые люди, купцы и другіе), подавали Царю свою челобитную, въ которой представляли отвѣтъ на царскіе вопросы. Царь могъ принять мнѣніе земскаго собора, но могъ и не принять, и поступить такъ, какъ онъ находилъ для государства лучше. Почти всякая челобитная земскаго собора кончалась заявленіемъ: «мы думаемъ то-то и то-то, а впрочемъ во всемъ Твоя Государева воля».

Царь съ боярами принимаетъ иноземныхъ пословъ.

Благодаря земскимъ соборамъ, Царь могъ хорошо знать нужды населенія и принимать необходимыя мѣры для блага родной страны. При Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ земскіе соборы созывались особенно часто и иногда засѣдали по нѣскольку лѣтъ подъ-рядъ. Это вполнѣ понятно, такъ какъ въ виду всеобщаго разстройства Царю нужно было постоянное содѣйствіе со стороны земскихъ людей. Впослѣдствіи, при преемникѣ Михаила Ѳеодоровича, въ виду укрѣпленія порядка въ государствѣ, большаго ознакомленія Московскихъ властей съ народными потребностями, и, наконецъ, благодаря тому, что царская воля была уже выражена въ точныхъ писанныхъ законахъ, земскіе соборы собираются рѣже. Первые государи изъ дома Романовыхъ въ трудныя времена жизни государства постоянно обращались къ своему народу, видя въ своемъ единеніи съ нимъ залогъ укрѣпленія мощи государственной, и земля Русская чрезъ уполномоченныхъ своихъ всегда горячо отзывалась на царскій призывъ: народъ былъ готовъ пожертвовать всѣмъ на благо родины и во славу своего Государя. Искорененіе смуты, укрѣпленіе въ государствѣ порядка, установленіе власти сильной и справедливой шли на пользу земли, и Русскіе люди не могли этого не понимать.

Время Царя Алексѣя Михайловича.

Царь Алексѣй Михайловичъ вступилъ на престолъ шестнадцати лѣтъ.

Царь былъ юноша живой, впечатлительный, всѣмъ интересовавшійся. Онъ прекрасно зналъ Священное Писаніе и русскія лѣтописи, не былъ чуждъ и иноземной свѣтской наукѣ. Мать его, Царица Евдокія Лукьяновна, только пятью недѣлями пережила своего царственнаго супруга. Около юнаго Царя не было вѣрнаго и честнаго человѣка, на котораго онъ могъ бы опереться и который помогалъ бы ему своей опытностью, знаніемъ жизни и людей. Появились снова недобросовѣстные люди, которые больше заботились о своей личной выгодѣ, чѣмъ о пользѣ государства. Такимъ оказался и воспитатель молодого Царя, ближній бояринъ Морозовъ, который даже породнился съ Государемъ, женившись на младшей сестрѣ его супруги. Морозовъ былъ человѣкъ даровитый и по тому времени образованный, но, достигнувъ высокаго положенія, сталъ злоупотреблять царскимъ довѣріемъ.

Еще болѣе своекорыстнымъ человѣкомъ оказался царскій тесть, бояринъ Милославскій. Дѣятельность этихъ лицъ не могла привести къ добру, и снова смута пошла по Русской землѣ. Въ 1648 году въ Москвѣ произошелъ мятежъ. Еще за два года передъ этимъ московскіе торговые люди изъ гостинной и суконной сотенъ, а также люди черныхъ сотенъ (такъ назывались въ Москвѣ мелкіе купцы и ремесленники) подали Царю челобитную, въ которой жаловались на торговыхъ иноземцевъ, особенно англичанъ, получившихъ, благодаря взяткамъ, многія льготы и преимущества.

Русскіе купцы писали Царю, что въ прежнее царствованіе дана была грамота одному только англичанину Джону Мерику съ товарищами—торговать по всѣмъ городамъ русскимъ, а теперь въ Русское государство, во всѣ города понаѣхало великое множество иноземныхъ купцовъ. При помощи взятокъ имъ удается—жаловались купцы—привозить товары почти безъ пошлины, чѣмъ для государевой казны чинятся великіе убытки. Наконецъ, челобитчики указывали, что и среди русскихъ торговцевъ находились предпріимчивые люди, которые возили сами за границу свои товары (собольи и другіе мѣха), но иностранцы тамъ у нихъ не покупали товару ни на одну копѣйку и, смѣясь, говорили, что они хотятъ этимъ отбить у русскихъ купцовъ охоту самимъ продавать свой товаръ.

Однако челобитье не имѣло успѣха, такъ какъ иностраннымъ купцамъ покровительствовали сильные люди, особенно бояринъ Морозовъ. Отказъ въ просьбѣ взволновалъ московскихъ торговыхъ людей. Еще болѣе усилилось народное недовольство послѣ введенія прибавочной пошлины на соль. Всѣ эти невыгодныя для населенія мѣры приписывали царскому воспитателю и окольничимъ Плещееву и Траханіотову.

1 іюня 1648 года, при возвращеніи Царя въ Москву изъ Троицкой обители, при самомъ въѣздѣ Царя въ Кремль, передъ Спасскими воротами, его остановила толпа московскихъ жителей, которые просили управы на Плещеева. Послѣ милостивыхъ словъ Царя толпа уже готова была разойтись, но грубыя дѣйствія нѣкоторыхъ бояръ вызвали вспышку: толпа потребовала выдачи Морозова и разграбила его домъ, равно какъ и дома другихъ знатныхъ людей, запятнавшихъ себя корыстолюбіемъ. Затѣмъ, и въ слѣдующіе дни толпа продолжала безчинствовать. Царь, удостовѣрившись въ злоупотребленіяхъ Плещеева и Траханіотова, велѣлъ предать ихъ казни, патріархъ же, совмѣстно съ другими духовными лицами, увѣщевалъ народъ успокоиться.

Когда волненіе нѣсколько утихло, Царь 6 іюня торжественно вышелъ на Лобное мѣсто и обратился къ народу съ трогательнымъ словомъ, говорилъ, что онъ теперь взялъ всѣ дѣла въ свои руки и не дастъ воли злымъ людямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сказалъ, что и народу нужно отнестись снисходительно къ Морозову, который заботился о Царѣ въ отроческіе его годы.

Народъ покрылъ слова Государя громкимъ крикомъ: «Многая лѣта Царю нашему»!

Такъ кончился этотъ мятежъ въ Москвѣ. Волненія возникаютъ и въ другихъ городахъ. Такъ, въ Великомъ Устюгѣ и Сольвычегодскѣ населеніе бунтовало противъ корыстолюбивыхъ воеводъ. Впрочемъ, въ этихъ городахъ мятежи скоро затихли. Въ Сольвычегодскѣ много содѣйствовала успокоенію почитаемая населеніемъ вдова одного изъ братьевъ Строгановыхъ. Гораздо сильнѣе были мятежи въ Псковѣ и Новгородѣ. Въ этихъ городахъ волненія произошли главнымъ образомъ вслѣдствіе подстрекательства злонамѣренныхъ лицъ, желавшихъ поживиться во время смуты. Ближайшимъ поводомъ къ возникновенію волненій послужило неправильное пониманіе народомъ распоряженія властей, изданнаго ради русскихъ людей и православныхъ финновъ, бѣжавшихъ къ намъ отъ гоненій шведовъ-лютеранъ изъ уступленныхъ Швеціи по Столбовскому миру городовъ и селъ. За такихъ пришельцевъ Русское правительство должно было уплачивать деньги, но такъ какъ денегъ въ казнѣ было немного, то вмѣсто денегъ стали выдавать хлѣбомъ изъ царскихъ житницъ Новгорода и Пскова. И тогда разные гулящіе люди начали говорить, что это бояре и воеводы измѣнили Царю и нарочно отдаютъ хлѣбъ иностранцамъ. Чернь въ обоихъ городахъ поднялась противъ властей, нѣкоторыхъ убили, другіе должны были бѣжать. Во Псковѣ мятежники имѣли успѣхъ, и для ихъ усмиренія было отправлено войско; но въ Новгородѣ бунтовщики встрѣтили сильное противодѣйствіе со стороны митрополита Никона, будущаго патріарха. Послѣдній торжественно предалъ анаѳемѣ въ Софійскомъ соборѣ зачинщиковъ мятежа, за что толпа ворвалась въ его покои, оскорбила и чуть не до смерти избила его. Когда мятежники одумались и смирились, то тотъ же митрополитъ Никонъ явился предъ Царемъ за нихъ заступникомъ.

Этимъ и завершились бывшія въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича народныя смуты. Много имъ способствовали злоупотребленія приказныхъ людей: многочисленное поколѣніе старыхъ тушинцевъ не все еще сошло въ могилу, да и

нѣкоторой части молодого поколѣнія передались ихъ злые нравы, какъ передается всякая злая зараза.

Конецъ царствованія Алексѣя Михайловича омрачился бунтомъ, вызваннымъ донскимъ казакомъ Стенькой Разинымъ и охватившимъ все среднее и нижнее Поволжье. По Волгѣ, особенно въ Жигулевскихъ горахъ, уже издавна ютились преступные бѣглецы изъ разныхъ областей Московскаго царства; здѣсь они грабили своихъ и персидскихъ проѣзжихъ купцовъ. Число этихъ разбойниковъ увеличивалось буйными выходцами съ Дона. Донскіе казаки объ эту пору распадались на такъ называемыхъ домовитыхъ, занимавшихся хозяйствомъ и рыбною ловлей, и голытьбу — разныхъ бѣглецовъ изъ Московскаго царства, думавшихъ лишь о легкой наживѣ и боявшихся всякой работы. Для этой буйной черни выходъ для грабежей въ Азовское море былъ затрудненъ со времени занятія Азова турками. Часть этой голытьбы, вмѣстѣ съ отчаяннымъ своимъ атаманомъ Стенькой Разинымъ, перебросилась въ 1667 году на Волгу; пограбивъ здѣсь хлѣбные караваны, Стенька со своими товарищами спустился въ Каспійское море и полтора года опустошалъ прибрежные города, а затѣмъ съ богатой добычей вернулся на Донъ. Слухъ о его успѣхахъ и легкой добычѣ привлекъ къ нему множество гулящаго люда, бѣглыхъ холоповъ и разнаго рода проходимцевъ. Съ ними онъ въ 1670 году вновь появляется на Волгѣ, гдѣ, пользуясь поддержкой инородцевъ (татаръ, чувашъ, черемисъ), захватываетъ Астрахань, Царицынъ, Саратовъ и Самару. Шайки Разина всюду избивали и грабили, кого можно. Для легковѣрныхъ, въ доказательство своей преданности Царю, онъ держалъ на суднѣ своемъ какого-то мальчишку, котораго выдавалъ за сына Царя, царевича Алексѣя Алексѣевича, котораго въ то время уже не было и въ живыхъ. Предаваясь съ своими пьяными товарищами разбоямъ, душегубству и кощунству, Разинъ выдавалъ себя православнымъ за друга патріарха Никона, а старообрядцамъ—за ревностнаго ихъ сторонника. Свирѣпость Разиновскихъ шаекъ и сильное разоренье всего приволжскаго края уже начали напоминать печальныя времена смуты. Царь, наконецъ, послалъ воеводъ съ войскомъ, которые и нанесли пораженіе Разину подъ Симбирскомъ, послѣ чего Стенька со своими ближайшими товарищами бѣжалъ обратно на Донъ, оставивъ на произволъ судьбы приставшихъ къ нему крестьянъ и холоповъ.

На Дону домовитые казаки изловили Разина и выдали его властямъ. Стенька Разинъ понесъ заслуженное наказаніе, будучи всенародно казненъ въ Москвѣ.

Мятежъ этотъ тяжело отозвался на благополучіи всего приволжскаго края, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ толчекъ къ болѣе прочному соединенію восточной окраины съ Москвой. Поднявшіеся съ шайками Стеньки инородцы испытали на себѣ твердую руку Московскаго государства и поняли, что имъ выгоднѣе жить мирно подъ скипетромъ Русскаго Государя. Такъ мятежъ послужилъ къ укрѣпленію государства. Не легокъ былъ ростъ Россіи, среди тяжкихъ болѣзней усиливалась и укрѣплялась она; но такъ бываетъ и съ дѣтьми, которыя много хвораютъ въ дѣтствѣ и юности, а потомъ, въ зрѣломъ возрастѣ, становятся сильными и окрѣпшими.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ жизни православной Церкви произошли событія, оставившія глубокій слѣдъ и до настоящаго времени.

Въ старину, до введенія книгопечатанія, богослужебныя книги, такъ-же какъ и другія, переписывались особыми переписчиками, которые не всегда были людьми достаточно свѣдущими, почему и допускали ошибки въ своихъ рукописяхъ. Число такихъ богослужебныхъ книгъ съ ошибками было значительно, и патріархъ Никонъ, человѣкъ умный и дѣятельный, обратилъ на это свое вниманіе и предпринялъ исправленіе допущенныхъ ошибокъ по греческимъ книгамъ. Между тѣмъ многіе люди, державшіеся крѣпко старины, увидѣли въ этихъ исправленіяхъ порчу тѣхъ книгъ, къ которымъ они привыкли и которыя считали неприкосновенными.

Дѣло исправленія богослужебныхъ книгъ велось усиленно и поспѣшно. Бояре, не любившіе патріарха за его независимый и крутой нравъ, постарались навлечь на него царское неудовольствіе. Тогда Никонъ покинулъ Москву и удалился въ Воскресенскій монастырь (называемый Новымъ Іерусалимомъ). Царь былъ разгнѣванъ самовольнымъ оставленіемъ Никономъ патріаршаго престола, усилившимъ церковную смуту.

Былъ созванъ соборъ съ участіемъ восточныхъ патріарховъ для суда надъ нимъ. Соборъ этотъ приговорилъ его къ лишенію сана. Но соборъ одобрилъ исправленіе книгъ и осудилъ приверженцевъ искаженныхъ старопечатныхъ книгъ.

Къ сожалѣнію, дѣло исправленія велось безъ должной снисходительности къ заблуждавшимся и въ концѣ концовъ привело къ раздѣленію православнаго церковнаго общества.

Рядъ бывшихъ мятежей и другія печальныя событія не помѣшали однако Царю осуществить полезныя для государства мѣропріятія и многое подготовить для дѣятельности сына—Великаго

Петра. Уже мятежи 1648 года показали Государю, что однимъ изъ главныхъ золъ русской жизни является отсутствіе твердыхъ и точно опредѣленныхъ законовъ: царскій судебникъ, изданный за 100 лѣтъ передъ тѣмъ, сильно уже устарѣлъ, послѣ него явилось множество новыхъ царскихъ распоряженій и указовъ, да и сама жизнь государства, потрясеннаго смутой, требовала новыхъ узаконеній или измѣненія старыхъ. Отсутствіе же ясныхъ и точныхъ законовъ порождало произволъ судей и различныя злоупотребленія. Поэтому, еще лѣтомъ 1648 г. Царь, посовѣтовавшись съ патріархомъ и боярской думой, приказалъ собрать всѣ прежніе сборники законовъ и указы прежнихъ государей, дополнить ихъ нѣкоторыми статьями греческихъ законовъ и русскаго по духу Статута (Уложенія) Великаго Княжества Литовскаго, а какіе понадобится, написать вновь и «уложить все общимъ совѣтомъ, чтобы государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большого до меньшого, судъ и расправа были во всѣхъ дѣлахъ равны». Предварительная работа по составленію новаго «Уложенія» (такъ сталъ называться этотъ сборникъ законовъ) была поручена князю Одоевскому съ товарищами, а затѣмъ въ Москву велѣно было собрать «людей добрыхъ и смышленныхъ» отъ всѣхъ сословій государства, т. е. былъ созванъ земскій соборъ. Сначала статьи Уложенія разсматривались боярской думой и освященнымъ соборомъ (такъ назывался совѣтъ изъ патріарха, митрополитовъ и прочаго духовенства), а потомъ онѣ были читаны выборнымъ людямъ, которые могли вносить въ нихъ свои поправки. Наконецъ, статьи эти утверждались Государемъ. Кромѣ того, выборные сами подавали челобитныя, гдѣ говорили о томъ, что нужно было бы издать еще такой или иной законъ. Благодаря усиленнымъ трудамъ Царя, бояръ и выборныхъ, уже въ началѣ 1649 года всѣ 25 главъ «Уложенія», содержащія въ себѣ около тысячи статей, были готовы. Затѣмъ, это Уложеніе было напечатано и разослано по всему государству, чтобы воеводы, судьи, дьяки и подъячіе точно и строго руководствовались имъ, а населенію въ случаѣ злоупотребленій легче было жаловаться, ссылаясь на всѣмъ доступные печатные законы.

Въ Уложеніи находились не только законы о судѣ, но и много статей, касавшихся вотчинъ и помѣстій служилыхъ людей, земель крестьянъ и горожанъ и взимаемыхъ съ нихъ податей, или, какъ тогда говорили, «тягла». Что касается собственно судебныхъ постановленій, то по Уложенію самыя тяжелыя наказанія угрожали измѣнникамъ всякаго рода: такимъ, напримѣръ, которые сдали городъ непріятелю, или ввели въ городъ иноземныя войска.

Достоинство православной Церкви также было ограждено. «Буде какой безчинникъ», говорилось въ Уложеніи, «пришедъ въ Церковь Божію во время святыя литургіи, и какимъ ни буди обычаемъ Божественныя литургіи совершити не дастъ,—и того, сыскавъ допряма, казнити смертію безъ всякія пощады». Уголовныя наказанія въ Уложеніи были вообще очень суровы: встрѣчаются такія мучительныя казни, какъ сожженіе, четвертованіе и др. Но не надо забывать того, что въ то время во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ наказанія преступниковъ были еще болѣе жестоки: во Франціи, напримѣръ, сѣкли розгами и кнутомъ, разрывали преступниковъ на части, привязывая ихъ къ лошадямъ; въ Англіи вѣшали за незначительную кражу; въ Германіи во множествѣ сжигали несчастныхъ женщинъ, обвиненныхъ въ колдовствѣ. Такъ что въ этомъ отношеніи наши законы того времени нисколько не были суровѣе тогдашнихъ законовъ самыхъ просвѣщенныхъ странъ.

Великій трудъ составленія Уложенія создалъ Царю Алексѣю славу среди современниковъ и заслужилъ искреннюю признательность потомства. Не даромъ впослѣдствіи князь Яковъ Долгорукій говорилъ Царю Петру, что въ главномъ дѣлѣ государей—правосудіи—отецъ больше, нежели онъ, сдѣлалъ.

Изданіемъ Уложенія не ограничилась законодательная дѣятельность Царя Алексѣя. Въ 1667 году послѣдовало изданіе «Новоторговаго Устава», который запрещалъ иностранцамъ розничную торговлю и разрѣшалъ только оптовую, да и то въ окраинныхъ лишь городахъ, попреимуществу въ Архангельскѣ. Продолженіемъ Уложенія служили Новоуказныя статьи, издававшіяся въ послѣдующіе годы, относительно тѣхъ или другихъ предметовъ, не предусмотрѣнныхъ Уложеніемъ.

Изъ другихъ важныхъ мѣропріятій Царя Алексѣя нужно отмѣтить установленіе постоянной почты: прежде царскія грамоты посылались съ особыми гонцами, со времени же польской войны были заведены постоянныя почтовыя сношенія, разъ въ недѣлю, съ Малороссіей и Западнымъ краемъ; подъ конецъ царствованія Алексѣя Михайловича почта была уже заведена во всѣхъ крупнѣйшихъ городахъ.

Въ боярской думѣ Царь самъ зачастую присутствовалъ на засѣданіи, руководилъ совѣщаніями, заранѣе записывалъ на листочкѣ бумаги тѣ вопросы, о которыхъ, по его мнѣнію, нужно было посовѣтоваться съ боярами. Государь любилъ, чтобы бояре прямо и открыто высказывали свои мнѣнія, хотя бы они не были согласны съ мнѣніемъ его, не любилъ онъ только похвальбы и хвастовства.

Царь Алексѣй умѣло выбиралъ людей, и при немъ въ боярской думѣ засѣдали умные и даровитые люди. Онъ при этомъ не смотрѣлъ на знатность рода, а возвышалъ людей по ихъ способностямъ: такъ, напримѣръ, любимѣйшій его бояринъ, начальникъ посольскаго приказа, Ординъ-Нащокинъ происходилъ изъ бѣдной семьи псковскихъ служилыхъ людей. Этотъ бояринъ поражалъ иностранныхъ пословъ своею честностью и неподкупностью и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительной твердостью и искусствомъ, съ какими онъ отстаивалъ всегда во время переговоровъ русскія выгоды. Весьма даровитымъ и образованнымъ человѣкомъ былъ и преемникъ Ордина-Нащокина по посольскому приказу Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Въ его домѣ Царь бывалъ запросто, здѣсь онъ познакомился съ Наталіей Кирилловной Нарышкиной, на которой и женился вторымъ бракомъ въ 1671 году.

Алексѣй Михайловичъ, любившій пышность и великолѣпіе при пріемѣ иностранныхъ пословъ, при смотрѣ войскъ и вообще въ торжественныхъ случаяхъ, въ своей домашней обстановкѣ жилъ весьма просто: до сихъ поръ въ Кремлѣ показываютъ его палаты, въ которыхъ останавливаютъ вниманіе небольшіе размѣры и простота убранства царской спальни. Царь Алексѣй не любилъ сидѣть подолгу въ Москвѣ, онъ зачастую ѣздилъ на богомолье по разнымъ монастырямъ, любилъ также соколиную охоту, выходилъ одинъ съ рогатиной на медвѣдя. Въ минуты досуга онъ составилъ даже Уставъ соколиной охоты, въ началѣ котораго, между прочимъ, написалъ пословицу, которой и слѣдовалъ самъ: «Дѣлу время, а потѣхѣ часъ». Лѣто Царь по большей части проводилъ въ селѣ Коломенскомъ, гдѣ имъ былъ построенъ замѣчательный по красотѣ дворецъ, являвшійся однимъ изъ лучшихъ образцовъ русскаго зодчества.

Благодушный, открытый характеръ Царя Алексѣя привлекалъ къ нему всѣхъ, не только русскихъ, но и иностранцевъ: одинъ нѣмецъ говоритъ про Государя, что это такой «Царь, какого желали бы имѣть всѣ христіанскіе народы, но немногіе имѣютъ». Дѣйствительно, рѣдко кто умѣлъ такъ утѣшить человѣка въ горѣ, какъ Алексѣй Михайловичъ. Не даромъ онъ самъ говорилъ, что Богъ поставилъ его «разсуждати людей своихъ вправду» и «безпомощнымъ помогать».

Вполнѣ преданный православной Церкви, Царь строго исполнялъ всѣ ея предписанія, соблюдалъ строго всѣ посты, не пропускалъ ни одной важной церковной службы. Онъ очень любилъ благолѣпіе православнаго богослуженія: по его настоянію, былъ уничтоженъ дурной обычай въ нѣкоторыхъ церквахъ—для сокращенія богослуженія—одновременно, въ два голоса, пѣть и читать.

Царскій выѣздъ на соколиную охоту.

Царь Алексѣй Михайловичъ не чуждался и западно-европейскаго образованія. Онъ понималъ значеніе науки: пригласилъ для дѣтей своихъ ученыхъ и опытныхъ учителей, въ томъ числѣ знаменитаго западно-русскаго писателя Симеона Полоцкаго. Что особенно

замѣчательно для того вѣка,—и дочери Царя получили такое же образованіе, какъ и царевичи. Всѣ старшія его дѣти хорошо знали латинскій языкъ. Заботился Царь Алексѣй о распространеніи просвѣщенія и среди народа. Для этого онъ широко воспользовался услугами грековъ и западно-русскихъ ученыхъ, преимущественно монаховъ, воспитанниковъ Кіевской православной академіи. Ученые греки и южно-русскіе монахи въ большомъ числѣ стали пріѣзжать въ Москву. Въ этомъ дѣлѣ Царю много помогалъ одинъ изъ лучшихъ его друзей, окольничій Ртищевъ. Онъ устроилъ въ Андреевскомъ монастырѣ общежитіе для ученыхъ монаховъ, въ которомъ они могли спокойно заниматься своими трудами: переводами нужныхъ сочиненій и исправленіемъ богослужебныхъ книгъ. Тотъ же Ртищевъ, отличавшійся удивительнымъ смиреніемъ и любовью къ ближнимъ, посовѣтовалъ Царю, кромѣ раздачи денегъ нищимъ, завести постоянныя благотворительныя учрежденія: такъ появились на Руси больницы, богадѣльни и пріюты, содержавшіеся во многихъ случаяхъ на личныя средства Государя и Ртищева.

Изъ другихъ мѣропріятій Царя Алексѣя Михайловича нужно отмѣтить еще постройку, по его приказу, голландскими мастерами перваго русскаго корабля «Орелъ» для плаванія по Волгѣ и Каспійскому морю. Къ сожалѣнію, «Орелъ» былъ сожженъ шайкой Стеньки Разина. Число иноземныхъ мастеровъ вообще въ царствованіе Алексѣя Михайловича увеличилось, и отъ нихъ разныя производства и мастерства стали все болѣе перениматься Русскими людьми.

Всѣ дѣла Царя Алексѣя краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, насколько благотворно было его тридцатилѣтнее царствованіе для народа, и какъ много онъ подготовилъ въ нашемъ государствѣ для дѣятельности Царя-Преобразователя.

Коломенскій дворецъ — образецъ русскаго зодчества при Царѣ Алексѣѣ.

Петербургъ при Петрѣ Великомъ. (Видъ на Васильевскій островъ).

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Дѣтство и юность Царя.

Первые государи изъ дома Романовыхъ не мало сдѣлали для своей страны. Подъ ихъ крѣпкою самодержавною властью Русская земля оправилась отъ страшнаго разоренія, причиненнаго ей долгою смутою; государство Русское далеко раздвинуло свои предѣлы на востокъ, на югѣ закрѣпило за собою службу вольныхъ казачьихъ земель, а на западѣ вернуло себѣ Смоленскую и Черниговскую области и половину Малороссіи.

Но многое еще предстояло сдѣлать для того, чтобы Россія стала могучимъ государствомъ, не уступающимъ ни въ чемъ государствамъ Запада.

У сильныхъ народовъ западной Европы, напримѣръ во Франціи или въ Англіи, было тогда уже постоянное, отлично вооруженное войско. У насъ, не смотря на старанія Царей Михаила, Алексѣя и Ѳеодора, полки иноземнаго строя далеко не могли еще сравниться по выправкѣ и военному искусству съ настоящимъ европейскимъ войскомъ; а часть нашего войска держала еще старый строй—состояла изъ стрѣлецкихъ и конныхъ дворянскихъ полковъ, плохо вооруженныхъ и совсѣмъ почти не обученныхъ.

У другихъ европейскихъ народовъ были цѣлые флоты военныхъ и торговыхъ кораблей, устроенныя гавани; они вели выгодную морскую торговлю, а благодаря торговлѣ, тамъ развилась всякаго рода

промышленность, было много фабрикъ и заводовъ, отъ которыхъ кормился и обогащался народъ. У насъ вся морская торговля велась черезъ единственный нашъ приморскій городъ—Архангельскъ, исключительно на иностранныхъ корабляхъ; заводовъ и фабрикъ было мало, да и то ихъ устраивали и завѣдывали ими пришлые иноземцы. Самыя науки и искусства, необходимыя для военнаго дѣла и для развитія промышленности, у насъ совсѣмъ не существовали.

Сами русскіе стали понемногу понимать, что сравняться съ сосѣдями въ богатствѣ, образованности и военной силѣ удастся имъ только тогда, когда Россія найдетъ доступъ къ вольному, открытому морю. Думалъ объ этомъ еще Царь Алексѣй Михайловичъ и его главный совѣтникъ бояринъ Ординъ-Нащокинъ, но перейти отъ добрыхъ желаній и намѣреній къ настоящему дѣлу имъ не удалось.

Завоевать доступъ къ морю и двинуть Россію по пути промышленнаго и торговаго развитія, создать военный флотъ и новое войско, насадить въ Россіи необходимыя искусства и науки—предстояло младшему сыну Царя Алексѣя Михайловича—Великому Петру.

Петръ родился 30 мая 1672 года и былъ сыномъ второй супруги Царя—Наталіи Кирилловны, происходившей изъ рода Нарышкиныхъ. Царица до замужества жила въ домѣ боярина Матвѣева и считала его для себя вторымъ отцомъ. Бракъ Царя упрочилъ положеніе Матвѣева, родственники же первой супруги Алексѣя Михайловича—Милославскіе потеряли прежнее значеніе. Царевичъ Петръ былъ крѣпкимъ и рослымъ мальчикомъ, необычайно живымъ и понятливымъ. Недаромъ о самомъ рожденіи его сложилось въ народѣ много сказаній, предвѣщавшихъ его будущую великую судьбу.

Царь Алексѣй очень любилъ Петра, но ему не пришлось проявить заботъ о воспитаніи и образованіи сына, такъ какъ онъ скончался въ 1676 году, всего 47 лѣтъ отъ роду.

Старшій сынъ Царя, Θеодоръ Алексѣевичъ, рожденный отъ Милославской, вступилъ на престолъ. Милославскіе торжествовали; боярина Матвѣева отправили въ ссылку; Царица Наталія Кирилловна съ дѣтьми осталась въ Москвѣ, въ Кремлѣ, но никакого вліянія на дѣла государства не имѣла. Молодой Царь, которому не было еще 15 лѣтъ отъ роду, отъ природы былъ слабъ и болѣзненъ. Онъ получилъ прекрасное по тому времени образованіе и, когда возмужалъ, сталъ хорошо править государствомъ. Важнымъ

дѣломъ его царствованія было уничтоженіе мѣстничества. Мѣстничество состояло въ томъ, что родовитые служилые люди не желали находиться подъ начальствомъ тѣхъ людей, которыхъ считали менѣе знатными по происхожденію, хотя бы эти люди были способными, долго служившими и принесшими много пользы государству. Это, конечно, сильно вредило дѣлу: бывали случаи, что воеводы изъ-за мѣстническихъ счетовъ покидали войско въ виду непріятеля, хотя и знали, что за это понесутъ наказаніе. Русскіе Государи, начиная съ Іоанна Грознаго, всѣми силами боролись съ мѣстничествомъ; однако искоренить застарѣлый обычай имъ не удалось. При Царяхъ Алексѣѣ Михайловичѣ и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ въ боярской думѣ было уже много людей неродовитыхъ, достигшихъ этого положенія своими заслугами. Уже и среди знатныхъ бояръ появились просвѣщенные люди, которые сознавали вредъ, проистекавшій отъ мѣстничества. Среди нихъ выдѣлялся князь Голицынъ, просвѣщеннѣйшій человѣкъ своего времени, и любимецъ Царя Ѳеодора—бояринъ Языковъ. По ихъ совѣту, созвавъ въ 1682 году высшее духовенство, боярскую думу и главныхъ военныхъ начальниковъ, Царь, согласно общему рѣшенію, уничтожилъ мѣстничество и велѣлъ сжечь книги, на основаніи которыхъ рѣшались мѣстническіе споры.

Царь Ѳеодоръ дѣтей не имѣлъ. Въ виду крайней болѣзненности Царя, окружавшіе его сознавали, что онъ не долго проживетъ. Всѣмъ же было извѣстно, что и слѣдующій за нимъ по старшинству братъ, Царевичъ Іоаннъ—юноша слабый тѣломъ и духомъ, совсѣмъ неспособный къ дѣламъ государственнымъ. Поэтому взоры русскихъ людей давно обращались къ Царевичу Петру. Самъ ближайшій другъ Царя, бояринъ Языковъ склонился на сторону Петра. Онъ просилъ Царя о возвращеніи изъ сибирской ссылки боярина Матвѣева, дабы онъ, въ случаѣ воцаренія малолѣтняго Петра, могъ стать до времени надежной опорою его матери, Царицы Наталіи. Царь Ѳеодоръ возвратилъ Матвѣева и разрѣшилъ ему поселиться въ Суздальскомъ уѣздѣ.

Изъ близкихъ родныхъ Царя выдѣлялась твердымъ, властолюбивымъ характеромъ и умомъ его сестра, Царевна Софія. При большихъ природныхъ дарованіяхъ, она получила хорошее образованіе, много читала, многое знала, сама сочиняла стихи. Она не хотѣла соблюдать стародавняго обычая, предписывавшаго сидѣть царевнамъ въ теремахъ, никому не показываясь; напротивъ, любила сама бесѣды съ боярами о государственныхъ дѣлахъ и удивляла ихъ своимъ умомъ и находчивостью. Царевна рѣшила

воспрепятствовать переходу царской власти къ Петру. Въ тайникахъ души она питала надежду самой сдѣлаться полновластной правительницей государства отъ имени слабаго брата Іоанна.

27 апрѣля 1682 года умеръ Царь Ѳеодоръ, не сдѣлавъ распоряженія о своемъ преемникѣ. Узнавъ о кончинѣ Государя, народъ толпами повалилъ въ Кремль. Тамъ, во дворцѣ, уже собрались высшее духовенство и бояре. Шли толки о томъ, кому быть на царскомъ престолѣ. Патріархъ Іоакимъ сталъ на сторону Петра. Когда открылось засѣданіе освященнаго собора и боярской думы, патріархъ, указавъ, что 16-ти-лѣтній Іоаннъ слабъ умомъ и здоровьемъ, Царевичу же Петру всего девять лѣтъ, поставилъ вопросъ, кому изъ нихъ царствовать. Хотя большинство предпочитало Петра, но на вопросъ патріарха прямого отвѣта дано не было; послѣдовало лишь уклончивое указаніе, что избраніе Государя—дѣло людей всѣхъ чиновъ Русской земли. Патріархъ велѣлъ тотчасъ созвать въ Кремль людей всѣхъ чиновъ. Собранію этому Іоакимъ предложилъ тотъ же вопросъ. Немногіе только голоса отозвались за Іоанна. Большинство же высказалось за Петра, и тогда патріархъ съ освященнымъ соборомъ и боярской думой объявилъ, что избранъ на царство Петръ Алексѣевичъ. Царевна Софія была внѣ себя и упрекала патріарха за то, что Царевичъ Іоаннъ не сдѣланъ соправителемъ. «Многоначаліе пагубно, возражалъ патріархъ: да будетъ единъ Царь, такъ угодно Богу».

Девяти лѣтъ Петръ былъ объявленъ Царемъ. За его малолѣтствомъ управленіе сосредоточилось въ рукахъ Царицы Наталіи Кирилловны, которая и поспѣшила вызвать въ Москву Матвѣева, какъ необходимаго въ такое трудное время сотрудника и совѣтника.

Но въ Москвѣ уже подготовлялись волненія. Царевна Софія, Милославскіе и ихъ друзья распространяли мысль, что Іоаннъ неправильно устраненъ отъ престола. Особенно они распространяли эту мысль среди безпокойныхъ стрѣльцовъ, у которыхъ были нелады тогда со своими начальниками. Стрѣльцы не слушались ихъ, буйствовали, шумѣли. Власти не принимали однако рѣшительныхъ мѣръ. Вслѣдствіе этого смута среди стрѣльцовъ росла.

Пользуясь этимъ, сторонники Милославскихъ нашептывали среди стрѣльцовъ, будто родственники Царицы и Петра—Нарышкины, не только отстранили Царевича Іоанна отъ престола, но хотятъ и совсѣмъ его извести.

Объ эту пору вернулся въ Москву бояринъ Матвѣевъ; но не успѣлъ еще онъ вникнуть въ дѣла, какъ вспыхнулъ стрѣлецкій бунтъ. 15 мая, утромъ, клевреты Милославскихъ, Петръ и Иванъ Толстые, прискакали въ стрѣлецкія слободы и стали кричать, что Нарышкины задушили Царевича Іоанна. Тогда стрѣльцы бросились въ Кремль, желая отомстить за смерть его; но Царица вышла на Красное крыльцо, ведя за собою Петра и Царевича Іоанна. Стрѣльцы поняли, что они обмануты, и, послѣ разумныхъ увѣщаній боярина Матвѣева, готовы уже были спокойно разойтись. Но грубое вмѣшательство сына начальника стрѣлецкаго приказа, кн. Долгорукова, распалило стрѣльцовъ; обезумѣвъ, они убили его и боярина Матвѣева и бросились затѣмъ искать Нарышкиныхъ и другихъ бояръ, неугодныхъ Милославскимъ. Многія убійства совершились на глазахъ самого юнаго Государя. Особенно злобились стрѣльцы на брата Царицы, боярина Ивана Нарышкина. Они искали его цѣлыхъ два дня, но безуспѣшно. Тогда, придя на третій день, 17 мая, они заявили, что будутъ продолжать безчинства, пока не будетъ выданъ Нарышкинъ. Дядя Царя великодушно рѣшилъ пожертвовать собою для успокоенія Москвы. Онъ исповѣдался, причастился и, простившись съ горько рыдавшей сестрой и царственнымъ племянникомъ, вышелъ къ стрѣльцамъ, которые сначала его жестоко пытали, а потомъ убили. Этимъ лютымъ убійствомъ закончился мятежъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ исполнилось и завѣтное желаніе Царевны Софіи и Милославскихъ: было объявлено, что царствовать будутъ оба брата, а Царевна Софія будетъ Правительницей Государства. Послѣдняя и не замедлила сосредоточить въ своихъ рукахъ все высшее управленіе.

Царица же Наталія Кирилловна уѣхала съ Петромъ въ село Преображенское. Страшныя, кровавыя впечатлѣнія, пережитыя въ Москвѣ, навсегда остались въ памяти Петра; къ стрѣльцамъ въ его душу запала вполнѣ понятная вражда: самое имя ихъ сдѣлалось для него ненавистнымъ.

Тяжелыя обстоятельства жизни не давали возможности подростающему Петру получить такое образованіе, какое въ свое время получили покойный братъ его Царь Өеодоръ и Царевна Софія. Для обученія чтенію и письму приставленъ былъ къ нему подъячій Никита Зотовъ, человѣкъ малообразованный. Зотовъ училъ его по старинѣ: выучивъ азбуку, перешли на часословъ, потомъ на псалтырь. Благодаря прекрасной памяти, Петръ выучилъ наизусть

и всегда потомъ помнилъ множество изреченій изъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Не много пользы принесли Петру занятія съ Зотовымъ; впослѣдствіи онъ самъ вспоминалъ объ этомъ съ большою скорбью, хотя навсегда сохранилъ къ своему учителю доброе расположеніе и за то немногое, что тотъ ему передалъ.

И раньше, въ Кремлѣ, у Петра времени свободнаго было много, а теперь, въ Преображенскомъ, стало его еще больше.

Петръ съ потѣшными.

Ища развлеченія, для игры и забавъ, онъ набралъ себѣ толпу сверстниковъ—дѣтей дворцовыхъ служителей и нѣкоторыхъ приближенныхъ бояръ и дворянъ. Постепенно изъ этихъ мальчиковъ образовались «потѣшные полки», которые были названы по двумъ подмосковнымъ селамъ Преображенскимъ и Семеновскимъ. Въ нихъ стали поступать уже и взрослые молодые люди: первымъ записавшимся въ Преображенскій полкъ былъ придворный конюхъ Сергѣй Бухвастовъ. Его Петръ всегда называлъ впослѣдствіи «первымъ солдатомъ Русской арміи». Потѣшные были одѣты и вооружены по образцу иностранныхъ регулярныхъ полковъ, и съ ними Петръ почти не разставался: они были его друзьями. Изъ этихъ-то потѣшныхъ образовались впослѣд-

ствіи два доблестныхъ полка Императорской Гвардіи—Преображенскій и Семеновскій. Правительница Софія не видѣла ничего для себя опаснаго въ этихъ воинскихъ упражненіяхъ своего брата и приказала доставлять Петру все то, что понадобится для потѣшнаго его войска.

Но не въ однѣхъ потѣхахъ проходили отроческіе годы Царя. Быстрый, пытливый умъ его не могъ удовлетвориться тѣми скудными познаніями, которыя переданы были ему Зотовымъ. Петру удалось самому подыскать себѣ нужныхъ учителей, съ помощью которыхъ онъ и сталъ восполнять пробѣлы своего образованія. Не получивъ отъ окружающихъ объясненія, для чего употребляется одинъ попавшій ему въ руки инструментъ, онъ обратился къ голландцу Тиммерману, жившему въ Нѣмецкой слободѣ подъ Москвой. Тотъ ему объяснилъ употребленіе этого инструмента и прибавилъ, что для обращенія со многими полезными приборами необходимо предварительно изучить ариѳметику и геометрію. Петръ, не медля, сталъ прилежно учиться у Тиммермана этимъ наукамъ, а также артиллеріи и фортификаціи, т. е. наукѣ о крѣпостяхъ.

Спустя немного времени, Петръ начинаетъ увлекаться и корабельными потѣхами. Въ дѣтствѣ онъ не любилъ и боялся воды; но юношей онъ сильно полюбилъ плаваніе и судостроеніе. Разбираясь въ селѣ Измайловѣ въ амбарѣ въ старыхъ вещахъ, Петръ нашелъ англійскій ботъ; ему объяснили, что это судно можетъ ходить на парусахъ не только по вѣтру, но при искусномъ управленіи и противъ вѣтра. Петръ рѣшилъ немедленно овладѣть такимъ искусствомъ. Изъ Нѣмецкой же слободы былъ вызванъ знакомый съ морскимъ дѣломъ голландецъ Брантъ, который и обучилъ Царя этому дѣлу. Съ этого времени не было уже для Петра большаго удовольствія, какъ плавать на судахъ и принимать участіе въ ихъ постройкѣ.

Но подъ Москвой не было большихъ рѣкъ и озеръ, гдѣ бы Царь могъ вполнѣ отдаться новой потѣхѣ. Тогда онъ рѣшилъ упражняться въ управленіи парусами на Переяславскомъ озерѣ. Здѣсь вскорѣ закипѣла работа: окрестные жители съ удивленіемъ видѣли 16-ти-лѣтняго Петра, окруженнаго голландскими и русскими мастерами, за сборомъ и оснасткой ботовъ, шлюпокъ, яхтъ и другихъ судовъ.

Правительница Софія и ея приближенные со смѣхомъ говорили объ этихъ занятіяхъ Петра, они считали его ни къ чему неспособнымъ. Не такъ однако было на дѣлѣ. Вотъ что писалъ однажды Петръ своей матери съ Переяславскаго озера:

«Всемилостивѣйшей и дражайшей моей матери, Государынѣ-Царицѣ и Великой Княгинѣ Наталіи Кирилловнѣ.

Сынишка твой, въ работѣ пребывающій, благословенія прошу и о твоемъ здравіи слышать желаю; а у насъ молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20-го числа, и суда всѣ кромѣ большого корабля въ отдѣлкѣ, только за канатами дѣло станетъ; и о томъ милости прошу, чтобы мнѣ канаты до семисотъ саженъ, не мѣшкавъ, присланы были. Посемъ паки благословенія прошу».

Постройка кораблей.

Здѣсь Петръ назвалъ себя «въ работѣ пребывающимъ», и это вполнѣ отвѣчало истинѣ. Изъ этой корабельной забавы выросъ впослѣдствіи Русскій флотъ.

Петру уже минуло 17 лѣтъ, онъ мужалъ, былъ полонъ силъ, и наступало для него время возвратить власть, насильственно захваченную Царевной Софіею. Царица Наталія Кирилловна сама стала напоминать ему объ этомъ.

Семилѣтнее правленіе Софіи не было отмѣчено какими-нибудь выдающимися событіями. Вначалѣ ей пришлось успокоивать волненія стрѣльцовъ, которыхъ она сама же разнуздала: она вынуждена была даже казнить ихъ начальника князя Хованскаго.

Затѣмъ, возникли вызвавшія большую смуту пререканія съ защитниками старыхъ церковныхъ обрядовъ: Правительница начала жестоко преслѣдовать ревнителей старины, которые бѣжали въ костромскіе и олонецкіе лѣса. Два неудачныхъ похода въ Крымъ, подъ начальствомъ ея любимца князя Голицына, окончательно поколебали положеніе Правительницы. Однако она не желала уступить добровольно. Она цѣпко держалась за власть и даже стала именовать себя въ грамотахъ Самодержицей.

Софія понимала, что Петръ не долго будетъ находиться въ отдаленіи отъ государственныхъ дѣлъ. Онъ уже сталъ проявлять самостоятельность, отказавшись, напримѣръ, отъ участія въ крестномъ ходѣ, въ которомъ, противно обычаю, шла Софія въ царскомъ одѣяніи.

Правительница была готова рѣшиться на крайнія мѣры и обратилась къ испытаннымъ своимъ приверженцамъ—стрѣльцамъ.

Въ ночь на 8 августа 1689 года нѣсколько стрѣльцовъ—сторонниковъ Петра прискакали изъ Москвы въ Преображенское и сообщили ему, что Софія злоумышляетъ на его жизнь. Петръ хорошо помнилъ майскіе дни 1682 года, когда лилась кровь его родственниковъ, и тою же ночью ускакалъ въ Троице-Сергіеву обитель, подъ защиту ея крѣпкихъ стѣнъ. Къ Петру стали собираться многіе знатные люди изъ Москвы, пришли потѣшные полки и вѣрный Петру стрѣлецкій Сухаревъ полкъ. Софія не нашла поддержки и среди стрѣльцовъ. Патріархъ Іоакимъ былъ также на сторонѣ Петра. Покинутая всѣми Правительница должна была смириться. Ей было приказано удалиться въ Новодѣвичій монастырь.

Послѣ устраненія Софіи, Петръ не сразу принялся за всѣ государственныя дѣла. Онъ попрежнему болѣе всего занимался военнымъ и кораблестроительнымъ дѣломъ. Военныя потѣхи его приняли теперь видъ настоящихъ воинскихъ дѣйствій: въ нихъ принимали участіе не только потѣшные полки, но и другіе отряды. Болѣе серьезный характеръ получили и его судостроительная дѣятельность, и плаваніе на судахъ. Въ 1693 году передъ нимъ впервые развернулось столь желанное море: онъ плавалъ на фрегатѣ, построенномъ въ Архангельскѣ, по Бѣлому морю. Не всегда привѣтливо встрѣчали сѣдыя волны этого моря смѣлаго Царя. Въ слѣдующемъ 1694 году корабль его, плывя отъ Архангельска въ Соловки, едва не погибъ отъ бури. Въ память своего спасенія, Царь поставилъ крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ вышелъ на берегъ. Но и великія опасности не могли отвлечь Петра отъ моря.

Въ концѣ того же года Петру пришлось оплакивать смерть горячо любимой матери, Царицы Наталіи. Теперь ему уже было 22 года, и онъ вполнѣ самостоятельно взялся за дѣла государственнаго управленія.

Азовскіе походы.

Внѣшнее положеніе Россіи въ 1694 г. было тревожное и тяжелое. Судьба все не давала Россіи мира, хотя государи наши сами никогда не искали войны.

Съ главнымъ врагомъ—Польшею въ правленіе Царевны Софіи удалось, наконецъ, достигнуть примиренія. Зато надвинулась на Русскую землю новая война: Турція, съ подвластными ей татарскими ордами, начинала уже прямое наступленіе на Москву и Польшу. При Царевнѣ Софіи Москва, въ союзѣ съ Польшей и Австріей, вела войну противъ Турціи. Царскія рати дважды ходили походомъ черезъ степи на Крымъ. Съ тѣхъ поръ мира съ Турціею не было, но не было и открытыхъ военныхъ дѣйствій. Только крымцы тревожили южную окраину обычными грабительскими наѣздами, да донскіе казаки рубились попрежнему съ азовскими татарами. Къ этому времени туркамъ удалось уже загородить донцамъ выходъ въ море: противъ Азова, на другомъ берегу Дона, они построили новую крѣпость, и самую рѣку перетянули толстыми желѣзными цѣпями, черезъ которыя казачьи ладьи, подъ выстрѣлами крѣпостныхъ пушекъ, не могли прорваться. А сами турки изъ своей азовской твердыни стали тѣснить донскіе городки такъ сильно, что у казаковъ не хватало своихъ силъ для борьбы съ ними. Еще при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1648 г., въ нижнихъ донскихъ городкахъ затрещали русскіе барабаны: тамъ располагались высланные на подмогу донцамъ, по ихъ просьбѣ, царскіе драгунскіе полки. Съ тѣхъ поръ такія посылки стали обычными: въ общей борьбѣ противъ турокъ и татаръ вольный Донъ все тѣснѣе связывался съ Москвою.

Петръ унаслѣдовалъ отъ Царевны Софіи польскій союзъ и турецкую войну, начатую неудачно. Живой и воинственный, молодой Царь не хотѣлъ мириться съ этой неудачею. Притомъ же его манило къ себѣ теплое море, круглый годъ открытое для кораблей и торговли. Звали его на помощь и порабощенные турками православные христіане.

Но военныя силы, какими могъ располагать молодой Царь, были тогда очень невелики. Полки иноземнаго строя, съ такой заботой собранные его дѣдомъ, отцомъ и братомъ, почти всѣ были распущены въ смутные годы малолѣтства Петра,—и когда возобновилась война, у Петра было всего четыре полка, обученныхъ правильному военному строю: два старыхъ и два новыхъ, потѣшныхъ. Къ этимъ полкамъ онъ прибавилъ отрядъ отборной дворянской конницы стараго русскаго строя, самъ выбралъ въ арсеналахъ пушки получше и весной 1695 года двинулъ свою небольшую армію (30 тысячъ), на лодкахъ, черезъ Донскую землю, на Азовъ.

Походъ не увѣнчался успѣхомъ. Недостаточное еще воинское искусство Русскихъ не могло сломить твердой крѣпости. Подкопы, веденные подъ стѣны, не удались, взрывы не повредили крѣпости, а перебили и переранили много своихъ. Только донскіе казаки успѣли взять двѣ башни, построенныя турками впереди Азова по берегамъ Дона. Къ зимѣ Петру пришлось отступить.

Портретъ Петра Великаго въ молодости.

Отъ этой первой неудачи Царь Петръ не упалъ духомъ. Его зоркій взглядъ намѣтилъ вѣрный способъ овладѣть крѣпостью. Азовъ нужно было отрѣзать отъ моря, чтобы турецкіе корабли не могли подвозить въ крѣпость свѣжія войска, боевые и съѣстные припасы. Казачьи челны не могли выполнить этой не легкой задачи. Петръ рѣшился на дѣло, которое для другого показалось бы невозможнымъ: въ нѣсколько мѣсяцевъ построить корабли, которые могли бы быть вооружены пушками и выдержать открытый бой съ турецкимъ флотомъ.

Подъ личнымъ надзоромъ молодого Царя работа закипѣла: спѣшно рубили въ дремучихъ воронежскихъ лѣсахъ огромные сосны и дубы; въ самомъ Воронежѣ устроили верфь; день и ночь стучали тамъ топоры и молоты, работали пилы, распиливая на доски и брусья столѣтніе стволы. Самъ Царь, съ топоромъ въ рукахъ, трудился безъ устали, показывая примѣръ мастерамъ. «По приказу Божію прадѣду нашему Адаму, въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ свой»—говорилъ онъ о себѣ. Раннею весной 1696 года нѣсколько десятковъ кораблей, на 200 человѣкъ каждый, были спущены

на воду. Пользуясь разливомъ Дона, они свободно прошли мимо Азова и вышли въ море, вмѣстѣ съ челнами донскихъ казаковъ. Два турецкихъ корабля были захвачены и пущены ко дну, остальные бѣжали—и съ тѣхъ поръ до конца осады турки не осмѣлились напасть на царскія суда, заграждавшія съ моря устье Дона.

На подкрѣпленіе царскому войску подошли, кромѣ донскихъ, и запорожскіе казаки. Австрійскій императоръ, также находившійся въ войнѣ съ Турціей, прислалъ Петру, по его просьбѣ, опытныхъ въ военномъ дѣлѣ инженеровъ. На этотъ разъ осада пошла быстро и успѣшно. Петръ бывалъ всегда на первомъ мѣстѣ, чтобы показать примѣръ другимъ; даже своими руками наводилъ пушки и металъ бомбы въ осажденный городъ; самъ, съ инженерами, велъ подкопы и рылъ траншеи.

Сестра, Царевна Наталія, писала ему изъ Москвы, умоляя беречь себя и не подходить близко къ турецкимъ пулямъ. Петръ отвѣчалъ шуткою: «по письму твоему, я къ ядрамъ и пулямъ близко не хожу, а они ко мнѣ ходятъ. Прикажи, чтобы не ходили»,— и продолжалъ работать въ передовыхъ окопахъ, подъ турецкими пулями. Отрѣзанный отъ моря и стѣсненный правильной осадой, полуразрушенный бомбами русскихъ пушекъ, Азовъ едва держался. Русскіе окопы съ каждымъ днемъ подходили ближе къ крѣпостной стѣнѣ. Наконецъ, послѣ двухмѣсячной осады, донскіе и запорожскіе казаки ночнымъ приступомъ ворвались въ городъ и захватили передовыя укрѣпленія. На другой день, 18 іюня 1696 года, турки, истощенные осадой и боясь общаго приступа, сдались. Азовъ былъ въ русскихъ рукахъ, а съ нимъ вмѣстѣ и выходъ въ Азовское и Черное моря.

Но этой славной побѣдой война не могла кончиться. Турція была сильна. Надо было подумать о томъ, чтобы укрѣпить Азовъ за собою и удержать навсегда. Царь Петръ, не падавшій духомъ отъ неудачи,—и послѣ побѣды не складывалъ рукъ. Немедленно составилъ онъ планъ новыхъ сильныхъ укрѣпленій для Азова; самъ объѣхалъ морской берегъ въ окрестности завоеваннаго города и выбралъ гавань, удобную для постройки и стоянки мореходныхъ кораблей. Впослѣдствіи на этомъ мѣстѣ и выросъ Таганрогъ. До осени того же 1696 года неутомимый Петръ посѣтилъ главнѣйшіе желѣзные заводы, раздавая имъ заказы на новыя пушки, якоря и прочія желѣзныя и чугунныя принадлежности для своего флота на Черномъ морѣ. Землевладѣльцамъ-дворянамъ и духовенству приказано было въ складчину строить

новые корабли. За недостаткомъ опытныхъ въ этомъ дѣлѣ мастеровъ, выписаны мастера и рабочіе изъ Даніи, Голландіи и Италіи.

Царь Петръ однако понималъ, что обходиться выписными мастерами невозможно: имъ и платить приходилось дорого, да и шли то не лучшіе. Чтобы прочно утвердиться на морѣ, русскимъ самимъ нужно было научиться морскому дѣлу, научиться же ему можно было только за границей, въ приморскихъ странахъ, гдѣ занимались этимъ дѣломъ сотни лѣтъ, гдѣ понемногу сложилась цѣлая наука постройки и снаряженія кораблей. Такимъ искусствомъ особенно славились тогда Голландія и Англія. Въ эти страны Петръ рѣшилъ отправить, для науки, нѣсколько десятковъ служилыхъ людей,—и молодыхъ, и постарше.

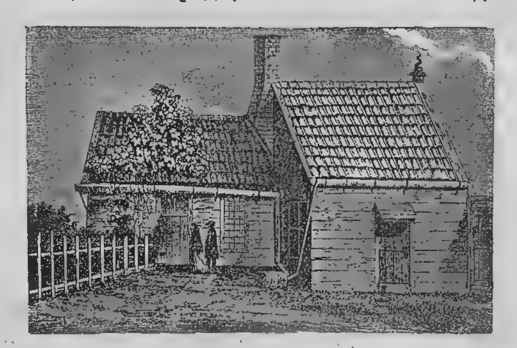
Но, посылая кого-нибудь на трудное новое дѣло, онъ любилъ самъ показать примѣръ, любилъ самъ выучиться всему прежде, чѣмъ учить другихъ. Поэтому Царь рѣшилъ ѣхать самъ за границу. Извѣстіе это вызвало общее смущеніе: никогда еще ни одинъ изъ Государей Московскихъ не выѣзжалъ въ чужія страны. Но Петръ не боялся новизны, если видѣлъ отъ нея пользу.

Въ началѣ 1697 года снаряжено было изъ Москвы посольство къ иноземнымъ дворамъ. Съ посольствомъ, кромѣ обычной свиты, ѣхали 35 молодыхъ людей, посланныхъ для изученія морского дѣла и разныхъ наукъ. Въ числѣ ихъ находился и самъ Царь, подъ именемъ Петра Михайлова. Онъ принялъ это скромное имя для того, чтобы не тратить времени на разнаго рода церемоніи и пріемы.

Въ мартѣ 1697 года двинулось посольство въ путь,—и пробыло за границею годъ и четыре мѣсяца, посѣтили за это время Лифляндію, Пруссію, Голландію, Англію и Австрію. Послы вели необходимые переговоры съ иностранными властями и кромѣ того приглашали на Русскую службу нужныхъ людей—корабельныхъ и иныхъ мастеровъ, опытныхъ офицеровъ, матросовъ для флота; тѣмъ временемъ молодые люди учились, но никто изъ нихъ не могъ сравниться ни въ усердіи, ни въ быстрыхъ успѣхахъ съ неутомимымъ Петромъ. Въ голландскихъ городахъ—Саардамѣ и Амстердамѣ, особенно славившихся кораблестроеніемъ, Царь пробылъ пять мѣсяцевъ. Спутниковъ онъ распредѣлилъ учиться, кого устройству мачтъ, кого управленію парусами, кого пушечной стрѣльбѣ; самъ—учился всему. Пополняя пробѣлы своихъ знаній, онъ записался простымъ рабочимъ въ артель, работавшую на одной изъ лучшихъ верфей, и прошелъ всю науку съ самаго начала: безъ устали работалъ топоромъ, стругалъ, сколачивалъ брусья, смолилъ, конопатилъ; научился и

составлять чертежи, и дѣлать необходимые расчеты по постройкамъ кораблей. Скоро онъ усвоилъ все, что могли ему дать лучшіе голландскіе мастера: по нуждѣ, онъ могъ одинъ, своими руками построить и оснастить корабль, до послѣдней веревки. Побывавъ еще въ Англіи, Петръ усвоилъ себѣ и англійскіе пріемы кораблестроенія, нѣсколько отличавшіеся отъ голландскихъ.

Вообще Петръ останавливалъ свой внимательный взоръ на всемъ томъ, что встрѣчалъ по пути интереснаго и для себя новаго и поучительнаго. Такъ въ Пруссіи учился у лучшихъ знатоковъ стрѣльбѣ изъ пушекъ—и получилъ свидѣтельство, что онъ можетъ считаться искуснымъ артиллеристомъ. Осматривалъ онъ и собранія рѣдкостей, замѣчательныя зданія, города, знаменитые голландскіе плотины и каналы, дороги, мельницы. При посѣщеніи фабрикъ и заводовъ всегда пытался сдѣлать своими руками все то, что тамъ производилось, поражая всѣхъ легкостью и быстротою, съ какою спорилось у него всякое дѣло.

Домикъ Петра въ Саардамѣ.

Послы, переѣзжая изъ столицы въ столицу, встрѣчали всюду торжественный пріемъ. Тѣмъ временемъ Петръ велъ жизнь простого рабочаго. Въ Голландіи онъ жилъ въ наемной комнатѣ, въ домѣ кузнеца, одѣвался по-голландски, какъ простой плотникъ, заходилъ отдохнуть въ харчевню, гдѣ бывали чернорабочіе и матросы. Но вечеромъ въ своей убогой комнатѣ плотникъ Михайловъ снова становился Царемъ. Мозолистыми отъ тяжелой работы руками разбиралъ онъ письма и донесенія, присланныя изъ Россіи, писалъ отвѣтныя распоряженія и указы, касающіеся важнѣйшихъ сторонъ государственной жизни. Послы по всякому важному дѣлу обращались къ нему за разрѣшеніемъ.

Царь вернулся въ Москву въ августѣ 1698 года, не докончивъ намѣченнаго путешествія: его заставилъ преждевременно вернуться на родину бунтъ, поднятый въ его отсутствіе стрѣльцами. Мятежъ къ его пріѣзду былъ усмиренъ. Царь жестоко наказалъ бунтовщиковъ и потомъ, не теряя времени, взялся за дѣла,

и прежде всего поѣхалъ въ Воронежъ—торопить постройку кораблей.

Петръ мечталъ о томъ, чтобы выгнать турокъ изъ Европы въ Азію, освободить отъ ихъ власти порабощенные ими христіанскіе народы, покорить Крымъ, прочно укрѣпить русское господство на берегахъ Чернаго моря и получить выходъ въ свободныя моря.

Но на призывъ Петра—воевать заодно съ нимъ противъ Турціи—не отозвалась ни одна изъ европейскихъ державъ. Даже прежніе наши союзники—Польша и Австрія—нарушили договоръ съ Россіею и тайно отъ Петра заключили съ Турціею выгодный для себя миръ.

Россія неожиданно оказалась одна противъ Турціи. Турки ободрились, собирались возобновить войну—и только появленіе въ Черномъ морѣ сильнаго русскаго флота, спустившагося Дономъ изъ Воронежа, заставило ихъ согласиться на миръ.

Азовъ остался за Россіею.

Борьба за море.

Взятіе Азова было важно для Россіи тѣмъ, что давало возможность грозить съ моря Турціи и Крыму и прекратить татарскіе набѣги. Но другой важной цѣли, къ которой стремился Петръ, онъ не добился: Черное море со всѣхъ сторонъ окружено было турецкими владѣніями; завязать здѣсь торговлю можно было только съ согласія турокъ, а турки упрямо твердили, что скорѣе Турція станетъ вверхъ ногами, чѣмъ они допустятъ въ свое море хоть одинъ иностранный торговый корабль.

Петръ тогда направилъ свои взоры на другое море—Балтійское, на которомъ полными хозяевами были въ то время шведы. Еще до окончанія турецкой войны, Польша и Данія предложили Петру союзъ противъ шведовъ. Втайнѣ поляки и датчане побаивались, чтобы Петръ, одолѣвъ шведовъ, не овладѣлъ самъ лучшими приморскими городами—Нарвою, Ревелемъ, Ригой; поляки съ датчанами заранѣе уговаривались, при раздѣлѣ добычи, дать Россіи какъ можно меньше; а для войны мечтали выманить у Царя какъ можно больше денегъ и солдатъ; такъ какъ русскіе солдаты, по ихъ мнѣнію, были очень хороши, «чтобы рыть окопы подъ непріятельскими выстрѣлами». Для того же, чтобы склонить Царя къ войнѣ, польскіе и датскіе послы расписывали передъ нимъ без-

численныя выгоды, какія извлечетъ Россія отъ завоеванія береговъ Балтійскаго моря.

Петръ самъ хорошо понималъ эти выгоды. Именно къ Балтійскому морю стремились и Царь Іоаннъ Грозный, и Царь Алексѣй Михайловичъ. Оно казалось для Россіи еще болѣе заманчивымъ, чѣмъ Черное море: оно было ближе къ Москвѣ и большимъ торговымъ городамъ, изъ него былъ свободный выходъ въ другія западныя моря, оно открывало путь въ страны просвѣщенныя, богатыя и промышленныя.

Берега Финскаго залива Балтійскаго моря принадлежали въ старину Россіи и были отняты у нея шведами въ смутное время. Многіе тамошніе города помнили еще свои искони русскія имена: Ивангородъ, Ямъ, Копорье, Орѣшекъ, Юрьевъ. Въ Нарвѣ, въ особой части города, жило много русскихъ, и нѣмецкіе проповѣдники напрасно усиливались обратить эту «Русскую Нарву» въ свою вѣру. Было, значитъ, у русскихъ и право взять обратно исконныя свои земли; не хватало до сихъ поръ только силы.

Теперь представлялся удобный случай.

Оставленный поляками, во время турецкой войны, Петръ не особенно довѣрялъ имъ и датчанамъ; но Швеція была тогда такъ сильна, что начать съ нею войну одинъ на одинъ было опасно, и союзники, хотя на первое время, были необходимы.

Петръ рѣшился. 3-го іюля 1700 года подписанъ былъ миръ съ Турціей, а 19 августа объявлена Швеціи война.

Война началась неудачно для союзниковъ. Хотя Швеція была и одна противъ трехъ державъ, но у нея было превосходное войско, а король Карлъ былъ въ то время лучшимъ полководцемъ во всей Европѣ. Союзники не успѣли даже начать одновременно военныхъ дѣйствій. Датчане первые были разбиты на-голову, потомъ русское 40-тысячное войско потерпѣло жестокое пораженіе подъ Нарвой. Наскоро обученные наши полки, подъ командою наемныхъ иностранцевъ-офицеровъ, не могли устоять противъ образцоваго, по вооруженію и военному искусству, шведскаго войска; только царская гвардія—Преображенскій и Семеновскій полки—не побѣжали передъ шведами, стойко бились до ночи и отступили, не сложивъ оружія.

Отъ сильнаго пораженія уныніе распространилось повсюду. Но Царь Петръ не упалъ духомъ отъ неудачи. Не теряя ни минуты, онъ приказалъ свѣжимъ войскамъ направиться въ шведскую Лифляндію; самъ разослалъ повсюду приказы, ободряя растерявшихся и оробѣвшихъ. Въ близкихъ къ границамъ городахъ Новгородѣ и

Псковѣ спѣшно возводились, подъ надзоромъ Царя, укрѣпленія, на случай нападенія шведовъ: на работу вызваны были всѣ жители поголовно. По всему государству набирали рекрутовъ и охочихъ людей въ новые полки. Петръ безъ устали переѣзжалъ изъ города въ городъ: то въ Архангельскъ строить корабли, то въ Новгородъ обучать солдатъ, то осматривать крѣпости. Особенно торопилъ отливкою новыхъ пушекъ; такъ какъ не хватало для этого мѣди, то пришлось взять часть колоколовъ; за годъ успѣли отлить 300 пушекъ.

Шведы, считая русскихъ окончательно разбитыми, направились въ Польшу. Карлъ объявилъ польскаго короля Августа лишеннымъ престола и велѣлъ полякамъ выбрать въ короли угоднаго ему польскаго пана Станислава Лещинскаго. Одна половина Польши повиновалась ему, а другая нѣтъ.

Петръ поддерживалъ Августа, чтобы дольше задержать шведскаго короля въ польскихъ предѣлахъ. Семь лѣтъ провели въ Польшѣ шведы. «Шведъ увязъ въ Польшѣ»—говорилъ, смѣясь, Петръ.

А русскіе не теряли времени. Уже въ 1702 году Царь самъ прибылъ къ войску, наступавшему на шведскія земли около Ладожскаго озера и по Невѣ, и осадилъ Нотебургъ (бывшій русскій Орѣшекъ). Опять, какъ подъ Азовомъ, Царь самъ велъ осаду, самъ наводилъ пушки. Крѣпость скоро сдалась. «Зѣло крѣпокъ былъ сей орѣхъ, писалъ Петръ, однако, слава Богу, счастливо разгрызенъ. Артиллерія наша зѣло чудесно дѣло свое исправила». Небольшія шведскія крѣпости падали одна за другой. Въ открытомъ полѣ войска, оставленныя шведскимъ королемъ для защиты Ливоніи, были дважды, еще до взятія Нотебурга, разбиты генераломъ Шереметевымъ, потеряли около 10 тысячъ человѣкъ и много пушекъ. Сбывались слова русскихъ пословъ 1617 года: шведы, не захотѣвшіе тогда отдать русскіе города безъ крови, отдавали ихъ теперь съ кровью. Въ 1703 году Петръ взялъ Ніеншанцъ—послѣднюю шведскую крѣпость по Невѣ, у самаго уже ея устья. Вскорѣ послѣ взятія крѣпости, два шведскихъ корабля вошли съ моря въ Неву. Корабли были небольшіе, но все же вооружены пушками, а у русскихъ не было ничего, кромѣ простыхъ лодокъ. Тогда самъ Царь, съ солдатами Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, на лодкахъ, напалъ на вражескіе корабли и взялъ ихъ съ бою. Это была первая его побѣда надъ шведами на водѣ.

Завоеванное только-что мѣсто было важно для защиты края отъ нападенія съ моря и удобно для торговли, и Петръ зало-

жилъ здѣсь новый городъ. На двухъ островахъ, при впаденіи Невы въ море, возведены были укрѣпленія, поставлены баттареи. Здѣсь же былъ выстроенъ скромный домикъ, въ которомъ жилъ Царь, наблюдая за работами. По обоимъ берегамъ Невы, по островамъ, среди болотъ и лѣсовъ, стали выростать деревянныя зданія, дома, верфь для постройки кораблей. Пустынный край заселялся русскимъ пришлымъ людомъ, и быстро росъ здѣсь городъ: ему суждено было навсегда закрѣпить за Россіею этотъ край, свободный выходъ въ море и стать столицею Россіи. Этотъ городъ былъ Петербургъ.

Въ 1708 году шведы изъ Польши направились въ Россію. Карлъ, съ отличнымъ 40-тысячнымъ войскомъ, пройдя по Бѣлоруссіи, принадлежавшей тогда Польшѣ, вступилъ въ лѣвобережную Малороссію, гдѣ гетманомъ въ то время былъ Мазепа, котораго Петръ считалъ вполнѣ преданнымъ себѣ.

Направляясь въ Малороссію, Карлъ руководился расчетомъ на помощь Мазепы, обѣщавшаго ему, въ тайныхъ переговорахъ, возстаніе Малороссіи противъ Москвы. Карлъ хотѣлъ усилить свое войско казачьими полками, а на будущее время—ослабить Москву, устроивъ изъ Малороссіи особое зависимое отъ Польши государство или отдавши ее совсѣмъ Польшѣ.

Но Карлъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. На призывъ Мазепы отозвалась со всей Малороссіи лишь горсть измѣнниковъ—не больше 2.000 человѣкъ, остальное населеніе, и крестьянское, и казацкое, осталось вѣрно Москвѣ, съ которою уже сжилось за 50 лѣтъ.

Въ довершеніе бѣды для шведовъ, Царь Петръ, при деревнѣ Лѣсной (Могилевской губ.), напалъ на шведскаго генерала Левенгаупта, шедшаго на помощь Карлу съ запасами и войсками. Хотя числомъ шведы превосходили русскихъ, тѣмъ не менѣе Петръ разбилъ на-голову Левенгаупта и отнялъ весь его обозъ—5 тысячъ телѣгъ съ боевыми и съѣстными припасами. Карлъ и его войско оказались на зиму во враждебной странѣ, безъ продовольственныхъ запасовъ, со скуднымъ количествомъ пороха и снарядовъ.

Пока Карлъ воевалъ въ Польшѣ, Петръ не терялъ времени; за эти 8 лѣтъ онъ неуклоннымъ и настойчивымъ трудомъ успѣлъ создать новую, грозную военную силу. Старые стрѣлецкіе полки были распущены. Дворяне, вмѣсто прежней временной службы, поголовно созваны были подъ ружье и записаны въ новые регулярные полки, въ постоянную службу, вмѣстѣ съ рекрутами

изъ всѣхъ податныхъ сословій и охотниками изъ нихъ же. Постоянное пребываніе въ строю и усердное ученье установило среди солдатъ крѣпкую дисциплину, привычку къ дружнымъ, стройнымъ дѣйствіямъ въ бою и въ походѣ. Заботливо обученныя, хорошо вооруженныя и привыкшія къ войнѣ, созданныя Петромъ, новыя войска не уступали въ искусствѣ и храбрости лучшимъ войскамъ того времени.

Солдаты Петровскихъ временъ.

Весною 1709 года Карлъ осадилъ Полтаву. Маленькая крѣпость защищалась мужественно, русскіе съ большимъ урономъ для шведовъ отбивали всѣ ихъ приступы. Карлу совѣтовали отступить, но онъ заупрямился: «Если бы Ангелъ Господній велѣлъ мнѣ отступить отъ Полтавы,—я и тогда не послушался бы»,—говорилъ онъ.

Наконецъ, подошелъ самъ Петръ съ сильнымъ войскомъ. Шведы и русскіе стали другъ противъ друга, окруживъ свои станы окопами и укрѣпленіями. Готовились къ битвѣ. Въ русскомъ станѣ читали передъ полками царскій приказъ: «Воины! Пришелъ часъ, который долженъ рѣшить судьбу отечества. Не помышляйте, что сражаетесь за Петра, но за государство, Богомъ Петру врученное,

за родъ свой, за отечество, за вѣру и церковь. А о Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога—только бы жила Россія, благочестіе, слава и благосостояніе ея».

27 іюня 1709 года, на разсвѣтѣ, началась жестокая битва. Оба государя были во главѣ своихъ полковъ. Петръ, во все время сраженія, оставался подъ огнемъ непріятеля и самъ распоряжался дѣйствіями войскъ. Пули сыпались вокругъ него градомъ, сѣдло, шляпа и кафтанъ его были прострѣлены, но онъ, по милости Божіей, оставался невредимъ. Къ полудню все было кончено. Шведское

Полтавская битва.

войско разбито на-голову, и остатки его взяты въ плѣнъ. Раненаго короля едва успѣли увезти съ поля битвы. Съ измѣнникомъ Мазепою и съ нѣсколькими слугами онъ бѣжалъ за Днѣпръ, въ Турцію.

Не многимъ полководцамъ выпадала на долю такая полная и блестящая побѣда, какая одержана была Петромъ подъ Полтавой. Особенно дорога была эта побѣда тѣмъ, что досталась русскимъ не случайно: она была плодомъ долгаго ученія, настойчивой работы, многихъ жертвъ и усилій самого Царя и всего русскаго народа, какъ изъ коренной Россіи, такъ и изъ русскихъ областей, бывшихъ подъ польскою властью,—Бѣлоруссіи, Волыни, Подоліи и далекой Галичины. Не мало русскихъ добро-

вольцевъ изъ этихъ областей, особенно крестьянъ, сражалось подъ Полтавой.

Послѣ битвы, на обѣдѣ, въ кругу своихъ доблестныхъ сподвижниковъ и плѣнныхъ шведскихъ генераловъ, Петръ поднялъ чарку и пилъ за здоровье своихъ учителей, какими онъ считалъ храбрыхъ шведовъ. На это шведскій фельдмаршалъ отвѣтилъ: «плохо же отплатили ученики своимъ учителямъ».

Торжество надъ шведами и надежда на закончаніе тяжелыхъ войнъ омрачились одною неудачею.

Турція, по подговорамъ нашедшаго въ ней пріютъ Карла, объявила Россіи войну. Петръ, понадѣявшись на помощь турецкихъ подданныхъ-христіанъ, румынъ, болгаръ и сербовъ, вступилъ въ Молдавію съ небольшимъ войскомъ и, неосторожно углубившись въ нее, былъ окруженъ на берегахъ рѣки Прута двухсоттысячной турецкой арміей. Порабощенныхъ христіанъ за Дунаемъ туркамъ удалось удержать въ повиновеніи, и лишь свободные черногорцы поднялись противъ турокъ. Петру пришлось пойти на уступки и заключить миръ, по которому недавно взятый Азовъ отошелъ къ Турціи.

Россія отодвинута была отъ Чернаго моря. Но теперь потеря эта была не такъ тяжела. Шведская война клонилась къ концу. Послѣ Полтавской побѣды не было сомнѣній въ успѣшномъ исходѣ борьбы, и Петръ уже могъ считать своими берега Балтійскаго моря. Случилось то, чего боялись еще передъ войною двоедушные союзники Россіи: въ рукахъ Петра были всѣ главные города на Финскомъ и Рижскомъ заливахъ—Рига, Ревель, Нарва. Увѣренность въ окончательной побѣдѣ была такъ велика, что уже въ 1713 году, не дожидаясь заключенія мира, Петръ объявилъ свой любимый Петербургъ «царствующимъ градомъ»—столицею. Еще прежде (въ 1710 г.) взята была сильная шведская крѣпость—Выборгъ, ставшая надежнымъ оплотомъ для Петербурга съ сѣвера. Петръ очень дорожилъ Выборгомъ и называлъ его «подушкою Петербурга».

Русскіе военные корабли уже плавали по Балтійскому морю. Лѣтомъ 1714 года цѣлый флотъ гребныхъ галеръ (небольшихъ судовъ) съ 15 тыс. солдатъ вышелъ изъ устроенной Петромъ на островѣ Котлинѣ, передъ самымъ Петербургомъ, военной гавани и крѣпости—Кронштадта къ берегамъ шведской области Финляндіи и самой Швеціи. Около острова Гангута его встрѣтилъ шведскій флотъ: шведскихъ судовъ было меньше числомъ, но среди нихъ, помимо галеръ, находилось 28 большихъ кораблей съ сильной артиллеріей—до 800 пушекъ; на русскихъ же судахъ пушекъ было

очень мало. Петръ, узнавъ объ опасномъ положенiи своего флота, поспѣшилъ изъ Ревеля къ Гангуту. По пути, страшная буря чуть не разбила царскiй корабль; всѣ потеряли голову—одинъ Петръ ни на минуту не упалъ духомъ, самъ правилъ рулемъ и ободрялъ оробѣвшихъ гребцовъ: «Чего боитесь? Царя везете. Съ нами Богъ». Прибывъ къ флоту, Царь самъ намѣтилъ планъ битвы и самъ повелъ свои галеры на врага. Шведы защищались упорно. Русскiе съ отчаянной смѣлостью лѣзли съ лодокъ и галеръ на

Сраженiе при Гангутѣ.

шведскiе корабли, не взирая на пальбу, разрывавшую въ куски нападавшихъ солдатъ. Послѣ трехъ часовъ ожесточенной битвы шведы сдались. Небывалая до тѣхъ поръ по размѣру морская побѣда несказанно обрадовала Царя. Вражескiй флотъ былъ уничтоженъ. Русскiе остались господами Балтiйскаго моря.

Шведы еще нѣкоторое время продолжали борьбу, надѣясь на помощь другихъ европейскихъ государствъ, съ опасенiемъ взиравшихъ на усиленiе мощи Россiи. Но Петръ, не смотря на угрозы со стороны Англiи и Голландiи, направилъ свой флотъ къ самымъ берегамъ Швецiи. Русскiе высадились недалеко отъ шведской столицы Стокгольма и стали разрушать литейные заводы, снабжавшiе оружiемъ шведскую армiю.

Упорство шведовъ было, наконецъ, сломлено, и начались переговоры о мирѣ.

3-го сентября 1721 года, Петръ отплылъ по дѣламъ изъ Петербурга въ Выборгъ. На другой день, царская яхта вновь показалась на Невѣ. Съ борта, не умолкая, звучали трубы, и каждую минуту гремѣли выстрѣлы изъ пушекъ. Самъ Царь, радостный, стоялъ на палубѣ, махая шляпой. И скоро счастливая, давно желанная вѣсть облетѣла городъ: 30-го августа подписанъ русскими послами мирный договоръ съ Швеціей въ Ништадтѣ. По условіямъ этого мира, Россія получала три большихъ области—Лифляндію съ Ригой, Эстляндію съ Ревелемъ и Ингрію, въ предѣлахъ коей находился Петербургъ, а также юго-западную часть Финляндіи (Выборгская губернія).

Велики были восторгъ и ликованіе, какими встрѣчено было Россіею, утомленною рядомъ тяжелыхъ войнъ, извѣстіе о мирѣ. Въ Петербургѣ цѣлую недѣлю не прекращалась пушечная и ружейная пальба, жгли блестящій фейерверкъ, трубачи ѣздили по городу, разглашая всюду радостную вѣсть. Праздновали окончаніе тяжелой войны, тянувшейся 21 годъ; праздновали славу небывалаго успѣха надъ непобѣдимымъ дотолѣ врагомъ; радовались пріобрѣтеннымъ неисчислимымъ торговымъ и инымъ выгодамъ, возвращенію исконныхъ русскихъ земель, завоеванію новыхъ— цѣлаго обширнаго края съ богатыми торговыми городами; радовались возвращенію ранѣе утраченнаго моря. Все это обезпечивало Россіи дальнѣйшій ростъ ея могущества и занятіе ею достойнаго мѣста среди европейскихъ державъ. Опасные ея противники были ослаблены и унижены. Швеція была низведена на степень второстепеннаго государства, а Польша, раздираемая внутренними междоусобіями, клонилась къ упадку.

Неисчислимыя выгоды положенія, занятаго Россіею послѣ Ништадтскаго мира, были хорошо видны современникамъ; понимали они и то, сколь обязана Россія своему Царю новой своей славой и величіемъ.

Чтобы ознаменовать завоеванное Россіей положеніе великой державы, высшіе чины государства убѣдили Петра принять титулъ Императора, который обычно присваивается государямъ наиболѣе могущественныхъ и сильныхъ державъ.

Такъ выросла изъ Московскаго Царства Россійская Имперія.

Положеніе дворянскаго и крестьянскаго сословій.

Петру Великому приходилось вести войны почти непрерывно: въ полномъ мирѣ, со временъ перваго Азовскаго похода, прошли только два года его царствованія. Поэтому Царю приходилось держать и войско, и флотъ въ постоянной боевой готовности. Онъ не разъ говорилъ: «миръ хорошо, однако при томъ дремать не надлежитъ, чтобы не связали рукъ, да и солдаты чтобы не сдѣлались бабами».

Содержаніе арміи и флота требовало значительныхъ денежныхъ средствъ; но выискивать ихъ возможно было лишь съ величайшимъ трудомъ, такъ какъ Россія была бѣдна. Нужно было подумать объ увеличеніи государственныхъ доходовъ. Петръ хорошо понималъ, что большія денежныя средства можно получать только тогда, когда государство устроено хорошо и крѣпко, имѣетъ развитую промышленность и ведетъ оживленную торговлю. Въ этомъ отношеніи Россія тогда очень отстала отъ западно-европейскихъ государствъ. Петръ рѣшилъ уничтожить эту разницу и завести у себя такія же мастерства, искусства и науки, какія процвѣтали уже въ то время на Западѣ.

Свои преобразованія Петръ Великій проводилъ быстро, рѣшительно, ослушниковъ своей воли и недовольныхъ каралъ сурово. Но и работать самому Царю приходилось среди величайшихъ затрудненій и препятствій: очень многіе не понимали смысла и цѣли его преобразованій, другіе готовы были даже вредить ему. Такъ, въ самый разгаръ войны его съ шведскимъ королемъ возмутилась Астрахань: тамъ распространился нелѣпый слухъ, что вскорѣ выйдетъ приказъ отъ Царя выдать замужъ всѣхъ дѣвушекъ за нѣмцевъ. Для усмиренія Астрахани пришлось посылать войско.

Во все царствованіе Петра по Руси бродили люди, распространявшіе самые нелѣпые о немъ слухи. Въ числѣ людей, недовольныхъ дѣятельностью Петра, оказался даже его собственный сынъ—Царевичъ Алексѣй.

Вотъ среди какихъ затрудненій и препятствій проходила государственная работа Великаго Царя на благо Россіи! Не напрасно онъ съ горечью иногда писалъ: «Страдаю, а все за отечество, желая ему пользы».

Многихъ сторонъ жизни коснулись преобразованія Великаго Государя. Въ первую очередь измѣнилась при немъ военная служба. Она стала для дворянъ уже не временной, а постоянной. Только тяжкія раны и неизлѣчимыя болѣзни, да глубокая старость освобо-

ждали дворянина отъ военной службы. На службу молодые дворяне должны были являться грамотными; безъ грамоты и науки они записывались навсегда въ рядовые. Не надо думать, что исполнить требованіе относительно обученія было тогда легко. Теперь и крестьянскимъ дѣтямъ не трудно стать грамотными, во многихъ деревняхъ есть школы; тогда же школы были очень рѣдки.

Являвшимся на службу дворянамъ часто самъ Царь дѣлалъ смотры, причемъ назначалъ тѣхъ, кто не былъ способенъ къ военной службѣ, въ гражданскую. Самъ же Царь и распредѣлялъ новобранцевъ по полкамъ и кораблямъ. Всякій дворянинъ начиналъ службу простымъ рядовымъ, и уже потомъ знаніе, способности и трудъ давали ему возможность выслужиться и стать офицеромъ. Тяжелая военная служба была для нѣкоторыхъ такъ страшна, что они старались всячески отъ нея отдѣлаться; но суровое наказаніе—битье батогами—ожидало такихъ дворянъ.

Наиболѣе способныхъ молодыхъ людей Государь отсылалъ для ученья за границу. По возвращеніи ихъ въ Россію, онъ самолично производилъ имъ экзаменъ, и горе было тѣмъ, которые оказывались слабыми въ наукахъ, которые провели время за границей за картами и виномъ: жестокое наказаніе приходилось испытать такимъ лѣнивцамъ.

Тяжела была служба дворянина при Петрѣ Великомъ; не легка была жизнь и другихъ сословій. Для пополненія постоянной арміи были заведены рекрутскіе наборы. Въ первые годы шведской войны эти наборы производились очень часто: въ рекруты брались горожане, крестьяне государственные и помѣщичьи, а также холопы. Научившійся грамотѣ, усердный и храбрый солдатъ изъ простыхъ людей могъ дослужиться до офицерскаго чина и стать дворяниномъ. Кромѣ рекрутскихъ наборовъ, на крестьянъ и горожанъ легла еще новая повинность: они должны были платить такъ называемую подушную подать. Она установлена была Петромъ въ концѣ его царствованія и назначалась на содержаніе постоянной арміи, достигшей къ тому времени уже ста тысячъ человѣкъ. Установлена эта подушная, или поголовная подать взамѣнъ старой—подворной подати, которая признана была несправедливой, потому что въ равной мѣрѣ взималась съ большихъ и малыхъ дворовъ. При первомъ счетѣ людей, на которыхъ налагалась подушная подать, ихъ оказалось около 6 милліоновъ.

За правильнымъ поступленіемъ подушной подати отъ крестьянъ и холоповъ должны были слѣдить дворяне, на земляхъ которыхъ тѣ жили; они же отвѣчали и за исправность крестьянъ и холоповъ въ

отбыванiи рекрутской повинности. Власть дворянина-помѣщика надъ крестьяниномъ, поэтому, увеличилась. Дурные помѣщики злоупотребляли своей властью и дошли до того, что продавали иногда своихъ неисправныхъ крестьянъ, даже въ одиночку, разлучая съ семьями. Петръ строго это запрещалъ. Боролся онъ и съ другими злоупотребленiями помѣщичьей власти: онъ приказывалъ наблюдать, чтобы помѣщики не разоряли крестьянъ, а отъ разорителей имѣнiя отбирались.

Жизнь крестьянъ, какъ и людей другихъ сословiй, въ то время была тяжела. Переустройство государства требовало большихъ усилiй и труда отъ всѣхъ. Рекрутчина, подушная подать, а также переселенiе государственныхъ крестьянъ на постройки въ Петербургъ или на рытье ладожскихъ каналовъ,—тяжело ложились на крестьянское сословiе. Но самъ Царь подавалъ примѣръ напряженнаго труда и непрестанныхъ лишенiй. Всѣмъ и дворянамъ, и крестьянамъ Петръ могъ показать свои руки, покрытыя мозолями: «Видишь, братецъ», говорилъ Государь дворянину Неплюеву, «я и Царь, да у меня на рукахъ мозоли, а все отъ того, что хочу показать вамъ примѣръ, и хоть бы подъ старость видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству».

Великiй Государь отлично понималъ, что нельзя добиться большого увеличенiя государственныхъ доходовъ однимъ увеличенiемъ податей и всякаго рода налоговъ. Онъ всѣми силами стремился поднять благосостоянiе русскаго народа, а достигнуть этого можно было напряженной работой, распространенiемъ просвѣщенiя, полезныхъ знанiй, развитiемъ земледѣлiя, промышленности и торговли. Для всего этого Петръ сдѣлалъ гораздо больше всѣхъ предыдущихъ государей. Нѣтъ ни одной отрасли народнаго труда, промышленности или торговли, которой бы не коснулась заботливая рука Великаго Царя. Самъ Царь зналъ болѣе десятка различныхъ ремеслъ: онъ одинаково хорошо обходился, какъ съ топоромъ на верфи, такъ и съ токарнымъ станкомъ, выдѣлывая тончайшiе узоры изъ слоновой кости.

Заботы о развитiи промышленности и торговли.

Прiобрѣтя самъ много знанiй, Государь рѣшилъ научить имъ и своихъ подданныхъ, обращая особенное вниманiе на тѣ изъ нихъ, которыя болѣе всего годились для нашей страны. Многими природ-

ными богатствами надѣлилъ Господь Россію. Чего только у насъ нѣтъ! И однако до Петра всѣ эти богатства лежали почти нетронутыми. Онъ настойчиво повторялъ, что «Божіе благословеніе втуне подъ землею не должно оставаться». Но для выполненія его горячаго желанія нужна была помощь опытныхъ и знающихъ людей, а такими были только иностранцы, и вотъ онъ приглашаетъ въ Россію изъ-за границы людей, знающихъ хорошо разнаго рода мастерства, а особенно рудное дѣло. Имъ было дано большое жалованье и обѣщаны всякія милости. Но Петръ требовалъ отъ нихъ дѣятельной и честной службы: онъ требовалъ, чтобы они обучали своихъ русскихъ учениковъ рѣшительно всему тому, что сами знали, дабы русская промышленность не оставалась всегда въ рукахъ иноземцевъ. Петръ самъ наблюдалъ за работой иностранныхъ мастеровъ и всѣми мѣрами добивался того, чтобы ихъ русскіе ученики сравнялись съ ними въ искусствѣ и знаніяхъ.

Самымъ любимымъ дѣтищемъ Петра Великаго были заводы, желѣзодѣлательные и горные. Еще въ началѣ шведской войны онъ устроилъ желѣзоплавильный заводъ на берегу Онежскаго озера,—тамъ, гдѣ теперь стоитъ городъ Петрозаводскъ: заводъ этотъ поставлялъ якоря и пушки для новаго Балтійскаго флота. Затѣмъ, Государь расширилъ дѣятельность Тульскаго оружейнаго завода и основалъ еще новый оружейный заводъ въ 30 верстахъ отъ Петербурга, при впаденіи рѣки Сестры въ Финскій заливъ.

Но главной заслугой Петра въ дѣлѣ открытія нашихъ природныхъ богатствъ является его дѣятельность на Уралѣ, на которомъ до него почти ничего, кромѣ соли, не добывали. При немъ же стали тамъ добывать серебро, желѣзо и мѣдь. Во главѣ Пермскихъ и Уральскихъ заводовъ былъ Царемъ поставленъ знающій и честный нѣмецъ Геннингъ, который былъ уже извѣстенъ Царю своими работами на Олонецкихъ заводахъ. Въ началѣ дѣло шло туго: искусныхъ людей въ горномъ дѣлѣ почти не было. Но въ концѣ царствованія Петра Геннингъ съ удовольствіемъ отписывалъ ему, что Уральскіе заводы выплавили 1.500 пудовъ чистой мѣди, и что мѣдной руды добыто уже на цѣлый годъ. Въ концѣ письма Геннингъ особенно хвалилъ желѣзную руду на Уралѣ: «А гдѣ такая богатая руда есть, что на Алапаевскихъ заводахъ? Половина желѣза изъ нея выходитъ, а на Олонцѣ пятая доля выходитъ,—то великая разница!» Къ девяти Пермскимъ заводамъ было приписано, въ качествѣ постоянныхъ заводскихъ рабочихъ, 25.000 крестьянъ, а управленіе заводами было сосредоточено во вновь основанномъ городѣ Екатеринбургѣ, названномъ такъ въ честь супруги Государя. Но

какъ ни хорошъ былъ Геннингъ, Петръ и тутъ остался вѣренъ своему постоянному стремленію: гдѣ можно, поручать дѣло русскимъ людямъ. Еще въ 1702 году онъ отдалъ Верхотурскіе заводы простому русскому оружейнику Никитѣ Демидову, человѣку смышленому и дѣятельному, который прекрасно повелъ дѣло, на благо родины и себѣ на пользу. Потомки его, получившіе дворянство, были въ теченіе многихъ лѣтъ самыми богатыми людьми въ Россіи.

Горными и желѣзными заводами не ограничивалась дѣятельность Императора въ области русской промышленности. Онъ поощрялъ устройство шелковыхъ, суконныхъ и полотняныхъ фабрикъ. Нѣкоторыя изъ этихъ фабрикъ, еще при жизни его, достигли большого развитія: такъ, на шелковой фабрикѣ Евреинова работало болѣе 1.500 человѣкъ. Среди хозяевъ фабрикъ при Петрѣ мы видимъ много русскихъ людей: купцовъ Сѣриковыхъ, Микляевыхъ и другихъ. Чтобы развить и поощрить фабрично-заводскую промышленность, Петръ давалъ тѣмъ фабрикантамъ, которые вели хорошо свое дѣло, большія награды, покровительствовалъ образованію промышленныхъ и торговыхъ компаній, или товариществъ, и совѣтовалъ своимъ приближеннымъ принимать участіе въ нихъ, указывая, что въ промышленной дѣятельности ничего зазорнаго нѣтъ даже для самыхъ знатныхъ особъ. Графъ Толстой и адмиралъ Апраксинъ входили въ составъ предпріятія, вырабатывавшаго шелковую матерію, а свѣтлѣйшій князь Меньшиковъ участвовалъ въ компаніи поморовъ, ловившихъ треску на Бѣломъ морѣ.

Заботы Великаго Труженика—Государя простирались на такія стороны промышленности, о которыхъ другой, занятый важными государственными дѣлами, и не подумалъ бы. Замѣтилъ онъ, что въ Англіи приготовляютъ кожу для обуви лучше, чѣмъ въ Россіи: немедленно приказываетъ и у насъ ввести этотъ улучшенный способъ обработки. Увидалъ Царь, что въ Голландіи хорошо солятъ треску: тотчасъ обучаетъ этому соленію и нашихъ поморовъ.

Много заботясь о развитіи промышленности, Петръ Великій не забывалъ и главнаго средства къ жизни русскаго народа—земледѣлія. Послѣ завоеванія Лифляндіи и Эстляндіи онъ увидѣлъ, что у тамошнихъ жителей есть обычай, вмѣсто серповъ, снимать хлѣбъ особо приспособленными косами, что во многихъ случаяхъ удобнѣе и скорѣе. Государь не замедлилъ отослать въ хлѣбородныя наши губерніи нѣсколько человѣкъ лифляндскихъ крестьянъ для обученія этому населенія. Не забывалъ Петръ и скотоводства. Всякій знаетъ теперь о прекрасной холмогорской породѣ рогатаго

скота, но далеко не всѣ слышали, что разведеніемъ этой породы мы обязаны Петру. Царь нашелъ сходство между поемными лугами по нижнему теченію Сѣверной Двины и лугами Голландіи, на которыхъ выращивался лучшій по своимъ качествамъ въ Европѣ рогатый скотъ. И вотъ онъ приказалъ вывести изъ Голландіи нѣсколько штукъ тамошняго скота, которыя и послужили для разведенія нашихъ русскихъ породъ: холмогорской и ярославской.

Много заботъ Государь удѣлялъ и лѣсному хозяйству. Хорошій строевой лѣсъ былъ нуженъ ему, прежде всего, для постройки судовъ. Поэтому онъ заботился о разведеніи дубовыхъ рощъ, особенно на сѣверѣ, гдѣ дубъ въ дикомъ (природномъ) состояніи не встрѣчается. Во многихъ мѣстахъ Россіи до сихъ поръ сохранились дубовыя рощи, посаженныя рукою Великаго Царя. Но, заботясь о разведеніи строевого лѣса, Петръ, конечно, долженъ былъ всѣми мѣрами и охранять лѣса. Нельзя не признать, что русскій человѣкъ и въ наше время, къ сожалѣнію, мало цѣнитъ и бережетъ лѣсныя богатства—деревья, и теперь зачастую лѣса истребляются безжалостнымъ образомъ, тогда какъ за границей не только относятся бережливо къ лѣсамъ, но каждый старается выростить около своего дома хотя нѣсколько деревьевъ. Въ своихъ заботахъ о благѣ народномъ Петръ издавалъ строгіе законы объ охранѣ лѣсовъ, и надо пожалѣть, что впослѣдствіи они были забыты. Не дожили бы мы до теперешняго печальнаго состоянія, когда цѣлыя губерніи, когда-то богатыя лѣсомъ, совершенно обезлѣсились!

Заботы Петра Великаго о фабрикахъ, заводахъ, мастерствахъ шли рядомъ съ заботами его о развитіи торговли. При вступленіи его на Престолъ у Россіи былъ только одинъ морской портъ Архангельскъ, а со времени Ништадтскаго мира она имѣла на Балтійскомъ морѣ Петербургъ съ Кронштадтомъ, Нарву, Выборгъ, Ревель и Ригу. Увеличеніе числа портовъ само по себѣ должно было способствовать оживленію торговыхъ сношеній съ чужими странами. Отъ геніальной мысли Царя не могло укрыться, что самое положеніе Россіи дѣлало ее посредницею въ торговлѣ между Востокомъ (Персіей, Индіей, Китаемъ) и Западной Европой. Онъ мечталъ о томъ, чтобы отвлечь западно-европейскихъ купцовъ отъ тогдашняго пути въ Индію кругомъ Африки и побудить ихъ ѣздить на Востокъ по сухому пути, черезъ Россію. Но въ Россіи не было въ то время хорошихъ путей сообщенія,—этого перваго и главнаго условія успѣшной торговли,—и вотъ смѣлый, изобрѣтательный умъ Царя выискиваетъ способъ дешеваго и удобнаго сообщенія по нашимъ рѣкамъ. Петръ обратилъ вниманіе на то, что лѣвый притокъ Волги—

рѣка Тверца близко подходитъ къ рѣкѣ Мстѣ, впадающей въ озеро Ильмень, откуда р. Волховомъ, Ладожскимъ озеромъ и р. Невою шелъ прямой водный путь въ Балтійское море. Онъ рѣшился на огромное и небычайно трудное для того времени предпріятіе— соединить Тверцу и Мсту каналомъ. По его приказу и былъ прорытъ между этими рѣками соединительный Вышневолоцкій каналъ, дававшій возможность изъ Балтійскаго моря проѣхать на Волгу и по ней въ Каспійское море. Но на этомъ пути большимъ препятствіемъ для безопаснаго плаванія судовъ служило бурное Ладожское озеро. Царь рѣшилъ прорыть каналъ въ обходъ этого озера.

Устройство обоихъ каналовъ стоило большихъ денегъ и громадныхъ трудовъ. Десятки тысячъ рабочихъ ежегодно высылались сюда изъ разныхъ мѣстъ на земляныя работы. Многіе изъ нихъ заболѣвали и умирали здѣсь. Но Царь признавалъ, что смерть этихъ рабочихъ, дѣлавшихъ великое государственное дѣло, была не менѣе честной и благородной, чѣмъ смерть воиновъ, погибавшихъ за отечество на полѣ битвы. И народъ нашъ понималъ великое дѣло Царя и безропотно шелъ «на канавушку на Ладожскую, на работу государеву», какъ поется въ одной пѣснѣ, сохранившейся у крестьянъ Олонецкой губерніи. Петръ Великій не хотѣлъ ограничиться сооруженіемъ только Вышневолоцкаго и Ладожскаго каналовъ. Онъ мечталъ провести и другіе каналы, которые бы соединили Волгу съ Дономъ, Сѣверную Двину съ Невой и Волгой. Ранняя смерть не дала Государю осуществить всѣхъ этихъ великихъ замысловъ; но непрестанныя и разнообразныя его заботы о русской торговлѣ принесли большіе плоды уже въ послѣдніе годы его царствованія: болѣе 200 иностранныхъ кораблей каждый годъ приходило тогда въ Петербургъ, и нашъ заграничный вывозъ достигъ двухъ съ половиной милліоновъ рублей въ годъ—деньги по тому времени очень большія. Вообще же доходы государства при Петрѣ Великомъ увеличились въ три слишкомъ раза сравнительно съ предшествующими царствованіями.

Преобразованіе государственныхъ учрежденій и заботы о просвѣщеніи.

Для устройства арміи и флота, для снабженія ихъ всѣмъ необходимымъ, для развитія промышленности и торговли и для проведенія въ жизнь другихъ новыхъ начинаній Царя-Преобразова-

8

теля были уже непригодны прежнія правительственныя учрежденія Московскаго государства. Новыя условія жизни потребовали и новыхъ правительственныхъ учрежденій. Прежнія устарѣли и не поспѣвали работать за Государемъ. Старую боярскую думу Петръ замѣнилъ въ 1711 году сенатомъ, который первоначально долженъ былъ дѣйствовать тогда, когда Государь находился въ отсутствіи, но затѣмъ сталъ учрежденіемъ постояннымъ и занялъ самое высокое мѣсто въ государствѣ. Сенатъ долженъ былъ слѣдить за дѣйствіями всѣхъ властей. Ему были подчинены коллегіи, замѣнившія прежніе московскіе приказы.

Каждая коллегія состояла изъ предсѣдателя и нѣсколькихъ членовъ, и дѣла въ ней рѣшались по большинству голосовъ. Всѣхъ коллегій было десять. Онѣ вѣдали всѣми отраслями управленія, суда и государственнаго хозяйства. Особыя коллегіи были учреждены для завѣдыванія горно-заводскимъ дѣломъ, торговлей и промышленностью.

Измѣнилось при Петрѣ управленіе и на мѣстахъ: взамѣнъ прежняго дѣленія страны на многочисленные уѣзды, очень неравномѣрные по пространству, ничѣмъ не связанные между собою, Россія была раздѣлена сначала на восемь, а потомъ на десять губерній; губерніи же эти дѣлились на провинціи, а провинціи на уѣзды.

Измѣняя правительственныя учрежденія, Государь понималъ, что однимъ этимъ нельзя многаго достигнуть, что надо приготовить хорошихъ работниковъ для этихъ учрежденій, нужно имѣть всюду людей свѣдущихъ и образованныхъ.

Поэтому мысль о скорѣйшемъ распространеніи въ Россіи образованія никогда не покидала Государя, и, несмотря на то, что ему приходилось заниматься множествомъ другихъ дѣлъ, онъ для насажденія образованія въ Россіи сдѣлалъ все, что было въ его силахъ. Мы уже знаемъ, что Царь молодыхъ дворянъ отправлялъ учиться за границу; но обученіе за границей было для многихъ невозможно, да и стоило государству дорого. Надо было завести собственныя школы. На Руси до Петра существовали только низшія церковно-приходскія училища. Только въ правленіе Царевны Софіи въ Москвѣ была учреждена высшая школа, которая получила названіе «Славяно-греко-латинской академіи». Во главѣ ея были поставлены два греческихъ монаха—братья Лихуды, получившіе прекрасное образованіе. Кромѣ того въ Кіевѣ съ давнихъ поръ существовала славная Кіево-Могилянская академія, многіе ученики которой стали помощниками Петра въ его просвѣтительныхъ дѣлахъ.

При всѣхъ достоинствахъ этихъ высшихъ учебныхъ заведеній, они однако, давая главнымъ образомъ духовное образованіе, не могли подготовить такихъ людей, которые нужны были Петру Великому. Ему были необходимы люди, хорошо знающіе морское, военное и инженерное дѣло. Поэтому, оставивъ академіи въ прежнемъ видѣ, онъ сталъ заводить новыя школы. Еще въ 1701 году Государь открылъ, для изученія морскихъ наукъ, Навигацкую школу, помѣстивши ее въ Сухаревой башнѣ въ Москвѣ. Одни поступали въ нее добровольно, но такихъ было сначала немного; другихъ стали набирать принудительно. Черезъ десять лѣтъ въ школѣ было болѣе 400 учениковъ. Всѣмъ имъ выдавались кормовыя деньги, пока они учились; за самымъ же ихъ ученьемъ былъ установленъ строгій надзоръ: за пропуски учебныхъ дней съ учениковъ брали большіе денежные штрафы, а если они ихъ не уплачивали, то учениковъ подвергали тѣлесному наказанію. Навигацкая школа вела свое дѣло съ большимъ успѣхомъ, особенно, когда начальникомъ ея былъ поставленъ первый русскій математикъ Магницкій, всю душу свою отдававшій школѣ. Изъ Навигацкой школы вышли дѣятельные и свѣдущіе помощники Петра въ дѣлѣ морскомъ, артиллерійскомъ, инженерномъ. Они же стали первыми учителями въ другихъ вновь открываемыхъ школахъ.

Сухарева Башня.

Вслѣдъ за Навигацкой появились въ Москвѣ и другія школы: Инженерная, Артиллерійская, а также Медицинская, которой завѣдывалъ голландскій докторъ Бидлоо, весьма хвалившій понятливость и сообразительность своихъ учениковъ. Въ 1715 году

высшіе классы Навигацкой школы были переведены въ Петербургъ, и изъ нихъ образовалась Морская академія. Вначалѣ во главѣ ея былъ поставленъ французъ Сентъ-Илеръ, который относился къ своимъ обязанностямъ небрежно. Царь, узнавъ объ этомъ, написалъ: «спросить француза, чтобы подлинно объявилъ, хочетъ ли онъ свое дѣло дѣлать?... И буде будетъ,—чтобы дѣлалъ; буде нѣтъ, то чтобы отдалъ взятое жалованье и убирался изъ Россіи». Вскорѣ Сентъ-Илера уволили, и Петръ назначилъ начальникомъ академіи Нарышкина, при которомъ она достигла особеннаго процвѣтанія: ученики ея стали самостоятельно совершать плаваніе на фрегатахъ и на дѣлѣ изучать морскую службу. Но для того, чтобы заставить молодыхъ людей учиться, надо было Государю прибѣгать къ весьма суровымъ мѣрамъ: въ каждомъ классѣ, по приказу Петра, былъ поставленъ солдатъ съ хлыстомъ, который долженъ былъ, «буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ хлыстомъ бить, не смотря какой бы фамиліи ученикъ не былъ». Такова была школа, которую проходило тогда русское юношество. Но иначе и нельзя было поступать Царю-Преобразователю, когда многіе не сознавали пользы образованія, и только силою можно было заставить ихъ учиться.

Не ограничиваясь Москвой и Петербургомъ, Петръ сталъ открывать школы, хотя только начальныя, и въ другихъ городахъ. Эти школы назывались цифирными, потому что въ нихъ особенно изучались ариѳметика и геометрія. Школы эти назначались для дворянскихъ дѣтей, но потомъ въ нихъ стали допускать и дѣтей другихъ сословій. Для подготовки образованныхъ священниковъ Петръ велѣлъ архіереямъ открыть особыя школы, или духовныя семинаріи, въ которыхъ тоже могли учиться дѣти и не-духовныхъ лицъ. Упразднивъ патріаршество и учредивъ Святѣйшій Синодъ (въ 1721 году), онъ поставилъ ему, между прочимъ, въ особую обязанность заботиться о поднятіи образованія духовенства и о просвѣщеніи вѣрою Христовою язычниковъ, особенно въ Сибири.

Кромѣ распространенія образованія путемъ школъ, Царь дѣйствовалъ и другими мѣрами. Въ одно изъ своихъ путешествій за границей, онъ купилъ большое собраніе рѣдкихъ камней, раковинъ и чучелъ различныхъ рыбъ, звѣрей, насѣкомыхъ, совсѣмъ неизвѣстныхъ или мало извѣстныхъ въ Россіи. Присоединивши къ этому собранію разныя русскія рѣдкости, которыя Петръ приказывалъ привозить отовсюду въ столицу, онъ открылъ въ Петербургѣ такъ называемую «кунстъ-камеру», въ которой эти диковинки показывались желающимъ безплатно.

Для того, чтобы народъ меньше вѣрилъ всякимъ нелѣпымъ слухамъ и лучше понималъ мѣропріятія правительства, Петръ основалъ первую русскую газету: съ 1 января 1703 года стали выходить «Вѣдомости». Содержаніе перваго номера ихъ было составлено при ближайшемъ участіи Государя. Въ нихъ стали сообщаться разнообразныя извѣстія изъ Россіи и изъ-за границы. Особенно много мѣста, конечно, эта первая русская газета удѣляла живо всѣхъ интересовавшей войнѣ со шведами. При Петрѣ было издано много книгъ разнообразнаго содержанія: по географіи, по исторіи, по разнымъ военнымъ наукамъ. Царь самъ часто указывалъ перевести ту или другую полезную иностранную книгу. Петръ очень любилъ и свои русскія старыя лѣтописи, велѣлъ бережно ихъ сохранять и хотѣлъ общій сводъ ихъ напечатать во всеобщее свѣдѣніе. Вообще надо сказать, что съ Петра Великаго всякаго рода книги значительно подешевѣли и стали болѣе доступными.

Петръ Великій желалъ, чтобы русскіе и въ области высшаго знанія скорѣе догнали другіе просвѣщенные народы, чтобы и русскіе съ теченіемъ времени стали приносить пользу всему человѣчеству своими собственными научными открытіями и изобрѣтеніями. По совѣту знаменитаго нѣмецкаго ученаго Лейбница, Петръ задумалъ устроить въ Петербургѣ «Общество ученыхъ людей, которые бы трудились надъ усовершенствованіемъ искусствъ и наукъ». Въ 1724 г. былъ утвержденъ имъ уставъ этого общества, которое было названо Академіей Наукъ. Но самое открытіе академіи совершилось уже послѣ смерти Петра, въ царствованіе его супруги Екатерины Первой.

Въ составъ академіи были приглашены, за неимѣніемъ русскихъ ученыхъ, иностранцы. При ней было открыто особое учебное заведеніе, въ которомъ даровитые юноши подготовлялись къ занятіямъ науками. Съ теченіемъ времени изъ этихъ юношей и стали выходить настоящіе ученые изъ русскихъ, вступавшіе въ составъ самой академіи наукъ. Къ сожалѣнію, сама академія на долгіе годы сдѣлалась пріютомъ однихъ почти ученыхъ нѣмцевъ, которые часто забывали о томъ, для чего хотѣлъ открыть академію Великій Императоръ. Съ этими нѣмцами пришлось впослѣдствіи вести тяжелую борьбу первому русскому знаменитому ученому— Ломоносову.

Петербургъ—столица государства.

Заботясь такъ много о распространеніи просвѣщенія, Петръ Великій желалъ измѣнить многое и въ нравахъ русскихъ людей, особенно дворянства.

Государь не могъ оставить безъ вниманія и той слѣпой приверженности къ старинѣ, которая мѣшала проведенію въ жизнь многихъ его начинаній. Онъ думалъ, что одной изъ главныхъ причинъ отчужденія русскихъ отъ иноземцевъ и нежеланія русскихъ заимствовать у иностранцевъ хорошее—было различіе между внѣшнимъ обликомъ русскаго человѣка и западнаго европейца. Поэтому онъ приказалъ всѣмъ дворянамъ и горожанамъ одѣваться въ нѣмецкое платье и брить бороды.

Петру не нравилось также затворничество русскихъ знатныхъ женщинъ въ теремахъ. Чтобы постепенно уничтожить этотъ обычай, Государь устраивалъ у себя и велѣлъ устраивать своимъ приближеннымъ такъ называемыя «ассамблеи», или собранія, гдѣ сходились для разговоровъ, танцевъ и другихъ развлеченій женщины и мужчины. Не особенно удобно чувствовали себя въ новомодныхъ французскихъ платьяхъ и среди совсѣмъ новой обстановки тогдашнія женщины; но человѣкъ ко всему привыкаетъ: вошли въ обычай и выѣзды на вечера, о которыхъ раньше никто не смѣлъ бы и подумать. Конечно, народные обычаи измѣняются не скоро, съ большимъ трудомъ. Но и въ этомъ дѣлѣ Петръ достигъ нѣкоторыхъ успѣховъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако у нѣкоторыхъ неразсудительныхъ молодыхъ людей появилось пренебреженіе къ своему родному, даже къ установленіямъ православной церкви. Петръ весьма не одобрялъ такого вольнодумства, и подобнымъ молодымъ людямъ приходилось не разъ испробовать на себѣ тяжесть его дубинки.

Новые порядки и новые обычаи трудно было заводить въ старой столицѣ. Много было въ ней людей, которые еще бороду считали образомъ Божіимъ, а за старое русское платье готовы были стоять горой. Поэтому Петръ съ 1703 г. почасту уже живетъ во вновь основанномъ имъ Петербургѣ, а затѣмъ постепенно этотъ городъ превращается и въ столицу Русской Имперіи.

Петербургъ былъ основанъ при самомъ устьѣ Невы, гдѣ широкая рѣка развѣтвляется на нѣсколько рукавовъ, образуя острова. Земля, на которой стоитъ теперь столица, была завоевана Петромъ у шведовъ. Но она за шведами была только послѣднія 90 лѣтъ, раньше же принадлежала намъ: на нынѣшнемъ Васильев-

скомъ островѣ и въ другихъ мѣстахъ по Невѣ и ея притокамъ, кое-гдѣ уцѣлѣли еще къ тому времени русскія поселенія, а на томъ мѣстѣ лѣваго берега Невы, гдѣ теперь Смольный монастырь, была даже православная церковь. Русскія поселенія встрѣчались и далѣе на сѣверъ, вплоть до Выборга и Кексгольма, а на западѣ—до Нарвы. Когда въ 1703 году Петръ впервые достигъ устья Невы, онъ здѣсь нашелъ и взялъ шведскую крѣпость Ніеншанцъ, стоявшую на мѣстѣ нынѣшней окраины Петербурга—Большой Охты. Однако это мѣсто Петру не понравилось, и онъ заложилъ городъ нѣсколько ниже по теченію рѣки.

Чтобы обезпечить новый городъ отъ нападенія шведовъ, Государь, прежде всего, озаботился постройкой крѣпости. Самъ онъ жилъ вблизи отъ нея, въ маленькомъ домикѣ, неустанно наблюдая за работами. Этотъ знаменитый «Домикъ Петра Великаго», одна изъ комнатъ котораго обращена въ часовню, гдѣ находится чудотворный образъ Нерукотвореннаго Спаса, и теперь стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ поставилъ его Великій Царь. Сюда стекаются во множествѣ богомольцы для поклоненія, и здѣсь непрестанно совершаются молебны предъ образомъ, сопутствовавшимъ Петру во всѣхъ его походахъ. Вскорѣ, вслѣдъ за построеніемъ домика и первой въ Петербургѣ церкви Св. Троицы (недалеко отъ него), появились и дворцы «лѣтній» и «зимній»; но эти «дворцы» были скорѣе похожи на обыкновенные каменные дома, которые можно встрѣтить теперь чуть не въ каждомъ уѣздномъ городѣ: такъ они были малы и просты.

По мѣрѣ увеличенія населенія Петербурга, стали созидаться въ немъ и новые храмы Божіи. Благочестивый Государь сооружалъ ихъ въ ознаменованіе важныхъ событій. Такъ, была воздвигнута церковь во имя Преподобнаго Сампсона Страннопріимца, въ день памяти котораго одержана была Полтавская побѣда. Затѣмъ былъ построенъ храмъ во имя Преподобнаго Исаакія Далматскаго, въ день памяти котораго родился Петръ. Имени Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла посвященъ былъ построенный имъ соборъ въ крѣпости. Наконецъ Петръ основалъ Лавру, куда изъ Владиміра-на-Клязьмѣ были торжественно перенесены мощи Св. Александра Невскаго: этотъ доблестный князь былъ радѣтелемъ Русской земли, и въ 1240 г. одержалъ блестящую побѣду надъ шведами на берегу р. Невы, отчего и прозванъ былъ Невскимъ.

Мѣсто, на которомъ возникалъ новый городъ, было лѣсисто и болотисто. Со страшными трудностями приходилось бороться при постройкахъ, частыя наводненія причиняли много вреда. Петръ

думалъ бороться съ наводненіями прорытіемъ многочисленныхъ каналовъ, но и это не всегда приносило ожидаемую пользу. Тогда Петръ задумалъ обезопасить дорогой его сердцу городъ громадной насыпью, но онъ не успѣлъ привести этотъ замыселъ въ исполненіе.

Для земляныхъ работъ, для строенія домовъ и другихъ дѣлъ въ Петербургѣ требовалось много рабочихъ рукъ; но добровольныхъ пришельцевъ сюда было сначала немного. Государю приходилось особыми приказами собирать рабочихъ изъ разныхъ губерній. Первые петербургскіе купцы и ремесленники явились тоже не по доброй волѣ: они царскимъ указомъ были вызваны изъ Москвы и

Петербургъ при Петрѣ Великомъ.

другихъ городовъ. Но вскорѣ за подневольными жителями потянулись и добровольные переселенцы: увидали, что и заработать, умѣючи, въ Петербургѣ можно, да и поторговать можно хорошо. Стала здѣсь развиваться и морская торговля: суда всякихъ націй посѣщали новый городъ. Петръ Великій всякими мѣрами старался пріохотить иностранныхъ моряковъ и купцовъ къ посѣщенію Петербурга, часто самъ выходилъ на ботѣ встрѣчать иностранныя торговыя суда къ Кронштадту, проводилъ ихъ и, какъ лоцманъ, получалъ отъ капитановъ установленную за это плату. Царь радушно принималъ иностранныхъ, особенно голландскихъ, моряковъ и купцовъ, среди которыхъ у него было много знакомцевъ, еще со времени путешествія за границу.

Благодаря неустаннымъ заботамъ Петра Великаго, новая столица быстро обстроилась и разукрасилась. Тогда она зани-

мала только часть нынѣшняго Петербурга. Еще на рѣкѣ Фонтанкѣ стоялъ дремучій лѣсъ, а Невскій проспектъ окружали главнымъ образомъ огороды; но встрѣчались уже и тогда такія величественныя сооруженія, какъ дворецъ князя Меньшикова, или коллегіи (нынѣ первый кадетскій корпусъ и университетъ). Смотря на созданіе своихъ рукъ, Петръ подъ конецъ своей жизни говорилъ: «Кому изъ васъ, братцы мои, хоть во снѣ снилось, лѣтъ 30 тому назадъ, что мы съ вами здѣсь, у Балтійскаго моря, будемъ плотничать и въ одеждахъ нѣмцевъ, въ завоеванной у нихъ же нашими трудами и мужествомъ странѣ». Петръ говорилъ сущую правду: только благодаря его необычайному уму и настойчивости, удалось создать все это. И правильно сказалъ впослѣдствіи нашъ великій писатель Пушкинъ о новомъ царственномъ городѣ, что онъ «изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ вознесся пышно, горделиво».

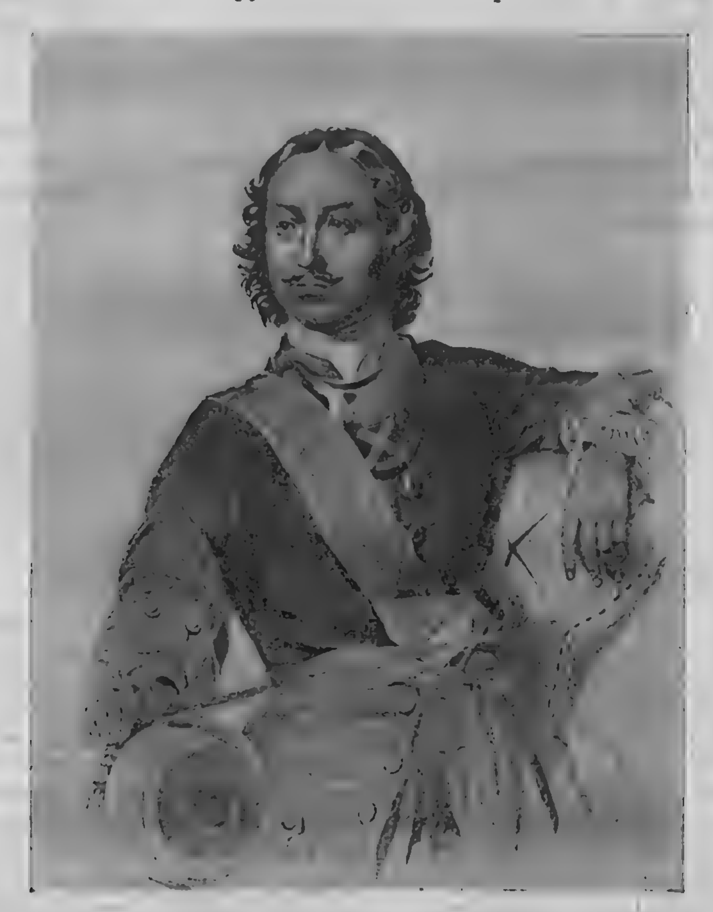

Домикъ Петра Великаго.

Но не пышно и не горделиво, а удивительно просто жилъ въ этомъ городѣ его великій основатель. Петръ поселился въ своемъ любимомъ Петербургѣ на постоянное житье въ 1712 году. Но его живой, кипучій духъ не зналъ покоя: часто, и послѣ этого, покидалъ онъ по разнымъ дѣламъ новую столицу, какъ раньше покидалъ Москву, быстро переносился изъ одного конца Россіи въ другой, «на свою,—какъ онъ говаривалъ,—государеву службу». Скоро и просто совершалъ онъ эти поѣздки: садился зимой въ простыя сани, лѣтомъ въ кибитку, бралъ съ собою деньщика Румянцева, да еще двухъ—трехъ молодыхъ людей и катилъ, куда нужно, за сотни верстъ.

Проста была и полна непрерывныхъ трудовъ жизнь Государя: вставалъ онъ очень рано, часовъ въ 5 утра, и, наскоро выпивъ кофе, который ему часто приготовляла сама супруга, спѣшилъ на корабельныя верфи или на другія постройки, въ высокихъ сапогахъ, иногда зачиненныхъ имъ самимъ, въ зеленомъ кафтанѣ нѣмецкаго покроя изъ русскаго сукна, подчасъ съ заплатами, сдѣланными Императрицей. Осмотрѣвъ верфи или постройки, Царь переходилъ въ сенатъ или коллегіи, или же возвращался домой и тамъ принималъ своихъ сотрудниковъ. Обѣдалъ Государь въ 12 часовъ, затѣмъ, по старому

русскому обычаю, шелъ часокъ—другой соснуть, а потомъ вновь начиналась государственная работа. Въ часы досуга, Царь не любилъ сидѣть сложа руки: въ свободное время онъ занимался у

Императоръ Петръ Первый въ зрѣломъ возрастѣ.

себя токарнымъ дѣломъ. Но и сюда къ нему приходили зачастую съ неотложными докладами о дѣлахъ государственныхъ. Случалось, что сюда же Царь вызывалъ, для отеческаго внушенія, своихъ приближенныхъ, въ чемъ-либо провинившихся. Иногда

и знатнѣйшимъ изъ нихъ приходилось попробовать царской дубинки.

Петръ Великій былъ для всѣхъ доступенъ, готовъ былъ всякаго выслушать, но болтовни и длинныхъ разглагольствованій не терпѣлъ. «Отпиши, Макаровъ,—сказалъ онъ однажды своему секретарю,—къ Астраханскому губернатору, чтобы впредь лишняго ко мнѣ не брехалъ, а писалъ бы о дѣлѣ кратко и ясно. Знать, онъ забылъ, что я многоглаголевыхъ вралей не люблю, у меня и безъ того хлопотъ много».

Любя простоту во всемъ, Царь однако не былъ человѣкомъ мрачнымъ, угрюмымъ. Широкое русское веселье любилъ онъ всей душой, и если у него бывалъ пиръ, такъ ужъ, можно сказать, на весь міръ. Такіе пиры устраивались обыкновенно послѣ великихъ, радостныхъ для Руси событій.

Царя нѣкоторые неразумные люди обвиняли въ пристрастіи къ иностранцамъ, но это обвиненіе было несправедливо. Петръ никогда не назначалъ иностранцевъ на первыя мѣста. На такія мѣста у него были поставлены русскіе люди: Меньшиковъ, Апраксинъ, Головкинъ, Шереметевъ и др. Иностранцами Царь пользовался только, какъ орудіемъ, ради ихъ знаній. Беззавѣтно любя родину, онъ за честь и славу ея готовъ былъ отдать свою жизнь. Вся его жизнь была посвящена служенію Россіи. Конечно, и Петру случалось ошибаться; иногда онъ каралъ слишкомъ сурово, требовалъ того, что трудно было исполнить, но его безкорыстная любовь къ отечеству, его напряженные труды, поставившіе Россію на ряду съ великими міровыми державами—по справедливости заслужили ему у потомства прозванія Великаго.

Самая смерть Петра глубоко трогаетъ сердце. Онъ ускорилъ свою кончину изъ-за того, что подданныхъ любилъ больше жизни своей.

Уже съ 1715—1716 годовъ Петръ не разъ прихварывалъ, а въ 1724 г. лѣтомъ онъ заболѣлъ довольно опасно. Врачи совѣтовали ему осторожность, но онъ не обращалъ на ихъ совѣты вниманія. Въ 1724 году, въ бурную октябрьскую, дождливую и холодную ночь, Царь плылъ изъ Кронштадта въ столицу. Невдалекѣ отъ деревни Лахты, на заливѣ послышались крики о помощи: тонулъ сѣвшій на мель военный ботъ. Царь немедленно отправился туда и самъ помогалъ спасать матросовъ, стоя по поясъ въ ледяной водѣ. Болѣзнь послѣ этого сразу усилилась, но желѣзная натура Царя боролась съ приближающейся смертью: только въ январѣ 1725 года онъ слегъ окончательно. Силы оставляли Царя; онъ не могъ уже говорить, а только писалъ на грифельной доскѣ.

Утромъ, 28 января, душа Великаго Петра отошла въ вѣчность. Но то, что создано было имъ, осталось на благо отечества. Отпѣвавшій Государя въ Петропавловскомъ соборѣ архіепископъ хорошо выразилъ эту мысль въ своемъ надгробномъ словѣ. «Какову онъ Россію свою сдѣлалъ, такова и будетъ: сдѣлалъ добрымъ любимую, любимая и будетъ, сдѣлалъ врагамъ страшную, страшная и будетъ; сдѣлалъ ее на весь міръ славною, славная и быть не престанетъ!»

Памятникъ Петру Великому въ Петербургѣ.

Дворецъ въ Царскомъ Селѣ.

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА И ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ.

Время отъ смерти Петра до Елизаветы.

Вслѣдъ за быстрымъ ростомъ при Великомъ Императорѣ, Россія послѣ его смерти нѣсколько останавливается въ своемъ развитіи. За первыя 17 лѣтъ послѣ Петра на Престолѣ Россійской Имперіи смѣнилось четыре государя: вдова Петра, Екатерина Первая (1725—1727); его малолѣтній внукъ, Петръ Второй (1727—1730); племянница Петра Великаго, Анна Іоанновна (1730—1740); ея внучатный племянникъ, младенецъ Іоаннъ (1740—1741), послѣ котораго Престолъ перешелъ къ дочери Петра—Елизаветѣ. Жизнь государства за это время не отмѣчена сколько-нибудь выдающимися событіями.

Положеніе Россіи, пріобрѣтенное ею при Петрѣ, было уже настолько прочно, что оно не поколебалось при быстрой смѣнѣ его преемниковъ. Шведы попробовали было, въ царствованіе малолѣтняго Іоанна Антоновича, начать войну, желая возвра-

тить земли, потерянныя ими по Ништадтскому миру, но были побиты и заплатили за свою попытку еще частью своихъ финляндскихъ владѣній (до р. Кюмени), присоединенныхъ къ Выборгской области (въ 1743 г.).

Не опаснымъ сосѣдомъ была для Россіи и Польша. Издавна раздираемая безконечной внутренней смутой и своеволіемъ сильныхъ пановъ, она утратила свою былую силу. Безпорядокъ во всѣхъ дѣлахъ управленія былъ полный; законы и суды не имѣли никакой силы; войско было ничтожно, плохо обучено и плохо вооружено, и не могло ни защитить страну отъ внѣшнихъ враговъ, ни поддержать порядокъ внутри. Уже во времена Петра Великаго въ Польшѣ происходило долгое междоусобіе между приверженцами короля Августа Второго и сторонниками выдвинутаго шведами противъ него другого короля—Станислава Лещинскаго. Петру пришлось занять Польшу своими войсками и возстановить власть законнаго государя. Петръ не захотѣлъ тогда воспользоваться слабымъ положеніемъ Польши и отнять отъ нея принадлежавшія ей русскія области. Онъ только подтвердилъ старые договоры, обязывавшіе польское правительство не допускать никакихъ обидъ и притѣсненій православному населенію этихъ областей. Но порядокъ, установленный Петромъ, былъ непроченъ. Едва вышли изъ Польши русскіе полки,—прежняя междоусобица вспыхнула съ новой силой. Очевидно было, что жить самостоятельно это государство уже не можетъ. Знатные и богатые паны, державшіе въ своихъ рукахъ всю власть, не заботились о своемъ государствѣ, не дорожили ни пользою народа, ни честью родины. Они давали подкупать себя на сеймѣ и не стѣснялись призывать въ Польшу, на помощь себѣ и своимъ сторонникамъ, иностранныя войска. Это было выгодно для сосѣдей, но гибельно и унизительно для Польши.

Изъ всѣхъ сосѣдей этой страны больше всего власти и силы надъ нею пріобрѣла, со времени Петра Великаго, Россія.

Въ 1733 г., когда умеръ король Августъ Второй, въ Польшѣ началось обычное междоусобіе. Французы подкупили часть пановъ на сеймѣ, и тѣ провозгласили королемъ того же Станислава Лещинскаго, жившаго во Франціи послѣ своего пораженія и выдавшаго здѣсь свою дочь замужъ за короля Людовика Пятнадцатаго. Другіе, желавшіе избрать саксонскаго короля Августа, сына покойнаго Августа Второго, жаловались Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, что выборы произведены неправильно, и требовали военной поддержки. Русскія войска были введены въ Польшу. Съ другой стороны вступили въ нее призванные сторонниками Ле-

щинскаго французы. Побѣда осталась за русскими, и Августъ Третій утвердился на польскомъ престолѣ.

Попробовала вмѣшаться въ дѣло и Турція, опасавшаяся усиленія Россіи на счетъ Польши. Но и въ послѣдовавшей затѣмъ войнѣ съ Турціею русскія войска постояли за себя. Турки и татары были разбиты совершенно. Русскіе заняли Крымъ. Императрица Анна хотѣла удержать его за собою, чтобы навсегда покончить съ безпокойными татарскими набѣгами. Но въ дѣло вмѣшалась, кромѣ Франціи, еще Англія: державы грозили войною, если Россія не вернетъ Крыма Турціи. Анна Іоанновна уступила и ограничилась тѣмъ, что предѣлы Россіи были отодвинуты далѣе на югъ: присоединена нынѣшняя Екатеринославская губернія съ сѣверной частью Херсонской губерніи, и Азовъ перешелъ опять къ Россіи (съ устьемъ Дона и небольшой частью сѣвернаго побережья Азовскаго моря).

Побѣда надъ Турціей имѣла важное значеніе тѣмъ, что отнимала сильную поддержку у азіатскихъ ордъ, испоконъ вѣковъ кочевавшихъ въ южныхъ степяхъ, по границамъ Россіи. При Петрѣ Великомъ къ вѣчнымъ набѣгамъ изъ Крыма прибавились еще набѣги Кубанской татарской орды. Ногайцы, калмыки и башкиры, считавшіеся русскими подданными, также нерѣдко искали случая поживиться грабежомъ на Руси. Но Россія становилась все сильнѣе, и все крѣпче тѣснила разбойничьи племена. Уже въ 1731 г. киргизскія орды, кочевавшія въ привольныхъ степяхъ восточнѣе Урала, перешли въ подданство Россіи. Чтобы слѣдить за новыми подданными, на границѣ Киргизской степи выстроенъ былъ городокъ-крѣпость Орскъ, а въ 1742 г.—Оренбургъ. Башкиры, недовольные постройкою этихъ городовъ, попробовали поднять бунтъ, призывая себѣ на помощь кубанскихъ татаръ; но тѣ и другіе были скоро усмирены. Чтобы отрѣзать башкиръ отъ киргизъ и не дать имъ, въ случаѣ бунта, дѣйствовать сообща,—по обѣ стороны отъ Оренбурга, по всему теченію Урала, отъ верховья рѣки до моря, выстроена была новая линія крѣпостей. Казачьи полки, поселенные вокругъ этихъ крѣпостей, образовали новое, Оренбургское войско. Подъ прикрытіемъ Оренбургской линіи, сѣверная половина теперешней Самарской губерніи стала быстро заселяться русскимъ земледѣльческимъ населеніемъ. Самый Оренбургъ сталъ мѣстомъ бойкой торговли: уже черезъ пять лѣтъ послѣ его основанія туда наѣхало столько купцовъ изъ Хивы, Бухары и Ташкента, что русскимъ купцамъ не хватило для продажи привезенныхъ товаровъ.

Такъ постепенно и прочно укрѣплялась сила Россіи и на восточной окраинѣ, и предъ враждебными государствами Западной Европы.

Многія изъ европейскихъ державъ долгое время не хотѣли признавать за Русскими Государями Императорскаго титула, утверждая, что право на этотъ титулъ имѣлъ лишь Петръ Великій лично, какъ счастливый завоеватель, но не его преемники. Однако, видя, что могущество Россіи держится на прежней высотѣ, государства одно за другимъ стали именовать Россію Имперіей. Въ царствованіе Императрицы Елизаветы Россіи впервые послѣ Ништадскаго мира пришлось воевать съ сильною европейскою державою—Пруссіею; блестящія побѣды, одержанныя нашими войсками, окончательно укрѣпили за Россіею славу великой державы.

Внутренняя жизнь нашей родины омрачена была, въ первые годы послѣ смерти Петра Великаго, многими тяжелыми нестроеніями.

Сотрудники Петра Великаго послѣ его смерти стали ссориться и враждовать между собою. Враждой между русскими вельможами воспользовались иноземцы. При Петрѣ они были на вторыхъ мѣстахъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ него, въ правленіе Анны Іоанновны, заняли самое видное положеніе въ государствѣ. Особенно возвысился курляндскій выходецъ Биронъ, имѣвшій неограниченное вліяніе на дѣла управленія.

Не связанные ни вѣрой, ни происхожденіемъ съ народомъ, ихъ пріютившимъ, эти иностранцы—главнымъ образомъ нѣмцы — управляли нашей страной весьма жестоко, и горько приходилось тѣмъ русскимъ людямъ,—все равно—будь то простой крестьянинъ, архіерей или знатный министръ —которые осмѣливались прогнѣвить Бирона. Съ безпощадною жестокостью клевреты его взыскивали съ народа увеличенныя подати, а также всѣ недоимки за прежніе годы.

Такое положеніе дѣлъ въ государствѣ вызывало сильнѣйшее недовольство русскихъ людей всѣхъ сословій. Оно прекратилось только тогда, когда на Престолъ при всеобщемъ ликованіи народа вступила дочь Петра—Елизавета.

Общее направленіе дѣятельности Императрицъ Елизаветы и Екатерины.

Общая радость, вызванная воцареніемъ Цесаревны Елизаветы Петровны, не удивительна. Память Петра Великаго благоговѣйно хранилась русскими людьми, и отъ новой Императрицы всѣ ждали, что она будетъ управлять страною и народомъ, согласно примѣру и завѣтамъ своего Великаго Отца. Но и помимо того, личныя свойства новой Государыни вызывали къ ней общее расположеніе.

Обладая привлекательной внѣшностью, она отличалась простымъ, живымъ и веселымъ нравомъ; при видѣ ея всякому становилось легче на душѣ; любовь къ веселью не мѣшала Елизаветѣ Петровнѣ быть глубоко набожной: будучи Императрицею, она не разъ хаживала пѣшкомъ на богомолье, прилежно выстаивала церковныя службы, а въ дѣлахъ управленія обнаружила живую заботу о нуждахъ православной церкви; особенно порадовала эта забота православный людъ и духовенство послѣ недружелюбнаго и суроваго управленія сановниковъ-нѣмцевъ, бывшихъ у власти въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны и младенца Іоанна Антоновича. Замѣчательна была также доброта Императрицы Елизаветы и ея горячая любовь ко всему русскому. Елизавета Петровна, подобно Петру Великому, не сторонилась отъ иностранцевъ: любя веселье, музыку, всякія зрѣлища,—она охотно выписывала къ своему двору французскихъ и итальянскихъ пѣвцовъ; но еще больше ей нравились русскія пѣсни, хороводы съ крестьянскими дѣвушками; въ дѣлахъ же государственныхъ она рѣшительно отстраняла всякое вмѣшательство иностранцевъ. Сановники-нѣмцы съ первыхъ же дней ея царствованія замѣнены были русскими, среди которыхъ было уже достаточно людей, по образованію не уступавшихъ ни нѣмцамъ, ни французамъ. Въ теченіе всего своего двадцатилѣтняго царствованія она не отступала отъ этого усвоеннаго ею правила. Когда ей предлагали назначить на какое-нибудь мѣсто иностранца, она отвѣчала: «Къ чему это? Развѣ нѣтъ способныхъ русскихъ людей».

По уму и способностямъ Елизавета Петровна не могла равняться своему Великому Отцу, но она всемѣрно старалась идти по его стопамъ, возстановила многіе законы Петра Великаго и первенствующее значеніе сената, отнятое у него въ предыдущія царствованія.

Тѣмъ же стремленіемъ идти по слѣдамъ Петра Великаго отличалось и слѣдующее царствованіе—Императрицы Екатерины Вто-

Императрица Елизавета Петровна.

рой, начавшееся вскорѣ послѣ смерти Елизаветы. Екатерина Алексѣевна, сама не русская по крови, не уступала Императрицѣ Елизаветѣ въ любви къ русскому народу, а за свой умъ и государственныя способности заслужила, подобно Петру, имя Великой.

Родившись принцессою одного изъ мелкихъ нѣмецкихъ княжескихъ родовъ, она приблизилась къ Русскому Престолу черезъ супружество съ внукомъ Петра Великаго—Императоромъ Петромъ Третьимъ, царствовавшимъ полгода. Этотъ бракъ былъ заключенъ по желанію Императрицы Елизаветы Петровны, еще въ началѣ ея царствованія, когда Петръ былъ объявленъ наслѣдникомъ Престола. Екатеринѣ было всего 14 лѣтъ, когда она выходила замужъ. Въ ней уже и тогда видны были недюжинныя способности и свѣтлый умъ, передъ которымъ впослѣдствіи преклонялись величайшіе ученые того времени. Съ природнымъ умомъ она соединила рѣдкую образованность, пріобрѣтенную ею почти безъ помощи учителей. Она обладала удивительнымъ умѣніемъ обращаться съ людьми, вѣрно оцѣнивать ихъ способности и привязывать ихъ къ себѣ. Особенно полюбили ее въ Россіи за то, что она, родившись нѣмкою, сумѣла сдѣлаться русскою по духу. Она быстро и хорошо усвоила русскій языкъ, глубоко и искренно полюбила Россію, прониклась историческими завѣтами русскаго народа, и никому не приходило въ голову вспоминать о ея иноземномъ происхожденіи. Не только придворные, имѣвшіе счастье личнаго знакомства съ Императрицею, но даже простые солдаты смотрѣли на нее съ обожаніемъ.

Нерѣдко были случаи, что люди, получившіе крестъ или медаль изъ ея рукъ, отказывались послѣ отъ заслуженной высшей награды, чтобы не разстаться съ знакомъ отличія, полученнымъ отъ «Матушки-Императрицы», какъ всѣ называли Екатерину.

Общая любовь и это ласковое прозваніе: «Матушка-Императрица», и имя Великой достались Екатеринѣ не даромъ. Съ первыхъ лѣтъ царствованія Государыня проявила необычайно живое вниманіе къ государственнымъ дѣламъ, искреннее желаніе жить и работать исключительно на пользу своей новой родины. Она не только умѣла окружить себя умными и способными русскими людьми, но и сама не пропускала дня безъ усиленныхъ государственныхъ трудовъ. Раннее утро уже заставало ее за рабочимъ столомъ. Быстро и здраво разбираясь своимъ яснымъ и широкимъ умомъ въ самыхъ сложныхъ и трудныхъ дѣлахъ, Императрица поистинѣ была душою всего управленія.

Не считая достаточнымъ для себя изученіе Россіи по однимъ только книгамъ, Екатерина не разъ совершала по Россіи продолжительныя путешествія, чтобы ближе ознакомиться съ жизнью управляемаго ею народа. Все это давало возможность Государынѣ сдѣлать весьма много въ дѣлѣ законодательства и управленія.

Положеніе сословій.

При Елизаветѣ Петровнѣ, а особенно при Екатеринѣ уже не во всемъ было можно и нужно слѣдовать Петру: жизнь сильно измѣнилась за это время. Измѣнилось самое положеніе сословій. При Петрѣ дворянство несло пожизненную военную и другую службу государству, но уже при Аннѣ Іоанновнѣ оказалось возможнымъ ограничить эту службу 25 годами. Къ этому времени дворянство стало болѣе замкнутымъ сословіемъ, чѣмъ раньше: только потомственные дворяне сохранили право владѣть землями и жившими на нихъ крѣпостными, дворяне личные этого права не имѣли. Вмѣстѣ съ тѣмъ дворянинъ теперь получилъ возможность начинать уже службу не съ рядового или простого матроса, а съ офицера, пройдя вновь открытую дворянскую военную школу—сухопутный шляхетскій или дворянскій корпусъ. Однако уклонившихся отъ службы дворянъ попрежнему сурово наказывали. Только въ 1762 году былъ изданъ Петромъ Третьимъ «Указъ о вольности дворянства», предоставлявшій дворянамъ право служить или не служить, по собственной охотѣ; но дѣйствіе этого указа было на нѣкоторое время пріостановлено, и только по «Жалованной Грамотѣ» дворянству, данной Императрицей Екатериной Второй въ 1785 году, дворяне окончательно освобождались отъ обязательной службы. Этой «Жалованной Грамотой» дворянство признавалось первенствующимъ сословіемъ въ государствѣ и призывалось къ широкому участію въ мѣстномъ управленіи.

Постепенное освобожденіе дворянства отъ обязательной службы объясняется, прежде всего, тѣмъ, что во времена Императрицы Екатерины не было нужды въ такомъ числѣ подневольныхъ служилыхъ людей, какъ раньше. Уже имѣлось достаточно подготовленныхъ людей, свѣдущихъ въ разныхъ дѣлахъ военнаго и гражданскаго управленія, да и сами дворяне теперь вполнѣ сознавали необходимость службы государству безъ всякаго со стороны его принужденія. Хотя служба дворянина стала необязательна, дворянство попрежнему поставляло для арміи офицеровъ: многіе дворяне считали за честь для себя проливать кровь за отечество и не смотрѣли на военную службу, какъ на тягостную повинность.

Съ другой стороны, за то время, когда дворяне бывали на всю жизнь оторваны службою отъ своихъ земель, имѣнія ихъ пришли въ упадокъ; неумѣлые или своекорыстные управляющіе разоряли и

отсутствовавшаго помѣщика, и его крестьянъ. Разореніе дворянскихъ имѣній и крестьянъ было для государства крайне невыгодно. И по этой причинѣ дворяне были освобождены отъ постоянной обязательной службы. Съ этого времени многіе изъ нихъ могли сами управлять своими имѣніями. Кромѣ того, при Императрицѣ Екатеринѣ на дворянъ смотрѣли, какъ на людей, которые на мѣстахъ, въ уѣздахъ, должны занимать, по выборамъ дворянскихъ обществъ, различныя должности, какъ напримѣръ, должности предводителей, исправниковъ, засѣдателей суда и т. п. Таковы были причины, дѣлавшія полезнымъ личное пребываніе дворянъ въ деревнѣ.

Вполнѣ понятно, что власть дворянина надъ крестьяниномъ въ это время стала значительно больше, чѣмъ прежде. По отношенію къ своимъ крестьянамъ помѣщики и раньше считались начальниками и судьями. Теперь, живя въ деревнѣ, они на дѣлѣ получили бòльшую власть надъ ними. Но въ то время не безъ основанія многіе думали, что для самихъ крестьянъ лучше, если ими управляютъ дворяне, на земляхъ которыхъ они живутъ, а не случайные управляющіе, ничѣмъ не связанные съ крестьянствомъ. Живя въ деревнѣ, помѣщикъ легко могъ защитить своихъ крестьянъ и отъ обидъ и притѣсненій мелкихъ приказныхъ людей. Дворянинъ-помѣщикъ видѣлъ свою выгоду въ томъ, чтобы крестьяне его не были разорены, такъ какъ его собственное благосостояніе тѣсно связано было съ благосостояніемъ крѣпостныхъ крестьянъ: чѣмъ зажиточнѣе были крестьяне, тѣмъ исправнѣе они платили оброки. Конечно, не всѣ помѣщики это сознавали, и бывали случаи, что, не понимая собственной выгоды, дворяне обращались съ своими крѣпостными жестоко, требуя отъ нихъ излишнихъ оброковъ или тяжелой барщины; но такіе случаи были не часты, и мы знаемъ изъ записокъ многихъ современниковъ, что сами дворяне съ величайшимъ презрѣніемъ относились къ такимъ своимъ собратьямъ.

Еще въ 40-хъ годахъ 18-го вѣка одинъ знатный и образованный помѣщикъ, Татищевъ, первый начавшій писать русскую исторію, въ своей духовной указалъ сыну правила хорошаго управленія имѣніемъ и крѣпостными крестьянами. Онъ совѣтовалъ сыну имѣть въ деревнѣ образованнаго священника и дать ему безбѣдное пропитаніе, «чтобы онъ лучше прилежалъ къ дѣламъ церкви». Затѣмъ, онъ считалъ необходимымъ учить крестьянина грамотѣ, чтобы тотъ могъ «черезъ это назваться истиннымъ человѣкомъ». Татищевъ идетъ еще дальше—и совѣтуетъ своему сыну держать въ деревняхъ своихъ еще доктора и снабдить деревни

непремѣнно банями и аптеками... Таковы были взгляды этого помѣщика на отношенія дворянина къ его крестьянамъ. Не забудемъ, что онъ писалъ это еще въ царствованіе Елизаветы.

Въ царствованіе же Императрицы Екатерины такихъ просвѣщенныхъ людей, какъ Татищевъ, стало гораздо больше. Въ это время среди дворянъ появляются и такіе люди, которые уже говорятъ о возможности уничтожить крѣпостное право. Во все царствованіе Екатерины идетъ обсужденіе того, какъ приступить къ облегченію участи крѣпостныхъ. Сама Императрица была убѣжденной противницей крѣпостного права. Она, особенно въ началѣ царствованія, мечтала освободить всѣхъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Сдѣлать этого она однако не могла, во первыхъ, потому, что не встрѣтила себѣ сочувствія среди многихъ своихъ приближенныхъ, а во вторыхъ, потому, что взгляды самой Императрицы измѣнились послѣ Пугачевскаго бунта.

Пугачевъ, бѣглый донской казакъ, объявилъ себя въ 1773 г. Императоромъ Петромъ Третьимъ, якобы не умершимъ. Къ нему примкнула часть уральскихъ казаковъ и много крѣпостныхъ крестьянъ, особенно заводскихъ. Этотъ ужасный мятежъ захватилъ значительную часть Поволжья и Урала. Тѣ отвратительныя жестокости, которыя совершали шайки Пугачева, заставили Императрицу думать, что простой русскій народъ еще не можетъ обходиться безъ опеки и власти дворянина. Вотъ почему она, будучи противницей вообще крѣпостного права, не только не отмѣнила его, а еще роздала многія казенныя земли съ жившими на нихъ государственными крестьянами въ частную собственность помѣщикамъ (особенно въ южныхъ и западныхъ областяхъ).

Дѣла законодательства и управленія.

Отъ Петра Великаго до Императрицы Екатерины Второй въ дѣлѣ законодательства и управленія Имперіей не произошло существенныхъ измѣненій. Нельзя не отмѣтить только нѣкоторыхъ мѣропріятій Императрицы Елизаветы. Установленная Петромъ рекрутская повинность была тягостна для населенія; поэтому при Елизаветѣ было повелѣно производить рекрутскіе наборы каждый годъ не со всего государства, а только съ пятой его части. При этой же Императрицѣ началось генеральное (всеобщее) межеваніе земель, такъ какъ границы ихъ были весьма спутаны,

и между владѣльцами происходили безконечные споры и препирательства.

Гораздо большимъ оживленіемъ отличалась законодательная дѣятельность при Императрицѣ Екатеринѣ, прославившей свое долгое (1762—1796 г.г.) царствованіе и блестящими побѣдами, и мудрымъ, заботливымъ управленіемъ.

Уже вскорѣ послѣ вступленія своего на Престолъ, она нашла, что однимъ изъ существенныхъ недостатковъ русской жизни является устарѣлость законодательства: сборникъ законовъ, какъ мы знаемъ, былъ изданъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, а жизнь съ тѣхъ поръ измѣнилась до неузнаваемости. Еще Петръ Великій считалъ необходимымъ переработать и дополнить «Уложеніе» своего отца, но не успѣлъ этого сдѣлать. Императрица Екатерина рѣшила составить новое Уложеніе. Она читала множество сочиненій знаменитыхъ иностранныхъ ученыхъ о государственномъ устройствѣ и судѣ. Конечно, она хорошо понимала, что далеко не все то, что они писали, примѣнимо къ русской жизни.

Императрица находила, что законы должны быть согласованы съ потребностями страны, съ понятіями и обычаями народа. Для этого Государыня рѣшила обратиться къ испытанной уже первыми Царями изъ дома Романовыхъ мѣрѣ—созвать выборныхъ отъ различныхъ сословій государства для выработки новаго Уложенія. Это собраніе выборныхъ было названо «Коммисіей для составленія проекта новаго Уложенія». Коммисія должна была сообщить, прежде всего, правительству о нуждахъ и пожеланіяхъ населенія, а затѣмъ выработать проекты новыхъ, лучшихъ законовъ.

Она была открыта торжественно въ 1767 году самой Государыней въ Москвѣ, въ Грановитой Палатѣ. Всѣхъ выборныхъ депутатовъ собралось 567 человѣкъ: тутъ были представители отъ дворянства (отъ каждаго уѣзда), купечества, государственныхъ крестьянъ, а также осѣдлыхъ инородцевъ. Всѣмъ депутатамъ былъ розданъ «Наказъ» Императрицы. Въ этомъ наказѣ Екатерина указывала тѣ общія правила, на основаніи которыхъ должно быть составлено новое Уложеніе. Императрица особенно хотѣла внести въ наше законодательство больше мягкости и уваженія къ человѣку. Особенно казалось необходимымъ ей уничтожить пытки и предоставить дворянству и городскому сословію самоуправленіе.

Затѣмъ, Коммисія раздѣлилась на 19 отдѣльныхъ комитетовъ, которые должны были заниматься различными отраслями законодательства. Вскорѣ однако въ ней обнаружилось непонима-

ніе многими депутатами того, къ чему они призваны, и, хотя депутаты относились къ дѣлу серьезно, работы ихъ шли весьма медленно. Бывали случаи, что общее собраніе, не кончивъ разсмотрѣнія одного вопроса, переходило къ другому. Дѣло, порученное Коммисіи, было большое и сложное, и пріобрѣсти сноровку въ немъ не такъ было легко. Императрица перевела Коммисію въ Петербургъ; однако она и въ Петербургѣ за годъ не только не приступила къ составленію новаго Уложенія, но даже не разработала ни одного его отдѣла. Быстрая во всякомъ дѣлѣ Государыня была этимъ недовольна. Между тѣмъ въ 1768 году многіе депутаты изъ дворянъ должны были отправиться на войну съ турками. Екатерина объявила о закрытіи общихъ собраній Коммисіи. Но отдѣльные комитеты продолжали работу еще нѣсколько лѣтъ.

Коммисія не составила Уложенія, но зато она ознакомила Государыню съ нуждами страны. Сама Екатерина писала, что она «получила свѣтъ и свѣдѣнія о всей Имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣетъ, и о комъ пещись должно». Теперь она могла дѣйствовать вполнѣ сознательно и опредѣленно.

Прежде всего она нашла необходимымъ измѣнить управленіе на мѣстахъ—въ губерніяхъ. Жизнь показала, что управленіе такими огромными губерніями, которыя были образованы при Петрѣ Великомъ, весьма затруднительно. Екатерина раздѣлила Россію на 50 губерній—такъ, чтобы приблизительно въ каждой губерніи было одинаковое число жителей. Въ губерніяхъ были образованы новыя учрежденія, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ—губернскія правленія, казенныя палаты и др., сохранились до нашихъ дней. Это показываетъ, что мѣропріятія Императрицы въ области управленія отличались большимъ знаніемъ народной жизни. Въ губернскомъ и уѣздномъ управленіи, преобразованномъ Екатериною, наряду съ назначенными правительствомъ чиновниками, были и выборные отъ мѣстнаго дворянства во главѣ съ предводителями.

Новыя губернскія учрежденія были распространены на всю Россію. Государыня ввела ихъ и въ Малороссіи. Въ послѣдней было уничтожено гетманство еще въ самомъ началѣ царствованія Императрицы, и Малороссія, находясь подъ управленіемъ особой Малороссійской Коллегіи, постепенно подготовлялась къ введенію въ ней общерусскихъ учрежденій. Оно и произошло въ 1782 году, и этотъ годъ можно считать годомъ окончательнаго слiянія Малороссіи съ коренной Россіей.

Не менѣе важны были заботы Государыни о развитіи городовъ: въ этомъ отношеніи дѣятельность ея представляла собою прямое продолженіе дѣятельности Петра Великаго. Вмѣстѣ съ Жалованной Грамотой дворянству она дала Жалованную Грамоту и городамъ. Городское общество, по этой грамотѣ, дѣлилось на купцовъ трехъ гильдій, ремесленниковъ и посадскихъ. Всѣ постоянные жители города получали право выбирать черезъ каждые три года городского голову и думу, которые вѣдали все городское хозяйство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, покровительствуя особенно развитію торговли, Императрица Екатерина давала купцамъ разныя льготы. Между прочимъ, чтобы не отвлекать купцовъ на много лѣтъ отъ торговыхъ дѣлъ,—освободила ихъ отъ рекрутской повинности, но за это они должны были уплачивать значительную денежную сумму.

Развитіе русской торговли со временъ Петра шло медленно, но вѣрно: способствовало увеличенію торговли уничтоженіе при Елизаветѣ Петровнѣ внутреннихъ таможенъ въ городахъ и на ярмаркахъ. Значительно возрасла и иностранная торговля: вывозъ нашъ за границу увеличился уже по одному тому, что въ царствованіе Екатерины были присоединены такія богатыя области, какъ правобережная Украина, Новороссія и Крымъ.

Вмѣстѣ съ развитіемъ торговли шло впередъ и развитіе промышленности. Важно отмѣтить то обстоятельство, что теперь правительству уже не приходится дѣйствовать путемъ принужденія, какъ при Петрѣ. Само населеніе сознаетъ громадную пользу фабрично-заводской промышленности. Подъ конецъ царствованія Екатерины въ Россіи насчитывалось около 2.000 фабрикъ и заводовъ. Кромѣ фабрикъ и заводовъ, во второй половинѣ 18-го вѣка возникло такъ называемое кустарное производство. Во многихъ мѣстностяхъ Россіи крестьяне у себя въ деревняхъ начали изготовлять разныя издѣлія, которыя получили широкій сбытъ.

Кромѣ заботъ о развитіи промышленности и торговли, правительству приходилось въ то время принимать мѣры къ заселенію вновь пріобрѣтенныхъ громадныхъ земельныхъ пространствъ на югѣ Россіи. При Елизаветѣ Петровнѣ сюда въ большомъ числѣ вызывались славяне, преимущественно сербы, жившіе на Балканскомъ полуостровѣ и страдавшіе отъ турецкаго ига, а также жившіе въ Австріи, гдѣ имъ тоже приходилось плохо: эти новые поселенцы были православными, и по крови и языку людьми намъ близкими; потомъ уже стали селиться у насъ, на югѣ, и нѣмецкіе

колонисты, которымъ отводили также незаселенныя мѣста по Волгѣ, въ Самарской и Саратовской губерніяхъ.

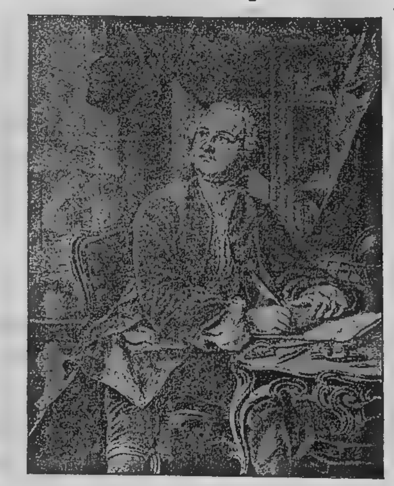
Помимо вызова изъ-за границы новыхъ поселенцевъ, Екатерина принимала и рядъ другихъ въ высшей степени благодѣтельныхъ мѣръ для сохраненія населенія. Въ настоящее время трудно себѣ представить, какое громадное количество людей на Руси въ то время умирало отъ оспы; эта страшная болѣзнь ежегодно уносила многія тысячи людей, а нѣкоторыхъ обезображивала на всю жизнь. Въ это время англичанинъ Дженнеръ открылъ средство для борьбы съ оспой: онъ сталъ дѣлать прививки здоровымъ людямъ и тѣмъ предохранялъ ихъ отъ зараженія. Средство это, которое теперь распространено повсемѣстно, во время Императрицы Екатерины считалось еще по невѣжеству очень многими весьма опаснымъ. И вотъ сама Императрица, чтобы показать примѣръ своимъ подданнымъ, первая велѣла привить оспу себѣ и всей своей семьѣ. Поступокъ этотъ вызвалъ тогда всеобщее восхищеніе, не только у насъ въ Россіи, но и за границей.

Однако и помимо оспы свирѣпствовало на Руси множество всякихъ болѣзней. Чрезвычайно велика была дѣтская смертность. Посѣщали Россію и разныя губительныя повальныя болѣзни— особенно страшна была чума 1771 года, свирѣпствовавшая по всей Россіи и вызвавшая въ Москвѣ бунтъ невѣжественной черни. Смертность достигала ужасающихъ размѣровъ, главнымъ образомъ потому, что населеніе было лишено всякой врачебной помощи; докторовъ было мало, да и были они только въ крупныхъ городахъ. Императрица Екатерина обратила и на это большое вниманіе: для завѣдыванія всѣмъ врачебнымъ дѣломъ въ Россіи была учреждена особая медицинская коллегія; въ каждомъ уѣздномъ городѣ должны были быть два врача—одинъ для города, другой для уѣзда— и аптека; губернаторы обязаны были побуждать городскія общества открывать больницы, а также пріюты для увѣчныхъ и неизлѣчимо-больныхъ. При Императрицѣ же Екатеринѣ получили дальнѣйшее развитіе разнаго рода попечительныя учрежденія: такъ, для попеченія о дворянскихъ сиротахъ были учреждены дворянскія опеки, а для сиротъ другихъ сословій — сиротскіе суды. Во главѣ всѣхъ благотворительныхъ заведеній въ каждой губерніи былъ поставленъ вновь образованный «приказъ общественнаго призрѣнія».

Ломоносовъ и русское просвѣщеніе.

Заботы Великаго Петра о просвѣщеніи не остались безъ отвѣта со стороны русскаго народа. Пророчество Великаго Царя о томъ, что явятся на Руси свои русскіе ученые оправдалось: на заботы его о просвѣщеніи русскій народъ отвѣтилъ Ломоносовымъ.

Въ 1711 году,—въ то самое время, какъ Великій Петръ находился въ самомъ разгарѣ своей дѣятельности,—въ средѣ предпріимчивыхъ архангельскихъ поморовъ родился первый великій русскій ученый—Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Онъ былъ сыномъ рыбака, проживавшаго въ Куростровѣ, напротивъ города Холмогоръ, на Сѣверной Двинѣ. Отецъ его не зналъ грамоты, но былъ человѣкомъ выдающимся среди своихъ односельчанъ: онъ первый среди поморовъ снарядилъ по-голландски оснащенное судно, галіотъ, и на немъ совершалъ далекія поѣздки, не только по Бѣлому морю, но и по океану—на Мурманъ и даже на Новую Землю. Когда Ломоносову минуло 10 лѣтъ, отецъ сталъ брать въ свои поѣздки и его. Ко всему внимательно присматривался любознательный мальчикъ: величественная природа нашего сѣвера производила на него глубокое, неотразимое впечатлѣніе. Такія дивныя картины природы, какъ сѣверныя сіянія, могучія ледяныя горы Сѣвернаго океана—рано стали наполнять его воображеніе и занимать его умъ. Онъ началъ искать объясненія этихъ удивительныхъ явленій природы. Ломоносовъ, рано для тогдашняго крестьянскаго мальчика, научился грамотѣ отъ одного своего односельчанина, и въ 12 лѣтъ уже лучше всѣхъ односельчанъ читалъ въ своей сельской церкви на клиросѣ.

М. В. Ломоносовъ.

Однако жизнь Ломоносова въ родной деревнѣ была не сладкою: мать онъ потерялъ очень рано, а мачеха не любила его и особенно преслѣдовала за любовь къ книгамъ. Но страстное желаніе учиться не давало ему покоя: онъ рѣшилъ покинуть родную де-

ревню и, съ согласія отца, въ 1730 году ушелъ въ Москву. По дорогѣ онъ остановился на нѣсколько дней въ Антоніевомъ - Сійскомъ монастырѣ, а затѣмъ, съ рыбнымъ обозомъ поморовъ, прибылъ въ Москву, гдѣ ему и удалось попасть въ Славяно-греко-латинскую академію. Низшіе классы при академіи, соотвѣтствовавшіе низшимъ классамъ теперешнихъ среднихъ школъ, молодой поморъ прошелъ очень быстро—первые три въ одинъ годъ, несмотря на страшно бѣдственное свое положеніе. Самъ онъ впослѣдствіи писалъ объ этомъ времени такъ: «Имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, чѣмъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ». Не менѣе бѣдности удручали Ломоносова и насмѣшки его товарищей, которые говорили: «смотри-ка, какой болванъ, лѣтъ въ двадцать пришелъ латыни учиться».

Но все побѣдилъ, все вынесъ одаренный отъ Бога необычайными способностями юноша. Его ненасытный умъ уже не удовлетворялся тѣми свѣдѣніями, которыя онъ получилъ въ Московской академіи, тѣмъ болѣе, что они ничего не давали ему для познанія природы, а къ этому онъ болѣе всего стремился. Ломоносовъ уже готовъ былъ ѣхать священникомъ-миссіонеромъ въ Карелію, но неожиданно счастливыя обстоятельства дали ему то, чего онъ искалъ: въ числѣ 12-ти лучшихъ учениковъ академіи онъ въ 1735 году былъ посланъ въ Петербургъ, въ университетъ при академіи наукъ. Но здѣсь его ждала новая счастливая неожиданность: осенью того же 1735 года онъ уже плылъ на кораблѣ въ Германію, посланный туда академіею наукъ для изученія физики и химіи подъ руководствомъ лучшихъ нѣмецкихъ ученыхъ. Давнишняя мечта Ломоносова исполнилась: онъ могъ теперь изучать то, что его болѣе всего занимало. За границей Ломоносовъ пробылъ нѣсколько лѣтъ и съ необычайнымъ успѣхомъ изучалъ свои любимыя науки. Въ годы заграничнаго пребыванія выпало на долю его не мало непріятностей и безпокойствъ всякаго рода. Не поладивъ съ профессорами, Ломоносовъ въ 1740 году рѣшилъ вернуться на родину. Денегъ у него не было, и онъ принужденъ былъ путешествовать пѣшкомъ. По дорогѣ онъ былъ завербованъ въ прусскіе солдаты. Вербовщикамъ понравился его ростъ и могучее тѣлосложеніе. Тяжелая участь ожидала нашего ученаго, но къ счастью ему скоро удалось бѣжать. Въ 1741 году Ломоносовъ добрался до Петербурга; но его не назначили сразу профессоромъ въ академію наукъ, а дали ему мѣсто помощника профессора, хотя въ

то время никто въ академіи не могъ сравняться съ нимъ въ знаніяхъ. Тогда въ академіи безраздѣльно господствовали нѣмецкіе ученые.

Восшествіе на престолъ Елизаветы Петровны оказалось благодѣтельнымъ и для русской науки: нѣмцы потеряли прежнюю власть въ академіи, и Высочайшимъ указомъ въ 1745 году Ломоносовъ, первый изъ русскихъ, былъ назначенъ профессоромъ академіи наукъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ это же время Ломоносовъ, благодаря своимъ стихотвореніямъ, сдѣлался лично извѣстенъ Императрицѣ Елизаветѣ и сталъ въ весьма дружескія отношенія къ Ивану Ивановичу Шувалову, благороднѣйшему человѣку и искреннѣйшему поборнику просвѣщенія въ Россіи. Сильное покровительство, оказываемое Ломоносову Шуваловымъ, давало ему возможность вести по временамъ изъ-за русской науки успѣшную борьбу съ академическими нѣмцами.

Съ того времени, какъ Ломоносовъ сдѣлался профессоромъ химіи въ академіи, его научная дѣятельность не прекращалась уже ни на одинъ день. Ломоносовъ работалъ въ самыхъ различныхъ областяхъ знанія. Онъ производилъ многочисленные физическіе и химическіе опыты, иногда съ опасностью для жизни: для этихъ опытовъ онъ придумывалъ особые пріемы и, благодаря имъ, достигалъ такихъ успѣховъ, какихъ другимъ тогдашнимъ ученымъ не удавалось достигнуть. Въ своихъ книгахъ, посвященныхъ изученію природы, онъ высказалъ много новыхъ, никому до него не приходившихъ въ голову мыслей. Нѣкоторыя его мысли были такъ смѣлы, что ученые того времени не рѣшались слѣдовать за нимъ. Эти мысли только въ наше время вполнѣ поняты и по достоинству оцѣнены.

Беззавѣтная любовь къ изученію природы соединялась у Ломоносова съ глубокой вѣрой въ Бога и безграничной любовью къ Россіи, къ Русскому народу и государству. Онъ видѣлъ слабое развитіе у насъ многихъ отраслей науки и работалъ надъ ними, не щадя своихъ силъ. Самый книжный русскій языкъ многимъ обязанъ Ломоносову: онъ старался объединить въ немъ церковнославянское книжное слово съ живою устною народною рѣчью.

Поистинѣ, въ области науки Ломоносовъ былъ такой же всеобъемлющій геній, какъ Петръ Великій въ области государственной.

Но Ломоносовъ великъ не только тѣмъ, что самъ былъ всеобъемлющимъ великимъ ученымъ, что нѣкоторыми научными открытіями онъ далеко опередилъ свое время. Нѣтъ, онъ великъ еще

тѣмъ, что самыя свои столь плодотворныя занятія наукой готовъ былъ принести въ жертву горячо любимой имъ родинѣ. Онъ часто отрывался отъ науки для того, чтобы написать, напримѣръ, дѣловую записку «О размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа», многія мысли которой получили впослѣдствіи осуществленіе при Екатеринѣ. Исполняя просьбу Ломоносова, его другъ И. И. Шуваловъ сталъ хлопотать о созданіи въ Москвѣ университета, который и былъ открытъ въ 1755 году. Это былъ первый настоящій университетъ въ нашемъ отечествѣ, такъ какъ университетъ при академіи наукъ былъ скорѣе простой школой, да и поставленъ былъ плохо. Ломоносовъ совѣтовалъ открыть высшее учебное заведеніе именно въ Москвѣ, какъ сердцѣ Россіи. Надежды Ломоносова и Шувалова вполнѣ оправдались: Московскій университетъ далъ отечеству впослѣдствіи много замѣчательныхъ людей. Ломоносовъ умеръ, еще не старымъ человѣкомъ, въ 1765 году и погребенъ былъ въ Петербургѣ, въ Александро-Невской Лаврѣ.

Такова была жизнь этого замѣчательнаго русскаго человѣка, который, выйдя изъ простой крестьянской семьи, занялъ почетное мѣсто среди великихъ людей нашего народа.

Вполнѣ справедливо сказалъ о Ломоносовѣ Пушкинъ:

Неводъ рыбакъ растилалъ по брегу студенаго моря,
Мальчикъ отцу помогалъ. «Отрокъ! Оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы,
Будешь людей уловлять, будешь помощникъ царямъ».

Императрица Елизавета могла гордиться Ломоносовымъ, какъ славой своего царствованія; но просвѣщеніе при ней еще не достигло того развитія, которое оно получило при Императрицѣ Екатеринѣ Второй. Будучи сама женщиной широко образованной она считала первымъ своимъ дѣломъ распространеніе просвѣщенія среди своего народа. Дѣятельнымъ ея сотрудникомъ въ этой области былъ И. И. Бецкій, получившій образованіе за границей. И онъ, и Императрица находили, что нужно заботиться не только о пріобрѣтеніи знаній учащимися, но и о томъ, чтобы хорошо воспитать подрастающее поколѣніе. Сдѣлать это они думали въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, чтобы на дѣтей не могло оказывать дурного вліянія грубое и малообразованное общество, изъ котораго они вышли. Для воспитанія мальчиковъ существовало нѣсколько кадетскихъ корпусовъ, а для благородныхъ дѣвицъ открытъ Смольный институтъ.

Тогда же рядомъ съ нимъ было открыто особое училище для воспитанія дѣвушекъ купеческаго и мѣщанскаго сословій. Устраивая учебныя заведенія для дѣвицъ, Императрица показывала этимъ,

Императрица Екатерина Великая.

что она считаетъ необходимымъ образованіе и для женщинъ. Она хотѣла, чтобы въ Россіи были просвѣщенныя и образованныя матери, которыя могли бы правильно воспитывать будущее поколѣніе русскихъ гражданъ.

Заслуживаютъ вниманія также человѣколюбивыя заботы Императрицы и Бецкаго о призрѣніи дѣтей, брошенныхъ своими родителями на произволъ судьбы. Для воспитанія подкидышей и обученія ихъ различнымъ мастерствамъ и ремесламъ были учреждены воспитательные дома въ Петербургѣ и Москвѣ.

Во вторую половину своего царствованія Государыня задумала широко распространить образованіе и внѣ столицы, открывая въ губернскихъ городахъ главныя народныя училища, а въ уѣздныхъ—малыя. Первыя изъ нихъ были въ родѣ теперешнихъ гимназій, а вторыя—въ родѣ городскихъ училищъ. Къ концу царствованія Императрицы Екатерины было уже въ Россіи болѣе 300 училищъ.

Не менѣе плодотворно было покровительство русскимъ писателямъ, которое оказывала Императрица Екатерина. При ней литература наша очень оживилась: появились такіе писатели, какъ Фонвизинъ и Державинъ. Сама Императрица не разъ бралась за перо и сочиняла комедіи, гдѣ осмѣивались недостатки современнаго ей общества. Въ томъ же духѣ работалъ и Фонвизинъ, написавшій комедію «Недоросль». Вообще русскій театръ, возникшій при Елизаветѣ, въ царствованіе Екатерины получилъ большое развитіе и сдѣлался не только мѣстомъ для развлеченія, но и средствомъ исправленія нравовъ. Императрица Екатерина, наконецъ, покровительствовала изученію родной русской исторіи. Она сама много ею занималась.

Просвѣтительная дѣятельность самой Императрицы, такихъ вельможъ, какъ Бецкій, Шуваловъ и другіе, привела къ тому, что теперь дворяне, да и многіе люди изъ другихъ сословій, стремились сами къ полученію образованія. Теперь не приходилось уже прибѣгать къ тѣмъ насильственнымъ мѣрамъ для насажденія образованія, которыя примѣнялись при Петрѣ Великомъ.

Просвѣщенная дѣятельность Великой Государыни оставила въ памяти потомства не меньшій слѣдъ, чѣмъ ея великія завоеванія, о которыхъ еще будетъ подробная рѣчь.

«Память пышности двора твоего и великолѣпіе праздниковъ твоихъ», писалъ впослѣдствіи Бибиковъ, «со временемъ исчезнутъ, геройскіе подвиги храбрыхъ твоихъ войскъ новыми нашего вѣка побѣдами затмятся: но дѣла благотворительницы и законодательницы Россіи пребудутъ въ сердцахъ въ роды родовъ неизгладимыми и тверже запечатлѣнными, нежели бы начертанныя на величественныхъ памятникахъ».

Присоединеніе Бѣлоруссіи, Волыни, Подоліи и правобережной Украины.

Забота о благоустройствѣ государства, о довольствѣ и счастіи народа была, въ глазахъ Императрицы Екатерины, главною изъ ея царственныхъ обязанностей. Въ молодости ей казалось даже, что хорошими законами можно вовсе истребить всякое зло и неправду, неразлучныя съ природой человѣка, создать «блаженство всѣхъ и каждаго». Къ этому великому дѣлу и лежало больше всего ея сердце.

Но положеніе Россіи въ Европѣ было тогда таково, что Екатеринѣ, съ первыхъ же лѣтъ своего царствованія, пришлось также удѣлять много силъ и много вниманія на достойную защиту правъ и выгодъ Россіи и Русскаго народа передъ иноземными государствами. Россія вызывала уже къ себѣ страхъ и зависть, и вокругъ нея сплеталась цѣлая паутина ловкихъ козней, имѣвшихъ цѣлью или подорвать могущество Россіи, или использовать русскую силу на защиту чужихъ нуждъ и выгодъ. Всякая оплошность со стороны русскихъ государственныхъ людей грозила тяжелыми послѣдствіями, которыя, прежде всего, и отразились бы бѣдою на благосостояніи и жизни самого народа, о счастьи котораго такъ пеклась Императрица.

Этими внѣшними дѣлами, очень сложными, требовавшими большихъ знаній и тонкаго ума, Екатерина занималась сама. Хорошимъ помощникомъ ея былъ ея министръ—образованный и умный графъ Панинъ. Въ сношеніяхъ и переговорахъ съ иностранными державами Екатерина всегда руководилась однимъ простымъ и яснымъ правиломъ: тратить средства Россіи исключительно на тѣ дѣла, которыя могутъ принести самой Россіи безспорную пользу. Зато въ такихъ дѣлахъ она отстаивала пользу Россіи, не поддаваясь ни просьбамъ, ни угрозамъ, съ мужествомъ и упорствомъ, приводившими въ отчаяніе иностранныхъ пословъ.

Одинъ разъ англійскій посолъ, старавшійся заключить выгодный для англичанъ, но стѣснительный для русскихъ торговый договоръ, дошелъ до того, что сталъ на колѣни передъ Императрицею, умоляя ее уважить нужды и просьбы дружественнаго Россіи англійскаго народа. Все было напрасно: Государыня не допускала даже малаго стѣсненія своего народа.

Это твердое правило помогло Императрицѣ Екатеринѣ съ честью и пользою для Россіи разобраться въ важнѣйшихъ

событіяхъ, надвинувшихся съ первыхъ же лѣтъ ея царствованія.

На торжествѣ коронованія Императрицы пріѣхавшій изъ Польши Бѣлорусскій православный епископъ Георгій Кониссkій обратился къ ней съ горячей мольбой—защитить православное населеніе Бѣлоруссіи отъ постоянныхъ насилій со стороны католиковъ и уніатовъ. Не смотря на всѣ договоры съ Россіею и на многократныя требованія Русскаго правительства, православное населеніе русскихъ земель, бывшихъ еще подъ властью Польши, терпѣло попрежнему грубыя обиды и притѣсненія, доходившія иногда до насильственнаго обращенія въ католичество или въ унію.

Каждый годъ длинные списки такихъ обидъ и насилій присылались въ Петербургъ. Упорное невниманіе польскаго правительства къ законнымъ требованіямъ Россіи было тѣмъ обиднѣе, что сама-то Польша безъ поддержки Россіи не могла уже держаться. И въ первые годы царствованія Екатерины, какъ прежде, поляки продолжали докучать просьбами то о деньгахъ, то объ оружіи, то о военной поддержкѣ, для устройства своихъ внутреннихъ дѣлъ.

Характеръ Екатерины не позволялъ ей мириться съ такимъ положеніемъ вещей. Повторять въ сотый разъ безплодныя напоминанія о старыхъ договорахъ она не хотѣла и рѣшила принять на этотъ разъ крутыя мѣры. Этого требовала не только защита русскаго населенія въ Польшѣ, но и прямая польза Россійской Имперіи. Нельзя было допустить, чтобы Польша вышла изъ подчиненія Россіи, установившагося со времени Петра Перваго: тогда она подпала бы подъ власть или вліяніе другихъ сосѣднихъ державъ, которыя черезъ это стали бы болѣе опасными для Россіи.

Какъ разъ въ это время, въ 1763 г., умеръ польскій король Августъ Третій.

Опять началось, какъ въ 1733 г., обычное въ Польшѣ междоусобіе. Сильная партія, желавшая возвести на престолъ пана Станислава Понятовскаго, просила у Екатерины поддержки противъ вооруженныхъ насилій, къ которымъ прибѣгали противники. Императрица и воспользовалась этимъ случаемъ: она обѣщала свою поддержку Понятовскому съ тѣмъ условіемъ, что онъ и его сторонники, получивъ власть, установятъ новый законъ, по которому православные подданные Польши, наравнѣ съ католиками, получатъ право участвовать въ сеймѣ и занимать всякія должности по государственной службѣ: тогда, конечно, всякія притѣсненія за вѣру стали бы немыслимы.

Въ силу этого соглашенія съ Понятовскимъ, казачьи полки были двинуты въ Польшу, безъ труда разогнали отряды бунтовщиковъ, мѣшавшихъ правильнымъ выборамъ,—и Станиславъ-Августъ былъ избранъ королемъ.

Однако и эта попытка—добиться справедливыхъ правъ для русскаго населенія Польши—окончилась неудачею. Король Станиславъ, правда, предложилъ сейму издать законъ о равноправіи съ католиками православныхъ. Но сеймъ, состоявшій исключительно изъ католиковъ,—рѣшительно отвергъ предложенный законъ. Самого короля осыпали, при этомъ, грубой бранью; члены сейма размахивали обнаженными саблями, крича, что даже предложить такой законъ можетъ только измѣнникъ. Слѣпая ненависть поляковъ-католиковъ къ иновѣрцамъ испугала и самого короля, и его сторонниковъ, раньше обѣщавшихъ Екатеринѣ добиться равноправія православнымъ. Король донесъ Императрицѣ, что исполнить свое обѣщаніе онъ не можетъ. Но шутить такимъ образомъ съ Екатериной было опасно. Разъ рѣшивъ довести начатое важное дѣло до конца, она готова была идти и на крайнія мѣры.

По ея призыву, православное населеніе русскихъ областей Польши взялось за оружіе и грозило возстаніемъ, если ему не будутъ даны равныя съ католиками права. Въ г. Слуцкѣ (нынѣ Минской губ.) собралось цѣлое войско. Такой же вооруженный съѣздъ собрали въ Торнѣ (нынѣ въ Пруссіи) польскіе лютеране, которымъ католики тоже не хотѣли давать правъ. Въ Польшѣ такіе вооруженные съѣзды чѣмъ-либо недовольныхъ шляхтичей, называвшіеся конфедераціями, издавна вошли въ обычай и даже считались какъ-бы дозволенными: такіе удивительные порядки были въ Польшѣ. Екатерина обѣщала конфедератамъ вооруженную поддержку: казачьи полки стояли недалеко отъ Варшавы и въ короткое время могли занять ее.

Угроза междоусобной войны и военнаго вмѣшательства Россіи сломила, наконецъ, упрямство католиковъ—и сеймъ въ 1768 году утвердилъ законъ о равноправіи съ католиками православныхъ и лютеранъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сеймъ заключилъ съ Россіею договоръ, дававшій Россіи право слѣдить за порядкомъ и соблюденіемъ законовъ въ Польшѣ. Польское правительство уже сознавало, что оно не въ силахъ поддержать въ странѣ порядокъ. Событія очень скоро заставили вспомнить объ этомъ договорѣ.

Поляки-католики, доходившіе въ своей ненависти къ православнымъ до изувѣрства, въ свою очередь объявили вооруженную конфедерацію въ г. Барѣ (нынѣ Подольской губерніи), требуя

отмѣны только-что изданнаго закона о равноправіи и низложенія короля Станислава-Августа, котораго они называли измѣнникомъ и отступникомъ отъ вѣры.

Конфедераты-католики сражались плохо, зато съ безпощадной жестокостью мучили и убивали всякаго православнаго, попавшаго въ ихъ руки, жгли деревни и села, оставляя всюду за собою слѣды разрушенія и трупы замученныхъ и повѣшенныхъ православныхъ крестьянъ. Тогда крестьянское и казачье населеніе польской Малороссіи (Турція къ этому времени вернула ее Польшѣ) въ свою очередь подняло кровавое возстаніе противъ короля и противъ пановъ. По страшной силѣ и жестокости это возстаніе напоминало времена Хмельницкаго; въ г. Умани гайдамаки (такъ называли теперь возставшихъ казаковъ) перерѣзали свыше 10 тысячъ поляковъ и евреевъ, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей.

Страшное междоусобіе охватило всю Польшу. Король, на котораго возстаніе надвигалось съ двухъ сторонъ, просилъ помощи у Екатерины, и Императрица, согласно съ договоромъ 1768 года, снова двинула въ Польшу свои войска. Гайдамаки немедля сложили оружіе: они не хотѣли биться противъ войскъ православной Императрицы. И прежде, начавши рѣзню, они простодушно думали, что этой жестокостью дѣлаютъ угодное Екатеринѣ. Но съ конфедератами-поляками пришлось вести настоящую войну. Въ открытомъ полѣ конфедераты не могли устоять противъ регулярнаго войска, но они прятались небольшими партіями по лѣсамъ, дѣлали быстрые набѣги на русскіе отряды или мирныя села—и эта мелкая, утомительная война затянулась надолго. Вожди конфедератовъ старались выиграть время, надѣясь дождаться помощи отъ когонибудь изъ сильныхъ враговъ Россіи. Особенно разсчитывали на Турцію. Послы конфедераціи, совмѣстно съ французскимъ посломъ, настойчиво убѣждали турецкихъ министровъ—не дать Россіи еще усилить свое вліяніе на польскія дѣла.

Подъ вліяніемъ этихъ наговоровъ, Турція обратилась къ Екатеринѣ съ дерзкимъ требованіемъ—отказаться отъ поддержки православныхъ въ Польшѣ и вывести оттуда свои войска.

Екатерина избѣгала ненужныхъ войнъ, но тамъ, гдѣ этого требовали польза народа и честь государства, она не боялась принять вызовъ. Одновременно съ польской смутой, началась тяжелая турецкая война, затянувшаяся на 6 лѣтъ. Были минуты, когда Австрія также грозила Россіи войною. Не смотря на всѣ эти осложненія, Русскія войска въ Польшѣ продолжали упорную борьбу съ конфедератами.

Съ большимъ трудомъ удалось, наконецъ, разогнать и переловить ихъ шайки. Но король Станиславъ-Августъ, въ продолженіе всей этой войны, велъ себя двулично и лицемѣрно: въ душѣ сочувствуя конфедератамъ, онъ ни въ чемъ не помогалъ нашимъ войскамъ, сражавшимся за него, а самъ постоянно и настойчиво требовалъ отъ Екатерины, чтобы она отказалась отъ договора 1768 года о равноправіи православныхъ. Чѣмъ труднѣе приходилось Россіи въ тяжелой турецкой войнѣ, тѣмъ настойчивѣе становились требованія короля. Въ то же время онъ упорно отказывалъ во всякомъ, даже самомъ справедливомъ, требованіи Екатерины въ пограничныхъ спорахъ, въ жалобахъ на насилія надъ русскими подданными. Онъ даже заводилъ тайные переговоры съ Франціею и Австріей, прося у нихъ помощи противъ Россіи.

Екатерина, узнавъ объ этихъ переговорахъ, предупредила короля, что считаетъ его поведеніе равнымъ объявленію войны.

Въ разгаръ польской смуты, австрійцы, видя полное безсиліе Польши, заняли своими войсками пограничныя съ Австріею польскія земли. Вытѣснить ихъ оттуда можно было только войною. Но Екатерина, вынесшая уже, по винѣ поляковъ, тяжелую турецкую войну, не захотѣла снова изъ-за поляковъ проливать кровь своихъ солдатъ. Всѣ средства были уже испробованы, чтобы добромъ добиться справедливыхъ правъ для православныхъ подданныхъ Польши. Король и шляхта отвѣтили на миролюбіе Россіи явною враждой и попытками поднять противъ нея новыхъ враговъ, только-бы не исполнить простыхъ и законныхъ требованій Императрицы. Все это давало Екатеринѣ право отнестись къ Польшѣ, какъ къ явному врагу. Безъ возраженій предоставила она австрійцамъ занятыя ими польскія области; не мѣшала она также и своему постоянному союзнику — прусскому королю — присоединить къ Пруссіи часть польскихъ владѣній; а сама, въ возмѣщеніе безчисленныхъ обидъ и убытковъ, причиненныхъ Россіи поляками, присоединила къ Россіи старинную русскую область — Восточную Бѣлоруссію (теперешнія Витебская и Могилевская губерніи). Въ этомъ краѣ нѣкогда, до присоединенія его къ Литвѣ, княжили потомки Св. Князя Владиміра Равноапостольнаго. Мощи Св. Княжны Евфросиніи, изъ его славнаго рода, нынѣ почиваютъ въ древнемъ городѣ Бѣлоруссіи — Полоцкѣ. Во время присоединенія Восточной Бѣлоруссіи къ Россійской Имперіи, все сельское и городское населеніе въ ней было русское. Одна часть его была православною, а другая уніатскою по вѣрѣ. Но лишь только бѣло-

русскіе уніаты перешли подъ власть Россіи, многіе изъ нихъ тотчасъ вернулись къ православію.

Прусскій король Фридрихъ откровенно признавался, что изъ трехъ державъ, овладѣвшихъ польскими областями, одна Россія имѣла на то нравственное право. Пруссія и Австрія, дѣйствительно, воспользовались слабостью Польши для захватовъ: пруссаки набросились на польско-славянскія земли, а Австрія завладѣла даже русской по населенію Галичиной—древнимъ достояніемъ Русскихъ князей. Этою Галицкою Русью, съ ея столицею Львовомъ, какъ и Русью Угорскою, и Русью Буковинскою, Австрія владѣетъ и до сихъ поръ. Въ этой родной намъ зарубежной Руси до сихъ поръ не удалось уніи совсѣмъ загубить православную вѣру, какъ ни стремились къ этому австрійцы, поляки и угры, или венгры.

Польскій сеймъ, боясь навлечь на Польшу войну, послушно подписалъ въ 1772 г. договоръ объ уступкѣ Россіи, Пруссіи и Австріи занятыхъ ими земель.

Обезсиленная потерею обширныхъ окраинъ, Польша оказалась теперь въ полномъ подчиненіи у Россіи. Русскій посолъ въ Варшавѣ имѣлъ больше власти и значенія, чѣмъ самъ король. Кто хотѣлъ чего-нибудь добиться, обращался къ нему или ѣхалъ со своею просьбою въ Петербургъ. Но самой Польшѣ отъ этого особенной бѣды не было. Даже враги Россіи признавали, что подъ ея надзоромъ Польша стала оправляться отъ бѣдствій и разореній многолѣтней смуты; въ ней установился нѣкоторый порядокъ въ дѣлахъ управленія.

Но миръ и на этотъ разъ былъ непроченъ. Пруссія и Австрія, опасаясь соединенія двухъ сильныхъ славянскихъ народовъ, не жалѣли денегъ, и старались черезъ подкупленныхъ агитаторовъ (подстрекателей) возбудить среди поляковъ озлобленіе и вражду къ Россіи. Ихъ старанія не остались безплодны. Пока Россія была страшна, въ Польшѣ было тихо. Но въ 1787 г. началась у Россіи новая тяжелая турецкая война. Ложные слухи о неудачахъ русскихъ войскъ и ложная надежда на союзъ и помощь противъ Россіи европейскихъ державъ внушили полякамъ мысль, что бояться Россіи больше нечего. Миролюбіе Екатерины, оставившей безъ вниманія первыя оскорбительныя для Россіи дѣйствія польскаго правительства, еще больше придало смѣлости полякамъ.

Сеймъ объявилъ уничтоженными всѣ прежніе договоры съ Россіею, искалъ союза противъ нея у Пруссіи. На сеймѣ, во всеуслышанье, съ небывалой дерзостью, поносили грубою бранью и Россію, и Императрицу. Русскимъ подданнымъ нанесенъ былъ въ Польщѣ цѣлый рядъ тяжелыхъ оскорбленій; нѣсколько высшихъ православныхъ духовныхъ лицъ, и въ числѣ ихъ единственный въ Польшѣ православный епископъ Викторъ, въ 1789 г. посажены были въ крѣпость или брошены въ тюрьму; суды не давали никакой защиты православнымъ церквамъ, когда ихъ грабили пьяные солдаты и чернь. Православное населеніе правобережной Украины и Волыни опять, какъ въ 1768 году, начинало волноваться. Ждали помощи отъ Императрицы. Многіе, цѣлыми семьями, бѣжали за Русскую границу. Поляки боялись новаго гайдамацкаго возстанія и стягивали на Украину войска. Чтобы предупредить возстаніе, иные предлагали опустошить весь край, какъ дѣлывали поляки въ старину.

Понятно, что на эти дѣйствія со стороны русской Императрицы могъ быть одинъ отвѣтъ: война.

Въ 1792 г. русскія войска снова вступили въ Польшу. Православное населеніе Украины встрѣчало русскіе полки, какъ своихъ избавителей, оказывая имъ всякую помощь; поляки же не могли получить иначе, какъ силою, ни куска хлѣба, не могли добыть ни одного лазутчика. Въ густо населенной странѣ они не могли собрать свѣдѣній о передвиженіи цѣлой русской арміи; русскимъ же генераламъ было извѣстно всякое движеніе любого польскаго отряда. Среди самихъ поляковъ, по обычаю, нашлось не мало враговъ короля; они объявили конфедерацію и, вооруженные, примкнули къ войскамъ Императрицы.

Война длилась недолго. Польскія войска, довольно многочисленныя, но нестройныя, своевольныя и непривыкшія къ бою, не проявили ни военнаго искусства, ни настоящаго мужества, и бывали биты при всякой стычкѣ съ русскими. Надежда на помощь Пруссіи не оправдалась: пруссаки добились уже своего—вызвали въ Польшѣ новую смуту и теперь сами вѣроломно захватили у обманутыхъ ими поляковъ еще нѣсколько богатыхъ торговыхъ городовъ.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ войны поляки запросили мира. Главные начальники двинутыхъ противъ Россіи войскъ бѣжали за границу. Король попытался униженіемъ передъ своими польскими врагами—конфедератами и передъ Екатериною купить прощеніе. Но Екатерина, никогда не тратившая даромъ крови своихъ солдатъ, продиктовала суровыя условія мира: не желая дольше

оставлять во власти польской неурядицы и насилій земли, бывшія нѣкогда законнымъ наслѣдіемъ Русскихъ государей, населенныя людьми одного племени и одной вѣры съ ея подданными,—Императрица въ 1793 году навсегда присоединила къ Россійской Имперіи: Минскую, Волынскую и Подольскую области и правобережную Украину. Эта Украина составила, вмѣстѣ съ присоединеннымъ къ Россіи еще при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Кіевомъ,—нынѣшнюю Кіевскую губернію.

Пріобрѣтенія, сдѣланныя Екатериною въ 1772 и 1793 г.г., особенно дороги были для Россіи тѣмъ, что это были не чужія земли, завоеванныя лишь силой оружія: это были исконныя русскія области, отторгнутыя въ разное время врагами, а теперь вернувшіяся подъ скипетръ Россійскихъ государей. Чуждыми русскому народу въ этихъ областяхъ были только помѣщики-поляки, да жившіе въ городахъ и мѣстечкахъ евреи, которымъ сюда и во всѣ западно-русскія области былъ открытъ доступъ поляками. Коренное же населеніе этихъ земель—всѣ крестьяне и большая часть мѣщанъ—было русское по крови и по языку: бѣлоруссы въ Минской, Могилевской и Витебской областяхъ, малороссы на Волыни, въ Подоліи и Кіевской землѣ. Давно уже стремились они сами вернуться подъ власть единовѣрной имъ Россіи. Когда Императрица Екатерина посѣтила соединенныя съ Россіею русскія земли, епископъ Конисскій, по жалобѣ котораго Императрица и вступилась въ 1763 г. за православныхъ подданныхъ Польши,—привѣтствовалъ ее въ Могилевѣ замѣчательною по силѣ и красотѣ рѣчью. Въ этой рѣчи ярко выразилась всенародная радость бѣлорусскаго населенія, нашедшаго, наконецъ, миръ и свободу подъ властью православной Императрицы. Въ память давно жданнаго возсоединенія съ Россіею древнихъ русскихъ областей Екатерина велѣла выбить медаль съ надписью на славянскомъ языкѣ: «Отторженная возвратихъ».

Турецкія войны.

Въ тяжелыхъ условіяхъ началась для Россіи война съ Турціею—война, которой русскіе не искали и не ждали. Нужно было мужество Екатерины, чтобы съ честью встрѣтить неожиданное испытаніе. Война въ Польшѣ требовала значительныхъ силъ, поэтому противъ турокъ можно было двинуть лишь очень небольшое войско.

Но Екатерина, сама смѣлая и вѣрившая въ силу своего народа, не хотѣла ограничиться обороною: разъ начавъ войну, она рѣшила не только наказать турокъ за нападеніе, но и свести съ ними старые счеты.

Въ отвѣтъ на объявленіе турками войны, русскія войска начали наступленіе на подвластныя Турціи Дунайскія княжества (теперешнюю Румынію).

Екатерина хотѣла попытаться поднять противъ Турціи порабощенныхъ ею христіанъ. Для этого рѣшено было послать въ Егейское море, къ берегамъ Турціи, населеннымъ преимущественно православными греками, нашъ Балтійскій флотъ. Рѣшеніе это было смѣлымъ: наши корабли, никогда не выходившіе изъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, не были приспособлены для такого дальняго и тяжелаго плаванія. Но Екатерина вѣрила, что мужество и выносливость русскихъ моряковъ преодолѣютъ всѣ трудности.

Обогнувъ всю Западную Европу, по Атлантическому океану и Средиземному морю, съ большимъ трудомъ и задержками, потерявъ въ дорогѣ отъ бурь нѣсколько кораблей, дошелъ нашъ флотъ до береговъ Малой Азіи, принадлежавшихъ тогда, какъ и теперь, Турціи.

Число кораблей было невелико: всего 9 крупныхъ и 18 мелкихъ; вдобавокъ корабли, сильно пострадавшіе отъ долгаго плаванья, не имѣли возможности починить, какъ слѣдуетъ, свои поврежденія; матросы были сильно истощены усталостью и болѣзнями. Не смотря ни на что, начальники флота—кн. Орловъ и адмиралъ Спиридовъ—смѣло искали боя. 23 мая 1770 года они встрѣтили сильный турецкій флотъ, состоявшій изъ 16-ти крупныхъ и 60 мелкихъ судовъ. Адмиралъ Спиридовъ первый началъ битву нападеніемъ на турецкій адмиральскій корабль. Послѣ сильной перестрѣлки, турки, оробѣвъ, стали уходить. Ихъ флотъ укрылся въ Чесменской гавани. Ночью русскіе, наполнивъ четыре барки горючими веществами, зажгли ихъ и направили въ гавань, гдѣ скучились турецкіе корабли. Одна изъ этихъ барокъ зажгла непріятельское судно,—и пожаръ, перекидываясь съ корабля на корабль, охватилъ скоро всю гавань, превративъ ее въ сплошное море огня. Взрывы слѣдовали одинъ за другимъ. Къ утру все было кончено. Одни обгорѣлые обломки плавали по поверхности залива. Кромѣ одного корабля, захваченнаго въ плѣнъ, весь флотъ турецкій погибъ въ пламени. «Слава Богу и честь Русскому флоту!»—доносилъ Императрицѣ Спиридовъ: «весь непріятельскій военный флотъ мы аттаковали, разбили,

разломали, сожгли, въ небо пустили, потопили, въ пепелъ обратили и оставили на томъ мѣстѣ престрашное позорище!»

Надежда на возстаніе грековъ не оправдалась. Греки настолько привыкли бояться турокъ, что даже послѣ истребленія турецкаго флота немногіе только изъ нихъ рѣшились поднять оружіе. Но все же геройскій походъ и славная Чесменская битва не прошли безъ пользы.

Чтобы не дать подняться возстанію, турки должны были стянуть на югъ большія войска, ослабляя этимъ свою армію, дѣйствовавшую на Дунаѣ. Правда, ихъ силы въ Румыніи все таки были велики: 100-тысячная крымская орда и около 150 тысячъ турецкаго войска. Но со временъ Петра Великаго русское войско, по вооруженію и военному искусству, далеко превосходило турокъ, не говоря уже о татарахъ. При надлежащемъ обученіи, испытанная храбрость нашихъ солдатъ дѣлала ихъ непобѣдимыми. Вдобавокъ, командовалъ ими старый герой, посѣдѣвшій въ битвахъ, генералъ Румянцевъ. Солдаты любили его до обожанія, называли его своимъ отцомъ и орломъ.

Стремительнымъ, смѣлымъ движеніемъ Румянцевъ напалъ сначала на крымскихъ татаръ, потомъ на турокъ: тѣ и другіе были разбиты на-голову. Въ битвѣ съ турками русскіе имѣли всего 17 тысячъ человѣкъ противъ 150 тысячъ враговъ: тѣмъ славнѣе была эта блестящая побѣда.

Послѣ этого русскія войска безъ боя заняли Крымъ, а затѣмъ во главѣ съ Румянцевымъ двинулись на самый Константинополь. Флотъ Спиридова въ то же время грозилъ столицѣ Турціи съ моря. Турки должны были просить мира.

Екатерина поставила имъ очень суровыя условія: турки должны были отказаться отъ власти надъ Румыніею, Крымомъ и Кубанскими татарами. Всѣ понимали, что это значило: держаться самостоятельно эти слабые народы не могли, и, отдѣленные отъ Турціи, само-собою должны были рано или поздно подчиниться Россіи. Опять, какъ при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, въ наши дѣла съ Турціею вмѣшались иностранныя державы. Австрія грозила войною, если Россія не откажется отъ своихъ требованій. Но запугать Императрицу Екатерину было трудно: «Когда увидятъ, что угрозами ничего не выиграютъ, то остальное устроится само собою; а если увидятъ, что мы гонимся за миромъ, то получимъ миръ дурной» разсудила она, и дала рѣшительный отвѣтъ: «Надо, чтобы Австрія перестала постоянно грозить намъ войною. Россія, подвергшись нападенію, съумѣетъ защищаться. Она не боится никого, а перего-

воры мы ведемъ съ турками, а не съ австрійцами, съ которыми у насъ нѣтъ войны».

Послѣ долгихъ переговоровъ, она согласилась отказаться отъ освобожденія Румыніи; за остальныя свои требованія она готова была продолжать войну. Ея мужество и настойчивость увѣнчались успѣхомъ. Въ 1774 году заключенъ былъ славный миръ въ Кучукъ-Кайнарджи. Россія получила очень важныя турецкія крѣпости—Кинбурнъ на берегу Чернаго моря (нынѣ Херсонск. губ.) со всею степью отъ устьевъ Днѣпра до устьевъ Буга, и Керчь-Еникале въ восточной части Крымскаго полуострова, возлѣ Керченскаго пролива, соединяющаго Азовское море съ Чернымъ. Вдобавокъ, Россія получила $4\frac{1}{2}$ милліона рублей, въ возмѣщеніе военныхъ издержекъ.

Россіи предоставлено было право, которое имѣла она и по отношенію къ Польшѣ: заступаться за православныхъ подданныхъ Турціи. Крымъ и Кубанская земля объявлены независимыми отъ Турціи. Русскимъ торговымъ кораблямъ предоставленъ свободный выходъ изъ Чернаго моря въ другія моря черезъ Констатинопольскій проливъ.

Кучукъ-Кайнарджійскій миръ былъ для Турціи страшнымъ ударомъ. Всего тяжелѣе была туркамъ потеря Крыма: Крымъ дорогъ былъ имъ въ военномъ и торговомъ отношеніяхъ; многіе вельможи и богатые купцы имѣли на южномъ берегу Крыма усадьбы и дворцы, куда пріѣзжали отдыхать среди роскошной природы этого благословеннаго края.

Тяжело было отдѣленіе отъ Турціи и крымскимъ татарамъ: безъ поддержки турокъ они не могли дѣлать набѣги на русскія земли и добывать плѣнныхъ, которые продавались ими по высокимъ цѣнамъ. «Обстоятельство это»—говоритъ одинъ современникъ-татаринъ —«повергло и дворянство наше, и простой народъ въ большое огорченіе».

Упала также и торговля, запустѣли многіе города. Ѳеодосія (на южномъ берегу Крыма) считалась прежде вторымъ Константинополемъ по богатству и роскоши: на всѣхъ площадяхъ шумѣли фонтаны, въ кофейняхъ толпились купцы, наѣхавшіе чуть не съ половины Азіи; рабы и рабыни изъ плѣнныхъ христіанъ толпами продавались на рынкахъ. Съ уходомъ турокъ Ѳеодосія превратилась въ тихій захолустный городокъ съ однимъ туземнымъ населеніемъ.

Крымскіе татары—народъ бѣдный, дикій и мало развитой—не могли сами поддержать ни промысловъ, ни торговли. Не умѣли они поддержать безъ чужой помощи и порядка въ управленіи страною. Немедленно начались раздоры и усобицы. Сильнымъ

ударомъ для ханства было почти поголовное выселеніе христіанъ изъ Крыма въ предѣлы Россіи, въ окрестности Азова. Ханъ Шагинъ-Гирей попробовалъ было ввести въ Крыму европейскіе порядки, но мусульманское духовенство, видя въ этомъ отступленіе отъ вѣры отцовъ, взбунтовало противъ него народъ.

Ханскіе дворцы были разграблены чернью, а самъ ханъ принужденъ былъ бѣжать въ горы. Не имѣя силъ водворить порядокъ, онъ обратился къ Императрицѣ Екатеринѣ съ просьбою присоединить мятежный Крымъ къ Россіи, а ему дать какое-нибудь убѣжище.

Екатерина, внимательно слѣдившая за смутою въ Крыму, безъ колебанія двинула туда свои войска. Если кто изъ татаръ и былъ недоволенъ водвореніемъ новой власти, то не смѣлъ подумать о сопротивленіи. Крымъ занятъ былъ безъ одного выстрѣла. 9-го апрѣля 1783 г. объявлено было во всеобщее свѣдѣніе, о присоединеніи его къ Россіи. Вмѣстѣ съ Крымомъ присоединена была къ Россіи область Кубанскихъ татаръ, которая съ теченіемъ времени стала мѣстомъ поселенія войска Черноморскихъ или Кубанскихъ казаковъ.

Бахчисарайскій дворецъ.

Выгоды этого пріобрѣтенія для Россіи были неоцѣнимы. Екатеринѣ удалось и здѣсь достигнуть завѣтной цѣли, къ которой уже три вѣка стремились Русскіе государи: завоевать для Россіи ея южныя черноземныя степи, самой природой предназначенныя для народа-пахаря. Со времени Михаила Ѳеодоровича русское населеніе далеко продвинулось на югъ, занявъ нынѣшнія Воронежскую, Курскую, Харьковскую и Полтавскую губерніи. Но населеніе этихъ южныхъ земель, до 1783 г., жило попрежнему подъ страхомъ татарскаго набѣга со степи; всѣ мужчины поголовно записаны были въ казачьи или гусарскіе полки и, одновременно съ крестьянскимъ своимъ дѣломъ, должны были собираться, по нуждѣ, и на защиту степной границы.

При Аннѣ Іоанновнѣ укрѣпленная сторожевая линія между Днѣпромъ и Донцомъ шла по южной границѣ Полтавской и Харьков-

ской губерній. Нынѣшняя Екатеринославская губернія и сѣверная часть Херсонской считались уже русскими; но селиться тамъ было невозможно, такъ какъ степная граница къ югу отъ нихъ не была защищена. Во время турецкой войны при Екатеринѣ между Днѣпромъ и Донцомъ проведена была новая линія укрѣпленій — по южной границѣ теперешней Екатеринославской губерніи.

Теперь, съ занятіемъ Крыма, не только открывались для русскаго земледѣльческаго населенія плодородныя степи нынѣшнихъ Херсонской и Таврической губерній, но и для населенія прежней южной окраины русской начиналась новая мирная и безопасная жизнь. Теперь уже нечего было бояться татарскаго набѣга, смерти или горькой неволи. Укрѣпленныя степныя линіи стали не нужны. Вмѣсто нихъ, Черное море омывало и охраняло южную границу Россіи.

Видъ южнаго берега Крыма.

Вновь занятый край (Екатеринославская, Херсонская, Таврическая губерніи) объединенъ былъ подъ названіемъ Новороссіи, и управленіе имъ Екатерина поручила главному своему совѣтнику и сотруднику, князю Потемкину.

Умный и дѣятельный намѣстникъ не жалѣлъ трудовъ и усилій. По его призыву, на новыя земли толпами повалили переселенцы— и бродячіе вольные люди, и бѣглые крестьяне; переводились сюда тысячами и крѣпостные; шли поселенцы и изъ Крыма, и изъ-за границы—нѣмцы, славяне. Потемкинъ всѣми мѣрами поддерживалъ разведеніе садовъ, винодѣліе, овцеводство, шелководство; самъ выписывалъ для поселенцевъ хорошій скотъ для развода, виноградныя лозы, плодовыя деревья. Въ удобныхъ мѣстахъ строились новые города. Со сказочной быстротой выросли въ безлюдной дотолѣ степи Екатеринославъ, Херсонъ, Николаевъ; въ Крыму—Севастополь; въ Николаевѣ и Севастополѣ въ нѣсколько лѣтъ успѣли выстроить довольно сильный военный флотъ. Въ Крыму снова расцвѣли и промыслы, и торговля, заглохшіе было съ уходомъ турокъ.

Въ 1786 г. Императрица пожелала сама познакомиться съ своими новыми владѣніями. Ея путешествіе отличалось торжественностью и блескомъ, достойными Государыни великаго народа послѣ блестящихъ побѣдъ.

Въ то время, какъ послѣдній крымскій ханъ доживалъ свои дни въ Калугѣ, Бахчисарай,—бывшій триста лѣтъ столицею страшнаго для Россіи разбойничьяго Крыма,—увидѣлъ въ своихъ стѣнахъ милостивую и грозную побѣдительницу—Великую Екатерину, окруженную блестящею свитой.

Два европейскихъ государя—польскій король и императоръ Австріи выѣзжали ей навстрѣчу.

Изъ богатаго и благословеннаго, но совершенно дотолѣ пустыннаго края, къ которому такъ давно тянулся Русскій народъ, словно волшебствомъ выростала дѣйствительно Новая Россія. За какія-нибудь двадцать лѣтъ населеніе Новороссіи возрасло съ 50 тысячъ до 700 тысячъ, и еще богатый запасъ свободныхъ земель ждалъ новыхъ переселенцевъ. Теперь эти земли кормятъ уже 6 милліоновъ народу, а при болѣе совершенной обработкѣ земли и улучшенномъ веденіи хозяйства будутъ кормить въ десять разъ больше.

Но всѣ неоцѣнимыя пріобрѣтенія, сдѣланныя Екатериной, надо было еще укрѣпить за Россіею. Было ясно, что Турція безъ новой войны не помирится съ присоединеніемъ Крыма къ Россіи. Видя неизбѣжность этой войны, Екатерина заботливо готовилась къ ней. Австрію, бывшую еще недавно во враждѣ съ Россіей, она съумѣла привлечь къ союзу, и въ 1787 г., когда началась новая турецкая война, австрійскія войска дѣйствовали совмѣстно съ нашими противъ турокъ.

Вторая турецкая война Екатерины (1787—1791 г.), какъ и первая, ознаменована была блестящими успѣхами русскаго оружія.

Главнымъ героемъ ея явился знаменитый Суворовъ, одинъ изъ самыхъ прославленныхъ полководцевъ, какихъ когда-либо видѣлъ міръ.

Александръ Васильевичъ Суворовъ былъ родомъ изъ небогатой дворянской семьи. Съ дѣтскихъ лѣтъ увлекался онъ разсказами о военномъ дѣлѣ и о подвигахъ замѣчательныхъ полководцевъ всѣхъ временъ. Пятнадцати лѣтъ, по собственному желанію, вступилъ въ военную службу простымъ солдатомъ, что въ ту пору уже было рѣдкостью для дворянина. Девять лѣтъ онъ былъ солдатомъ и только 24 лѣтъ отъ роду получилъ первый офицерскій чинъ. Въ войнахъ временъ Императрицы Елизаветы онъ выдвинулся, несмотря на

скромный чинъ, какъ замѣчательный офицеръ: имя подполковника Суворова знали въ арміи, знали больше, чѣмъ имена многихъ крупныхъ генераловъ.

Повышаясь въ чинахъ, онъ все больше и больше могъ показать свои рѣдкія военныя дарованія. Никто не могъ сравниться съ Суворовымъ въ умѣніи говорить съ солдатами, ободрить усталыхъ или оробѣвшихъ мѣткимъ словомъ или шутливой прибауткой, на которыя онъ былъ мастеръ. А больше всего одушевлялъ онъ войска своимъ примѣромъ, раздѣляя съ солдатами всѣ тягости и лишенія походной жизни и опасности въ битвѣ. Отъ природы хилый и слабый, онъ умѣлъ такъ закалить свое тѣло, что не боялся ни усталости, ни простуды, зимою дѣлалъ походы въ одномъ суконномъ плащѣ, ѣлъ съ солдатами изъ котла. Зато, подъ его начальствомъ, солдаты поражали всѣхъ своей неслыханною выносливостью: переходы по 70 верстъ въ день, хотя бы въ распутицу и непогоду, были для нихъ обычнымъ дѣломъ. И нерѣдко случалось Суворову, послѣ такого перехода, вести солдатъ безъ отдыха въ бой.

А. В. Суворовъ.

А въ сраженіи суворовскіе полки проявляли мужество и стойкость, поразительныя даже для русскаго солдата. Это были какіе-то сказочные богатыри—«чудо-богатыри», какъ называлъ ихъ самъ Суворовъ. За 30 лѣтъ своей боевой жизни онъ ни разу не скомандовалъ своимъ чудо-богатырямъ отступленія и ни разу не былъ разбитъ.

Въ царствованіе Екатерины Второй Суворовъ принималъ участіе во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ, турокъ, бунтующихъ башкирцевъ. «Извѣстно—говорилъ онъ—я и въ Камчатку и въ Японь готовъ, если на то Высочайшая воля».

Но настоящей славою не только на родинѣ, но и во всей Европѣ, покрыли его подвиги во время второй турецкой войны.

Главными русскими силами, двинутыми противъ турокъ, начальствовалъ въ эту войну князь Потемкинъ, намѣстникъ Новороссіи. Умный и способный правитель, онъ оказался посредственнымъ полководцемъ: его стотысячная армія дѣйствовала вяло и нерѣшительно, а самъ Потемкинъ отъ первыхъ неудачъ такъ падалъ духомъ, что предлагалъ Императрицѣ просить мира. Екатерина со спокойнымъ мужествомъ приказала продолжать войну. «Прошу ободриться и подумать, что добрый духъ и неудачу поправить можетъ», писала она Потемкину: «Пишу это все тебѣ, другу, воспитаннику моему и ученику».

Суворовъ тѣмъ временемъ начальствовалъ особой небольшой арміею на Дунаѣ; противъ него надвигались главныя силы турокъ. Суворову приходилось дѣйствовать въ союзѣ съ австрійцами, двинувшими въ Румынію свои войска. Неслыханно быстрымъ переходомъ Суворовъ подоспѣлъ на помощь австрійцамъ, которые призывали его отчаянными посланіями: на ихъ 18-тысячный отрядъ наступало цѣлое турецкое войско—50 тысячъ, а за ними двигались и другія 50 тысячъ. «Жаль, что они не всѣ вмѣстѣ, лучше бы было покончить съ ними разомъ», спокойно сказалъ Суворовъ—и приказалъ идти въ аттаку. Русскихъ было у него всего 7 тысячъ. Ученый австрійскій полководецъ считалъ безуміемъ нападать на вдвое сильнѣйшаго врага. Но Суворовъ зналъ, что дѣлаетъ.

Австрійцы, по выраженію Суворова, пріобрѣли къ тому времени неискоренимую привычку быть битыми. Но подъ его командой, даже австрійскіе солдаты проявили необычную для нихъ стойкость и мужество. Турки были разбиты. Императоръ Австріи, внѣ себя отъ радости, осыпалъ Суворова почетными наградами. Немного спустя, Суворовъ нанесъ туркамъ еще болѣе страшное пораженіе у Рымника: изъ 100 тысячъ турокъ только 15 отступили, не бросивъ оружія. Послѣ этихъ блестящихъ побѣдъ успѣхъ всюду сталъ переходить на сторону русскихъ.

Несмотря на то, положеніе Россіи было стѣсненное. Одновременно съ войною противъ турокъ Россіи пришлось вести войну и со шведами. Въ Польшѣ началась новая смута, требовавшая также вооруженныхъ дѣйствій. Австрія опять, какъ при Петрѣ Великомъ, отстала отъ союза и заключила съ Турціею миръ. Англія и Пруссія вели переговоры о вооруженномъ союзѣ съ Польшею противъ Россіи. Турки, надѣясь на эти затрудненія, съ упорствомъ отказывались отъ мира. Надо было напугать ихъ движеніемъ

на Константинополь. Но дорогу на Константинополь заслоняла сильнѣйшая крѣпость Измаилъ, стоявшая на устьѣ Дуная. Не взявъ ее, нельзя было двинуться впередъ.

Въ октябрѣ и ноябрѣ 1790 г. около 30 тысячъ русскаго войска стояло подъ стѣнами Измаила, но изъ этой осады не могло ничего выйти: сильнѣйшая крѣпость, вооруженная тремя сотнями пушекъ, имѣла въ своихъ стѣнахъ 42 тысячи отличнаго войска и могла считать себя вполнѣ неприступною. О приступѣ наши генералы не рѣшались и подумать. Обстрѣливать крѣпость не могли, за недостаткомъ пороха и ядеръ. Солдаты, страдая отъ мокрой осенней погоды, голодали, болѣли и совсѣмъ упали духомъ.

Въ концѣ ноября началось отступленіе. Но не успѣли еще всѣ войска отойти отъ Измаила, какъ получено было приказаніе вернуться и вновь занять покинутыя позиціи: начальникомъ осаднаго корпуса назначенъ былъ Суворовъ.

2-го декабря онъ подъѣхалъ къ русскому лагерю, безъ всякой свиты, въ сопровожденіи одного казака, который везъ въ узелкѣ все походное имущество генерала. При появленіи любимаго вождя, солдаты точно переродились. Усталость и уныніе смѣнились общимъ ликованіемъ и подъемомъ духа. Всѣ знали, что Суворовъ не любитъ долго смотрѣть на осажденную крѣпость. «Однимъ смотрѣніемъ крѣпости не возьмешь»—говаривалъ онъ.

Недѣлю спустя, Суворовъ созвалъ совѣтъ старшихъ начальниковъ и сообщилъ имъ свое рѣшеніе—взять крѣпость приступомъ или погибнуть всѣмъ подъ ея стѣнами. Атаманъ Донского казачьяго войска, Платовъ, первый громко крикнулъ: приступъ! Всѣ единогласно высказались за то-же: подъ начальствомъ Суворова собирались всегда испытанные храбрецы. Многіе изъ нихъ впослѣдствіи сами были прославленными полководцами.

Начальнику крѣпости Суворовъ послалъ короткое извѣщеніе: «Я съ войсками прибылъ сюда. 24 часа на размышленіе—и воля; первые мои выстрѣлы—уже неволя; штурмъ—смерть». Изъ крѣпости полученъ былъ отвѣтъ: «Скорѣе небо обрушится на землю, чѣмъ сдастся Измаилъ».

Въ ночь съ 10 на 11 декабря войска шестью колоннами выступили изъ лагеря къ стѣнамъ крѣпости. Скоро наступленіе было замѣчено. Отъ непрерывной стрѣльбы, точно огненной нитью, засвѣтились валы и стѣны Измаила. Опытные воины сознавались, что никогда не случалось имъ испытать такого адскаго огня. Съ жестокими потерями дошли русскіе до укрѣпленій и стали заваливать вязанками хворосту глубокіе крѣпостные рвы. Непрерыв-

ная пальба со стѣнъ такъ и косила ряды нападавшихъ. Въ одномъ полку перебиты были всѣ офицеры, и полковой священникъ съ крестомъ сталъ во главѣ полка. Подъ градомъ пуль, среди грохота несмолкавшей пальбы, русскіе лѣзли на валы Измаила съ непоколебимымъ упорствомъ. Суворовъ, слѣдя за ходомъ приступа, распоряжался движеніемъ отрядовъ. Но многимъ солдатамъ, въ пылу одушевленія, казалось, что они видятъ любимаго вождя передъ собою: его видѣли одновременно во многихъ мѣстахъ.

Къ разсвѣту солдатскіе и казачьи отряды стали уже съ разныхъ концовъ врываться въ крѣпость. Турки рѣзались съ рѣдкимъ ожесточеніемъ. Жестокимъ и кровавымъ боемъ, шагъ за шагомъ, продвигались наши впередъ. Къ 8 часамъ утра все было кончено: изъ 42 тысячъ турецкаго гарнизона спасся одинъ человѣкъ, который и принесъ на родину извѣстіе о страшномъ ударѣ, разразившемся надъ Турціею.

Впечатлѣніе было потрясающее по неожиданности. Никто ни въ Турціи, ни въ Европѣ не допускалъ и мысли, чтобы сильная крѣпость—защищенная высокими стѣнами, вооруженная отличною артиллеріею—могла пасть передъ войскомъ, значительно болѣе слабымъ численно, чѣмъ защищавшій ее гарнизонъ. Самъ Суворовъ, осматривая утромъ валы и стѣны взятой крѣпости, сознавался, что отважиться на приступъ Измаила можно только одинъ разъ въ жизни. Въ Константинополѣ народъ, взволнованный этимъ безпримѣрнымъ пораженіемъ, поднялъ бунтъ. Пруссія и Англія немедленно отказались отъ мысли выступить противъ такого противника, какимъ показала себя Россія.

Этимъ богатырскимъ ударомъ закончилась война. Пораженная Турція поспѣшила заключить миръ, который и былъ подписанъ въ Яссахъ (1791 г.). Цѣль Россіи была достигнута: весь сѣверный берегъ Чернаго моря, Крымъ и Новороссійскія степи отданы были ей въ вѣчное и безспорное владѣніе. Черное море, къ которому были направлены первые походы Петра Великаго, стало, наконецъ, въ значительной части нашимъ моремъ. Еще при жизни Екатерины Великой, на мѣстѣ убогаго турецкаго поселка Гаджибея заложена была Одесса, которой суждено было вскорѣ затмить всѣ болѣе старыя черноморскія гавани.

Конецъ Польши.

Завоеваніе Новороссіи и возвращеніе отъ Польши старыхъ русскихъ областей дали Россіи то, къ чему издавна стремились русскій народъ и его Державные вожди. Теперь Россія могла

отдохнуть отъ утомительныхъ войнъ. Но послѣдніе годы славнаго царствованія Екатерины были смущены еще одной кровавой бурею: въ 1794 г. поднялось новое возстаніе въ Польшѣ.

Несчастья и позоръ, постигшіе Польшу въ послѣднія 30 лѣтъ, во многихъ изъ поляковъ разбудили угасшее чувство любви къ родинѣ и вызвали стремленіе вернуть ей былое могущество и свободу. Во главѣ заговора сталъ человѣкъ смѣлый и горячо любившій свой народъ—Костюшко. Возстаніе началось звѣрскими поступками, навлекшими на Польшу вполнѣ заслуженную грозу. Въ четвергъ на страстной недѣлѣ 1794 года въ Варшавѣ заговорщики набросились внезапно на отряды русскихъ солдатъ, разставленные по городу далеко одинъ отъ другого,—и началась неслыханная по жестокости рѣзня. Въ одной церкви перебито было 500 солдатъ, подходившихъ безоружными къ причастію. Опьянѣвъ отъ крови, толпа разграбила арсеналъ; изъ всѣхъ оконъ, съ крышъ—шла непрерывная пальба по русскимъ, когда тѣ проходили по улицамъ или выбѣгали изъ домовъ. Ни одинъ гонецъ не могъ проѣхать по улицамъ—толпа захватывала всѣхъ, кто былъ въ русскомъ мундирѣ, и забивала на смерть. Королевскія войска приняли участіе въ этой отвратительной рѣзнѣ. Самъ король не имѣлъ смѣлости ни стать во главѣ возстанія, ни принять мѣры противъ него. Кончилось тѣмъ, что остатки русскаго войска принуждены были покинуть Варшаву.

Почти одновременно съ Варшавой возстаніе вспыхнуло и въ столицѣ Литвы—Вильнѣ. Въ пасхальную ночь заговорщики бросились на квартиры русскихъ офицеровъ и многихъ перебили. Уцѣлѣвшій полковникъ Тучковъ собралъ вокругъ себя солдатъ и, въ виду большого превосходства въ силахъ непріятеля, отступилъ въ Гродну.

Руководители мятежа разсылали по всей странѣ воззванія, обѣщали крестьянамъ свободу, иновѣрцамъ—полное равноправіе и защиту законовъ; пытались вызвать возстаніе и въ бывшихъ польскихъ земляхъ, отошедшихъ въ 1772 и 1793 г.г. къ Австріи, Пруссіи и Россіи. Но попытки раздуть этотъ мятежъ во всенародное возстаніе не имѣли успѣха: исправлять старые законы было уже поздно, а обѣщаніямъ никто не вѣрилъ.

Военныя способности Костюшко и одушевленіе, съ какимъ многіе изъ возставшихъ сражались,—доставили полякамъ на первыхъ порахъ нѣсколько успѣховъ въ стычкахъ съ небольшими русскими отрядами. Русскіе генералы, дѣйствуя недружно и нерѣшительно, за пять мѣсяцевъ войны не успѣли сдѣлать ничего важ-

наго. Пруссаки и австрійцы, которымъ тоже грозило польское возстаніе, придвинули свои войска къ границамъ, но отъ настоящей войны уклонялись, предоставляя ее русскимъ. Такъ тянулось до августа, когда Императрица, недовольная медленнымъ ходомъ дѣлъ, отправила въ Польшу Суворова.

Его появленіе, какъ всегда, совершенно измѣнило ходъ войны. Быстрыми и рѣшительными переходами Суворовъ двинулся прямо на Варшаву, стягивая къ себѣ по пути дѣйствовавшіе порознь русскіе отряды. Костюшко, сбитый съ толку невиданной быстротой суворовскихъ передвиженій, попробовалъ поправить дѣло смѣлымъ нападеніемъ на отрядъ генерала Ферзена, но эта смѣлость кончилась для него бѣдой: его войско бѣжало, а самъ онъ, раненый, взятъ въ плѣнъ казаками. Видя бѣгство своихъ и свой неминуемый плѣнъ, Костюшко бросилъ саблю и, падая съ копя, сказалъ съ отчаяніемъ: «Конецъ Польшѣ».

Польшѣ, дѣйствительно, приходилъ конецъ. Уже въ началѣ октября Суворовъ подступилъ къ Варшавѣ. Предмѣстье города—Прага—было сильно укрѣплено и защищалось тридцатью тысячами войска, столько же, сколько имѣлъ Суворовъ. Но для чудо-богатырей, видѣвшихъ валы и стѣны Измаила, укрѣпленія Праги были не страшны. Послѣ кровопролитнаго приступа, длившагося цѣлый день, Прага была взята. Поляки защищались съ такимъ ожесточеніемъ, что изъ 30 тысячъ ихъ легло въ битвѣ 23, только 7 тысячъ положили оружіе.

Въ Варшавѣ господствовалъ неописуемый ужасъ. О защитѣ никто и не думалъ. Войска поспѣшно отступали изъ города. Населеніе спѣшило отправить къ Суворову пословъ съ мольбою о мирѣ.

Суворовъ, грозный и безпощадный во время сраженія, умѣлъ щадить враговъ, просящихъ милости. Онъ далъ посламъ скорый и благожелательный отвѣтъ. Русскіе полки, съ распущенными знаменами и съ музыкой, вступили торжественно въ смирившійся городъ. Не смотря на озлобленіе, какое питали солдаты къ варшавянамъ, недавно рѣзавшимъ ихъ безоружныхъ братьевъ-русскихъ, строгая суворовская дисциплина не допустила никакихъ враждебныхъ дѣйствій или насилій. Русскія войска охраняли порядокъ и спокойствіе въ городѣ лучше, чѣмъ умѣло это дѣлать само польское правительство.

Мѣсяцъ спустя, когда Суворовъ уѣзжалъ изъ Варшавы, городъ поднесъ ему золотую табакерку съ надписью: «Варшава своему избавителю». Еще раньше Варшавы, взята была приступомъ русскими войсками Вильна.

Императрица не могла пощадить мятежнаго государства, изъ котораго каждый годъ выходили смуты и потрясенія, требовавшія денегъ и крови. Да и сама Польша страдала отъ этихъ потрясеній не меньше, чѣмъ ея сосѣди. Несчастная страна была совершенно опустошена вѣчной неурядицей и войною. Поля оставались необработанными, народу грозилъ голодъ.

Императрица и въ этомъ случаѣ нашла въ себѣ силу кончить дѣло разъ навсегда рѣшительнымъ ударомъ. Мятежная Польша перестала существовать. Австрійцы и пруссаки подѣлили между собою чисто-польскія области: первымъ достались земли со старой столицей Польши—Краковомъ, вторымъ—земли съ новой ея столицей—Варшавой. Къ Россіи отошли земли бывшаго великаго княжества Литовскаго—нынѣшнія Виленская, Ковенская и Гродненская губерніи (послѣдняя безъ Бѣлостокскаго округа)—и герцогство Курляндское. Изъ этихъ земель только въ Ковенской губерніи, да въ небольшой западной части Виленской живетъ коренное литовское населеніе (изъ всѣхъ европейскихъ народовъ наиболѣе родственное славянамъ). Во всей остальной части Виленской губерніи и въ Гродненской губерніи живутъ русскіе (бѣлоруссы, а на югѣ Гродненской губерніи малороссы). Въ городѣ Гроднѣ до сихъ поръ уцѣлѣли остатки каменной православной церкви (на Коложѣ), построенной русскими князьями еще до татарскаго завоеванія Руси, болѣе семисотъ лѣтъ тому назадъ. Но ко времени присоединенія къ Россіи русское населеніе всѣхъ этихъ мѣстъ сплошь было уже уніатскимъ, частью же и католическимъ. Только кое-гдѣ уцѣлѣли слабые остатки исконнаго тутъ православія. Въ самой Вильнѣ была только одна православная церковь (въ Свято-Духовомъ монастырѣ), тогда какъ четыреста лѣтъ передъ этимъ, во время соединенія Литвы съ Польшей, въ Вильнѣ было до пятнадцати православныхъ храмовъ. Уцѣлѣла одна православная церковь и въ г. Брестѣ,—въ томъ самомъ Брестѣ, въ которомъ за двѣсти лѣтъ передъ этимъ провозглашена была пресловутая церковная унія: въ этой церкви, въ бѣдномъ Симеоновскомъ монастырѣ, почивали мощи Преподобнаго Аѳанасія, игумена Брестскаго, пріявшаго въ 1648 г. смерть отъ руки католиковъ и уніатовъ.

Паденіемъ Польши закончилась великая борьба, начавшаяся еще при государяхъ Рюрикова дома и тянувшаяся три столѣтія. Борьба эта была великимъ народнымъ дѣломъ. Западная Русь, страдая подъ иноземною властью, познала самую тяжелую бѣду, какая можетъ постичь народъ: потерю своего отечества. Стремленіе выйти изъ этой бѣды, говорить свободно на родномъ языкѣ и испо-

вѣдывать свободно вѣру отцовъ—было общимъ и глубокимъ въ сердцахъ русскаго населенія, подвластнаго Польшѣ. «Волимъ подъ Царя восточнаго, православнаго»—кричала въ 1654 году на Переяславской Радѣ казачья громада. Съ этого началось великое народное движеніе. Оружіе царскихъ войскъ поднялось въ этой борьбѣ на поддержку дѣла, на которое двинулся самъ народъ, не щадя ни своей, ни вражьей крови. Первые успѣхи въ этой борьбѣ выпали на долю Царя Алексѣя Михайловича. Сто лѣтъ спустя, умомъ и твердостью Великой Императрицы почти закончено было великое дѣло освобожденія и объединенія русскаго народа.

Памятникъ Императрицѣ Екатеринѣ Великой

Казанскій соборъ.

ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ И АЛЕКСАНДРЪ БЛАГОСЛОВЕННЫЙ.

Участіе Россіи въ европейскихъ войнахъ.

6-го ноября 1796 года, послѣ тридцатичетырехлѣтняго славнаго царствованія, скончалась Императрица Екатерина Великая. На Престолъ вступилъ Павелъ Петровичъ, сынъ ея и Императора Петра Третьяго, правнукъ Петра Великаго.

Россія была въ это время одной изъ самыхъ сильныхъ державъ въ Европѣ. Послѣ побѣдъ и завоеваній Екатерининскаго царствованія, всѣ европейскія государства наперерывъ искали союза и поддержки Россіи; безъ разрѣшенія Русской Императрицы, какъ говорили современники, ни одна пушка не смѣла выстрѣлить въ Европѣ.

Довольный сильнымъ и выгоднымъ положеніемъ Россіи, Императоръ Павелъ считалъ, что страна больше не нуждается въ завоеваніяхъ, и хотѣлъ предоставить народу отдыхъ послѣ долгихъ войнъ. Но судьба не дала ему сохранить миръ.

Со времени Петра Великаго, Россія вступила въ ближайшія сношенія съ другими государствами Европы. Одни изъ этихъ государствъ, какъ Турція и Швеція, были нашими постоянными врагами. Другія являлись естественными союзниками нашими

противъ общихъ враговъ, напримѣръ, Австрія противъ Турціи, Данія противъ Швеціи.

Торговыя отношенія и сложные политическіе расчеты начали тѣсно связывать Россію съ народами, живущими даже далеко отъ нашихъ границъ. Эти связи не позволяли теперь Россіи, какъ бывало въ старину, относиться съ полнымъ равнодушіемъ къ тому, что происходитъ за ея западною границею. Война между европейскими государствами, побѣда одного и пораженіе другого,—грозили иногда въ будущемъ серьезной опасностью Русской Державѣ или отзывались чувствительно на русской торговлѣ, промыслахъ, а стало быть—и на благосостояніи всего народа. Особые расчеты заставляли Россію выступать на поддержку дружественной страны, сношенія съ которой давали какія-нибудь выгоды или которая, въ свою очередь, могла впослѣдствіи быть полезною намъ своей поддержкой.

На этомъ основаніи въ царствованіе Елизаветы Петровны Россія впервые приняла участіе въ войнѣ между европейскими державами. Пруссія тѣснила тогда союзную намъ Австрію,—и Императрица Елизавета въ 1757 году послала за границу, на помощь австрійцамъ, свои войска. Въ этой войнѣ русскимъ пришлось столкнуться съ сильнымъ врагомъ: прусскій король Фридрихъ Второй слылъ лучшимъ полководцемъ того времени, а прусскія войска, прославленныя побѣдами надъ австрійцами, французами и шведами, считались непобѣдимыми. Желѣзная стойкость и беззавѣтное мужество русскихъ войскъ сломили однако и ихъ силу. Въ кровопролитной битвѣ около Кунерсдорфа прусская армія была разбита на-голову, почти уничтожена, и самъ непобѣдимый дотолѣ король Фридрихъ едва ускакалъ отъ гнавшихся за нимъ казаковъ. Послѣ этого русскіе подъ командой генерала Чернышева вступили (29 сентября 1760 г.) въ столицу Пруссіи—Берлинъ.

Война эта дала русскимъ славу, но не принесла прямыхъ выгодъ. Екатерина Великая, стремившаяся прежде всего защитить именно прямыя выгоды своей родины, остерегалась вступаться въ отношенія другихъ государствъ между собою. Однако въ послѣдніе годы ея царствованія въ Западной Европѣ начались событія, которыя опять потребовали вмѣшательства России.

Войны, охватившія тогда Европу, возникли съ того, что во Франціи произошла сильная смута. Король, добрый и кроткій Людовикъ Шестнадцатый, былъ свергнутъ и лишенъ жизни. Отсюда пошли кровопролитныя войны съ державами, выступившими въ защиту порядка. Французскія войска, предводимыя отличными

полководцами, одержали рядъ блестящихъ побѣдъ надъ австрійцами, пруссаками, голландцами и итальянцами, завоевали рядъ нѣмецкихъ областей, всю Голландію, Швейцарію и почти всю Италію, состоявшую тогда изъ нѣсколькихъ небольшихъ государствъ. Особенно прославился своими побѣдами генералъ Наполеонъ Бонапартъ.

Большое усиленіе Франціи было опасно для Россіи: Франція со временъ Петра Великаго постоянно проявляла враждебность къ Россіи, поддерживала и подстрекала нашихъ враговъ—Турцію, Швецію и Польшу. И теперь французы не скрывали намѣренія—добиться возстановленія польскаго государства, вошедшаго нѣкоторою своей частью въ составъ Россіи.

Императрица Екатерина уже и рѣшилась выступить противъ Франціи. Но смерть помѣшала ей исполнить это.

Императоръ Павелъ, по своемъ вступленіи на Престолъ, три года не подымалъ оружія, выжидая событій. Но завоеванія французовъ шли все дальше, война кипѣла во всей Европѣ. Наконецъ, онъ вынужденъ былъ осуществить намѣреніе своей матери.

Въ 1799 г. Императоръ Павелъ заключилъ союзъ съ Австріей и двинулъ въ далекій заграничный походъ—въ Италію—60-ти тысячное войско. Во главѣ его поставленъ былъ славный Суворовъ, тогда уже старикъ, но полный еще силъ и военнаго пыла. Изъ уваженія къ его боевой славѣ австрійскій императоръ подчинилъ Суворову и свои войска. Нашъ великій полководецъ давно уже томился бездѣйствіемъ. Съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за подвигами и возраставшей славою Наполеона Бонапарта. «Далеко шагаетъ мальчикъ. Пора его унять»,—говорилъ онъ,—и много разъ просилъ у Императрицы Екатерины: «Матушка, пошли меня бить французовъ!»

Столкнуться съ Бонапартомъ Суворову не пришлось: тотъ въ это время находился въ Египтѣ, гдѣ велъ войну съ турками и англичанами. Но все-же во главѣ французскихъ войскъ въ Италіи стояли лучшіе изъ военночальниковъ, а сами войска, привыкшія къ побѣдамъ и одушевленныя воинственнымъ пыломъ,—были опаснымъ противникомъ. Австрійскія войска, многократно передъ тѣмъ разбитыя, не отваживались больше на сраженія съ ними. Но появленіе въ Италіи русскихъ сразу измѣнило ходъ войны. Удивительное военное искусство Суворова развернулось здѣсь во всемъ блескѣ. Поразительно быстрые переходы подъ жгучимъ солнцемъ, смѣлость нападеній и ничѣмъ несокрушимое упорство нашихъ солдатъ въ бою—сломили французскія войска.

Особеннымъ упорствомъ и блескомъ доставшейся Суворову побѣды отличалась битва у рѣки Треббіи, гдѣ французы, превос-

Императоръ Павелъ Петровичъ.

ходившіе русскихъ числомъ, три дня отчаянно бились. Ихъ преимущество было еще въ томъ, что ихъ войска были вполнѣ свѣжія, а русскіе вступили въ бой, утомленные совершеннымъ

ими быстро тяжелымъ переходомъ. Когда Суворовъ повелъ свои полки въ первую атаку, у него въ ротахъ едва насчитывалось по 40 человѣкъ: дошли только наиболѣе выносливые, остальные отстали и подходили уже во время боя. Была минута, когда наши войска, совершенно измученныя, начали колебаться. Храбрѣйшій изъ сподвижниковъ Суворова, князь Багратіонъ, прискакалъ къ нему съ донесеніемъ, что войска едва держатся, зарядовъ мало, и ружья, отъ долгой стрѣльбы, начинаютъ дурно стрѣлять. «Плохо, князь Петръ!» сказалъ Суворовъ и, вскочивъ на коня, помчался въ передніе ряды, подъ выстрѣлами враговъ. Появленіе любимаго вождя сразу остановило начавшееся колебаніе. Французы, сами измученные, въ свою очередь, подались назадъ: они были увѣрены, что къ русскимъ подошли свѣжія силы—такъ ободрились, при видѣ Суворова, истомленные русскіе полки. Къ концу третьяго дня отступленіе французовъ перешло въ бѣгство; цѣлые отряды клали оружіе и сдавались въ плѣнъ.

Страшное пораженіе непобѣдимыхъ дотолѣ французскихъ войскъ произвело сильнѣйшее впечатлѣніе всюду. Итальянскіе города встрѣчали побѣдителя съ ликованіемъ, весь народъ высыпалъ ему навстрѣчу, всѣ дома пестрѣли флагами, коврами, воздухъ дрожалъ отъ криковъ и музыки. Во всей Италіи не было человѣка болѣе любимаго и болѣе извѣстнаго, чѣмъ великій русскій полководецъ.

Вскорѣ, нанеся французамъ еще рядъ пораженій, Суворовъ совершенно очистилъ отъ нихъ Италію. Съ обычной своей смѣлостью онъ хотѣлъ, не теряя ни минуты, вести войска во Францію, на столицу ея — Парижъ, чтобы однимъ ударомъ кончить войну, истощавшую уже 7 лѣтъ Европу.

Все дѣло испортили наши союзники австрійцы. Командуя союзной арміей, Суворовъ долженъ былъ считаться и съ указаніями австрійскаго императора. Но указанія эти, зачастую обусловленныя робостью, либо недальновидностью, стѣсняли его и препятствовали свободѣ его дѣйствій. «Ради Господа, не мѣшайте же мнѣ!» умолялъ славный фельдмаршалъ. Но это не помогало. Смѣлая мысль двинуть войска на Парижъ привела австрійцевъ въ большое смущеніе, кромѣ того они начали опасаться, какъ бы побѣды Суворова не дали Россіи значительнаго перевѣса надъ Австріей. Австрійскій императоръ пожелалъ, чтобы Суворовъ вмѣсто похода на Парижъ двинулся въ Швейцарію и очистилъ ее отъ французовъ. Суворовъ подчинился и повелъ туда полки.

Походъ по этой странѣ представлялъ необычайныя трудности, такъ какъ вся она пересѣчена самыми высокими въ Европѣ горами, подъ названіемъ — Альпы, съ непроходимыми ущеліями и пропастями. Въ міровой исторіи извѣстенъ, за двѣ тысячи лѣтъ передъ тѣмъ, переходъ черезъ Альпы величайшаго полководца древности Аннибала. Теперь подобный же подвигъ выпало совершить русскому герою. Положеніе его было тѣмъ болѣе труднымъ, что онъ не получилъ обѣщанныхъ австрійцами

Переходъ черезъ Чертовъ мостъ.

съѣстныхъ запасовъ, теплой одежды и вьючныхъ лошадей. Углубившись въ тѣсную Швейцарію, русскіе оказались въ большой опасности среди незнакомыхъ горъ, окруженные отовсюду значительными силами французовъ. Стало ясно, что при такихъ условіяхъ достигнуть намѣченной цѣли нельзя: надо было думать о томъ, чтобы благополучно вывести войска. Въ Европѣ всѣ были увѣрены, что русскіе попали въ ловушку, и имъ не удастся выбраться благополучно изъ швейцарскихъ горъ.

Французскій генералъ хвастливо уже доносилъ въ Парижъ, что Суворовъ у него въ карманѣ. Но французы поторопились торжествовать побѣду. Оборванные и полуголодные, всѣ почти босые, со скуднымъ запасомъ зарядовъ, русскіе богатыри шты-

ками пробились черезъ вражескія силы, заступившія имъ путь на родину, и вышли съ побѣдой изъ страшной западни, отбросивъ съ своей дороги враговъ и осиливъ преграды, поставленныя природой.

Пришлось имъ при этомъ двигаться по едва проходимымъ горнымъ тропамъ, перебираться черезъ глубокія ущелья. Переходъ черезъ Сенъ-Готардъ и такъ называемый Чертовъ мостъ вызвалъ неописуемое изумленіе у самихъ швейцарцевъ и въ Европѣ. До настоящаго времени на этихъ прославленныхъ мѣстахъ красуются доски, напоминающія о великихъ подвигахъ и удали русскихъ храбрецовъ подъ начальствомъ непобѣдимаго Суворова. Безсмертная слава покрыла русскихъ чудо-богатырей и ихъ великаго вождя. Императоръ Павелъ осыпалъ Суворова всѣми наградами, какія только были возможны. Войскамъ было приказано воздавать ему такія же почести, какъ самому Государю Императору.

Недовольство Императора Павла дѣйствіями австрійцевъ, въ которыхъ можно было подозрѣвать прямое предательство, было велико. Онъ отказался отъ союза съ Австріей и отозвалъ Суворова и войска въ Россію.

Начало новой борьбы съ Франціей.

Пять лѣтъ Россія не воевала. Но войны въ Европѣ съ французами не только не утихали, а разгорались все сильнѣе. Генералъ Бонапартъ, вернувшись изъ Египта, безъ труда разбилъ австрійцевъ и итальянцевъ и снова занялъ всю Италію. Онъ сталъ въ это время не только главнокомандующимъ французскихъ войскъ, но и консуломъ (правителемъ) Франціи. Разумное и твердое управленіе, вмѣстѣ съ блестящими побѣдами, сдѣлали Бонапарта любимцемъ не только войска, но и народа, утомленнаго долгими внутренними смутами. Бонапартъ воспользовался этимъ и въ 1804 году, не довольствуясь положеніемъ выборнаго, временнаго правителя, провозгласилъ себя императоромъ Франціи. Но ненасытное его честолюбіе этимъ не было удовлетворено. Ему хотѣлось еще славы и новыхъ завоеваній.

Увѣренный въ своей непобѣдимости, онъ произвольно расправлялся съ сосѣдями, создавалъ и упразднялъ государства, удалялъ съ престола законныхъ государей и ставилъ на ихъ мѣсто своихъ родственниковъ или генераловъ. Такія государства были,

конечно, независимы лишь по имени; на дѣлѣ, поставленные Наполеономъ короли были его послушными слугами, и самыя государства превращались какъ-бы въ часть Французской имперіи. Никакіе договоры и законы не были помѣхою честолюбивому Наполеону: онъ уважалъ только силу. Презрѣніе Наполеона къ закону дошло до того, что, по его приказанію, солдаты во время мира перешли границу сосѣдняго нѣмецкаго государства, схватили проживавшаго тамъ одного изъ принцевъ прежняго королевскаго дома и разстрѣляли его.

На Престолѣ Россіи въ это время былъ сынъ Императора Павла—Александръ Первый (съ 1801 г.).

Обида, причиненная королю какого-нибудь итальянскаго или нѣмецкаго государства или смерть французскаго принца, конечно, непосредственно не задѣвали Россіи. Но грубое нарушеніе всѣхъ законовъ, какими руководятся обычно, въ международной жизни, просвѣщенныя христіанскія государства,—не могло не встревожить и Русскаго Императора. Какъ въ жизни отдѣльныхъ людей ловитъ вора не только тотъ, кто сейчасъ имъ обокраденъ, и тушитъ пожаръ не тотъ одинъ, чья хата уже загорѣлась,—такъ бываетъ и въ жизни государствъ. Императоръ Александръ, питавшій отвращеніе къ пролитію крови, много разъ пробовалъ мирнымъ путемъ добиться отъ Франціи соблюденія права и международныхъ обычаевъ, но всѣ его заявленія вызывали лишь дерзкіе отвѣты со стороны Наполеона.

Наконецъ, въ 1805 году Императоръ Александръ рѣшилъ вступить въ союзъ съ Австріей, Пруссіей и Англіею, и русскія войска снова двинулись за границу—на подкрѣпленіе австрійцевъ, уже начавшихъ военныя дѣйствія. Императоръ самъ находился при арміи. Въ первой стычкѣ, гдѣ русскимъ удалось разбить и прогнать нѣсколько полковъ французской конницы,—Императору впервые пришлось своими глазами увидѣть поле битвы. Видъ убитыхъ и раненыхъ такъ разстроилъ добраго сердцемъ молодого Государя, что онъ не могъ удержаться отъ слезъ: «Ужасная вещь—война»—повторялъ онъ. Но впереди ждали его еще болѣе грустныя впечатлѣнія, тяжелыя испытанія.

Война 1805—1806 г.г. полна была для насъ неудачъ. Великаго Суворова уже не было въ живыхъ, а изъ остальныхъ генераловъ никто не могъ тягаться съ Наполеономъ, удивительныя военныя способности котораго создали ему славу непобѣдимаго полководца. Вдобавокъ, совмѣстныя дѣйствія съ австрійцами, какъ всегда, вызывали путаницу и несогласія. Въ битвѣ подъ Аустерлицемъ наши и австрійцы потерпѣли страшное пораженіе и должны

были отступить съ тяжелыми потерями. Австрія немедленно заключила съ Наполеономъ постыдный миръ, отдавъ всѣ земли, какихъ онъ отъ нея потребовалъ.

Въ 1806 году Россія, въ союзѣ съ пруссаками, возобновила военныя дѣйствія. Битва при Прейсишъ-Эйлау кончилась въ ничью. Въ жизни Наполеона это былъ первый случай, когда ему не пришлось торжествовать побѣду. Но затѣмъ, подъ Фридландомъ, Наполеонъ, разгромившій уже пруссаковъ, нанесъ и нашимъ сильное пораженіе. Эта неудачная война стоила Россіи большихъ потерь и людьми, и деньгами. Однако Наполеонъ, не желавшій затягивать войну съ такимъ сильнымъ и опаснымъ противникомъ, какъ Россія,—самъ предложилъ почетный для насъ миръ, который и былъ заключенъ въ 1807 году въ Тильзитѣ.

По этому миру Россія ничего не теряла. Наоборотъ, Наполеонъ для укрѣпленія добрыхъ отношеній съ Россіей предоставилъ ей часть земель, завоеванныхъ имъ у Пруссіи, а именно Бѣлостокскую область, составляющую западную часть нынѣшней Гродненской губерніи. Преобладающее населеніе въ этой области было русское. Въ городахъ Бѣльскѣ, Дрогичинѣ и Мельникѣ, ко времени присоединенія ихъ къ Россіи, держалась еще православная вѣра. Остальное русское населеніе было уніатское.

Войны съ Швеціей и Турціей и присоединеніе новыхъ областей.

Вскорѣ Россіи пришлось вести борьбу со старыми своими врагами. Почти одновременно началась война съ Швеціею на сѣверѣ, съ Турціей на югѣ. Обѣ войны велись успѣшно, но потребовали большого напряженія силъ.

Героями шведской войны были сподвижники Суворова—князь Багратіонъ и генералъ Кульневъ, мужеству котораго удивлялись и враги. Сперва, въ теченіе 1808 года, завоевана была русскимъ оружіемъ принадлежавшая Швеціи Финляндія. Затѣмъ, въ 1809 году, война перенесена была въ самую Швецію. Подъ начальствомъ Багратіона и Кульнева, наши войска, въ лютый морозъ, предприняли неслыханный по смѣлости переходъ по льду черезъ Ботническій заливъ въ самую Швецію. Заливъ этотъ, составляющій часть Балтійскаго моря, обыкновенно не замерзаетъ сплошь, но въ 1809 г. исключительно суровая зима сковала его льдомъ.

Восемь сутокъ войска наши шли въ ледяной пустынѣ, взбираясь на глыбы льда, нагроможденныя одна на другую, переправляясь черезъ

Императоръ Александръ Первый.

трещины, широкія, какъ рѣки; на ночь солдаты зарывались въ снѣгъ, чтобы не замерзнуть. Стоило подуть южному вѣтру и ослабѣть льду— морская пучина поглотила бы весь отрядъ. Но русское мужество

не знало ни трудностей, ни страха. «Въ походѣ быть бодрымъ и веселымъ! Унынiе свойственно однѣмъ старымъ бабамъ»—говорилъ солдатамъ храбрый Кульневъ. И солдаты шли бодро и весело. Ихъ неожиданное появленiе въ самой Швецiи вызвало общiй ужасъ. Никто не хотѣлъ вѣрить возможности такого перехода. Пораженные шведы поспѣшили просить мира, который и былъ подписанъ въ 1809 году въ г. Фридрихсгамѣ. Вся Финляндiя, уже болѣе года занятая русскими войсками, перешла навсегда, какъ сказано въ договорѣ со Швецiей, въ собственность и державное обладанiе Россiйской Имперiи.

Императоръ Александръ отнесся къ новозавоеванному краю со всей свойственной ему добротой и снисходительностью. Онъ, хотя и полновластный завоеватель Финляндiи, сохранилъ ей прежнiе порядки мѣстнаго управленiя. Онъ, еще до окончанiя войны, разрѣшилъ 20 января 1809 г. представителямъ финляндскихъ сословiй собраться на областной сеймъ, или съѣздъ, принести на немъ присягу вѣрности и представить ходатайство о мѣстныхъ нуждахъ. Мало того: онъ, по просьбамъ финляндцевъ, присоединилъ въ 1811 г. къ Финляндiи Выборгскую губернiю, завоеванную еще Петромъ Великимъ и Елизаветой Петровной, распространивъ на нее финляндскiе порядки. Оказывая эти милости Финляндiи, Императоръ Александръ Первый считалъ ее однако такою же неотъемлемою собственностью и нераздѣльною составною частью Россiйской Имперiи, какъ и другiя ея области. Объявляя особымъ манифестомъ (1 октября 1809 г.) о присоединенiи по Фридрихсгамскому договору Финляндiи къ Россiйской Имперiи, онъ говорилъ: «Новыя владѣнiя наши всегда будутъ составлять твердую и незыблемую ограду Имперiи Нашей». Петръ Великiй Выборгъ назвалъ «крѣпкой подушкой Петербурга», а его Правнукъ желалъ, чтобы вся Финляндiя стала «незыблемой оградой» русской столицы и всего Русскаго государства.

Война съ Турцiею затянулась дольше, и только весною въ 1812 году заключенъ былъ выгодный для насъ миръ. Къ Россiи отошла отъ Турцiи плодородная Бессарабiя; рѣка Прутъ съ этой поры стала нашей государственной границей на западѣ.

Счастливое окончанiе турецкой войны было какъ нельзя болѣе кстати для Россiи. Новая война съ Францiей готова была разразиться съ минуты на минуту.

Великая Отечественная война.

Соглашеніе, заключенное въ Тильзитѣ, не могло быть прочнымъ. Наполеонъ продолжалъ свои захваты и беззаконныя расправы съ слабыми государствами. Еще въ Тильзитѣ онъ дѣлалъ Императору Александру намеки на возможность раздѣлить съ нимъ господство надъ Европой. И потомъ въ бесѣдѣ съ русскимъ посломъ въ Парижѣ онъ однажды вернулся къ этой мысли: разрѣзалъ пополамъ яблоко и сказалъ: «Видите, какъ легко поладить мнѣ и вашему Государю: одна половина земли мнѣ, другая ему». Узнавъ объ этомъ, Александръ замѣтилъ: «А кто мнѣ поручится, что Наполеонъ, съѣвши свою половину яблока, не захочетъ съѣсть и другую?»

Всякій новый захватъ императора французовъ вызывалъ возраженія со стороны Русскаго Императора, что раздражало Наполеона, привыкшаго уже къ раболѣпству. Сердило его и то, что Императоръ Александръ не хотѣлъ, въ угоду ему, выслать изъ Россіи нелюбимыхъ Наполеономъ лицъ, и то, что въ изданныхъ въ то время въ Россіи законахъ о торговлѣ французы не получили ожидаемыхъ льготъ. Въ душѣ, Наполеонъ хотѣлъ и въ Россіи распоряжаться, какъ въ подвластной ему странѣ, но всякая попытка въ этомъ направленіи встрѣчала рѣшительный отпоръ. Чуть не каждый день возникали новыя столкновенія и взаимныя жалобы. Переговоры между Россіей и Франціей принимали все болѣе рѣзкій и угрожающій характеръ. Во всей Европѣ только и было разговоровъ, что о предстоящей неизбѣжной войнѣ.

Могущество Наполеона въ это время достигло высшей степени. Въ четырехъ крупныхъ государствахъ Европы были королями его братья или генералы; большинство нѣмецкихъ государей признали надъ собою «покровительство», то есть въ сущности власть Наполеона; владѣнія же другихъ были непосредственно присоединены къ Франціи; изъ части польскихъ земель, отнятыхъ отъ Австріи и Пруссіи, Наполеонъ въ 1807 году образовалъ особое польское государство—Варшавское герцогство; правителемъ его былъ саксонскій король, подчинившійся Наполеону.

Иго французовъ было изнурительно и тяжко для побѣжденныхъ. Тяжелыя подати, военный постой, всевозможные поборы и притѣсненія со стороны французскихъ солдатъ и чиновниковъ—разоряли и богатыхъ людей, и простой народъ,—и вселяли общую ненависть къ французамъ. Но государи и правители, либо поста-

вленные Наполеономъ, либо запуганные, не смѣли уже призвать свои народы къ борьбѣ противъ притѣснителей, и императоръ Франціи поистинѣ могъ считать себя владыкою всей Западной Европы. Даже Австрія и Пруссія, бывшія прежде его упорными врагами, теперь склонились къ союзу съ нимъ и обязались, въ случаѣ войны, помогать ему.

Въ теченіе всего 1811 г. Наполеонъ открыто готовился къ походу на Россію. Во всѣхъ подвластныхъ ему государствахъ шли усиленные рекрутскіе наборы. Заготовлялись огромные запасы оружія, военныхъ снарядовъ, солдатской одежды, походныхъ телѣгъ, склады съѣстныхъ припасовъ. Безчисленные французскіе шпіоны развѣдывали все, что могли, о русскихъ военныхъ силахъ, вооруженіи и дорогахъ. Самъ Наполеонъ внимательно изучалъ карту Россіи, намѣчая путь своему походу.

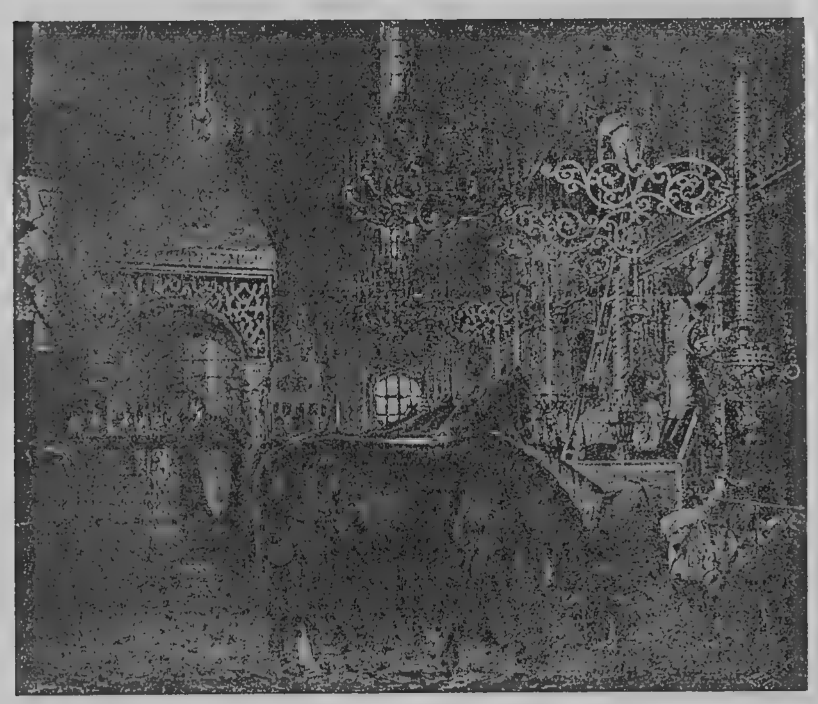
Объ этихъ приготовленіяхъ хорошо знали у насъ. Императоръ Александръ тоже не терялъ времени для приготовленій къ оборонѣ. Но Россія ни по богатству, ни по числу населенія не могла сравниться съ Западной Европой, подвластной Наполеону. Противъ шестисотъ тысячъ, собранныхъ имъ, русскимъ удалось сосредоточить на границѣ немногимъ больше двухсотъ тысячъ.

До послѣдней минуты однако Императоръ Александръ не терялъ надежды покончить дѣло миромъ. «Я не сдѣлаю перваго выстрѣла—говорилъ онъ французскому послу: я допущу васъ перейти Нѣманъ и самъ его не перейду. Будьте увѣрены, что я не хочу войны. Мой народъ тоже не хочетъ войны, но если на него нападутъ—онъ съумѣетъ защищаться всѣми силами». Наполеонъ, съ своей стороны, желая выиграть время, постоянно твердилъ о своемъ желаніи поддержать миръ. Своему послу въ Петербургѣ онъ далъ прямое приказаніе—лгать до послѣдней минуты, даже тогда, когда французскія войска вступятъ уже въ русскіе предѣлы. Посолъ твердилъ, каждый день, о миролюбіи своего императора, а между тѣмъ французскія, нѣмецкія, итальянскія, польскія войска со всѣхъ концовъ Европы стягивались уже къ русской границѣ.

Въ началѣ іюня 1812 года самъ Наполеонъ прибылъ сюда же къ своей «великой арміи». Приготовленія къ войнѣ были закончены, медлить было нечего. Въ ночь на 12 іюня безчисленные полки стали переправляться черезъ Нѣманъ. Роковая война началась.

«Скоро я буду владыкою всей Европы. Остается одна Россія— я ее раздавлю». Такъ говорилъ Наполеонъ, начиная войну.

Никогда еще Европа не видала подъ властью одного полководца такого огромнаго войска. Часть собранныхъ силъ пришлось Наполеону оставить въ Германіи, для охраны крѣпостей и дорогъ, и все-таки въ предѣлы Россіи онъ ввелъ четыреста тысячъ отлично

Французская конюшня въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ.

вооруженнаго, отборнаго войска. Переправа черезъ Нѣманъ прошла въ блестящемъ порядкѣ. Раздѣлившись на нѣсколько армій, широкимъ строемъ, охватывая обширное пространство отъ Риги и Полоцка до Волыни, французы начали быстрое и рѣшительное наступленіе на востокъ. Главныя силы, подъ начальствомъ самого Наполеона, двигались, по намѣченному заранѣе пути, черезъ Вильну и Витебскъ на Смоленскъ и Москву. Въ составѣ арміи Наполеона былъ и особый 80-ти тысячный отрядъ, выставленный

поляками Варшавскаго герцогства. Мѣстныя власти, состоявшія въ областяхъ западнаго края, по которымъ шла армія Наполеона, изъ поляковъ, а также многочисленные здѣсь польскіе помѣщики всячески помогали врагамъ Россіи—людьми, деньгами, припасами.

Русская армія, насчитывавшая въ передовой линіи едва 175 тысячъ человѣкъ, не могла и думать объ открытомъ боѣ съ подавляющими силами непріятеля, во главѣ которыхъ стоялъ, вдобавокъ, полководецъ, одержавшій рядъ блестящихъ побѣдъ надъ арміями всей Западной Европы.

«Довѣряю вамъ мою армію. Не забывайте, что другой у меня нѣтъ»—сказалъ Императоръ Александръ главнокомандующему генералу Барклаю. Осторожный Барклай хорошо помнилъ это наставленіе.

Наполеонъ велъ быстрое наступленіе, стремясь настигнуть, разбить и уничтожить русскую армію. Барклай спѣшно отступалъ, не взирая на ропотъ и неудовольствіе въ войскахъ: среди солдатъ и офицеровъ жива еще была память о великомъ Суворовѣ, при которомъ наши войска, даже на чужбинѣ, не знали слова «отступленіе». Отступать теперь, защищая родную землю, казалось нестерпимо-горькою обидой. «Русскіе не должны бѣжать. Это мы хуже пруссаковъ стали. Куда бѣжите? Зачѣмъ срамите Россію и армію? Стыдно мундиръ носить! Ради Бога наступайте!»—такъ роптали старые генералы, выросшіе подъ Суворовскими знаменами.

Не взирая на ропотъ и прямыя обвиненія въ измѣнѣ, Барклай продолжалъ отступленіе. Онъ видѣлъ, что каждый шагъ вглубь Россіи ослабляетъ врага. Наполеонъ не могъ оставить безъ охраны пройденныя имъ области, и его великая армія сама собою, безъ сраженія, таяла и уменьшалась въ числѣ. Русскіе, напротивъ, чѣмъ дальше отступали, тѣмъ становились сильнѣе. Подошли къ арміи донскіе казачьи полки, подъ командою лихого атамана Платова, сподвижника Суворова. Подходили подкрѣпленія изъ дальнихъ губерній. А между тѣмъ въ глубинѣ Россіи начиналось грозное движеніе, котораго не предвидѣлъ Наполеонъ, хвалившійся раздавить Россію своими несмѣтными полками.

Трудно описать волненіе и негодованіе, охватившее весь русскій народъ, уже сто лѣтъ не видавшій врага въ своихъ предѣлахъ. Краснорѣчивые манифесты Императора Александра, призывавшаго весь народъ къ борьбѣ съ врагомъ, дерзнувшимъ вступить на русскую землю, находили живой откликъ во всѣхъ

сердцахъ. Особенно волновалась Москва: первопрестольная столица Русскаго государства, средоточіе великихъ русскихъ святынь, ядро создавшаго Имперію русскаго народа, гнѣздо стариннаго родовитаго дворянства и богатѣйшаго, именитаго купечества— Москва не даромъ называлась сердцемъ Россіи. Общее одушевленіе, охватившее и знать, и простой народъ,—достигло неслыханной силы, когда стало извѣстно, что Государь самъ прибудетъ въ Москву.

Ополченецъ 1812 г.

Императоръ Александръ Павловичъ пользовался въ народѣ большой любовью. Замѣчательно красивый, ласковый и привѣтливый, онъ одаренъ былъ рѣдкой способностью—очаровывать всякаго, кто имѣлъ счастье его видѣть или съ нимъ говорить. Забота о благѣ народа, о его богатствѣ и просвѣщеніи,—была съ дѣтскихъ лѣтъ его завѣтной мечтою. Теперь, въ дни народнаго горя и опасности, больше чѣмъ когда-либо, нужно было въ Москвѣ живое слово всѣми любимаго Государя, чтобы укрѣпить и направить къ истинной пользѣ Россіи общее одушевленіе.

Въ жаркій солнечный день, 12 іюля, Императоръ Александръ въѣхалъ въ свой первопрестольный городъ. Безчисленная толпа заполняла улицы и площади, унизывала карнизы и крыши домовъ. Воздухъ дрожалъ отъ криковъ: «Веди насъ, куда хочешь! Веди насъ, отецъ нашъ! Умремъ или побѣдимъ!» Государь едва двигался сквозь густую толпу людей, плакавшихъ и ловившихъ его руки и полы мундира, чтобы поцѣловать ихъ. Стража хотѣла раздвинуть передъ Императоромъ толпу, но онъ не позволилъ. «Не тревожьте, не троньте ихъ, я пройду!»—говорилъ онъ, кланяясь на всѣ стороны.

Въ залахъ дворца ожидали Императора созванныя имъ дворянство и купечество Москвы. Государь обратился къ собравшимся съ вдохновеннымъ словомъ. «Настало время для Россіи показать свѣту ея могущество и силу—говорилъ онъ. Я въ полной увѣренности взываю къ вамъ: вы, подобно предкамъ вашимъ, не потерпите ига чуждаго, и непріятель пусть не восторжествуетъ въ своихъ дерзкихъ замыслахъ. Этого ожидаютъ отъ васъ Отечество и Государь». Въ порывѣ одушевленія дворянство постановило на свой счетъ снарядить и вооружить ополченіе изъ крестьянъ—по одному ратнику съ 10 душъ; сами неслужилые дворяне становились въ ряды ополченія; кто могъ, жертвовалъ и деньгами—собрано было до 3 милліоновъ рублей; купечество въ нѣсколько часовъ собрало пожертвованій на 10 милліоновъ рублей. Городской голова Москвы далъ 50 тысячъ—половину своего состоянія. Великая Княгиня Екатерина Павловна, сестра Императора, выставила на свой счетъ цѣлый баталіонъ солдатъ. Московскіе богачи Мамоновъ и Салтыковъ—также снарядили два полка конницы. Бѣдняки несли свою послѣднюю копѣйку. Рабочій Бѣлкинъ пожертвовалъ единственные свои 5 рублей, завѣщанные ему отцомъ про черный день; «для всѣхъ насъ не можетъ быть дней чернѣе нынѣшнихъ»—говорилъ онъ.

Со временъ Минина не видано было на русской землѣ такого общаго порыва—пожертвовать всѣмъ для спасенія родной земли. Государь, выходя изъ зала, гдѣ собирались пожертвованія, не могъ удержаться отъ слезъ и нѣсколько разъ повторялъ: «Я никогда не забуду этого дня!»

Примѣру Москвы послѣдовала вся Россія. Всюду собирались пожертвованія. Всѣ сословія русской земли участвовали въ нихъ: и дворянство, и купечество, и мѣщане, и крестьяне, и духовенство, и монастыри. Св. Сѵнодъ отдалъ на военныя надобности деньги, которыя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ собиралъ для обезпеченія духовныхъ школъ и духовенства. Всего собрано было пожертвованій деньгами, вещами и припасами не менѣе какъ на сто милліоновъ рублей. Въ то же время шли быстрые сборы ополченцевъ и ратниковъ въ тѣхъ губерніяхъ, которымъ они Государемъ были разрѣшены (хотя всѣ губерніи желали въ нихъ участвовать). Изо всѣхъ сословій множество людей просилось въ ополченцы и ратники. Свыше трехсотъ тысячъ принято было ихъ на службу.

Но собрать, обучить и вооружить народное ополченіе—все это требовало времени. А между тѣмъ французская армія стремительно и грозно приближалась къ Москвѣ. Платовъ съ казаками,

прикрывавшій отступленіе нашей арміи, нѣсколько разъ выдерживалъ съ успѣхомъ горячія схватки съ французской конницей. Двинувшись съ Волыни въ Гродненскую губернію, генералъ Тормасовъ нанесъ при г. Кобринѣ прямое пораженіе сильному отряду враговъ, взялъ въ плѣнъ двухъ генераловъ, двѣ тысячи солдатъ, захватилъ пушки и знамена. Но главная армія продолжала отступать, упорно уклоняясь отъ рѣшительной битвы, хотя отдѣльныя стычки, иногда очень кровавыя, происходили чуть не каждый день.

Подъ Смоленскомъ произошло первое крупное столкновеніе. Русскій отрядъ, прикрывая отступленіе главныхъ силъ, мужественно выдерживалъ натискъ всей французской арміи, чтобы дать время выйти изъ города войскамъ и обозамъ. Смоленскъ, весь засыпанный ядрами и бомбами, горѣлъ со всѣхъ концовъ, улицы были загромождены обломками разбитыхъ домовъ, тѣлами убитыхъ и раненыхъ. Къ вечеру, когда обозы вышли на свободную дорогу, остатки геройскаго отряда отступили вслѣдъ за главной арміей. Когда они въ послѣдній разъ оглянулись съ глубокой тоскою на пылающій Смоленскъ, изъ полуразрушеннаго города до нихъ донесся звонъ церковныхъ колоколовъ: было 5 августа, канунъ Преображенія Господня, и уцѣлѣвшіе отъ пожара и бомбардировки храмы сзывали немногихъ оставшихся въ городѣ православныхъ на молитву.

8-го августа, на мѣсто нелюбимаго солдатами Барклая, Императоръ назначилъ главнокомандующимъ Кутузова. Въ молодости, сражаясь подъ начальствомъ Суворова, Кутузовъ отличался большою храбростью, былъ весь израненъ въ безчисленныхъ бояхъ. Екатерина Великая и Суворовъ отмѣчали его своимъ особымъ вниманіемъ. Позднѣе Кутузовъ выдвинулся уже, какъ самостоятельный полководецъ, опытный, умный, осторожный и очень хитрый. Наполеонъ слѣдилъ съ любопытствомъ за дѣйствіями Кутузова въ турецкую войну и называлъ его «старой сѣверной лисицей». Но онъ не зналъ еще, что у этой «лисицы» есть львиные когти.

Бородинскій бой и сожженіе Москвы.

Назначеніе Кутузова, заслуженнаго, всѣми уважаемаго и чисто-русскаго по крови и по нраву человѣка, встрѣчено было общей радостью. Его любили, ему вѣрили. Его никто не посмѣлъ бы заподозрѣть въ измѣнѣ.

Принимая начальство надъ арміей, Кутузовъ понималъ, что спасти Москву уже нельзя. Но общее стремленіе къ бою было такъ сильно, такъ горячо, что принять сраженіе стало необходимымъ. Не доходя Москвы, русская армія остановилась и заняла позицію для боя вокругъ села Бородина. Въ ея рядахъ насчитывалось въ это время 120 тысячъ человѣкъ, но значительная часть ихъ состояла изъ новобранцевъ и ополченцевъ, плохо владѣвшихъ оружіемъ и не бывавшихъ еще въ бою. Наполеонъ надвигался на русскихъ съ арміею въ 140 тысячъ. Остальныя силы—наши и вражескія—дѣйствовали особыми арміями и отрядами въ другихъ мѣстахъ.

26-го августа 1812 года разыгрался знаменитый Бородинскій бой. Давно не видано было такого упорнаго и кровопролитнаго сраженія. Съ утренней зари до ночи, среди грохота пушекъ, кипѣла непрерывная битва, чередовались съ обѣихъ сторонъ стремительныя и молодецкія штыковыя атаки, позиціи по нѣскольку разъ переходили изъ рукъ въ руки. Русскіе и французы не уступали другъ другу въ мужествѣ и упорствѣ. Къ ночи десятки тысячъ труповъ покрыли поле битвы.

Русскіе не отступили ни на шагъ передъ бѣшенымъ напоромъ, длившимся цѣлый день, и готовы были продолжать бой. Но Кутузовъ, потерявъ цѣлую треть арміи и лучшихъ своихъ генераловъ, считалъ болѣе осторожнымъ избѣгнуть дальнѣйшаго кровопролитія. Переночевавъ на мѣстѣ битвы и приведя въ порядокъ разстроенные въ бою полки, онъ велѣлъ отступать. У него сложилось окончательное рѣшеніе: Москва должна быть сдана непріятелю, но эта жертва спасетъ Россію. Кутузовъ, хотя и со стѣсненнымъ сердцемъ, но отдалъ приказъ о сдачѣ Москвы. Онъ живо чувствовалъ, какую отвѣтственность передъ Россіей принимаетъ на себя, давая такое распоряженіе.

Русскія войска прошли черезъ Москву и остановились на Калужской дорогѣ.

2-го сентября, Наполеонъ, во главѣ своихъ полковъ, вступилъ въ оставленную Москву. Непривѣтливо приняла враговъ древняя русская столица. Огромный городъ былъ почти пустъ. Всѣ, кто имѣлъ возможность, выѣхали изъ Москвы, не желая оставаться подъ вражеской властью. Барскіе дома всѣ стояли пусты. Казенное имущество вывезено изъ города. Вывезена изъ церквей и монастырей болѣе цѣнная утварь и церковныя облаченія. Никто не вышелъ навстрѣчу побѣдителю, никто не передалъ ему, съ почетомъ, городскихъ ключей. Для Наполеона Москва была пятой столицей, которую онъ занималъ съ бою, и онъ привыкъ встрѣчать въ такихъ слу-

чаяхъ почетъ, раболѣпный страхъ, униженныя просьбы. Пустота Москвы сначала удивила французскаго императора, потомъ испугала.

Упорство русскихъ, не желавшихъ мириться съ его властью, показывало, что война не кончена съ занятіемъ столицы. И вправду, о заключеніи мира никто въ Россіи не думалъ. Солдаты плакали, выступая изъ Москвы. Народъ въ деревняхъ провожалъ проходившія войска причитаніями объ участи столицы. Старикъ Кутузовъ не терялъ бодрости духа и увѣренности въ конечномъ нашемъ успѣхѣ. «Жалко, это правда—говорилъ онъ: но подождите, я ему голову проломаю!» Императоръ Александръ чувствовалъ и думалъ такъ же, какъ весь его народъ. «Если у меня не останется ни одного солдата, я созову мое вѣрное дворянство и крестьянъ, буду самъ предводительствовать ими и скорѣе соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, чѣмъ подпишу стыдъ моего отечества!»—такъ говорилъ Императоръ, такъ писалъ онъ въ своихъ манифестахъ къ народу. Когда Наполеонъ попробовалъ самъ предложить миръ, Александръ не только ничего не отвѣтилъ, но даже запретилъ Кутузову впредь пропускать къ нему французскихъ пословъ или передавать письма отъ Наполеона.

А между тѣмъ положеніе французской арміи становилось съ каждымъ днемъ все хуже. Тяжесть далекаго похода и потери въ Бородинской битвѣ такъ разстроили ее, что о дальнѣйшемъ наступленіи нечего было и думать. Великая армія расположилась въ Москвѣ и около нея. Ей нуженъ былъ отдыхъ. Но его-то и не было. Прошло два дня—и въ городѣ начались пожары. Жители, оставшіеся въ Москвѣ, сами поджигали свои дома, чтобы тѣ не достались врагамъ. Деревянные дома и склады товаровъ запылали, какъ костеръ. Тушить было нечѣмъ: пожарные приборы всѣ были увезены или сломаны, и пожаръ, разносимый вѣтромъ, слился скоро въ море огня, охватившее три четверти Москвы. Самый Кремль загорѣлся, и Наполеонъ, перепуганный и озлобленный, едва успѣлъ пробраться изъ него, среди пылающихъ домовъ, въ загородный Петровскій дворецъ.

Два дня горѣла столица. Когда огонь прекратился, на мѣстѣ цвѣтущаго города дымилось необозримое пожарище. Едва уцѣлѣла четвертая часть домовъ. Великая армія осталась на зиму безъ крова. Въ погребахъ магазиновъ французы награбили много сластей и винъ, но мяса и хлѣба у нихъ почти не было. Уже въ день занятія Москвы для главнаго изъ наполеоновскихъ генераловъ—неаполитанскаго короля Мюрата съ трудомъ нашли гдѣ-то сайку; а скоро и черный хлѣбъ

оказался на исходѣ. Рынокъ былъ пустъ: изъ окрестныхъ деревень никто не привозилъ ничего на продажу.

Наполеонъ велѣлъ забрать все серебро изъ церковной утвари, которое не успѣли увезти. Онъ велѣлъ даже сорвать позолоченный крестъ съ колокольни Ивана Великаго, думая, что онъ золотой. Остатки же погорѣлаго города онъ отдалъ на разграбленіе своимъ солдатамъ. Да они и безъ позволенія начали уже ранѣе грабежъ, отъ котораго удержать не могла ихъ никакая сила. Грабежъ сопровождался страшными насиліями надъ оставшимися въ Москвѣ жителями и святотатственнымъ поруганіемъ церковной святыни. Буйные солдаты превращали храмы въ казармы, изъ иконъ раскладывали костры, въ алтарѣ ставили лошадей, покрывая, вмѣсто попоны, священническими ризами. Можно себѣ представить, какія чувства возбуждало это гнусное кощунство въ русскихъ сердцахъ. Но и для французовъ эти безчинства были гибельны.

Наполеонъ съ ужасомъ видѣлъ, какъ въ арміи падаетъ дисциплина, стройные когда-то полки превращаются въ шайки грабителей и бродягъ. Онъ видѣлъ уже, что спасти себя и армію можно ему только скорымъ заключеніемъ мира. Думая, что взятіе Москвы, хоть въ первую минуту, испугаетъ Императора Александра,—онъ спѣшилъ использовать это впечатлѣніе, пока разстройство его арміи еще не стало извѣстно русскимъ. Недѣлю спустя послѣ занятія Москвы онъ послалъ Государю любезное письмо съ предложеніемъ мира, для котораго—говорилъ онъ—достаточно простой записочки отъ Русскаго Императора. Письмо осталось безъ отвѣта. Это молчаніе было для Наполеона страшнѣе всякой бури.

Голодъ въ Москвѣ усиливался. Попытки насильно собирать продовольствіе по окрестнымъ деревнямъ давали мало добычи. Русскіе, гдѣ не могли защитить, сами увозили или истребляли съѣстные припасы. Отъ русской арміи отдѣлились мелкія партіи, конные отряды гусаръ и казаковъ; подъ начальствомъ испытанныхъ храбрецовъ эти «партизаны» такъ и кружились вокругъ Москвы, захватывали мелкіе французскіе отряды, отбивали обозы, пушки, зарядные ящики. Казаки нѣсколько разъ стремительными наѣздами врывались въ самую Москву, и на ея улицахъ происходили кровавыя схватки. Въ отдаленіи, за подвижной цѣпью партизанскихъ отрядовъ, стояла русская армія; ополченія подходили къ ней со всѣхъ сторонъ; армія, отдыхая, съ каждымъ днемъ становилась все сильнѣе и готовилась къ удару на слабѣющаго, разстроеннаго врага. Между тѣмъ подъ Москвою и въ тылу у французовъ, въ Смоленской губерніи, разгоралась народная война. Озлобленные

нашествіемъ врага, крестьяне вооружились, чѣмъ попало, хватали и били французовъ поодиночкѣ или мелкими отрядами, сами иногда собирались въ дружины, отбивали города, занятые французами, и выдерживали настоящія сраженія съ вражескими войсками. Часто во главѣ такихъ крестьянскихъ дружинъ становились мѣстные помѣщики, иногда отставной офицеръ или предпріимчивый солдатъ, или церковный причетникъ, иногда предводитель выходилъ

Отступленіе французовъ изъ Москвы.

изъ самихъ же крестьянъ. Въ одномъ селѣ, Смоленской губерніи, во главѣ крестьянскаго добровольческаго ополченія стала вдова убитаго французами старосты Василиса.

Вѣсти о надвигавшейся со всѣхъ сторонъ народной войнѣ очень смутили Наполеона. Его войска таяли и падали духомъ со дня на день все больше. Прошелъ мѣсяцъ—и главная русская армія, стоявшая все время на югѣ отъ Москвы, у села Тарутина, Калужской губерніи, зашевелилась. 6 октября Кутузовъ перешелъ въ наступленіе, разбилъ передовые отряды французовъ, причемъ взято было 1.500 плѣнныхъ, и едва не былъ захваченъ самъ неаполи-

танскій король Мюратъ, родственникъ и любимый генералъ Наполеона. Страшное смятеніе охватило французовъ, когда разбитые полки Мюрата бѣглецами явились въ Москву.

Стало ясно, что дальше держаться въ Москвѣ нельзя—и Наполеонъ въ тотъ же день отдалъ приказъ о выступленіи. На прощаніе онъ велѣлъ взорвать на воздухъ Кремль и соборы и сжечь всѣ казенныя зданія. Но взрывъ Кремля былъ неудаченъ, не всѣ мины взорвались. Новодѣвичій монастырь спасенъ былъ монахиней Саррой: она, съ четками въ одной рукѣ и съ ведромъ воды въ другой, сорвала и залила фитиль, уже почти догоравшій до пороха.

Едва стало извѣстно о выступленіи главныхъ силъ Наполеона изъ Москвы, казаки и партизаны со всѣхъ сторонъ начали вступать въ опустѣвшій городъ. Уцѣлѣвшіе жители Москвы плакали отъ радости, когда на улицахъ первопрестольной показались первые русскіе отряды. Остаткамъ французской арміи пришлось торопливо выступать вслѣдъ за главными силами.

Великое дѣло совершилось. Старикъ Кутузовъ, узнавъ о томъ, что французы выступаютъ изъ Москвы, заплакалъ и сказалъ: «Боже, Создатель нашъ! Наконецъ, ты внялъ молитвѣ нашей! Съ этой минуты Россія спасена!»

И вправду, всѣмъ было ясно, что война идетъ къ концу. Французы искали уже не побѣды, а спасенія; но и спасеніе было невозможно. Остатки великой арміи представляли въ это время, по признанію самого Наполеона, какое-то скопище грабителей, одѣтыхъ во-что-попало, лишенныхъ дисциплины; много лошадей пало; солдаты страдали отъ голода. А между тѣмъ за этой голодной, нестройной толпою тянулись огромные обозы, тяжело нагруженные серебромъ и всякой добычею, награбленной въ Москвѣ.

Отчаянная попытка Наполеона пробиться на югъ, на неразоренную дорогу, не удалась. Послѣ ряда жаркихъ схватокъ, сраженій, изъ которыхъ особенно важной была битва подъ Малоярославцемъ, онъ долженъ былъ вернуться на старую, Смоленскую дорогу, уже совершенно опустошенную во время наступленія. Армія Кутузова все время насѣдала на отступавшихъ съ тылу; другіе русскіе отряды надвигались съ юга и съ сѣвера, грозя отрѣзать французамъ путь къ отступленію. Силы французовъ таяли съ каждымъ днемъ. Солдаты, изнемогая отъ усталости, сдавались и поодиночкѣ, и даже цѣлыми отрядами. Партизаны кружились вокругъ, забирая въ плѣнъ отсталыхъ, больныхъ и раненыхъ, которыхъ французы не могли везти съ собою.

До Смоленска дошло всего 50 тысячъ человѣкъ. Здѣсь были брошены почти всѣ пушки и обозы. Еще нѣсколько дней спустя, Наполеонъ велѣлъ сжечь знамена, чтобы они не достались русскимъ. Самъ онъ, боясь попасть въ плѣнъ, со дня выступленія изъ Москвы, всегда носилъ при себѣ ядъ. Въ началѣ ноября завернули жесточайшіе морозы, что было уже окончательной гибелью для плохо одѣтыхъ и не привыкшихъ къ холоду французовъ. Всѣ дороги были покрыты трупами замерзшихъ. Голодъ и отчаяніе доводили солдатъ даже до людоѣдства.

16 ноября, при переправѣ черезъ рѣку Березину, большая половина Наполеонова войска была истреблена или сдалась: у него осталось всего 9 тысячъ изморенныхъ, голодныхъ и оборванныхъ солдатъ. Отступленіе перешло въ прямое бѣгство. Видя, что все гибнетъ, Наполеонъ бросилъ остатки своей разбитой арміи и уѣхалъ спѣшно во Францію—набирать новое войско. Не смотря на ужасающее пораженіе, онъ не упалъ духомъ и разсчитывалъ къ будущему году собрать новую трехсоттысячную армію и возобновить борьбу на жизнь и смерть. Въ декабрѣ 1812 года жалкіе остатки великой арміи—нѣсколько тысячъ оборванныхъ, истощенныхъ бѣглецовъ, безъ обоза и безъ пушекъ и почти безъ оружія—перешли обратно русскую границу.

Слѣдомъ за ними переступила границу стройная и грозная масса нашихъ полковъ. Война переходила на чужую землю. Императоръ Александръ рѣшилъ продолжать борьбу до тѣхъ поръ, пока окончательная гибель Наполеона не обезпечитъ Россіи и Европѣ прочнаго мира.

Расплата за Москву.

Въ короткое время русскіе безъ сопротивленія заняли все Варшавское герцогство и вступили затѣмъ въ нѣмецкую землю. Во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ народъ волновался, порываясь возстать противъ французскаго ига: давно накипѣвшая ненависть къ притѣснителямъ сказывалась такъ явно, что самые нерѣшительные изъ государей были поневолѣ увлечены общимъ воинственнымъ подъемомъ. Пока русскіе были далеко, нѣмецкіе князья, послушные грозному приказу Наполеона, прилежно собирали войска и готовили запасы для новаго похода на Россію. Но приближеніе нашихъ войскъ повсюду вызывало перемѣну настроенія. Нѣмец-

кія государства одно за другимъ отпадали отъ Франціи и соединяли свои войска съ побѣдоносной русской арміей, при которой находился и самъ Императоръ. Народъ всюду встрѣчалъ его, какъ избавителя, и великодушный Александръ не отказывалъ въ помощи тѣмъ самымъ нѣмцамъ, которые годъ назадъ шли, съ оружіемъ въ рукахъ, на русскую землю. Виновными за это страшное дѣло онъ считалъ не нѣмцевъ, даже не французкій народъ, а одного Наполеона. Съ нимъ онъ и велъ безпощадную борьбу.

Пруссія, Австрія, Швеція спѣшили стать на сторону побѣдителя противъ страшнаго еще недавно Наполеона. Но онъ и теперь оставался еще опаснымъ. Доведенный до́ отчаянья, онъ напрягъ всѣ силы и всѣ свои огромныя дарованія для послѣдней борьбы. Людей онъ не жалѣлъ. «Если мнѣ понадобится полмилліона жизней, Франція дастъ мнѣ ихъ безъ ропота» — говорилъ онъ. Со страшнымъ трудомъ и напряженіемъ, забирая даже 15-ти-лѣтнихъ мальчиковъ, онъ въ короткое время составилъ двухсоттысячную армію.

Въ теченіе всего 1813 г. шла упорная война въ Германіи, и не разъ казалось, что успѣхъ клонится снова на сторону Наполеона. Австрія и Пруссія все время колебались и готовы были на примиреніе съ Наполеономъ. Но Императоръ Александръ желѣзною настойчивостью не уступалъ своему грозному противнику. Онъ съумѣлъ удержать своихъ колеблющихся союзниковъ, и война 1813 г. завершилась страшнымъ пораженіемъ, нанесеннымъ Наполеону союзными войсками около города Лейпцига. Въ этой битвѣ у французовъ было 200 тысячъ, у союзниковъ—300 тысячъ солдатъ, собравшихся чуть не со всей Европы. Главные подвиги въ этой «битвѣ народовъ», какъ ее называютъ, совершены были опять русскими войсками, какъ и во всей войнѣ 1813 г.

Въ январѣ 1814 г. арміи союзниковъ вторглись уже во Францію и, не смотря на отчаянное сопротивленіе Наполеона, подступили къ Парижу. Русскіе взяли приступомъ высоты, господствующія надъ городомъ,—и Парижъ, подъ угрозою бомбардировки, сдался. Защищавшее его войско сложило оружіе.

19 марта 1814 г.—торжественный и памятный день въ исторіи Россіи. Императоръ Александръ Первый, въ сопровожденіи австрійскаго императора, прусскаго короля, безчисленной свиты владѣтельныхъ князей, генераловъ, во главѣ своихъ гвардейскихъ полковъ—вступилъ побѣдителемъ въ столицу Франціи. Какъ непохоже было его вступленіе на вступленіе Наполеона въ Москву! Улицы огромнаго города полны были толпами народа, разодѣтаго по праздничному. Всѣ враги Наполеона ликовали, предвидя его

паденіе; французы, истомленные тяжестью перенесенныхъ войнъ, теперь отступились отъ своего, недавно еще любимаго, императора и съ шумной радостью привѣтствовали побѣдителей, вступавшихъ въ сдавшійся городъ.

Восторженное вниманіе жителей столицы Франціи сосредоточено было на Русскомъ Императорѣ, которому принадлежала вся слава упорной борьбы и нелегкой побѣды. Если сдавшійся Парижъ не похожъ былъ на брошенную жителями Москву, то не похожи

Въѣздъ Императора Александра въ Парижъ.

были и русскіе полки на тѣ разнузданныя шайки, которыя грабили русскую столицу, насильничали надъ мирными ея обитателями, ругались надъ русскими святынями и подкладывали бочки съ порохомъ подъ стѣны Кремля. Въ стройномъ порядкѣ проходили побѣдоносныя войска по улицамъ Парижа. Русскій Государь сдержалъ свое слово—онъ воевалъ только съ Наполеономъ, а французамъ онъ несъ не месть, а освобожденіе, миръ и отдыхъ, котораго уже 25 лѣтъ не видала страна. Нескончаемыя войны Наполеона стоили Франціи свыше двухъ милліоновъ жизней.

Только теперь Францiя получала изъ рукъ великодушнаго Русскаго Императора миръ, столь желанный и ей самой, и всей Европѣ. Въ день Свѣтлаго Христова Воскресенья невиданное, трогательное зрѣлище собрало на улицахъ Парижа безчисленныя толпы. На главной площади города, гдѣ 20 лѣтъ назадъ невинно пролилась кровь короля,—православное духовенство, въ присутствiи Русскаго Царя, его свиты и гвардiи, совершало торжественное богослуженiе: возстановленiе мира во Францiи начиналось молитвой, искупающей страшный грѣхъ цареубiйства, съ котораго начались для Францiи всѣ ея несчастья и бѣды.

Въ дальнѣйшихъ переговорахъ и распоряженiяхъ о судьбѣ побѣжденной Францiи главный голосъ принадлежалъ, конечно, Русскому Императору. По его настоянiю, Наполеонъ принужденъ былъ отречься отъ императорской власти, и французскiй тронъ вернулся къ законной династiи. Государствамъ Европы, находившимся въ зависимости отъ Наполеона, возвращена была свобода. Россiя за это время прiобрѣла неувядаемую славу, имя великодушнаго Императора Александра было на устахъ всего свѣта.

Земельныя прiобрѣтенiя Россiи ограничились присоединенiемъ большей части Варшавскаго герцогства, созданнаго Наполеономъ въ 1807 г. и занятаго уже въ 1813 г. русскими войсками. Это герцогство съ бывшею новою польскою столицею Варшавою переименовано было въ Царство Польское и съ этой поры навсегда вошло нераздѣльною частью въ составъ Имперiи Всероссiйской.

Въ Царствѣ Польскомъ, кромѣ коренного населенiя—поляковъ, проживаетъ много евреевъ. Нѣсколько же восточныхъ уѣздовъ Люблинской и Сѣдлецкой губернiй съ г. Холмомъ населены русскими. Въ то время, когда образовывалось и присоединялось къ Россiи Царство Польское, русскiе люди указанной мѣстности, для краткости называемой Холмщиной, давно уже увлечены были изъ православiя въ унiю. Только Яблочинскiй Онуфрiевскiй монастырь (Сѣдлецкой губ.) стоялъ здѣсь несокрушимой твердыней православiя.

Императоръ Александръ по своему великодушiю далекъ былъ отъ мысли мстить полякамъ западнаго края, примкнувшимъ съ полной готовностью къ войскамъ Наполеона, за ту вражду, какую они проявили къ Россiи въ 1812 году. Изгоняя изъ Россiи французовъ, Императоръ Александръ, въ бытность свою въ Вильнѣ, еще въ концѣ 1812 г. обнародовалъ манифестъ о дарованiи полнаго прощенiя тѣмъ своимъ подданнымъ-полякамъ, которые измѣнили ему, перейдя на сторону Наполеона. Что же касается новыхъ его

подданныхъ въ Царствѣ Польскомъ, то онъ даровалъ имъ самоуправленіе, оставилъ въ дѣйствіи ихъ мѣстные законы, во многомъ отличные отъ законовъ Россійской Имперіи; разрѣшилъ имъ даже имѣть особую казну и особое войско. Наконецъ, для участія населенія въ изданіи законовъ Императоръ Александръ учредилъ въ Варшавѣ особый сеймъ народныхъ представителей, по подобію стараго польскаго сейма. Словомъ, Русскій Государь явилъ полякамъ въ Царствѣ Польскомъ необычайныя доброту и милость.

Когда общій совѣтъ европейскихъ государей, собравшихся въ столицѣ Австріи—Вѣнѣ въ 1815 г., закрѣпилъ договорами возстановленный въ Европѣ законный распорядокъ,—побѣдоносныя русскія войска стали возвращаться въ родные предѣлы.

Кончилась страшная борьба. Путь отъ Москвы до Парижа былъ залитъ русскою кровью и усѣянъ русскими костями. Зато, спасая честь и независимость родной страны, Русскій Царь и русскій народъ свершили и другое великое дѣло: дали миръ и свободу всѣмъ европейскимъ народамъ, избавивъ ихъ отъ тяготѣвшаго надъ всей Европою Наполеонова ига. Этотъ великій подвигъ— безсмертная заслуга русскаго народа въ исторіи Европы.

Благодарные русскіе люди наименовали Императора Александра Перваго Благословеннымъ. Безъ Божіей милости и чудесной помощи Россія не могла бы преодолѣть нашествія вторгшихся въ нее полчищъ Наполеона, составленныхъ изъ народовъ всей Европы. Въ благодарственное молитвенное воспоминаніе объ этомъ Православная Церковь ежегодно 25 декабря, въ день Рождества Христова, творитъ во всѣхъ храмахъ земли русской особое молитвословіе по поводу избавленія Отечества отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти языковъ. Самъ Благословенный Государь въ дивныхъ дѣлахъ своего царствованія видѣлъ особый перстъ Божій: «Не намъ, не намъ, но Имени Твоему»—велѣлъ онъ выбить на медаляхъ въ память двѣнадцатаго года.

Первою мыслью его послѣ освобожденія Россіи отъ враговъ было приступить къ сооруженію въ Москвѣ храма во Имя Христа Спасителя. Въ Петербургѣ же имъ сооруженъ Казанскій соборъ: къ находящейся въ немъ чудотворной Казанской иконѣ Божіей Матери прибѣгаютъ съ молитвою наши Государи во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни. Серебряный иконостасъ этого собора сдѣланъ изъ серебра, отбитаго донскими казаками у французовъ. Въ этомъ же соборѣ погребенъ, по волѣ Императора Александра, Кутузовъ. Счастливому побѣдителю Наполеона—

Кутузову тутъ же на правой сторонѣ площади воздвигнутъ памятникъ. Другой памятникъ на лѣвой сторонѣ той же площади поставленъ генералу Барклаю, подготовившему осторожнымъ и тяжкимъ для него самого отступленіемъ побѣду.

Заботы о внутреннемъ благоустройствѣ государства.

Большая часть царствованія Александра Благословеннаго прошла среди великихъ войнъ, всѣ силы русскаго народа были направлены на борьбу съ Наполеономъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Государь находилъ время и для заботъ объ упорядоченіи внутренняго управленія Имперіей. Уже вскорѣ послѣ вступленія своего на Престолъ онъ окончательно уничтожилъ пытки при судебномъ разбирательствѣ. Особенно важны его мѣропріятія относительно крестьянскаго сословія: какъ и его державная бабка—Великая Екатерина, Александръ былъ противникомъ крѣпостного права, и въ дѣлѣ его ограниченія имъ было сдѣлано не мало. Надо, впрочемъ, замѣтить, что началось уменьшеніе крѣпостной тяготы еще въ кратковременное царствованіе его отца—Императора Павла, который издалъ указъ о трехдневной барщинѣ: по этому указу крестьяне тамъ, гдѣ была барщина, должны были работать на помѣщиковъ только три дня въ недѣлю.

При Императорѣ Александрѣ Первомъ прекратилась раздача земель, населенныхъ государственными крестьянами. Благодаря этому, количество крѣпостныхъ крестьянъ не могло теперь значительно увеличиваться. Затѣмъ, въ 1803 г. Императоръ издалъ законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Появился этотъ важный законъ по слѣдующему поводу. Одинъ изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ людей того времени графъ Румянцевъ обратился къ Государю съ просьбой разрѣшить ему отпустить на волю своихъ крестьянъ, надѣливъ ихъ землею. Въ отвѣтъ на эту просьбу и послѣдовалъ указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, то есть такихъ крестьянахъ, которые, выйдя изъ крѣпостной зависимости, получали за извѣстную плату или на извѣстныхъ условіяхъ, по добровольному соглашенію со своими помѣщиками, землю.

Правда, далеко не многіе помѣщики послѣдовали примѣру графа Румянцева, и только около 50 тысячъ крѣпостныхъ въ царствованіе Александра Перваго стали свободными хлѣбопашцами; но это мѣропріятіе важно тѣмъ, что съ высоты Престола предука-

зывалось будущее великое дѣло—освобожденіе крестьянъ съ землею. Къ этому времени въ государствахъ Западной Европы крестьяне вышли уже изъ крѣпостной зависимости, но при этомъ они получили только личную свободу и не были надѣлены землею. На этихъ же основаніяхъ были освобождены отъ крѣпостной зависимости и крестьяне въ Царствѣ Польскомъ, а также въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ.

Не менѣе важныя мѣры были осуществлены Императоромъ Александромъ въ дѣлѣ высшаго управленія. Императрица Екатерина измѣнила и улучшила мѣстныя губернскія учрежденія, но высшее управленіе находилось попрежнему въ рукахъ коллегій. Опытъ однако показалъ, что коллегіальное управленіе, т. е. рѣшеніе дѣлъ нѣсколькими лицами, является не всегда удобнымъ: въ такихъ учрежденіяхъ дѣла рѣшаются медленнѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ дѣло находится въ рукахъ одного отвѣтственнаго распорядителя. Это и побудило Императора Александра уничтожить коллегіи и замѣнить ихъ въ 1802 году министерствами, во главѣ которыхъ стояли министры, отвѣтственные передъ Государемъ за дѣятельность своихъ вѣдомствъ.

Сначала министерствъ было восемь, а затѣмъ число ихъ увеличилось до 11. Для рѣшенія тѣхъ дѣлъ, которыя касались нѣсколькихъ вѣдомствъ, министры собирались вмѣстѣ въ такъ называемомъ комитетѣ министровъ.

Всѣ новые законы и важныя мѣропріятія, прежде чѣмъ они представлялись на утвержденіе Государю, должны были съ 1803 года подвергаться обсужденію въ особомъ высшемъ учрежденіи—государственномъ совѣтѣ. Этотъ совѣтъ первоначально состоялъ изъ 35 членовъ, которыхъ назначилъ Государь изъ наиболѣе достойныхъ и заслуженныхъ высшихъ сановниковъ. Кромѣ разсмотрѣнія новыхъ законовъ, государственный совѣтъ обсуждалъ еще смѣту государственныхъ доходовъ и расходовъ на каждый годъ впередъ (такъ называемый бюджетъ).

Во всѣхъ этихъ преобразованіяхъ Государю помогалъ выдающійся по уму сотрудникъ—Сперанскій, сынъ бѣднаго священника Владимірской губерніи.

У Императора Александра являлась мысль привлечь къ содѣйствію себѣ въ разрѣшеніи дѣлъ законодательства и выборныхъ отъ населенія. Но тяжелыя войны не допустили осуществить это. Притомъ же передъ Русскими Самодержцами лежала еще другая важная забота: освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Причемъ, въ отличіе отъ Западной Европы, Русскіе Госу-

дари ставили себѣ задачей не только даровать свободу крестьянамъ, но и надѣлить ихъ на необременительныхъ условіяхъ землей, дабы крестьяне могли стать самостоятельными хозяевами, а не безземельными батраками.

Учрежденіе министерствъ и государственнаго совѣта имѣло хорошія послѣдствія: дѣла законодательства и управленія пошли быстрѣе, и самое управленіе было поставлено болѣе твердо и единообразно.

На ряду съ преобразованіемъ государственныхъ учрежденій, нельзя не отмѣтить весьма благотворной дѣятельности Императора на пользу просвѣщенія. До него въ Россіи не было особаго высшаго учрежденія, которое бы вѣдало всѣмъ народнымъ образованіемъ; Императоръ же Александръ создалъ особое министерство народнаго просвѣщенія. Затѣмъ, при немъ на народное образованіе стали отпускать болѣе денежныхъ средствъ, благодаря чему увеличилось и число учебныхъ заведеній. Вмѣсто Екатерининскихъ главныхъ и малыхъ народныхъ училищъ, въ губернскихъ городахъ были учреждены гимназіи, а въ уѣздныхъ городахъ—уѣздныя и приходскія училища. Кромѣ уже существовавшаго Московскаго университета были открыты три новыхъ—въ Харьковѣ, Казани и Петербургѣ. Сильно развилось подъ ближайшимъ попеченіемъ матери Государя, Императрицы Маріи Ѳеодоровны, женское образованіе: явилось нѣсколько новыхъ институтовъ въ Москвѣ и другихъ городахъ. Новое лучшее устройство получили и духовныя школы: академіи (С.-Петербургская, Московская и Кіевская), семинаріи и училища. Былъ основанъ Императорскій Александровскій лицей, первоначально въ Царскомъ Селѣ—любимомъ мѣстопребываніи Государя. Въ этомъ лицеѣ получилъ образованіе,—наша русская гордость,—великій поэтъ Пушкинъ. Второй лицей былъ основанъ въ Ярославлѣ на средства Демидова, а третій въ Нѣжинѣ на средства графа Безбородко: въ Нѣжинѣ учился другой великій писатель—Гоголь.

Главнѣйшая литературная дѣятельность Пушкина и всѣ произведенія Гоголя относятся уже ко времени царствованія Императора Николая Перваго. Но и Александръ могъ гордиться такими писателями своего царствованія, какъ баснописецъ Крыловъ, знакомый съ дѣтства всякому русскому, какъ поэтъ Жуковскій и историкъ Карамзинъ. Карамзинъ началъ свою литературную дѣятельность еще при Императрицѣ Екатеринѣ Второй: онъ писалъ повѣсти, разсказы, издавалъ журналы. Но съ теченіемъ времени онъ все болѣе и болѣе сосредоточился на изученіи прошлой жизни русскаго народа.

Въ 1816 году Карамзинъ издалъ первые восемь томовъ своей «Исторіи Государства Россійскаго». Писалъ онъ свое произведеніе, проникнутое глубокой любовью къ родному прошлому, во время великой борьбы русскаго народа съ страшнымъ западнымъ завоевателемъ. До Карамзина многіе и образованные русскіе люди плохо знали прошлое своей родины. Карамзинъ, можно сказать, открылъ имъ глаза на это прошлое: они увидѣли, какихъ великихъ государей имѣла наша страна, какіе высокіе подвиги самопожертвованія совершались нашимъ народомъ, какъ, наконецъ, наши предки въ тѣсномъ единеніи со своими самодержавными государями, посреди тяжкихъ испытаній, создавали будущую крѣпость и мощь Русскаго государства. Все это побуждало гордиться родной землей и еще больше любить ее.

Въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра здоровье его все болѣе и болѣе ухудшалось, онъ чувствовалъ себя утомленнымъ дѣлами и той тяжелой борьбой, которую ему пришлось вынести съ Наполеономъ. У него возникала даже мысль объ отреченіи отъ Престола. Дѣтей у Государя не было, и поэтому Наслѣдникомъ являлся его братъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, но тотъ не считалъ себя въ силахъ принять нелегкое бремя царской власти и заранѣе отказался отъ правъ на Престолъ. Тогда Наслѣдникомъ Престола становился другой братъ Императора (третій сынъ Императора Павла)—Великій Князь Николай Павловичъ.

За нѣсколько лѣтъ до смерти Императоръ Александръ подписалъ манифестъ о томъ, что послѣ него Престолъ, въ виду отказа Константина Павловича, долженъ занять Николай Павловичъ. Но манифестъ этотъ почти для всѣхъ, въ томъ числѣ и для самого будущаго Императора, остался неизвѣстнымъ. Государь, повидимому, хотѣлъ обнародовать его впослѣдствіи, но не успѣлъ этого исполнить.

Наконецъ, разстроенное здоровье Императора было сильно подорвано исключительнымъ по своимъ размѣрамъ наводненіемъ въ Петербургѣ 7 ноября 1824 года. Такого сильнаго наводненія не было ни до, ни послѣ того: значительная часть города оказалась подъ водою; множество людей погибло. Государь лично распоряжался спасеніемъ погибавшихъ, разъѣзжая въ катерѣ по улицамъ Петербурга. Онъ говорилъ, что, побывавъ во многихъ сраженіяхъ, не видалъ ничего болѣе ужаснаго, чѣмъ это бѣдствіе. Лѣтомъ слѣдующаго года Государь рѣшилъ отправиться въ Таганрогъ, разсчитывая укрѣпить здоровье свое и недомогавшей Императрицы Ели-

заветы Алексѣевны въ болѣе мягкомъ климатѣ. Въ Таганрогѣ и Императрица, и Государь стали чувствовать себя значительно лучше.

Императоръ не оставлялъ заботъ о государственныхъ дѣлахъ и рѣшилъ воспользоваться наступившимъ облегченіемъ, чтобы обозрѣть Севастополь и другіе крымскіе города. Въ Крыму онъ сильно простудился и вернулся въ Таганрогъ совсѣмъ уже больнымъ. 19 ноября 1825 г. Императора Александра Благословеннаго,—избавителя Россіи и спасителя Европы отъ Наполеонова ига,—уже не было въ живыхъ.

Памятникъ Императору Александру Первому на площади передъ Зимнимъ дворцомъ.

Исаакіевскій соборъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

Вступленіе на Престолъ.

Когда въ столицу пришла вѣсть о кончинѣ Императора Александра, то Великій Князь Николай Павловичъ, не освѣдомленный о манифестѣ покойнаго Государя, возвѣщавшемъ отреченіе Цесаревича Константина отъ Престола и переходъ правъ на Престолъ къ нему, послѣ первой панихиды, тотчасъ же торжественно принесъ присягу, со всѣми его окружавшими, Константину Павловичу. Между тѣмъ былъ распечатанъ пакетъ съ собственноручной надписью Императора Александра «вскрыть послѣ моей смерти», въ которомъ оказалось оповѣщеніе о переходѣ Престола къ Великому Князю Николаю Павловичу. Однако Великій Князь, не имѣя подтвержденія отъ Цесаревича Константина объ его отреченіи, отказался вступить на Престолъ и уговаривалъ принести присягу Константину Павловичу. Такая присяга была принесена жителями Петербурга, а сенатъ разослалъ по Имперіи указы о приведеніи къ ней же населенія всей Россіи.

Когда о происшедшемъ въ Петербургѣ стало извѣстно Константину Павловичу, бывшему намѣстникомъ въ Варшавѣ, то онъ съ

своей стороны присягнулъ на вѣрность Императору Николаю Павловичу и отправилъ въ Петербургъ письма къ матери и брату, подтверждая безусловное свое рѣшеніе объ отказѣ отъ Престола.

Письма эти были получены въ Петербургѣ 12 декабря. И только тогда Николай Павловичъ рѣшилъ принять Царскую власть.

Обстоятельства, при которыхъ новый Императоръ принялъ въ свои руки бразды верховной власти, были тяжелыя. Населеніе только-что принесло присягу Константину Павловичу и не знало объ его отреченіи; теперь же народъ призывали присягать Императору Николаю Павловичу. Это должно было смутить народъ и войска, чѣмъ и воспользовались нѣкоторыя лица.

Еще въ царствованіе Императора Александра Перваго нѣкоторые молодые офицеры и дворяне, побывавшіе за границей во время войнъ съ Наполеономъ, стали увлекаться мечтами о возможности установленія въ Россіи такихъ же порядковъ управленія и государственнаго строя, какіе существовали въ иныхъ государствахъ на Западѣ. Для достиженія этой цѣли они образовали тайное общество. Увлекаясь своими мечтами, они упускали изъ вида ту разницу, которая существовала между развитіемъ и всѣмъ жизненнымъ укладомъ русскаго народа и тѣхъ народовъ Запада, которыхъ они ставили себѣ за образецъ для подражанія. На ряду съ мыслями объ уничтоженіи крѣпостной зависимости крестьянъ, у нѣкоторыхъ изъ нихъ были намѣренія не только ограничить, но даже вовсе уничтожить Царскую власть, съ которой искони сроднился русскій народъ, а родину раздробить на нѣсколько отдѣльныхъ частей. Иные же заговорщики, для достиженія своихъ цѣлей, не погнушались вступить въ соглашеніе съ поляками, которые желали отложиться отъ Россіи и захватить Малороссію и Бѣлоруссію.

Создавшееся послѣ смерти Императора Александра Павловича положеніе показалось этимъ заговорщикамъ наиболѣе удобнымъ для приведенія своихъ замысловъ въ исполненіе.

14 декабря, въ день, назначенный въ Петербургѣ для принесенія присяги Императору Николаю, лица эти, получившія впослѣдствіи названіе декабристовъ, рѣшили смутить войска. Они думали обмануть солдатъ и народъ, увѣряя ихъ, что Цесаревичъ Константинъ не отрекся отъ Престола, и что Николай Павловичъ неправильно хочетъ его занять.

Молодой Императоръ въ тяжелый день 14 декабря по рѣшимости и силѣ духа оказался вполнѣ достоинъ того великаго сана, который ему суждено было принять. Утромъ манифестъ о вступленіи на Престолъ былъ обнародованъ: большинство гвардіи, несмотря на ста-

ранія заговорщиковъ, присягнуло Императору Николаю Павловичу; только меньшую часть войскъ заговорщикамъ удалось увлечь на сенатскую площадь, куда собрались и главнѣйшіе изъ нихъ.

Императоръ былъ проникнутъ горячимъ желаніемъ образумить заблудшихъ и безъ кровопролитія возстановить порядокъ.

Славный герой 12-го года, генералъ-губернаторъ Петербурга Милорадовичъ, по повелѣнію Государя, отправился на сенатскую площадь. Прибытіе любимаго солдатами генерала и его команда «смирно» установили тишину. Милорадовичъ обратился къ солдатамъ съ пламенной рѣчью. Убѣдительныя слова любимаго командира произвели хорошее дѣйствіе: солдаты уже съ криками «ура» готовы были идти за нимъ, какъ вдругъ пуля одного предателя, переодѣтаго солдатомъ, сразила героя Отечественной войны, который оставался невредимымъ отъ вражескихъ пуль въ 50 сраженіяхъ. Тяжело раненаго генерала унесли на рукахъ съ площади, и черезъ нѣсколько часовъ онъ въ сильныхъ мученіяхъ скончался. Утѣшеніемъ для него было сознаніе, что онъ умираетъ за своего Государя и что злодѣй, его смертельно ранившій, не былъ солдатъ.

Пробовали уговаривать мятежниковъ и митрополитъ Серафимъ, и младшій братъ Государя Михаилъ Павловичъ, но безуспѣшно. И только когда мятежники сами начали пальбу, Императоръ приказалъ стрѣлять по нимъ. Двухъ, трехъ картечныхъ выстрѣловъ оказалось достаточнымъ, чтобы разсѣять мятежниковъ. Къ вечеру всѣ главные зачинщики были схвачены.

Для разслѣдованія дѣла была учреждена Верховная слѣдственная коммисія, которая привлекла къ отвѣтственности 121 заговорщика. Они были преданы суду, который приговорилъ болѣе половины изъ нихъ къ смертной казни; но Государь смягчилъ приговоръ, и только пятеро наиболѣе виновныхъ были казнены, остальные же сосланы.

Какое впечатлѣніе произвели на молодого Императора тяжелыя событія перваго дня его царствованія,—лучше всего видно изъ разговора Государя, черезъ нѣсколько дней послѣ этого, съ французскимъ посломъ: «Душа моя, говорилъ онъ, глубоко опечалена совершившимся. Но я имѣлъ утѣшеніе получить множество выраженій преданности и убѣдиться въ горячей любви къ отечеству населенія, искупившихъ стыдъ и позоръ, которые горсть злодѣевъ пыталась возвести на русскій народъ».

Дѣла законодательства и управленія.

Мужество и твердость, которыя проявилъ Императоръ Николай Павловичъ при вступленіи на Престолъ, отличали все его тридцатилѣтнее царствованіе.

Прямота и искренность Государя во всѣхъ дѣлахъ сглаживали ту суровость характера, которую находили у него люди, мало его знавшіе. Конечно, Императоръ, самъ строго относившійся къ своимъ обязанностямъ и смотрѣвшій на Царскую власть, какъ на службу Россіи, требовалъ и отъ подданныхъ неукоснительнаго повиновенія и исполненія долга; но суровости, а тѣмъ болѣе жестокости, въ немъ не было. Онъ былъ сердеченъ, что особенно проявлялось въ отношеніяхъ къ дѣтямъ. Сохранились многочисленные разсказы о томъ, какъ задушевно обращался Императоръ съ воспитанниками учебныхъ заведеній: нерѣдко игралъ съ ними, причемъ мальчики забывали, что передъ ними Самодержавный Монархъ, повелитель величайшей Имперіи.

Николай Павловичъ стремился непосредственно знакомиться съ государственными дѣлами и изучалъ ихъ во всѣхъ подробностяхъ. Поэтому при немъ получила большое развитіе «Собственная Его Императорскаго Величества канцелярія». Она существовала и раньше, но завѣдывала только личной перепиской Государя. При Императорѣ же Николаѣ переписка составила лишь часть обязанностей канцеляріи по первому отдѣленію. Образованное же вновь второе отдѣленіе призвано было вѣдать дѣла законодательства; третье—сосредоточило у себя высшій полицейскій надзоръ; наконецъ, четвертое отдѣленіе было учреждено для завѣдыванія всѣми благотворительными и просвѣтительными учрежденіями матери Государя—Императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая въ царствованія своего супруга—Императора Павла Петровича и обоихъ сыновей сдѣлала очень многое въ области призрѣнія, благотворительности и женскаго образованія. Учрежденія эти, развиваясь и расширяясь, существуютъ и нынѣ, образуя вѣдомство Императрицы Маріи.

Особенно важное значеніе въ царствованіе Николая Перваго получило второе отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи. Еще въ началѣ царствованія Императоръ говорилъ, что желаетъ въ основу государственнаго строя и управленія положить опредѣлительность и силу законовъ. Молодой Государь видѣлъ, какъ медленно вершились у насъ въ то время дѣла, какъ много несправедливостей и обидъ причинялось населенію, и главнымъ обра-

вомъ потому, что со времени Царя Алексѣя Михайловича вновь издаваемые законы не приводились въ порядокъ и необходимое

Императоръ Николай Первый.

между собою согласованіе. Государи обращали вниманіе на это; Екатерина Великая даже созвала особую комиссію для составленія Уложенія, но довести дѣло до конца не пришлось.

Императоръ Николай поставилъ на первую очередь упорядоченіе законодательства. И желѣзная воля Императора служила надежной порукой, что это дѣло будетъ завершено. Онъ принялъ изданіе полнаго собранія законовъ въ свое непосредственное вѣдѣніе и ближайшее его исполненіе поручилъ уже извѣстному намъ Сперанскому.

Приступая къ этому сложному труду, Сперанскій предложилъ Государю: или составить новые законы, независимо отъ существующихъ, или сначала собрать всѣ изданныя со временъ Соборнаго Уложенія Царя Алексѣя Михайловича узаконенія, а затѣмъ уже выбрать изъ нихъ тѣ, что отвѣчаютъ потребностямъ даннаго времени, дополнивъ и выправивъ остальные. Государь одобрилъ второе предложеніе: онъ ясно понималъ, что неудача предшествующихъ попытокъ происходила оттого, что составители желали сочинять новые законы, не считаясь съ существующими. Предложеніе это было одобрено и такимъ знатокомъ нашего прошлаго, какъ историкъ Карамзинъ.

Сперанскій и его сотрудники оправдали высокое довѣріе Государя: черезъ четыре года работа по собранію законовъ была окончена, и Сперанскій въ 1830 году имѣлъ счастье представить Государю 45 томовъ «Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи», въ которомъ заключалось болѣе 30 тысячъ законовъ, начиная съ «Соборнаго Уложенія».

Первая часть работы была исполнена. Предстояло выполнить вторую, то есть разобрать множество узаконеній, выбрать изъ нихъ тѣ законы, которые и впредь должны были сохранять силу и, наконецъ, распредѣлить ихъ въ правильномъ и удобномъ порядкѣ. И эта работа была исполнена весьма быстро: черезъ три года появился «Сводъ Законовъ Россійской Имперіи» въ 15 томахъ. Послѣ этого всѣ вновь издаваемые законы должны были быть ежегодно печатаемы въ продолженіяхъ «Свода».

«Сводъ» былъ разосланъ во всѣ правительственныя учрежденія Имперіи и поступилъ въ продажу, такъ что отнынѣ всякій могъ пользоваться въ своихъ дѣлахъ Сводомъ Законовъ, и злоупотребленія стали затруднительнѣе.

За большія заслуги въ дѣлѣ изданія какъ «Полнаго Собранія», такъ и «Свода» Сперанскій получилъ графскій титулъ.

Вторымъ по важности дѣломъ Императора Николая въ области внутренняго устроенія государства было улучшеніе нашего денежнаго хозяйства.

Еще въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой правительство, нуждаясь въ средствахъ, прибѣгло къ значительному выпуску бумажныхъ денегъ, или такъ называемыхъ ассигнацій. Вначалѣ ассигнаціонные рубли были одной стоимости съ серебряными, но затѣмъ цѣнность ихъ стала уменьшаться, и ко времени царствованія Императора Николая ассигнаціонный рубль былъ уже почти въ четыре раза дешевле серебрянаго. Произошло это оттого, что бумажныхъ рублей выпущено было слишкомъ много, для покрытія громадныхъ издержекъ, вызванныхъ многочисленными и долгими войнами.

Императоръ Николай Павловичъ, по вступленіи на Престолъ, обратилъ вниманіе на неудовлетворительное состояніе нашихъ финансовъ и поручилъ ихъ улучшеніе графу Канкрину, который и съумѣлъ въ сравнительно короткое время увеличить въ казнѣ наличіе золота и серебра, необходимое для безпрепятственнаго обмѣна бумажныхъ денегъ. Затѣмъ, постепенно ассигнаціонные рубли были замѣняемы новыми бумажными деньгами—кредитными билетами. Было обращено также вниманіе на развитіе промышленности и хорошихъ путей сообщенія—появились первыя въ Россіи желѣзныя дороги: въ 1837 году была открыта Царскосельская желѣзная дорога, а незадолго до смерти Императора началось движеніе и по желѣзной дорогѣ между Петербургомъ и Москвою, которая теперь и называется Николаевской.

Въ положеніи сословій въ царствованіе Николая Перваго не произошло какихъ-нибудь коренныхъ измѣненій. Крѣпостное состояніе крестьянъ, жившихъ на земляхъ помѣщиковъ, попрежнему сохранялось. Но Императоръ Николай много думалъ объ измѣненіи его къ лучшему. Въ указѣ, изданномъ въ первые же мѣсяцы царствованія, онъ предписывалъ помѣщикамъ христіанское и сообразное съ закономъ обращеніе съ крестьянами. Черезъ годъ по вступленіи на Престолъ, 6 декабря 1825 года, онъ учредилъ изъ высшихъ сановниковъ комитетъ, которому поручилъ изысканіе мѣръ къ улучшенію положенія помѣщичьихъ крестьянъ. Этотъ комитетъ мало что сдѣлалъ: среди приближенныхъ Государя немного было лицъ, сочувствовавшихъ ему въ крестьянскомъ вопросѣ.

Въ 1842 году, когда въ государственномъ совѣтѣ обсуждался вопросъ объ обязанныхъ крестьянахъ, Государь сказалъ: «Крѣпостное право, въ нынѣшнемъ его у насъ положеніи, есть зло всѣмъ ощутительное и очевидное».

Въ теченіе своего царствованія Николай Павловичъ учредилъ еще нѣсколько комитетовъ по крестьянскому дѣлу. Ничего суще-

ственнаго и эти комитеты не принесли. Но все-же Государю удалось осуществить нѣсколько подготовительныхъ мѣръ для послѣдующаго освобожденія крестьянъ: такъ, крестьяне получили право покупать съ разрѣшенія помѣщиковъ землю въ свою личную собственность; было запрещено продавать крестьянъ по частнымъ взысканіямъ съ ихъ помѣщиковъ, отдѣльно отъ семейства, какъ съ землею, такъ и безъ земли; затѣмъ, крестьяне, съ разрѣшенія помѣщика и по особому съ нимъ договору, получили право пріобрѣтать землю въ свое постоянное пользованіе за опредѣленныя повинности. Такіе крестьяне стали называться «обязанными».

Государь не только не раздавалъ частнымъ лицамъ казенныхъ имѣній съ крестьянами, но еще велѣлъ покупать въ казну имѣнія разорившихся помѣщиковъ, бывшіе крѣпостные которыхъ, такимъ образомъ, превращались въ государственныхъ крестьянъ. Бѣглыхъ крѣпостныхъ, ушедшихъ на окраины (въ Новороссію, Бессарабію и т. п.), правительство оставляло на свободѣ, вознаграждая за нихъ помѣщиковъ. Императоръ очень скорбѣлъ о прибалтійскихъ крестьянахъ, освобожденныхъ до него тамошними помѣщиками безъ земли, и рѣшительно заявилъ, что никогда не допуститъ въ Россіи безземельнаго освобожденія крестьянъ.

Императоръ Николай до конца дней своихъ не переставалъ стремиться къ тому, чтобы своими мѣропріятіями облегчить для своего преемника окончательное рѣшеніе крестьянскаго дѣла: «Я долженъ—говорилъ онъ—передать это дѣло сыну съ возможнымъ облегченіемъ для его разрѣшенія».

Но, если для крестьянъ крѣпостныхъ было сдѣлано сравнительно немного, зато Императоръ Николай Павловичъ можетъ поистинѣ быть названъ благодѣтелемъ крестьянъ государственныхъ, которыхъ въ ту пору было около 8 милліоновъ.

Для завѣдыванія казенными землями и крестьянами, жившими на нихъ, было учреждено особое министерство государственныхъ имуществъ, во главѣ котораго былъ поставленъ графъ Киселевъ, благороднѣйшій человѣкъ того времени. Графъ дѣятельно занялся благоустройствомъ государственныхъ крестьянъ, и его мѣры всегда встрѣчали поддержку и одобреніе Государя.

До графа Киселева государственные крестьяне были обременены множествомъ тяжелыхъ повинностей. На нихъ почти однихъ лежала забота о починкѣ и содержаніи дорогъ, мостовъ и т. п. Крѣпостные крестьяне часто, благодаря просьбамъ своего вліятельнаго помѣщика, освобождались отъ этихъ повинностей. Киселевъ,

прежде всего, избавилъ государственныхъ крестьянъ отъ такой несправедливости. Затѣмъ, онъ сталъ постепенно переводить ихъ на оброчное положеніе. Наконецъ, они получили право рѣшать многія дѣла сами, черезъ своихъ выборныхъ. Государственные крестьяне стали раздѣляться на волости, которыя дѣлились на сельскія общества, выбиравшія старость, сотскихъ и прочихъ сельскихъ властей. Вообще устройство государственныхъ крестьянъ при Николаѣ Павловичѣ напоминаетъ то устройство, которое получили впослѣдствіи крѣпостные послѣ своего освобожденія.

Надо замѣтить, что заботливость Императора Николая о государственныхъ крестьянахъ шла еще дальше: не были забыты и ихъ духовныя потребности—во многихъ деревняхъ государственныхъ крестьянъ были устроены сельскія школы.

Изъ другихъ сторонъ внутренней дѣятельности Императора нельзя еще не отмѣтить его заботы о чиновникахъ. Послѣдніе, часто служа до глубокой старости и получая весьма маленькое содержаніе, бѣдствовали и не всегда удерживались отъ предлагаемыхъ имъ взятокъ. Императоръ въ заботахъ о служащихъ уже черезъ два года послѣ вступленія на Престолъ издалъ законъ о пенсіяхъ за 35-лѣтнюю безпорочную службу. Къ людямъ, служащимъ вѣрой и правдой, хотя бы и занимавшимъ маленькое мѣсто, Императоръ относился съ большой сердечностью. Однажды въ морозъ онъ увидалъ чиновника, который шелъ въ одномъ сюртукѣ; узнавъ, что у того только одна и при томъ плохая шинель, которая находилась въ починкѣ, Императоръ прислалъ бѣдному чиновнику въ тотъ же день новую хорошую шинель. Узнавъ затѣмъ, что этотъ чиновникъ служитъ исправно, Государь велѣлъ увеличить ему жалованье.

Въ другой разъ, идя по Невскому проспекту, Государь увидѣлъ бѣдныя дроги съ гробомъ, тащившіяся на кладбище. За гробомъ не было никого провожатыхъ. Освѣдомившись, что хоронятъ бѣднаго чиновника, прослужившаго вѣрой и правдой 25 лѣтъ, Императоръ пошелъ за гробомъ. Видя Государя, слѣдующаго за гробомъ, многіе стали присоединяться къ погребальному шествію; пройдя нѣкоторое разстояніе, Государь попросилъ идущихъ съ нимъ совершить послѣдній христіанскій долгъ и проводить вмѣсто него тѣло скончавшагося слуги Царя и родины до кладбища. Самъ Государь долженъ былъ вернуться во дворецъ и заняться неотложными дѣлами. Конечно, желаніе Императора было въ точности исполнено. Затѣмъ, Государь на свой счетъ велѣлъ поставить памят-

никъ надъ могилой этого чиновника съ надписью: «Отъ Императора за вѣрную 25-лѣтнюю службу». Такъ заботливо относился Государь къ людямъ, честно и добросовѣстно исполнявшимъ свой служебный долгъ.

Польское возстаніе и положеніе западно-русскихъ областей.

При Императорѣ Александрѣ Первомъ, относившемся къ полякамъ очень благожелательно, Польша стала быстро оправляться отъ былого разоренія и скудости. Благосостояніе поляковъ быстро увеличивалось: проводились дороги; возникали фабрики и заводы; умножалось количество учебныхъ заведеній, открылся въ Варшавѣ университетъ. Въ правительственныхъ мѣстахъ, въ судахъ и въ школахъ вездѣ былъ польскій языкъ; всѣ чиновники, высшіе и низшіе, были поляки. Было сохранено и польское войско. Казалось, поляки должны были быть довольны, что они могутъ спокойно жить и трудиться, подъ скипетромъ Русскихъ Императоровъ, въ столь благопріятныхъ для нихъ условіяхъ. Но въ дѣйствительности было не такъ. Польскій сеймъ, собиравшійся въ Варшавѣ каждые два года, только то и дѣлалъ, что предъявлялъ все новыя и несообразныя требованія и отвергалъ предлагаемыя мѣры къ упорядоченію дѣлъ въ Польшѣ. Уже въ послѣдніе годы жизни Императора Александра вся Польша покрылась множествомъ тайныхъ обществъ, мечтавшихъ не только о полномъ отдѣленіи отъ Россіи, но и о присоединеніи къ Польшѣ всей Литвы, Бѣлоруссіи и Малороссіи. Польскимъ мечтателямъ грезилась великая Польша отъ моря до моря, то есть отъ моря Балтійскаго до Чернаго, хотя такой Польши никогда и не существовало.

Въ то время какъ тайныя общества дѣйствовали снизу, возмущая и возстановляя противъ Россіи народъ, знатные поляки, занимавшіе видныя должности, старались усыпить бдительность Намѣстника Царства Польскаго—Цесаревича Константина. Поляки волновали населеніе и въ сосѣднихъ съ ними русскихъ губерніяхъ—бѣлорусскихъ и малорусскихъ.

Императоръ Александръ проявилъ свое особое расположеніе и къ полякамъ, жившимъ въ этихъ губерніяхъ. Хотя ихъ тамъ было и не много, только помѣщики и ихъ дворня, да нѣкоторое количество мѣщанъ; тѣмъ не менѣе въ западномъ краѣ не были введены за-

коны Россійской Имперіи, а сохранены законы прежней Польши. Польскимъ шляхтичамъ, даже безпомѣстнымъ, предоставлены были всѣ права русскаго дворянства. Они попрежнему занимали всѣ должности по гражданской службѣ: и въ правительственныхъ мѣстахъ, и въ судахъ русскаго чиновника было не найти. Попрежнему, какъ во времена старой Польши, почти все образованіе сосредоточено было въ рукахъ римско-католическихъ и уніатскихъ монаховъ—ярыхъ ревнителей польщизны. Даже русскихъ крестьянъ-уніатовъ, которыхъ польскіе помѣщики называли быдломъ, то есть безсмысленнымъ скотомъ, теперь они не прочь были учить грамотѣ, но только польской. И въ Виленскомъ университетѣ, основанномъ давно іезуитами, и въ подчиненныхъ ему среднихъ и низшихъ школахъ, на всемъ пространствѣ нынѣшнихъ девяти западно-русскихъ губерній, все ученье велось на польскомъ языкѣ. Къ концу царствованія Александра Перваго, его министръ народнаго просвѣщенія едва добился того, что русскій языкъ и русская исторія стали преподаваться въ школахъ западнаго края на русскомъ языкѣ православными законоучителями, и то послѣ того, какъ смѣщенъ былъ съ должности попечителя Виленскаго учебнаго округа князь Адамъ Чарторыйскій, заядлый полякъ, съ юныхъ лѣтъ вкравшійся въ довѣріе Императора Александра. Въ Вильнѣ и въ другихъ городахъ образовались, особенно среди учащейся молодежи, тайныя общества, такія же какъ въ Царствѣ Польскомъ, стремившіяся къ возстановленію Польши съ присоединеніемъ къ ней всего западно-русскаго края.

Вступивъ на Престолъ, Императоръ Николай Павловичъ первоначально ничего не измѣнилъ въ существовавшемъ положеніи вещей. Онъ даже короновался въ 1829 г. въ Варшавѣ польской королевской короной. Императоръ думалъ, что такое отношеніе къ полякамъ привлечетъ ихъ къ Россіи. Но онъ ошибся. Мятежъ вспыхнулъ уже черезъ годъ послѣ его коронованія. Онъ начался 17 ноября 1830 года предательскимъ нападеніемъ на дворецъ, гдѣ жилъ Намѣстникъ. Цесаревичу Константину удалось спастись. Въ тотъ же день поляки напали на казармы русскихъ войскъ, но были отбиты. Нападали поляки на русскихъ и на улицахъ Варшавы, причемъ среди убитыхъ были офицеры и даже генералы. Затѣмъ, мятежникамъ удалось завладѣть арсеналомъ, и находившееся тамъ оружіе было роздано населенію. Большая часть польскихъ войскъ измѣнила присягѣ и примкнула къ мятежу. На слѣдующій день Великій Князь уѣхалъ изъ Варшавы. Съ нимъ ушли русскія войска. По пути, Великаго Князя догнала депутація изъ Варшавы, объ-

явившая ему, что поляки прекратятъ возстаніе, если къ Царству Польскому присоединены будутъ всѣ бывшія польскія области— Литва, Бѣлоруссія и Малороссія. Эти дерзкія условія, конечно, были непріемлемы. Великій Князь отпустилъ посланныхъ и съ немногочисленнымъ русскимъ войскомъ отошелъ отъ Варшавы. Вслѣдъ затѣмъ поляки отправили посольство въ Петербургъ къ Государю. Государь объявилъ посламъ, что онъ не станетъ вступать въ переговоры съ мятежниками, и прежде всего потребовалъ положить оружіе, причемъ предупредилъ ихъ, что въ противномъ случаѣ— поляки своими же пушечными выстрѣлами ниспровергнутъ Польшу. Послѣ этого мятежники организовали въ Варшавѣ временное правительство и начали военныя дѣйствія.

Русская армія, подъ начальствомъ фельдмаршала Дибича-Забалканскаго, двинута была въ Польшу. Въ первой же большой битвѣ при Гроховѣ (13 февраля 1831 г.) поляки были разбиты. Но потомъ военныя дѣйствія пришлось замедлить. На Россію обрушилось тяжелое бѣдствіе: уже нѣсколько лѣтъ свирѣпствовала страшная болѣзнь, занесенная изъ Индіи,—холера, которая въ 1830 и 1831 г.г. достигла особенной силы. Лѣтомъ 1830 г., въ разгаръ болѣзни, Государь посѣтилъ Москву; онъ навѣщалъ больныхъ, и его безстрашіе и спокойствіе благотворно дѣйствовали на москвичей. Въ іюлѣ слѣдующаго года холера достигла чрезвычайной силы, и въ Петербургѣ умирало до 500 человѣкъ въ день. Злонамѣренные люди распускали нелѣпые слухи, будто бы болѣзнь происходитъ оттого, что доктора отравляютъ хлѣбъ и воду. Темный, необразованный народъ смущался такими слухами и началъ глухо волноваться. Начались безчинства на улицѣ, и даже были случаи убійства докторовъ. Одинъ разъ громадная толпа собралась на Сѣнной площади. Узнавъ объ этомъ, Государь, безъ свиты и охраны, не замедлилъ прибыть изъ Петергофа. Войдя въ середину волнующейся толпы, Государь обратился къ ней со словами укоризны и закончилъ громовымъ окрикомъ: «На колѣни! Просите у Всемогущаго прощенія».

Толпа, какъ одинъ человѣкъ, опустилась на колѣни и начала молиться. Государь уѣхалъ, восторженно провожаемый народомъ. Такъ, своимъ непосредственнымъ обращеніемъ къ народу Императоръ Николай усмирилъ волненіе.

Холера появилась и среди войскъ, дѣйствовавшихъ противъ поляковъ. Отъ нея скончались главнокомандующій Дибичъ и Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. На мѣсто Дибича Государь назначилъ графа Паскевича-Эриванскаго, прославившагося въ

Закавказьѣ во время войны съ Персіей. Холера тѣмъ временемъ стала ослабѣвать, и Паскевичъ, перейдя Вислу, осадилъ Варшаву. Поляки оказали отчаянное сопротивленіе. Но ничто не могло устоять противъ натиска и удали русскихъ войскъ. Штурмомъ было взято хорошо укрѣпленное предмѣстье Варшавы Воля, а затѣмъ пали и прочія укрѣпленія. Варшава сдалась 28 августа 1831 г. Польское войско ушло къ Прусской границѣ, по переходѣ которой было обезоружено. Память о геройскомъ штурмѣ Варшавы сохранилась у солдатъ въ пѣснѣ, посвященной Паскевичу:

Ужъ какъ трудно было, братцы,
Намъ Варшаву городъ брать......

Вскорѣ по взятіи Варшавы подчинилась и вся Польша. Послѣ подавленія возстанія прежнее широкое самоуправленіе Польши было отмѣнено: уничтоженъ былъ сеймъ, упразднено особое польское войско. Намѣстникомъ Царства назначенъ строгій Паскевичъ. Но Императоръ Николай все-таки не хотѣлъ совершенно ломать мѣстныхъ польскихъ порядковъ управленія. Въ 1832 г. былъ изданъ законъ для Царства Польскаго подъ названіемъ «Органическій статутъ». По этому статуту полякамъ были оставлены въ судебныхъ и другихъ установленіяхъ мѣстные законы, сохраненъ и польскій языкъ въ судѣ.

Польское возстаніе, стоившее русскому народу много денегъ и крови, имѣло благодѣтельныя послѣдствія для русскаго населенія Западной Руси. Какъ было указано выше, поляки пытались поднять возстаніе въ западно-русскихъ губерніяхъ. Въ губерніяхъ Виленской, Гродненской, Волынской, Подольской, даже Кіевской появились отряды повстанцевъ, но эти отряды были малочисленны и никакого вреда нашему войску не причинили; въ эти отряды вступали только шляхтичи съ своей дворней; крестьяне, хотя и были ихъ крѣпостными, не захотѣли участвовать въ мятежныхъ дѣйствіяхъ. Тогда русскимъ властямъ стало ясно, что на вѣрность польскихъ помѣщиковъ разсчитывать не приходится. Они поняли, что вся наша сила въ западномъ краѣ—въ мѣстныхъ русскихъ людяхъ, крестьянахъ и мѣщанахъ.

Эти русскіе люди давно нуждались въ защитѣ, потому что съ давнихъ поръ были бѣдны, малообразованны и угнетаемы поляками. Хотя громадное большинство ихъ, по принужденію своихъ помѣщиковъ, стало уніатами, но сохранило свою русскую народность.

При Императрицѣ Екатеринѣ Второй въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской почти всѣ уніаты возвратились

къ православію. Въ Могилевской, Витебской и Минской губерніяхъ большинство уніатовъ, а въ Виленской и Гродненской губерніяхъ почти всѣ русскіе крестьяне и мѣщане оставались въ уніи.

Если и во времена польскаго владычества уніаты считали себя не поляками, а русскими, то тѣмъ болѣе они не могли не почувствовать свое родство съ великою православною Россіею, когда вновь стали ея сынами. Римско-католическое духовенство и польскіе помѣщики увидали, какъ ненадежна унія, и стали всякими путями переманивать уніатовъ въ римско-католическую вѣру. Уніатскія духовныя власти негодовали на совращеніе ихъ паствы и жаловались на католическихъ епископовъ, монаховъ и священниковъ. Уже въ царствованіе Императора Александра Перваго среди высшаго уніатскаго духовенства стали являться лица, стремившіяся сблизиться съ православною церковью. Имъ сочувствовали и нѣкоторые болѣе образованные приходскіе уніатскіе священники. Но большинство уніатскаго приходскаго духовенства было мало просвѣщенное, бѣдное и забитое, какъ и его паства. Императоръ Александръ не оставилъ безъ поддержки добрыхъ стремленій уніатскихъ епископовъ къ сближенію съ православною церковью и, по ихъ просьбѣ, озаботился, чтобы власть надъ ними римско-католическаго начальства была сокращена. А для поднятія образованія уніатскаго приходскаго духовенства открылъ въ Полоцкѣ духовную семинарію.

Императоръ Николай, глубоко преданный православной церкви, видѣлъ, что унія отвлекаетъ многихъ русскихъ людей отъ православной Россіи: еще будучи Великимъ Княземъ, онъ, стоя съ войскомъ въ западномъ краѣ, близко присмотрѣлся къ тамошнимъ церковнымъ дѣламъ и порядкамъ и зналъ объ уніи не со словъ другихъ, ознакомился съ нею непосредственно. Въ то же время среди самихъ уніатовъ усилилось стремленіе къ сближенію съ православною церковью: въ Петербургѣ въ составѣ высшаго уніатскаго церковнаго управленія появился молодой уніатскій протоіерей изъ Кіевской Украины, со свѣтлымъ умомъ и пламеннымъ русскимъ сердцемъ—Іосифъ Сѣмашко.

Императоръ Николай сразу оцѣнилъ этого беззавѣтно преданнаго русскому дѣлу человѣка и, по его совѣтамъ, предпринялъ рядъ мѣропріятій по дѣламъ уніатской церкви. Онъ открылъ еще одну уніатскую духовную семинарію (въ м. Жировицахъ, Гродненской губ.). Затѣмъ, онъ велѣлъ совершенно отдѣлить управленіе уніатской церковью отъ римско-католической.

Открытая для управленія уніатской церковью особая коллегія въ Петербургѣ стала заботиться объ уніатскомъ приходскомъ духовенствѣ, не давать его въ обиду, стала наблюдать за тѣмъ чтобы богослуженіе въ уніатскихъ церквахъ совершалось вполнѣ по-православному, какъ то и было обѣщано римскими папами при введеніи уніи.

Польское возстаніе еще усилило бдительность правительства относительно Западной Россіи вообще и уніатовъ въ особенности. Явилась мысль о полномъ возсоединеніи ихъ съ православною церковью. Непоколебимымъ и ревностнымъ защитникомъ этой мысли былъ все тотъ же, теперь уже епископъ, Іосифъ Сѣмашко.

Въ 1839 г. въ древнемъ русскомъ городѣ Полоцкѣ, откуда происходила православная святая подвижница Евфросинія Полоцкая, уніатскіе епископы и многіе старѣйшіе священники собрались на соборъ и единогласно рѣшили подать Государю и въ Святѣйшій Синодъ просьбу о соединеніи западно-русскихъ уніатовъ съ прародительскою православною церковью. Возсоединеніе совершилось 25 марта 1839 г. въ засѣданіи Святѣйшаго Синода. Члены Синода, послѣ братскаго цѣлованія, приняли уніатскую западнорусскую церковь въ полное общеніе съ собою и возвели епископа Іосифа Сѣмашко въ санъ православнаго архіепископа Литовскаго и Виленскаго. Іосифъ, впослѣдствіи получившій санъ митрополита, продолжалъ еще много лѣтъ ревностно трудиться надъ уничтоженіемъ остатковъ уніи. Въ память радостнаго для православной церкви и русскаго народа событія возсоединенія была выбита медаль, на которой находились слова, какъ нельзя болѣе вѣрно пояснявшія только-что совершившееся: «Отторгнутые насиліемъ (1596 г.) возсоединены любовью (1839 г.)».

Еще до возсоединенія уніатовъ Императоръ Николай принялъ мѣры противъ ополяченія западнаго края при помощи учебныхъ заведеній. Польскій университетъ въ Вильнѣ былъ закрытъ, а вмѣсто него открытъ русскій университетъ въ Кіевѣ. Въ учебныхъ заведеніяхъ введено преподаваніе на русскомъ языкѣ. Въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ устроены русскія школы грамоты.

Вскорѣ послѣ возсоединенія уніатовъ Императоръ отмѣнилъ Литовскій Статутъ и велѣлъ ввести въ дѣйствіе общіе законы Русскаго государства.

Особенно озабоченъ былъ Императоръ улучшеніемъ быта помѣщичьихъ крестьянъ западнаго края, заявившихъ себя въ поль-

ское возстаніе такою вѣрностью Царю и Россіи, несмотря на крѣпостную зависимость отъ польскихъ помѣщиковъ: они ловили и представляли начальству замѣшанныхъ въ возстаніи польскихъ дворянъ. Конечно, послѣ возстанія польскіе помѣщики готовы были всѣмъ, чѣмъ только возможно, имъ мстить. Послѣ возсоединенія уніатовъ съ православною церковью у нихъ явилась новая причина преслѣдовать крѣпостныхъ крестьянъ—они стали мстить имъ за измѣну уніи.

Въ 1839 г. Витебскій губернаторъ Львовъ въ отчетѣ Государю о своей губерніи указалъ на чрезвычайное обремененіе крестьянъ въ польскихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ всякаго рода повинностями. Императоръ Николай Павловичъ близко къ сердцу принялъ указаніе губернатора и, посовѣтовавшись съ графомъ Киселевымъ, велѣлъ ввести въ помѣщичьихъ имѣніяхъ западнаго края такіе же инвентари, какіе приняты были къ руководству въ казенныхъ имѣніяхъ этого края. Инвентарями назывались утвержденныя высшею властью описи имѣній съ точнымъ указаніемъ въ нихъ размѣровъ оброка и повинностей крестьянъ въ пользу ихъ помѣщика. Когда дѣло стало еще въ Петербургѣ тормозиться, Государь написалъ (21 февраля 1841 г.) на одномъ докладѣ: «Дѣломъ симъ не медлить; я считаю его особенно важнымъ и ожидаю отъ сей мѣры большой пользы».

Несмотря на столь ясно выраженную Царскую волю, введеніе обязательныхъ инвентарей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ западнаго края на нѣсколько лѣтъ затянулось. Составленіе ихъ поручено было особымъ губернскимъ и уѣзднымъ комиссіямъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, подъ высшимъ только надзоромъ правительства, и эти комиссіи затягивали составленіе инвентарей.

Въ виду этого, Кіевскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ представилъ Государю свои примѣрные образцы инвентарей, прося Государя повелѣть ввести ихъ въ дѣйствіе въ управляемомъ имъ краѣ. Государь согласился, и въ 1848 г. въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской введены были во всѣхъ имѣніяхъ обязательные для помѣщиковъ инвентари. Это было весьма благодѣтельное для крестьянъ этихъ губерній распоряженіе: «народа нельзя узнать», говорили очевидцы: «такъ онъ преобразился—ходитъ весело, держитъ прямо голову... такъ подняло его вдругъ сознаніе, что у него есть право» (слова Юрія Самарина).

Къ сожалѣнію, въ остальныхъ губерніяхъ западнаго края комиссіи продолжали, до самой кончины Императора Николая, составлять, измѣнять и исправлять инвентари. Зато государствен-

ные крестьяне во всемъ западномъ краѣ переведены были на оброчное положеніе. Вмѣстѣ съ этимъ министерство государственныхъ имуществъ, вмѣсто старыхъ, истощенныхъ земель, отдало крестьянамъ въ надѣлъ лучшія земли.

Пушкинъ и расцвѣтъ русской литературы и искусства.

Уже въ предшествующее царствованіе, благодаря распространенію просвѣщенія, значительно развилась литература; въ царствованіе же Николая Перваго явились у насъ писатели, которые по своему значенію и таланту стали наравнѣ съ лучшими европейскими писателями. Русская литература становится извѣстной въ Западной Европѣ и занимаетъ почетное мѣсто. Во главѣ писателей этой эпохи стоитъ геніальный художникъ слова, извѣстный всей Россіи Пушкинъ. Онъ по отцу происходилъ изъ старинной дворянской семьи; предки его не разъ были жалуемы за службу еще Московскими Государями; матерью же поэта была внучка арапа Петра Великаго Ганнибала.

Родился Пушкинъ въ Москвѣ, 26 мая 1799 года; дѣтство его прошло частью въ столицѣ, частью же въ подмосковныхъ имѣніяхъ Пушкиныхъ. Воспитывался онъ, какъ и многія дворянскія дѣти того времени подъ руководствомъ иностранныхъ учителей.

Большое вліяніе на развитіе въ немъ любви ко всему русскому и пониманіе народной жизни оказала няня его, простая русская крестьянка, Арина Родіоновна, души не чаявшая въ своемъ воспитанникѣ. Она разсказывала ему народныя сказки и передавала народныя пѣсни и преданія.

Такъ, еще въ раннемъ дѣтствѣ поэтъ могъ познакомиться съ народнымъ творчествомъ, что, между прочимъ, и помогло ему стать первымъ истинно-народнымъ русскимъ поэтомъ. Помимо няни, большое вліяніе на Пушкина имѣла его бабушка; по вечерамъ онъ часто заслушивался разсказами о прошломъ: о Петрѣ Великомъ и Императрицѣ Екатеринѣ. Разсказы бабушки пробудили въ чуткомъ мальчикѣ любовь къ прошлому, къ родной исторіи.

Когда Пушкину минуло 12 лѣтъ, родители отвезли его въ Царское Село въ только-что тогда открытый лицей. Въ этомъ учебномъ заведеніи поэтъ провелъ семь лѣтъ. Уже тогда начиналъ проявляться его геній: 15 лѣтъ онъ читаетъ на экзаменѣ свои стихи передъ знаменитымъ поэтомъ Екатерининскаго времени—престарѣлымъ Держа-

винымъ, и старикъ слушаетъ его со слезами на глазахъ и прозрѣваетъ въ немъ будущую славу России.

По окончании курса въ лицеѣ, Пушкинъ живетъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ и ведетъ здѣсь разсѣянный образъ жизни. Острый умъ поэта легко подмѣчалъ недостатки и слабости окружающей его среды, и Пушкинъ зачастую не стѣснялся насмѣшливымъ словомъ клеймить ихъ, не взирая на высокое положеніе лицъ, которыхъ оно затрогивало; такіе отзывы, и при томъ въ извращенномъ иногда видѣ, доходили до этихъ лицъ. Пушкину грозили большія непріятности. Но поэтъ Жуковскій и Карамзинъ вступились за него, и онъ былъ только переведенъ на службу на югъ въ распоряженіе Новороссійскаго генералъ-губернатора, который принялъ его чрезвычайно ласково и, какъ отецъ, заботился о поэтѣ. Съ разрѣшенія его Пушкинъ посѣтилъ Кавказъ и Крымъ. Величавая природа Кавказа и чудныя картины Крыма произвели на поэта неизгладимое впечатлѣніе и послужили поводомъ къ созданію имъ нѣсколькихъ художественныхъ произведеній.

Живя потомъ въ Кишиневѣ, Пушкинъ не поладилъ со своимъ новымъ начальникомъ, и ему было приказано отправиться на житье въ свое помѣстье Михайловское (Псковской губерніи, Опочецкаго уѣзда). Двухлѣтнее пребываніе въ сельскомъ уединеніи имѣло для поэта благотворныя послѣдствія: здѣсь онъ усердно занимался, много читалъ и написалъ рядъ замѣчательныхъ сочиненій.

Весною 1826 г., во время коронаціи, поэтъ былъ вызванъ Императоромъ Николаемъ въ Москву, и здѣсь между ними произошелъ замѣчательный разговоръ. На вопросъ Императора, былъ ли бы онъ на Сенатской площади 14-го декабря, если бы былъ тогда въ Петербургѣ, Пушкинъ отвѣтилъ утвердительно, но прибавилъ, что теперь онъ вполнѣ понимаетъ безразсудство такого поступка. Императоръ остался доволенъ бесѣдой съ поэтомъ и вечеромъ въ тотъ же день говорилъ приближеннымъ, что сегодня онъ имѣлъ удовольствіе говорить съ самымъ умнымъ человѣкомъ въ Россіи.

Пушкину было разрѣшено жить, гдѣ угодно, и предоставлена полная свобода печатать свои произведенія.

Пушкинъ чувствовалъ сердечную благодарность къ Государю, что и выразилъ въ извѣстныхъ стихахъ:

Нѣтъ я не льстецъ, когда Царю
Хвалу свободную слагаю,
Языкомъ сердца говорю, ...

Геній Пушкина къ этому времени вполнѣ созрѣлъ. Онъ пишетъ лучшія свои произведенія, въ которыхъ отразилъ съ поразительною талантливостью всѣ крупныя теченія русской жизни; въ яркихъ, живыхъ образахъ далъ изображенія русскихъ людей. Особенное достоинство твореній Пушкина заключается въ томъ, что они проникнуты глубокимъ пониманіемъ родной жизни, любовью ко всему русскому. Пушкинъ нашелъ твердую дорогу, великій исходъ для насъ, русскихъ и указалъ на него. Этотъ исходъ — народность, преклоненіе передъ правдой нашего народа. Поистинѣ правильна оцѣнка Пушкина, что онъ составляетъ явленіе великое и чрезвычайное. Въ великихъ, несравненныхъ произведеніяхъ его вылилось все сердце русское, объявилось все міровоззрѣніе народа, сохраняющееся и доселѣ въ его пѣсняхъ, былинахъ, преданіяхъ, высказалось все, что любитъ и чтитъ народъ, выразились его идеалы героевъ, царей, народныхъ защитниковъ и печальниковъ, образы мужества, смиренія, любви и самоотверженія.

А. С. Пушкинъ.

Являясь выразителемъ въ своихъ произведеніяхъ русскихъ началъ, нашъ великій поэтъ живо отзывался и на различные общественные и государственные вопросы: онъ всегда былъ противникомъ крѣпостного права и еще въ молодыхъ годахъ написалъ стихотвореніе, гдѣ говорилъ:

Увижу ль я народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію Царя......

Пушкинъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ великимъ поэтомъ - патріотомъ. Честь и слава родины были для него дороже всего. Когда началось польское возстаніе, и западно-европейскіе недоброжелатели Россіи стали говорить о вмѣшательствѣ въ дѣла ея, Пушкинъ

бросилъ пламенную отповѣдь «Клеветникамъ Россіи». Въ этомъ стихотвореніи поэтъ говоритъ, что борьба между русскими и поляками—это домашній споръ, который уже рѣшенъ судьбою въ пользу Россіи. Если же западные европейцы желаютъ явиться въ предѣлы Россіи, то есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

Къ величайшему горю родины, творческая дѣятельность Пушкина прервалась весьма рано—на 38-мъ году его жизни, когда геній великаго писателя находился въ полномъ расцвѣтѣ. Пушкинъ погибъ. Враги его устроили такъ, что поэтъ, раздраженный клеветническими слухами, касавшимися его жены, вызвалъ на поединокъ нѣкоего иностранца Дантеса. На этомъ поединкѣ великій поэтъ былъ смертельно раненъ и, промучившись два дня, 29-го января 1837 г. скончался. Послѣдніе часы умирающаго были облегчены трогательной заботливостью Государя о немъ. Императоръ просилъ Пушкина не безпокоиться о вдовѣ и дѣтяхъ—«Они мои», писалъ онъ ему.

Дѣятельность великаго поэта дала толчокъ пышному расцвѣту русской литературы. Младшимъ современникомъ Пушкина былъ поэтъ Лермонтовъ. Лермонтовъ жилъ всего 27 лѣтъ, и, конечно, его талантъ не могъ вполнѣ проявиться, но и онъ оставилъ намъ рядъ замѣчательныхъ по силѣ и глубинѣ чувства произведеній. Гоголь, другъ Пушкина, написалъ рядъ безсмертныхъ произведеній: комедію «Ревизоръ», поэму «Мертвыя Души» и повѣсть «Тарасъ Бульба». Замѣчательна была судьба «Ревизора». Въ ней Гоголь изобразилъ недостатки тогдашняго провинціальнаго чиновничества. Театральное начальство не разрѣшало поставить эту комедію на сценѣ. Дѣло дошло до самого Императора. Государь, внимательно прочтя это замѣчательное произведеніе, не только разрѣшилъ поставить его на сценѣ, но даже самъ былъ на первомъ представленіи «Ревизора». Гоголь былъ по происхожденію малороссъ (изъ Полтавской губерніи). Онъ въ своихъ произведеніяхъ далъ много прекрасныхъ картинъ природы Малороссіи и малороссійскаго быта. Но, любя свою родную Малороссію, Гоголь хотѣлъ быть и былъ писателемъ общерусскимъ. Онъ писалъ для всѣхъ русскихъ, которымъ одинаково дорога русская природа, русская исторія, русская жизнь всѣхъ мѣстъ и временъ.

Въ царствованіе же Императора Николая начали свою литературную дѣятельность и многіе другіе писатели, которые прославились уже въ царствованіе его сына. Таковы Тургеневъ, Достоевскій,

Толстой, Гончаровъ и многіе другіе. Тургеневъ, самъ богатый помѣщикъ, рѣшилъ путемъ литературы бороться съ крѣпостнымъ правомъ. Въ своихъ «Запискахъ Охотника» онъ далъ рядъ разсказовъ, гдѣ изобразилъ привлекательными чертами людей изъ крестьянской среды и старался возбудить въ обществѣ сочувствіе къ крестьянской долѣ.

Кромѣ литературы, въ вѣкъ Николая Перваго достигли расцвѣта и другія искусства: самъ Императоръ былъ большимъ цѣнителемъ и знатокомъ живописи, а также любителемъ величественныхъ построекъ. Въ его царствованіе жили и работали знаменитые русскіе художники: Брюлловъ и Ивановъ. Императоръ самъ собиралъ рѣдкія картины и статуи какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ художниковъ, и рядомъ съ воздвигнутымъ имъ Зимнимъ Дворцомъ имъ же было сооружено прекрасное зданіе «Императорскаго Эрмитажа». Въ этомъ зданіи помѣщены замѣчательнѣйшія произведенія русскаго и европейскаго искусства; оно открыто для обозрѣнія всѣмъ желающимъ. Изъ другихъ сооруженій Императора надо указать на всѣмъ извѣстный своими громадными размѣрами, красотою и богатствомъ Исаакіевскій соборъ въ Петербургѣ, сооруженный на мѣстѣ стараго храма, построеннаго Петромъ Великимъ.

Кромѣ знаменитыхъ картинъ и великолѣпныхъ сооруженій, время Николая Перваго отмѣчено также появленіемъ замѣчательныхъ произведеній въ области пѣнія и музыки. Композиторъ (сочинитель музыкальныхъ произведеній) Львовъ написалъ вдохновенную музыку для народнаго гимна «Боже Царя храни». Слова этого гимна были написаны поэтомъ Жуковскимъ. Другой знаменитый композиторъ Глинка, который былъ для русской музыки тѣмъ же, чѣмъ былъ для русской поэзіи Пушкинъ, написалъ оперы «Русланъ и Людмила» и «Жизнь за Царя». Послѣдняя опера особенно любима русскими людьми: помимо чудной музыки, она замѣчательна и своимъ содержаніемъ. «Жизнь за Царя» изображаетъ спасеніе крестьяниномъ Сусанинымъ цѣною собственной жизни Царя Михаила Θеодоровича отъ поляковъ.

Все сказанное о царствованіи Императора Николая Павловича свидѣтельствуетъ о томъ, что этотъ справедливый Монархъ, съ твердымъ характеромъ и желѣзной волей, съ отзывчивымъ ко всему прекрасному сердцемъ, не производя какихъ-либо крупныхъ преобразованій, много сдѣлалъ для улучшенія жизни своихъ подданныхъ; коренныя же преобразованія условій русской жизни суждено было выполнить его сыну Императору Александру Второму.

Войны съ Персіей, Турціей и Кавказскими горцами.

Положеніе Россіи на Ближнемъ Востокѣ.

Съ 1814 г. до послѣднихъ лѣтъ царствованія Императора Николая Павловича Россія поддерживала мирныя отношенія со всѣми европейскими державами. Великіе подвиги Отечественной войны, обнаруживъ мощь Россіи, надолго обезпечили ей въ Европѣ миръ и выдающееся положеніе среди другихъ державъ.

Одинъ разъ только, въ 1849 г., Императоръ Николай оказалъ вооруженную поддержку союзнику Россіи, австрійскому императору, для подавленія мятежа его подданныхъ-венгерцевъ. Для русскихъ войскъ, привыкшихъ побѣждать гораздо болѣе сильныхъ враговъ, походъ въ Венгрію оказался почти простой прогулкою; но для Австріи русская помощь явилась прямымъ спасеніемъ, такъ какъ мятежъ венгровъ грозилъ ей неминуемой гибелью и распаденіемъ государства. Короткій венгерскій походъ еще увеличилъ старую славу русскаго оружія, но не нарушилъ установившихся мирныхъ отношеній Россіи со всѣми державами Западной Европы. Побѣдоносный венгерскій походъ принесъ, хотя временное, облегченіе жившимъ въ австрійскихъ владѣніяхъ славянамъ, въ томъ числѣ галицкимъ и угорскимъ русскимъ, а также жившимъ тамъ православнымъ румынамъ; всѣ они остались вѣрны, во время венгерскаго возстанія, своему государю.

Иначе складывались дѣла на юго-восточной нашей границѣ, гдѣ Россія соприкасалась съ чуждымъ и всегда враждебнымъ ей міромъ азіатскихъ народностей: Персіей, Турціею и множествомъ болѣе мелкихъ, кочевыхъ, полудикихъ племенъ.

Эти мѣста—Персія, Турція, Кавказъ, берега Каспійскаго и Чернаго морей—извѣстны подъ общимъ названіемъ Ближняго Востока (землями Дальняго Востока называется восточная половина Сибири, гдѣ Россія граничитъ съ Японіей и Китаемъ). Здѣсь, какъ мы видѣли, со временъ Петра Великаго Россія вела упорную борьбу, имѣла рядъ кровавыхъ войнъ съ Турціей. Причины этой упорной вражды были такъ глубоки и значительны, что надѣяться на прочное примиреніе было невозможно. Съ одной стороны, для Россіи было прямой необходимостью—прочно усмирить полудикія племена, разбойничавшія

на нашей юго-восточной границѣ, Турція-же, связанная съ этими племенами общей мусульманскою вѣрой, а съ нѣкоторыми изъ нихъ и кровнымъ родствомъ, не могла оставить своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ безъ поддержки. Съ другой стороны, христіанскіе народы, порабощенные и угнетенные мусульманами-персами и турками, давно уже молили о помощи единовѣрную Россію,— и заступничество за нашихъ единовѣрцевъ-православныхъ также втягивало насъ въ войны съ сосѣдними мусульманскими державами. Наконецъ, Каспійское и особенно Черное моря, по ихъ положенію, представляютъ такія выгоды, что обладаніе ихъ берегами драгоцѣнно для всякаго народа; если турки не могли сразу примириться съ потерею сѣвернаго берега Чернаго моря, то для насъ дальнѣйшія завоеванія по берегамъ этого моря были желаннымъ пріобрѣтеніемъ. Поэтому, хотя Россія войнъ съ Турціею и не искала, но уклоняться отъ вызова тоже не имѣла причины.

Этими причинами вызваны были всѣ наши войны съ Турціею и отчасти съ Персіею въ 18 вѣкѣ — при Петрѣ Великомъ, Аннѣ Іоанновнѣ, Екатеринѣ Великой; онѣ же вызывали неоднократно новыя войны на Ближнемъ Востокѣ и въ 19 вѣкѣ—въ царствованія Александра Благословеннаго (1801—1825 г.г.), Николая Перваго (1825—1855 г.г.) и Александра Второго (1855—1881 г.г.). Мелкая же война съ хищными племенами велась здѣсь все время, безъ перерыва, какъ это было и прежде, до Петра Великаго.

Завоеванія Екатерины Великой сильно облегчили Россіи эту борьбу, оградивъ морскимъ берегомъ значительную часть нашей южной границы. Не только для населенія Новороссіи, но даже для Донского казачества наступила пора болѣе мирной жизни, миновала нужда быть постоянно на-сторожѣ на случай разбойничьяго набѣга.

Но борьба съ азіатскими племенами не прекратилась и въ 19 вѣкѣ. Только боевая линія, требовавшая постоянной военной защиты, стала короче и передвинулась дальше на юго-востокъ, въ предгорія Кавказа.

Предкавказье и Грузія.

Высокая гряда Кавказскихъ горъ перерѣзаетъ наискось широкій перешеекъ между Каспійскимъ и Чернымъ морями. Съ сѣвера къ этимъ горамъ подходитъ широкая степь, гдѣ кочевали

испоконъ вѣковъ хорошо знакомыя русскимъ татарскія и калмыцкія орды. Двѣ большія рѣки, стекая съ горъ, текутъ по этой степи: Терекъ на востокъ, въ Каспійское море, Кубань на западъ, въ Черное.

Русскимъ издавна пришлось познакомиться съ этими мѣстами. Богатая Персія, прилегающая съ юга къ Каспійскому морю, привлекала къ себѣ русскихъ купцовъ для торговли, а казаковъ соблазняла на легкіе и добычливые набѣги. Уже во времена Грознаго казаки заплыли моремъ съ Волги въ устье Терека и здѣсь построили свои городки—Тюмень и Тарки. Такъ началось славное впослѣдствіи Терское казачье войско. Тѣ казаки, которые селились подальше отъ устья Терека, въ горахъ, назывались гребенскими (горными). Понятно, что терскимъ и гребенскимъ казакамъ приходилось постоянно защищать свои городки отъ набѣговъ дикихъ горскихъ племенъ. Наравнѣ съ донскими и уральскими казаками, они считались на службѣ у Московскаго Царя, и уже Грозный посылалъ на далекій Терекъ свое царское жалованье и подкрѣпленія изъ московскихъ стрѣльцовъ и служилыхъ людей.

Въ то-же время начались и сношенія Россіи съ православной Грузинской землею, лежащей за Кавказомъ, по южнымъ склонамъ горъ и въ плодородныхъ долинахъ. Грузины—малочисленный, но храбрый народъ—уже много столѣтій вели ожесточенную борьбу, защищая свою свободу и свою вѣру отъ сильныхъ мусульманскихъ народовъ: турки, персы, кавказскіе горцы—со всѣхъ сторонъ терзали своими нашествіями и опустошали несчастную Грузію. На бѣду, грузины еще плохо ладили между собой. Различныя области Грузіи (Карталинія, Кахетія, Мингрелія, Имеретія, Гурія),—то соединялись подъ властью одного царя, то опять раздѣлялись, иногда даже враждовали между собой. Временами приходилось грузинскимъ царямъ смиряться передъ турками или персами, платить имъ дань, иные даже принимали мусульманскую вѣру.

Но народъ крѣпко держался православія—и стоило появиться на престолѣ смѣлому царю-христіанину, чтобы онъ весь снова поднялся на кровавую борьбу.

Россія, конечно, не могла остаться равнодушною къ страданіямъ единовѣрнаго народа. Когда грузинскіе послы впервые предстали передъ очи Іоанна Грознаго, суровый Царь не могъ удержаться отъ слезъ, слушая ихъ разсказы. Несчастнымъ грузинамъ была одна надежда на спасеніе—Россія.

Уже сынъ Грознаго, Ѳеодоръ Іоанновичъ, уступилъ мольбамъ кахетинскаго царя Александра и принялъ его, со всей его землею,

подъ свою высокую руку. Какъ только успокоилась Россія послѣ смуты, ко двору Царя Михаила Θеодоровича вновь явились послы изъ Кахетіи отъ царя Теймураза съ просьбою: принять его землю въ русское подданство «до послѣдняго дня Страшнаго Суда». «Никого я не имѣю на свѣтѣ, кромѣ Бога и твоего Царскаго Величества. Живу только именемъ Святой Троицы, твоей милостью и помощью твоего Царскаго Величества»,—писалъ Теймуразъ. И позже такія посольства съ мольбою о подданствѣ и защитѣ, о присылкѣ войска, пушекъ, денегъ на жалованье ратнымъ людямъ—много разъ являлись къ Престолу Царей Михаила Θеодоровича и Алексѣя Михайловича.

Вольные Терскіе казаки нерѣдко, пробравшись черезъ горы, поступали на службу къ грузинскимъ царямъ. Грузинскія лѣтописи сохранили разсказы о томъ, что на помощь Грузіи приходили казаки и съ Дона, и даже съ Днѣпра.

Грузины молили о помощи, называли себя слугами великихъ Государей. Но какую помощь могла оказать имъ Россія, сама изнемогавшая въ тяжелыхъ войнахъ? Еще при Θеодорѣ Іоанновичѣ сдѣлана была попытка проложить дорогу въ Грузію, завоевавъ Дагестанскія горы; но два русскихъ войска только погибли безъ пользы въ незнакомой, дикой, гористой странѣ. Россія была еще слишкомъ слаба для такихъ далекихъ, трудныхъ войнъ. Михаилъ Θеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ дѣлали для защиты Грузіи то, что позволяли имъ ихъ силы: въ переговорахъ съ Турціею и Персіею убѣждали, ради дружбы и мира съ Русскимъ Царемъ, не тѣснить и не воевать Грузіи; съ персами такіе уговоры нерѣдко и достигали цѣли.

Грузинамъ посылали иногда изъ Москвы деньги или запасы, посылали, по ихъ просьбѣ, учителей, священниковъ, церковныя книги—во всемъ этомъ въ разоренной Грузіи была большая нужда.

При дворѣ Московскихъ Государей всегда можно было встрѣтить знатныхъ грузинъ княжеской и даже царской крови, пожелавшихъ вступить въ русскую службу. Въ свитѣ Царя Алексѣя Михайловича во время польской войны было нѣсколько грузинскихъ царевичей.

Имеретинскій царевичъ Александръ былъ однимъ изъ любимыхъ друзей и сподвижниковъ Царя Петра Великаго въ его молодые годы. Женатый на русской, онъ получилъ большія вотчины подъ Москвою и всю жизнь свою посвятилъ Россіи. Онъ былъ въ числѣ «потѣшныхъ» Петра, ѣздилъ съ нимъ вмѣстѣ учиться за границу. Въ битвѣ подъ Нарвою царевичъ попалъ въ плѣнъ. Шведы,

зная его царское происхожденіе, требовали за знатнаго плѣнника огромный выкупъ—20 боченковъ золота или 60 плѣнныхъ шведскихъ офицеровъ. Зная бѣдственное положеніе Россіи, царевичъ самъ писалъ Государю, прося не разоряться на его выкупъ. «Пусть никакого убытка не будетъ государству ради нашей свободы. На то мы званы: терпѣть и умереть за Государя и за Россію». Позже, когда успѣхъ перешелъ на сторону русскихъ, Петръ поспѣшилъ выручить самоотверженнаго царевича, обмѣнявъ его на знатнѣйшаго изъ плѣнныхъ шведскихъ генераловъ.

Подъ конецъ жизни, когда кончилась шведская война, Петръ Великій обратилъ свое вниманіе на Кавказъ. Ему хотѣлось прочно овладѣть берегами Каспійскаго моря, чтобы завести постоянную торговлю черезъ Персію съ Среднею Азіею, съ богатѣйшей азіатской страной Индіей. Онъ самъ съ сильнымъ войскомъ высадился въ Дагестанѣ, занялъ главные дагестанскіе и персидскіе города на берегу Каспійскаго моря. Слабые преемники Великаго Царя не умѣли удержать въ рукахъ его цѣнныя пріобрѣтенія: Императрица Анна, жалѣя расходовъ на поддержку столь отдаленныхъ владѣній, добровольно вернула ихъ Персіи.

Но сношенія съ Грузіею стали съ тѣхъ поръ еще теснѣе. Еще при жизни Петра царь карталинскій Вахтангъ, свергнутый турками съ престола, переселился со всѣмъ своимъ семействомъ въ Россію. Вмѣстѣ съ нимъ, по призыву Петра, выѣхало въ Россію свыше 1000 человѣкъ грузинъ-царевичей, князей, воиновъ, духовныхъ. И позже переселеніе грузинъ въ предѣлы Россіи не прекращалось. При Императрицѣ Елизаветѣ изъ такихъ переселенцевъ образованъ былъ въ русской арміи особый грузинскій гусарскій полкъ. Знаменитый князь Багратіонъ, сподвижникъ Суворова, былъ родомъ грузинъ.

Но не одного убѣжища для бѣглецовъ и военной поддержки искала Грузія у единовѣрнаго великаго народа. Какъ только, при Петрѣ, оживилось въ Россіи печатное дѣло,—грузинскій царь Арчилъ просилъ Царя озаботиться и грузинскою печатью. Царь Петръ велѣлъ немедленно отлить грузинскія буквы для печати, и изъ Московской казенной типографіи вышли первыя печатныя книги на грузинскомъ языкѣ. Потомъ русскими-же мастерами и учителями заведена была типографія и въ столицѣ Карталиніи—Тифлисѣ. Отъ русскихъ-же учились грузины и устройству школъ и иконописи. Словомъ, все просвѣщеніе шло въ Грузію черезъ Россію,—и это еще тѣснѣе сплачивало съ нами маленькій, единовѣрный намъ грузинскій народъ

Кавказская Линія.

Наши владѣнія въ предгорьяхъ Кавказа долгое время не отходили далеко отъ устья Терека. Только въ 1735 г. выстроенъ былъ Кизляръ—недалеко отъ моря. Но мало-по-малу терское казачество увеличивалось притокомъ новыхъ казаковъ—поселенцевъ съ Дона и съ Волги, а также горцевъ-осетинъ и кабардинцевъ, поступившихъ на русскую службу; казаки двигались все выше по Тереку. Въ 1763 г. построена была уже Моздокская крѣпость, и казачьи городки и станицы почти сплошь унизали теченіе Терека.

Побѣдоносныя турецкія войны Екатерины Великой придвинули русскую границу вплотную къ Кавказскимъ горамъ. Кубанскія степи, гдѣ кочевали татарскія орды, перешли подъ власть Россіи.

Устраивать вновь завоеванный край присланъ былъ знаменитый Суворовъ. Кубанскіе татары не желали упорно признать русской власти и въ кровавой борьбѣ были истреблены почти поголовно. Остатки грозной нѣкогда орды бѣжали въ Турцію или переселены были въ Крымъ. Но съ истребленіемъ этого разбойничьяго народа на опустѣвшую степь начались съ Кавказскихъ горъ стремительные набѣги воинственныхъ и дикихъ племенъ—черкесовъ, кабардинцевъ и другихъ. Эти набѣги доходили не только до земли Донскихъ казаковъ, но даже до Воронежской губерніи. Пришлось сразу принять рѣшительныя мѣры для защиты новой границы.

Съ завоеваніемъ Кубанскихъ степей, естественной границей Россіи стали Кубань и Терекъ. Терекъ былъ уже надежно укрѣпленъ. Теперь и по берегамъ Кубани и подальше въ степи быстро стали выростать города-крѣпости (Екатеринодаръ, Ставрополь и др.). Скоро кубанскія укрѣпленія встрѣтились съ терскими. Такъ сомкнулась сплошная черта укрѣпленій, огородившая нашу южную границу отъ разбойничьихъ набѣговъ горцевъ. Эта черта долгое время извѣстна была подъ названіемъ Кавказской Линіи. Не велики и не затѣйливы были кавказскія крѣпости: небольшое село, окруженное рвомъ, высокій земляной валъ, на немъ—крѣпкій плетень изъ толстаго хвороста,—сторожевая вышка; пять-шесть пушекъ, какая-нибудь рота солдатъ—вотъ и вся крѣпость. Но не однѣми такими крѣпостями держалась охрана Линіи. При устройствѣ ея, въ кубанскія степи спѣшно переселены были нѣсколько

тысячъ Запорожскихъ казаковъ, служба которыхъ на Днѣпрѣ стала уже не нужна. Сначала хотѣли изъ нихъ составить просто конные солдатскіе полки, но запорожцы, любя свою казачью жизнь, просили оставить ихъ въ казачествѣ и дать имъ для поселенія новыя земли, гдѣ пригодится ихъ служба. Императрица Екатерина указала имъ для поселенія привольныя Кубанскія степи и даже прислала имъ на новоселье, по русскому обычаю, хлѣбъ-соль съ блюдомъ и солонкою изъ чистаго золота. Въ 1792 г. новые поселенцы получили отъ Императрицы жалованную грамоту на владѣніе Кубанскими землями. Образовалось новое, Кубанское казачье войско (малороссійскій говоръ Кубанцевъ до сихъ поръ отличаетъ ихъ отъ великоруссовъ-терцевъ). Кубанское войско, вмѣстѣ съ терскими казаками, въ теченіе полувѣка вело тяжелую, геройскую борьбу, защищая отъ разбойниковъ-азіатовъ русскую границу.

За ихъ спиною плодородныя Ставропольскія степи быстро заселились мирнымъ земледѣльческимъ людомъ, выростали города. А на Линіи тѣмъ временемъ шла, ни на день не прекращаясь, жестокая и кровавая борьба.

Къ южному берегу Терека и Кубани близко подходятъ грозныя Кавказскія горы. Эти горы испоконъ вѣковъ населены были дикими воинственными племенами чеченцевъ, черкесовъ, кабардинцевъ, лезгинъ, осетинъ, ингушей, кумыковъ. Кавказскіе горцы, въ большинствѣ, были очень бѣдны: даже князья ихъ зачастую не имѣли одежды нарядвѣе овчиннаго тулупа. Зато всѣ эти племена отличались храбростью, и въ бою, по отзыву русскихъ, сотня черкесовъ стоила тысячи татаръ. Жадные до крови и до грабежа, горцы любили войну больше всего на свѣтѣ. Азіатская жестокость этихъ головорѣзовъ не знала предѣла. Захвативъ въ плѣнъ русскаго казака или солдата, они перерѣзали ему жилы такъ, чтобы онъ не могъ двинуть ни рукою, ни ногой—и, раздѣвъ до-гола, бросали въ камышахъ на съѣденіе комарамъ, тучами висѣвшимъ надъ водою. Никакихъ договоровъ они не заключали и не признавали, и ихъ сосѣдство каждый часъ грозило внезапнымъ набѣгомъ. День и ночь по всей Кавказской Линіи, тянувшейся верстъ на 700 отъ устья Терека до устья Кубани, стояла зоркая казачья стража. Отъ укрѣпленія до укрѣпленія выставлялась цѣпь «кордоновъ»—человѣкъ по 50—60, а иногда и по 200. Между «кордонами»—мелкіе сторожевые отряды, «пикеты» человѣкъ по 10 и «залоги» или «секреты» по 2—3 человѣка. На каждомъ сторожевомъ посту выставлялись особыя «фигуры», или «маяки»—соломенныя чучела на вы-

сокомъ шестѣ. Зажженный «маякъ» объявлялъ тревогу по всей Линіи, обозначая появленіе враговъ. Лѣса, покрывавшіе тогда берега Терека, еще облегчали горцамъ неожиданныя нападенія, а отъ казаковъ требовали особой бдительности. Конечно, и казачьи удальцы не упускали случая пробраться на вражескій берегъ, подстеречь и подстрѣлить чеченца или кабардинца, бродящаго около русской границы.

Въ этой тревожной военной обстановкѣ казаки выростали прирожденными воинами, ни въ чемъ не уступавшими ихъ вѣчнымъ врагамъ-горцамъ. Казаки усвоили себѣ ихъ зоркость и ловкость, ихъ знакомство съ горной природой, ихъ военные пріемы, умѣнье владѣть оружіемъ, переняли отъ враговъ даже ихъ нарядъ—черкеску. Для сторожевой службы и мелкой пограничной войны казаки были неоцѣнимы. Никакое регулярное войско не могло бы ихъ замѣнить. Сами горцы считали казачьи станицы опаснѣе для себя, чѣмъ настоящія крѣпости. «Крѣпость—камень, брошенный въ поле», говорили они,—«дожди и вѣтры снесутъ его поздно или рано; а станица, какъ растеніе, вопьется въ землю корнями—и ничѣмъ ее не вырвешь».

И дѣйствительно, казачьи станицы были самымъ надежнымъ оплотомъ Кавказской Линіи.

Въ 1774 г., когда казаки ушли въ походъ противъ турокъ, горцы цѣлымъ скопищемъ нагрянули на Наурскую станицу (Терскаго войска), думая разграбить ее безъ боя. Тогда взялись за оружіе старики, уже вышедшіе изъ строя, мальчики, не доросшіе до того, чтобы ихъ брали въ походъ, даже казачки: онѣ высыпали на валъ въ своихъ красныхъ сарафанахъ, били горцевъ косами, серпами, обливали ихъ сверху кипяткомъ, горячими щами, варившимися у нихъ къ обѣду. Послѣ цѣлаго дня упорнаго приступа горцы бѣжали со стыдомъ. Наурскія казачки получили за это дѣло знаки военнаго отличія, а въ горахъ долго еще можно было встрѣтить «джигитовъ» (воиновъ) съ обожженными лицами. Казаки дразнили ихъ: «А что, пріятель, ты не въ Наурѣ-ли щи хлебалъ?»

Съ окончательнымъ устройствомъ Линіи, Россія уже твердою ногой стала на сѣверныхъ предгорьяхъ Кавказа. Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины Великой намѣстникомъ Предкавказскихъ владѣній Россіи былъ князь Потемкинъ, родственникъ знаменитаго намѣстника Новороссіи и Крыма. Подъ его заботливымъ управленіемъ, край быстро достигъ замѣтнаго развитія. Кизляръ, Моздокъ, Ставрополь, бывшіе дотолѣ лишь крѣпостями, превратились уже въ настоящіе города, наполнились промышлен-

нымъ и торговымъ населенiемъ. Наѣхало сюда не мало торговцевъ и предпринимателей изъ нѣмцевъ и армянъ, быстро стало развиваться шелководство, винодѣлiе. Недавно построенный и быстро разросшiйся Екатериноградъ (нынѣ станица въ Терской области) украсился пышнымъ дворцомъ, достойнымъ намѣстника Великой Россiйской Императрицы. Полудикiе горцы съ невольнымъ уваженiемъ и страхомъ смотрѣли на выроставшую мощь Россiи. Князья нѣкоторыхъ горскихъ племенъ, не смущаясь различiемъ вѣры, сами спѣшили просить подданства Русской Державѣ. Ихъ приводили къ присягѣ въ Екатериноградскомъ дворцѣ, въ присутствiи намѣстника и его блестящаго двора, при громѣ пушечной пальбы,— и новые русскiе подданные уѣзжали къ себѣ въ горы, еще болѣе ослѣпленные блескомъ роскоши и могущества Россiи.

Подданство Грузiи.

Съ живымъ вниманiемъ и радостной надеждой встрѣчались извѣстiя о русскихъ побѣдахъ въ Грузiи. Судьба этой многострадальной земли и во времена Екатерины Великой была не легче, чѣмъ 100 или 200 лѣтъ назадъ. Правда, главныя два грузинскихъ царства—Карталинiя и Кахетiя—соединились къ этому времени подъ властью одного царя—Ираклiя Второго. Но Имеретiя, Мингрелiя, Гурiя—держались особнякомъ, имѣли своихъ царей или владѣтельныхъ князей. Всѣ эти крошечныя государства (каждое изъ нихъ было меньше одной русской губернiи) были межлу собою въ вѣчной враждѣ, и это междоусобiе еще болѣе подрывало ихъ силы, и безъ того ничтожныя. Имеретiя, Мингрелiя и Гурiя платили туркамъ позорную дань—не только деньгами, но и людьми, выдавая туркамъ ежегодно положенное число красивѣйшихъ дѣвушекъ. Карталинiя и Кахетiя такую же дань платили персамъ. Но и этой позорной цѣною нельзя было купить прочнаго мира. За малѣйшее ослушанiе турки или персы мстили набѣгами—и ихъ вторженiя сопровождались всегда безчеловѣчными насилiями и опустошенiемъ страны. Почти всѣ храмы Грузiи хранятъ до нашихъ дней слѣды кощунственныхъ мусульманскихъ вторженiй: лики святыхъ на иконахъ изрублены сабельными ударами, глаза выколоты копьями. Самимъ царямъ грузинскимъ приходилось не разъ переживать тяжелыя испытанiя. Современникъ Екатерины Великой, имеретинскiй царь Соломонъ, преслѣдуемый турками,

долженъ былъ скрываться съ горстью вѣрныхъ слугъ въ дремучихъ лѣсахъ, покрывавшихъ горы его родины. Здѣсь-же, въ лѣсной трущобѣ, пришлось бѣглецамъ встрѣтить Свѣтлый Праздникъ: они вырѣзали на корѣ столѣтняго дуба знаменіе креста и въ полночь трижды обошли вокругъ дерева, воспѣвая во мракѣ дубровы: «Христосъ Воскресе!»

Если такія лишенія выпадали на долю царей, то можно представить себѣ разореніе простого народа. Отъ вражескихъ нашествій и отъ своихъ усобицъ грузины, и безъ того малочисленные, такъ оскудѣли и обезсилѣли, что при Иракліи Второмъ соединенныя Карталинія и Кахетія едва могли выставить 10 тысячъ человѣкъ войска, притомъ плохо вооруженнаго, совсѣмъ необученнаго и незнавшаго никакой дисциплины.

Усиленіе Россіи и приближеніе русской границы къ Кавказу оживили въ сердцахъ грузинъ надежду на близкую помощь. Уже при Екатеринѣ Великой русскія войска два раза посылались въ Грузію; но внутренніе безпорядки тамъ были такъ сильны, что царь Ираклій не могъ собрать съѣстныхъ припасовъ даже для нѣсколькихъ батальоновъ, а царь Имеретіи Соломонъ, вмѣсто обѣщанныхъ обильныхъ запасовъ, доставилъ на прокормленіе русскаго войска всего нѣсколько быковъ. Войско пришлось отозвать, но все-же, по договору съ Россіей, Турція вынуждена была отказаться отъ постыдной дани людьми съ грузинскихъ земель. Это было первое облегченіе, вырванное для Грузіи оружіемъ единовѣрной Россіи.

Но царь Ираклій и его преемникъ Георгій, видя полную невозможность защищаться своими силами, продолжали просить о принятіи ихъ въ подданство Россіи и о присылкѣ русскаго войска для постоянной охраны грузинскихъ границъ. Въ послѣдніе годы своей жизни Императрица Екатерина стала склоняться на ихъ просьбы.

Персы, раздраженные этими переговорами, снова вторглись въ Карталинію, опустошили ее до-тла, обратили въ развалины Тифлисъ, столицу Карталинскаго царства, избили нѣсколько десятковъ тысячъ населенія съ чисто-азіатскою жестокостью, для потѣхи перерубая саблями грудныхъ дѣтей, не щадя ни безсильныхъ стариковъ, ни женщинъ.

На эту звѣрскую расправу Императрица отвѣтила объявленіемъ войны Персіи. Смерть помѣшала ей довести эту войну до конца. Императоръ Павелъ, занятый другими дѣлами и заботами, отозвалъ двинутыя въ Персію войска. Но оставить на жертву хищникамъ несчастную Грузію онъ не хотѣлъ. Россія была теперь

достаточна сильна, чтобы отозваться на мольбу, съ которою уже свыше 200 лѣтъ обращались къ ней грузинскіе цари. Осенью 1799 г. генералъ Лазаревъ съ двумя пѣхотными полками выступилъ съ Кавказской Линіи черезъ горы въ Грузію. Трудный переходъ былъ совершенъ быстро, и 26 ноября полки въ стройномъ порядкѣ, при звонѣ колоколовъ и громѣ пушечной и ружейной пальбы, вступили въ Тифлисъ. Населеніе города, такъ недавно еще испы-

Вступленіе русскихъ войскъ въ Тифлисъ.

тавшее ужасъ персидскаго нашествія, ликовало, встрѣчая давно жданныхъ защитниковъ. Всѣ знали, что на этотъ разъ русскіе штыки не для короткаго похода показались на улицахъ Тифлиса.

На слѣдующій день созвано было блестящее собраніе высшаго духовенства, вельможъ и дворянства Грузіи. Передъ лицомъ собравшихся посолъ Императора Павла торжественно возвѣстилъ, что Императоръ Всероссійскій принимаетъ Грузію подъ свое покровительство и защиту, а царя Георгія утверждаетъ на его престолѣ, въ знакъ чего посылаетъ ему свою милостивую грамоту, царскую корону, порфиру и знамя съ изображеніемъ русскаго двуглаваго орла.

Царь Георгій, съ своей стороны, принялъ присягу на вѣрность Императору, отнынѣ верховному властелину надъ царями Грузіи.

Персидскій посолъ, требовавшій по старинѣ дани, получилъ гордый отвѣтъ, что Грузія признаетъ надъ собою только власть Россіи, а у Россіи достаточно силы, чтобы защитить ее отъ любого врага.

Очень скоро пришлось оружіемъ доказать азіатамъ эти слова.

Лезгины, подстрекаемые персами, огромнымъ скопищемъ хлынули съ Дагестанскихъ горъ на Грузію для привычнаго набѣга. Все живое въ ужасѣ разбѣгалось передъ ихъ хищными толпами. Но на этотъ разъ лезгинамъ не пришлось поживиться добычей. Генералъ Лазаревъ быстрымъ движеніемъ заступилъ имъ дорогу. У него было всего 700 человѣкъ русской пѣхоты да съ 1000 грузинскихъ всадниковъ-ополченцевъ противъ 20 тысячъ непріятелей. Но бѣшенные натиски лезгинской конницы, славившейся на весь Кавказъ дикой храбростью, за цѣлый день не могли прорвать желѣзнаго строя небольшого русскаго отряда. Непобѣдимые дотолѣ лезгины со стыдомъ бѣжали, оставивъ на мѣстѣ боя нѣсколько тысячъ убитыхъ.

Этотъ грозный урокъ надолго оградилъ Грузію отъ набѣговъ изъ Дагестана. Но защитою границъ сдѣлана была только половина дѣла. Грузіи угрожала еще другая бѣда.

Царь Георгій былъ при-смерти, его братья, сыновья и племянники заранѣе начали между собою споръ о наслѣдствѣ, и междоусобіе готово было вспыхнуть каждую минуту. Иные изъ царевичей уже заводили переговоры съ персами, другіе съ лезгинами, обѣщая исконнымъ врагамъ грузинскіе земли и города, лишь бы получить поддержку для завладѣнія престоломъ.

Предвидя неизбѣжную смуту и зная, что вѣчная междоусобная война истощила народъ хуже вражескихъ набѣговъ,—умирающій царь обратился къ своему покровителю, Императору Павлу, съ послѣдней просьбою: принять Грузію въ прямое и полное подданство, уничтоживъ самый престолъ грузинскихъ царей, служившій только предметомъ гибельныхъ раздоровъ.

Почти одновременно скончались царь Георгій и Императоръ Павелъ. Императоръ Александръ Первый долго колебался, обдумывая просьбу почившаго царя Грузіи. Отнюдь не желая насильственно подчинять себѣ независимый народъ, онъ изъявилъ свое согласіе на присоединеніе Грузіи не прежде, чѣмъ получилъ достовѣрныя свидѣтельства, что весь народъ грузинскій желаетъ видѣть

его своимъ Царемъ и Самодержцемъ. 12 сентября 1801 г. Императоръ Александръ подписалъ манифестъ о полномъ соединеніи Грузіи съ Россіей. Манифестъ гласилъ, что Императоръ принимаетъ на себя бремя управленія Грузіею не для приращенія силъ, не для корысти, не для расширенія предѣловъ и безъ того обширнѣйшей въ мірѣ Имперіи, но считаетъ священнымъ своимъ долгомъ, внявъ моленію самихъ грузинъ, дать имъ и безопасность, и твердое, мирное управленіе.

Грузинское дворянство и простой народъ съ радостью приняли присягу своему новому Государю—Императору Всероссійскому. Нѣкоторые изъ царевичей, не желая поступиться своими былыми правами на престолъ, попробовали затѣять смуту; но народъ не оказалъ имъ никакой поддержки, и они стали искать помощи у враговъ своей родины лезгинъ, персовъ и турокъ. Большинство же царевичей послушно переселились въ Россію, вступили въ русскую службу или получили пенсіи, приличныя ихъ высокому происхожденію. Среди русской знати до сихъ поръ есть нѣсколько княжескихъ фамилій, ведущихъ начало отъ грузинскаго царскаго дома.

Такъ совершилось давно жданное и давно подготовлявшееся добровольное сліяніе маленькой Грузіи съ могущественной Россіей. Но нужно было еще много усилій, чтобы удержать и закрѣпить за Русской Державой ея новыя владѣнія.

Соединеніе Грузіи съ Россіей всполошило весь мусульманскій міръ. Горскія племена Дагестана, Персія, Турція, Закавказскіе татары,—все, что привыкло жить грабежомъ или данью на счетъ беззащитной Грузіи—поднялось сразу противъ русскихъ.

Персы, надѣясь на огромную численность своей арміи, открыто хвалились отбросить русскихъ обратно за Терекъ. Между тѣмъ, держать въ Закавказьѣ большое войско Россія не могла Въ Европѣ начиналась какъ разъ въ это время страшная борьба съ Наполеономъ, каждый солдатъ былъ на счету. Два-три полка пѣхоты, нѣсколько пушекъ и немного казаковъ съ Линіи и съ Дона, вотъ и всѣ силы, какими мы располагали для защиты Грузіи въ первые годы послѣ ея присоединенія.

Но Императоръ Александръ сумѣлъ выбрать человѣка, который и съ этими ничтожными силами достигъ въ короткое время изумительныхъ успѣховъ. Это былъ князь Циціановъ, по крови грузинъ, русскій по воспитанію: еще дѣдъ его переселился въ Россію и былъ убитъ на русской службѣ въ войнѣ со шведами при Императрицѣ Елизаветѣ. Умный, предпріимчивый и безстраш-

ный, князь Циціановъ умѣлъ не только быстро и хорошо наладить управленіе Грузіею, но и добился добровольнаго подчиненія Имеретіи, Мингреліи и Гуріи, объединивъ такимъ образомъ подъ русскою властью все древнее грузинское царство (почти цѣликомъ нынѣшнія губерніи Тифлисскую, Кутаисскую и Елизаветпольскую). Персамъ онъ нанесъ въ войнѣ тяжелые удары, а горнымъ разбойничьимъ племенамъ успѣлъ внушить должный страхъ и уваженіе къ Россіи. Никакихъ переговоровъ съ ними онъ не признавалъ, а требовалъ безусловной покорности и дани: «Гдѣ видано, чтобы муха съ орломъ переговоры дѣлала»,—писалъ онъ лезгинскимъ князьямъ. Азіаты, уважающіе только силу, трепетали передъ грознымъ и суровымъ Циціановымъ. Однажды цѣлое скопище лезгинъ, собравшихся съ большимъ одушевленіемъ для похода противъ русскихъ, разбѣжалось, охваченное внезапнымъ и неудержимымъ страхомъ, когда гдѣ-то вдали грянулъ и раскатился по горамъ выстрѣлъ русской пушки: такъ великъ былъ среди горцевъ страхъ передъ русскимъ оружіемъ.

Но не одной грозою военныхъ подвиговъ ознаменовали русскіе свое вторженіе въ дикій азіатскій міръ. Когда Циціановъ молодецкимъ штурмомъ взялъ сильную персидскую крѣпость Ганжу (нынѣ губернскій городъ Елизаветполь), изъ 9 тысячъ женщинъ, бывшихъ въ городѣ, ни одна не погибла и не пострадала; этимъ отличались подвиги православнаго русскаго войска отъ безчеловѣчной азіатской жестокости персовъ и ихъ сосѣдей. Но персы плохо заплатили благородному Циціанову за его великодушіе: доблестный князь былъ вѣроломно убитъ ими во время мирныхъ переговоровъ подъ г. Баку въ 1806 г. Его смерть была большой потерею для насъ, но скоро мѣсто славнаго Циціанова заняли другіе герои, не уступавшіе ему въ доблести и честномъ служеніи родинѣ.

Въ 1812 г., когда на Россію надвигалась гроза нашествія Наполеона, на далекой окраинѣ, въ Закавказьѣ, кипѣла ожесточенная война одновременно и на персидской, и на турецкой границахъ, и въ горахъ Дагестана. Особенно выдвинулся въ это время среди русскихъ полководцевъ генералъ Котляревскій.

Кавказскіе полки, закаленные въ многолѣтней непрерывной войнѣ, славились выдающеюся даже для русскихъ выносливостью и храбростью. А подъ командою такихъ начальниковъ, какъ Котляревскій, они совершали подвиги прямо сказочные.

Зато, все удавалось этимъ богатырямъ: удивительные переходы по головоломнымъ крутизнамъ, еле доступнымъ даже для прирожденныхъ горцевъ, дерзкіе приступы, неслыханные по смѣ-

лости нападенія на вдесятеро сильнѣйшаго непріятеля—заканчивались блестящею побѣдою, постыднымъ погромомъ, бѣгствомъ и истребленіемъ огромной персидской арміи.

Наконецъ, на приступѣ сильнѣйшей персидской крѣпости Ленкорани, Котляревскій былъ весь изуродованъ безчисленными ранами и только чудомъ остался въ живыхъ, но продолжать службу уже не могъ и долженъ былъ доживать свою славную жизнь калѣкою. Въ особомъ ящичкѣ онъ хранилъ 40 обломковъ костей, вынутыхъ изъ его ранъ, полученныхъ подъ Ленкоранью. Зато Ленкорань была взята, и война закончилась въ 1813 году присоединеніемъ къ Россіи почти цѣликомъ нынѣшнихъ Бакинской губ. и Дагестанской области, принадлежавшихъ до тѣхъ поръ персамъ.

Такъ, баснословными подвигами горсть русскихъ людей въ трудные для своей родины годы закрѣпила господство Россіи на далекой окраинѣ и не выдала врагамъ довѣрившейся намъ единовѣрной Грузіи.

Первыя войны за освобожденіе христіанъ Балканскаго полуострова.

Избавленіе христіанской Грузіи отъ изнурительнаго ига мусульманъ было только началомъ великаго дѣла, какое судьба предназначила Россіи. Мы видѣли уже, что такой же помощи, защиты и освобожденія издавна ждали и просили себѣ всѣ христіанскія народности, томившіяся подъ турецкимъ игомъ. А такихъ народностей было не мало.

Обширная турецкая имперія лежитъ въ двухъ частяхъ свѣта: въ Европѣ и въ Азіи. Родина турокъ—Азія, европейскія же ихъ владѣнія завоеваны турками, силою оружія, и сами турки всегда составляли въ этихъ земляхъ лишь небольшую часть населенія. Въ самомъ Константинополѣ и южнѣе его большинство населенія состояло изъ грековъ; Константинополь (Царь-Градъ) и былъ когда-то столицею сильнаго греческаго царства, отсюда приняли русскіе и христіанскую вѣру. Къ сѣверу отъ Константинополя Балканскій полуостровъ, до Дуная, заселенъ былъ народами славянскаго племени: болгарами (въ восточной части) и сербами (въ западной части). Сѣвернѣе, за нижнимъ Дунаемъ, лежали такъ называемыя Дунайскія княжества—Молдавія и Валахія, населенныя румынами. Этотъ народъ образовался отъ смѣшенія

древнѣйшихъ мѣстныхъ жителей-дакійцевъ съ римлянами и отчасти славянами. Въ языкѣ румынскомъ много славянскихъ словъ. Греки, болгары, сербы и румыны всѣ исповѣдывали православную вѣру.

Жизнь христіанъ подъ турецкимъ игомъ была крайне тяжелая. Турки называли своихъ подданныхъ христіанъ стадомъ и относились къ нимъ съ полнымъ презрѣніемъ. Турецкіе законы не давали имъ никакой защиты, и сверхъ очень тяжелыхъ государственныхъ налоговъ христіане подвергались частымъ притѣсненіямъ и насиліямъ со стороны турецкихъ солдатъ, чиновниковъ и правителей.

За недоимки или легкую вину, а иногда и вовсе безъ вины, ихъ продавали въ рабство, какъ дѣлали когда-то на Руси татары. Красивыхъ дѣвушекъ насильно обращали въ мусульманскую вѣру и забирали въ свои гаремы, а мальчиковъ отнимали отъ родителей, воспитывали въ мусульманствѣ и изъ такихъ отуреченныхъ христіанъ составляли особое войско, янычаръ, славившихся своею храбростью.

Румыны, не въ примѣръ прочимъ покореннымъ христіанамъ, сохраняли особые отъ турокъ законы и имѣли особыхъ князей «господарей». Но эти «господари» въ позднѣйшее время назначались турками изъ преданныхъ имъ богатыхъ грековъ, и ихъ управленіе для народа было не легче, чѣмъ для сербовъ или болгаръ управленіе турецкихъ пашей.

Безмѣрныя подати довели народъ до полной нищеты. Молдавія и Валахія, славившіяся прежде обиліемъ хлѣба и скота, совершенно оскудѣли.

Болѣе смѣлые и воинственные изъ христіанъ, не желая сносить тяжелой неволи, бросали свои дома, уходили въ горы и составляли отряды «гайдуковъ»: дѣлали изъ горъ набѣги, грабили богатыхъ мусульманъ и жестокой расплатой мстили туркамъ за притѣсненія. Христіанъ такіе «гайдуки» никогда не грабили и не обижали, и народъ считалъ ихъ не разбойниками, а героями, борцами за родину и вѣру.

Въ теченіе 300 лѣтъ турки не могли задавить окончательно этого движенія, и мелкая война все время кипѣла на Балканскомъ полуостровѣ. Иной разъ и мирное населеніе поднимало возстаніе, но такія возстанія неизмѣнно и очень жестоко подавлялись турками.

Въ этомъ безотрадномъ положеніи одна только надежда поддерживала угнетенныхъ: надежда на помощь и защиту единовѣрной Россіи. Со временъ Іоанна Грознаго, болгары, сербы и греки молились въ своихъ церквахъ за Русскихъ Царей и съ нетерпѣніемъ

ждали появленія на Дунаѣ царскихъ ратей, чтобы возстать противъ притѣснителей. Мы видѣли, какъ часто появлялись съ мольбою о помощи ихъ послы у Престола первыхъ Царей изъ Дома Романовыхъ. Но Россія была тогда слишкомъ слаба для борьбы съ могущественной Турціей.

Первый попробовалъ откликнуться на призывъ порабощенныхъ христіанъ Петръ Великій. Его походъ на Турцію въ 1711 г. разсчитанъ былъ именно на возстаніе противъ турокъ ихъ подданныхъ христіанъ. Господари Молдавіи и Валахіи Кантеміръ и Бранкованъ въ тайныхъ переговорахъ обѣщали перейти на его сторону. Первое появленіе русскаго войска на берегахъ Дуная вызвало радостное движеніе среди славянскихъ племенъ Балканскаго полуострова. Маленькое сербское княжество, Черногорія, никогда не признававшее надъ собою турецкой власти, смѣло подняло оружіе противъ Турціи. Сербы и болгары жадно ожидали исхода войны, и монахи заносили въ свои лѣтописи смиренную молитву: «Помоги, Боже, нашему Царю».

Къ несчастью, походъ Петра былъ неудаченъ. Кантеміръ сдержалъ свое обѣщаніе, но Бранкованъ измѣнилъ и передалъ туркамъ всѣ запасы, заготовленные для русскихъ. Эта неожиданная измѣна вмѣстѣ съ другими тяжелыми обстоятельствами поставила Петра въ отчаянное положеніе, и Россія сама поплатилась за неудачную войну потерею Азова. Съ тѣхъ поръ для измѣнника Бранкована не было у народа другого прозвища, какъ Іуда. Но дѣло на этотъ разъ было проиграно. Кантеміръ и его соучастники въ возстаніи противъ турокъ выселились въ Россію, а положеніе христіанъ въ Турціи осталось безъ перемѣны.

Около этого времени въ судьбу Балканскихъ славянъ вступилась еще Австрія. Послѣ удачной войны она отняла у турокъ всю Сербію, которая и оставалась подъ ея властью 20 лѣтъ (1718—1738 г.г.). Но управленіе австрійскихъ нѣмецкихъ властей оказалось для сербовъ не лучше турецкихъ порядковъ. Австрійцы римско-католики такъ усердно старались навязать православнымъ сербамъ свою латинскую вѣру и свой нѣмецкій языкъ, а управляли такъ дурно и безсердечно, что вызвали къ себѣ одну ненависть и озлобленіе. Подъ властью Австріи было съ давнихъ временъ еще нѣсколько другихъ славянскихъ племенъ—чехи, словаки (среди которыхъ въ девятомъ вѣкѣ послѣ Рождества Христова жили и трудились Св. братья Кириллъ и Меѳодій, славянскіе первоучители), словинцы, хорваты, часть сербовъ — и всѣмъ жилось тяжело, и всѣ они, за исключеніемъ сербовъ, вынуждены были пе-

рейти въ римско-католическую вѣру, хотя въ народѣ всегда сохранялось тяготѣніе къ старой ихъ православной вѣрѣ. Еще во времена Алексѣя Михайловича одинъ ученый хорватъ (Юрій Крыжаничъ), бѣжавшій изъ Австріи въ Россію, писалъ въ своей книгѣ, что нѣмцы для славянъ—враги страшнѣе турокъ, и мечталъ, чтобы Россія объединила въ одно царство всѣхъ славянъ, освободивъ ихъ и отъ турецкаго, и отъ нѣмецкаго ига. И сербы, попавшіе всѣмъ народомъ въ 1718 г. подъ власть Австріи, скоро почувствовали горечь новаго рабства и были, въ концѣ концовъ, рады, когда Австрія вернула ихъ снова Турціи. «Лучше турокъ съ саблей, чѣмъ нѣмецъ съ перомъ»,—говорили они.

Вся надежда турецкихъ христіанъ попрежнему обращена была на православную Россію—на «Дѣда Ивана», какъ называли Россію болгары. Сербы, болгары, румыны—во множествѣ переселялись въ Россію. Уже Петръ Великій могъ образовать изъ такихъ переселенцевъ нѣсколько конныхъ полковъ—сербскій, волошскій, молдаванскій. При Елизаветѣ Петровнѣ къ нимъ прибавились, на ряду съ грузинскимъ, еще болгарскій и македонскій полки (Македонія населена славянами, родственными болгарамъ и сербамъ).

Со всѣхъ концовъ православнаго міра переселенцы стекались въ Россію искать пріюта и служить «Дѣду Ивану», пока у него не наберется силы освободить ихъ родную землю. Дѣти и внуки такихъ переселенцевъ уже смотрѣли на Россію, какъ на свою истинную родину, душою и тѣломъ сливались съ роднымъ для нихъ русскимъ народомъ. Среди героевъ Отечественной войны видное мѣсто занимаетъ славный генералъ Милорадовичъ, родомъ изъ обрусѣвшихъ сербовъ, переселившихся въ Россію. Нѣкоторыя области въ южной Россіи (въ нынѣшнихъ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ) такъ густо были населены ими, что получили даже названіе «Новой Сербіи».

Русскіе Государи, послѣ неудачной попытки Петра Великаго, не оставили заботы о защитѣ и освобожденіи единовѣрныхъ, а нѣкоторыхъ и единоплеменныхъ намъ народовъ. Ближе всѣхъ къ русскимъ границамъ лежали Молдавія и Валахія. Понятно, что ихъ освобожденіе шло въ первую очередь. Уже Императрица Анна, по окончаніи войны съ турками, требовала независимости для Дунайскихъ княжествъ, но тогда измѣна союзниковъ-австрійцевъ не позволила Россіи настоять на своемъ. То же требованіе повторила Екатерина Великая послѣ первой турецкой побѣдоносной войны. Вмѣшательство другихъ державъ вынудило Императрицу нѣсколько умѣрить свои требованія. Молдавія и Валахія не получили полной независимости,

но все-же знаменитый Кучукъ-Кайнарджійскій миръ 1774 г. принесъ имъ значительное облегченіе. Турки обязались не вводить въ княжествахъ новыхъ налоговъ, на два года вовсе освободить ихъ отъ податей, а Россіи предоставлено было право слѣдить за исполненіемъ этого обѣщанія, для чего въ Молдавію и Валахію присланы были особые русскіе уполномоченные.

Страшные удары, нанесенные Турціи Екатериною Великой, взволновали все православное населеніе Турціи. «Дѣдъ Иванъ» показалъ свою силу, Турція не казалась уже такой сильной и страшной.

Въ 1804 г. сербы, потерявъ терпѣніе отъ обидъ и грабежей со стороны турокъ, подняли кровавое возстаніе «за крестъ честный и за свободу золотую». Во главѣ возстанія сталъ храбрый сербъ Кара-Георгій, дѣдъ нынѣшняго сербскаго короля Петра. Ихъ одушевленіе было такъ велико, что турки нѣсколько лѣтъ не могли справиться съ возстаніемъ малочисленнаго, плохо вооруженнаго народа. Вожаки возстанія, конечно, ждали поддержки отъ Россіи. Въ то же время обратились къ Императору Александру и румыны съ жалобою на турокъ, которые по своему произволу хотѣли смѣстить ихъ «господарей». Императоръ Александръ, имѣвшій уже по договору 1774 г. законное право вступаться въ дѣла Дунайскихъ княжествъ, началъ съ Турціею войну. Русскія войска снова явились на берегахъ Дуная—и ихъ появленіе, какъ всегда, вызвало сильное движеніе среди православныхъ. Много румынъ, сербовъ, болгаръ сражалось въ русскихъ рядахъ. Русскіе отряды проникли и въ Сербію, на поддержку возставшихъ.

Къ сожалѣнію, надвигавшаяся Отечественная война, требовавшая всѣхъ силъ на защиту самой Россіи, снова не дала довести дѣла до конца. Но все-же миръ, заключенный въ Букарештѣ въ 1812 г., былъ достаточно выгоденъ и почетенъ. Сербія получила право самоуправленія—сербы сами выбирали себѣ отнынѣ правителей, сами устанавливали для себя законы; только турецкія войска стояли еще въ ихъ крѣпостяхъ, да опредѣленныя подати шли въ пользу султана. Добиться полнаго освобожденія Дунайскихъ княжествъ опять не удалось, но обширная область Молдавіи—Бессарабія отошла отъ Турціи къ Россіи.

Страшные годы рѣшительной борьбы Россіи съ Наполеономъ (1812—1814 г.г.) были тяжелымъ временемъ и для Балканскихъ славянъ. Гибель или пораженіе Россіи обозначали бы и для нихъ гибель всякой надежды на свѣтлое будущее. Турки, видя стѣсненное положеніе Россіи, и не думали исполнять договора

1812 г. и хозяйничали въ Сербіи по-старому. Сербы, сжившіеся уже съ мыслью о свободѣ, отвѣчали новымъ возстаніемъ. Турки жестоко тѣснили ихъ со всѣхъ сторонъ, и на этотъ разъ плохо пришлось бы сербамъ. Но въ это время закончились въ Европѣ войны съ Наполеономъ.

Россія, прославленная неслыханной побѣдой надъ соединенными силами всей Европы, была снова на высотѣ своего могущества—и внушительное заявленіе Императора Александра заставило турокъ вспомнить о договорѣ 1812 г. О войнѣ съ Россіей они въ это время боялись и подумать.

Турецкія войска были выведены изъ Сербіи, и сербамъ дано даже право избрать себѣ не временнаго правителя, а наслѣдственнаго князя. На княжескій престолъ избранъ былъ единодушно главный руководитель возстанія въ это время Милошъ Обреновичъ. Наступили для Сербіи новые дни. Подняты были вновь на церковныя колокольни колокола, сброшенные турками 400 лѣтъ назадъ, и торжественный благовѣстъ по всей сербской землѣ возвѣстилъ народу зарю свободной жизни. Но въ составъ сербскаго княжества вошла только одна часть сербовъ; другая, большая ихъ часть осталась подъ властью Турціи и отчасти Австріи.

Войны съ Турціею при Императорѣ Николаѣ.

Успѣхи, достигнутые Россіею при Императорѣ Александрѣ Первомъ, все-же не обѣщали въ дальнѣйшемъ прочнаго мира на Ближнемъ Востокѣ.

Одной изъ причинъ, питавшихъ и поддерживавшихъ постоянно враждебныя отношенія съ Турціею, были событія на Кавказѣ. Кавказскіе горцы, хотя и не были въ прямомъ подданствѣ Турціи, все-же признавали надъ собою нѣкоторую власть турецкаго султана, какъ духовнаго главы всего мусульманскаго міра. И султанъ не могъ видѣть безъ огорченія, какъ мусульманскія племена, населявшія Кавказскія горы, одно за другимъ, должны подчиняться Россіи. А борьба съ горцами шла у русскихъ непрерывно. Для сообщенія былъ тогда одинъ лишь путь—такъ называемая Военно-Грузинская дорога, проложенная русскими черезъ горы на перерѣзъ Кавказскаго хребта, отъ крѣпости Владикавказа до Тифлиса. Но движеніе по этой дорогѣ было въ постоянной опасности отъ грабежей, чинимыхъ окрестными горцами. Они питали

отвращеніе къ мирной жизни, а грабежъ считался у нихъ почетнымъ и молодецкимъ промысломъ. «Мы люди честные, говорили они, земли пахать не любимъ, а хотимъ жить грабежомъ, какъ жили наши отцы и дѣды».

Съ одной стороны горнаго хребта шли укрѣпленія нашей линіи, съ другой лежала наша уже Грузія, а посрединѣ горы перерѣзаны русской дорогою: куда бы ни обратились горцы со своими грабежами, они попадали въ русскія владѣнія. Понятно тоже, что русскіе не могли ограничиться отраженіемъ набѣговъ. Эта постоянная оборона стоила дороже настоящей большой войны, да и не всегда можно было уберечься навѣрняка отъ внезапнаго разбойничьяго набѣга. Обезпечить себѣ спокойное и прочное обладаніе Закавказьемъ можно было только полнымъ усмиреніемъ горныхъ племенъ, покореніемъ Кавказа.

Съ 1816 г., когда главнокомандующимъ на Кавказѣ былъ назначенъ знаменитый генералъ Ермоловъ, герой Отечественной войны, русскіе повели настойчивое, упорное наступленіе въ глубь кавказскихъ горъ. Ермоловъ говаривалъ, что Кавказъ подобенъ чудовищной крѣпости, воздвигнутой природою и защищенной полу-милліоннымъ гарнизономъ. На эту крѣпость онъ и повелъ правильную осаду, надвигаясь впередъ медленно, но прочно закрѣпляя за собою взятыя позиціи.

Въ кавказской войнѣ Турція принимала негласное, но очень живое участіе, неуклонно снабжая своихъ единовѣрцевъ оружіемъ и всѣми боевыми запасами, какіе трудно было достать въ горахъ. Съ другой стороны, турецкія крѣпости (Карсъ, Ахалцыхъ, Батумъ, Поти, Анапа) отрѣзали русскія владѣнія отъ Чернаго моря и служили опорою для горцевъ Западнаго Кавказа. Эти крѣпости были для русскихъ, какъ бѣльмо на глазу. Овладѣть ими было крайне важно для удобной защиты кавказской границы. Кромѣ того господство надъ восточнымъ берегомъ Чернаго моря дало бы Россіи большія выгоды и окупило бы расходы кавказской войны.

Такимъ образомъ, на Кавказѣ наши отношенія съ Турціею складывались весьма недружелюбно. Къ тому же приводили и событія въ Европѣ.

Облегченіе, доставленное Сербіи и Дунайскимъ княжествамъ, не только не успокоило турецкихъ христіанъ, но, напротивъ, вызвало новыя волненія. Всѣмъ хотѣлось добыть себѣ такія же льготы, а турецкая неволя часъ отъ часу становилась нестерпимѣе. Прошло 4—5 лѣтъ послѣ описанныхъ выше событій въ Сербіи—и на югѣ

началось возстаніе грековъ. Это возстаніе вызвало къ себѣ сочувствіе уже не въ одной Россіи. Изъ разныхъ государствъ Европы пріѣзжали добровольцы помогать грекамъ въ ихъ борьбѣ за свободу. Турки, озлобившись, старались подавить возстаніе такими мѣрами, къ какимъ даже сами они ранѣе не прибѣгали. 10-го апрѣля 1821 г., въ Пасхальную ночь, во время заутрени они схватили престарѣлаго патріарха Григорія, совершавшаго торжественное богослуженіе, и повѣсили его на воротахъ патріаршаго двора.

Эта дикая расправа вызвала во всей Европѣ взрывъ негодованія. Императоръ Николай Первый, по вступленіи своемъ на Престолъ, потребовалъ отъ турецкаго правительства прекращенія подобныхъ злодѣйствъ. На этотъ разъ требованіе Россіи было поддержано также Англіею и Франціей. Соединенный флотъ всѣхъ трехъ державъ явился у береговъ Турціи и въ битвѣ у Наварина уничтожилъ весь турецкій военный флотъ.

Но Франція и Англія тотчасъ и отстали отъ союза, не желая втягиваться въ долгую войну. Султанъ въ своемъ манифестѣ къ подданнымъ обвинялъ во всемъ одну Россію и призывалъ всѣхъ мусульманъ къ священной войнѣ противъ нея. Ненависть къ христіанамъ вообще, а къ русскимъ въ особенности, прорвалась давно невиданнымъ, дикимъ ожесточеніемъ, съ какимъ турки поднялись на войну съ Россіей. Война вспыхнула одновременно и на берегахъ Дуная, и на кавказской границѣ—была очень упорна и тяжела. Опять добровольцы изъ Сербіи, Болгаріи, Румыніи—во множествѣ стекались подъ русскія знамена. На объявленіе мусульманами священной войны христіане отвѣчали такой же священной войной за свою вѣру.

Въ 1829 г. побѣда склонилась на сторону русскаго оружія. Наши войска подошли къ самому Константинополю, и турки, подъ угрозою приступа къ столицѣ, должны были спѣшно просить мира.

Этотъ миръ (заключенъ въ Адріанополѣ въ 1829 г.) былъ торжествомъ не только для Россіи, но и для всего христіанства. Часть грековъ, именно южные греки, получили независимость отъ турокъ и образовали особое королевство съ столицей Аѳинами. Сербія получила еще 6 уѣздовъ, что значительно увеличило это маленькое княжество, и туркамъ запрещено было жить въ предѣлахъ Сербіи. Молдавіи и Валахіи были даны новыя важныя льготы: отнынѣ «господари» избирались самимъ населеніемъ изъ среды румынскаго народа, притомъ избирались не на срокъ, а на всю жизнь, такъ что турки, разъ признавъ избранныхъ румынами

«господарей», уже не имѣли права ихъ смѣстить. «Господари» могли издавать для своихъ княжествъ законы, не спрашивая согласія турокъ. Кромѣ того, Молдавія и Валахія получали право завести собственное войско. Подати, взимаемыя турками съ румынъ, были снова сложены на нѣсколько лѣтъ, пока народъ не оправится отъ разоренія войны.

Пять лѣтъ (съ 1829 по 1834 г.) русскія войска оставались въ Молдавіи и Валахіи. Уполномоченный Императора Николая Павловича графъ Киселевъ управлялъ обоими княжествами, пока не утвердились въ нихъ окончательно новые порядки, опредѣленные Адріанопольскимъ договоромъ. Новое управленіе Дунайскихъ княжествъ разработано было въ Петербургѣ. Русскіе-же офицеры устроили и обучили вновь учрежденныя румынскія войска. Когда русскіе оставили, наконецъ, Молдавію и Валахію,—княжества оказались почти совершенно самостоятельными: верховная власть надъ ними Турціи сохранялась только на словахъ.

Сама Россія по Адріанопольскому миру получила турецкія крѣпости Ахалцыхъ, Анапу и Поти, обѣ послѣднія на берегу Чернаго моря. Вмѣстѣ съ этимъ Россіи уступленъ былъ Турціей восточный берегъ Чернаго моря отъ устья р. Кубани до гавани Св. Николая. Но черноморское побережье населено было непокорными племенами, продолжавшими сноситься съ Турціей, и для прекращенія этихъ сношеній устроена была потомъ особая черноморская укрѣпленная береговая линія. Еще раньше, въ 1828 г., по Туркманчайскому миру съ Персіей, Россія пріобрѣла населенныя по преимуществу христіанскимъ народомъ—армянами Эриванское и Нахичеванское ханства (нынѣшнюю Эриванскую губернію).

Успѣхи Россіи въ борьбѣ съ Турціею вызвали большую тревогу среди державъ Западной Европы: боялись, чтобы Россія не завоевала Турцію окончательно и не овладѣла бы Константинополемъ, который считается едва ли не самымъ выгоднымъ по положенію городомъ въ мірѣ.

Чувство зависти и опасенія вызвало образованіе противъ Россіи цѣлаго союза сильныхъ европейскихъ государствъ и привело, въ концѣ концовъ, къ несчастной для насъ крымской войнѣ.

Въ послѣдніе годы царствованія Императора Николая Перваго Россіи пришлось снова начать съ Турціей войну. Война пошла вначалѣ для насъ успѣшно. Русскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Нахимова уничтожилъ турецкій флотъ въ блестящей битвѣ около гавани Синопа (въ Черномъ морѣ). Но на помощь

Турціи выступили неожиданно Англія, Франція и одно изъ итальянскихъ королевствъ—Сардинія. Даже Австрія, спасенная въ 1849 г. отъ вѣрной гибели помощью Императора Николая Перваго, заняла явно враждебное положеніе, грозя каждую минуту примкнуть также къ нашимъ врагамъ. Сами австрійцы признавались при этомъ, что они «удивляютъ міръ своей неблагодарностью».

Огромный флотъ союзниковъ подошелъ къ берегамъ Крыма и высадилъ сильную, отлично вооруженную армію турокъ, англи-

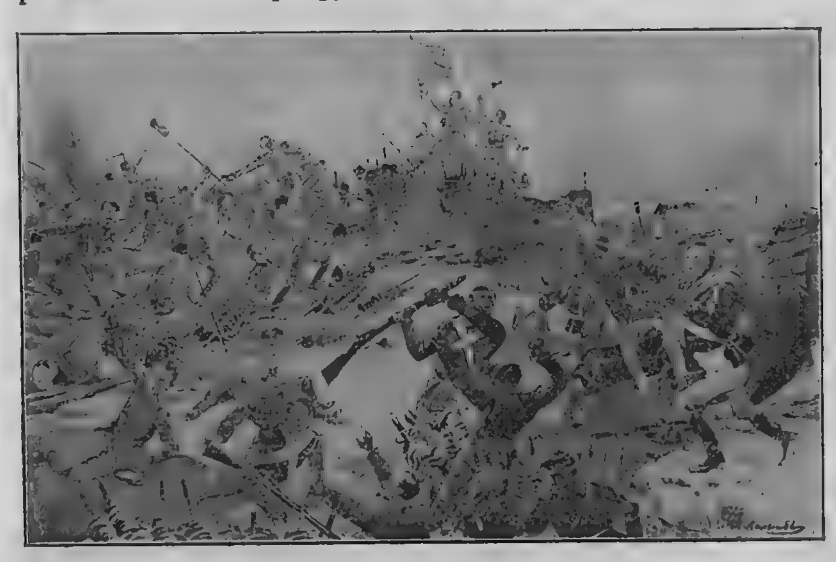

Адмиралъ Корниловъ. Вице-Адмиралъ Нахимовъ.

чанъ, французовъ и итальянцевъ. Послѣ неудачной для насъ битвы, союзники большими силами обступили городъ Севастополь. Русскій флотъ былъ слишкомъ слабъ для открытаго боя съ сильнымъ врагомъ. Для подкрѣпленія слабаго гарнизона Севастополя съ кораблей свезли на берегъ пушки и матросовъ, а самые корабли затопили у входа въ гавань, чтобы оградить городъ отъ нападенія съ моря.

Началась знаменитая, всякому русскому извѣстная, осада Севастополя. Въ самый разгаръ этой тяжелой осады Императоръ Николай Павловичъ послѣ недолгой простудной болѣзни 18 февраля 1855 года скончался.

Русскіе въ короткій срокъ возвели, подъ искуснымъ руководствомъ военнаго инженера Тотлебена, рядъ укрѣпленій, превратившихъ Севастополь въ настоящую крѣпость, о которую 11 мѣсяцевъ разбивались отчаянные приступы союзной арміи. Во время непрестаннаго бомбардированія, погибли смертью героевъ славные русскіе вожди—адмиралы Нахимовъ и Корниловъ. Наконецъ, когда укрѣпленія Севастополя были почти совершенно разрушены, союзники страшнымъ приступомъ овладѣли Малаховымъ Курганомъ, который былъ главной опорой русскихъ позицій. Послѣ этого остатки рус-

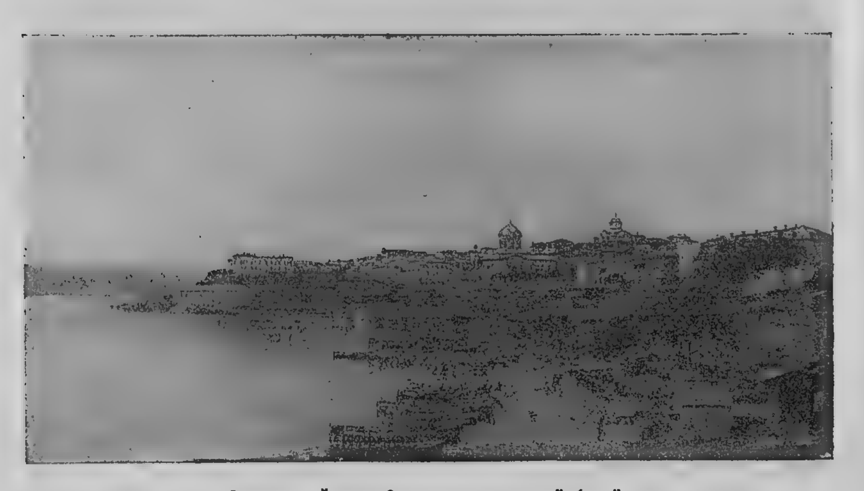
Штурмъ Малахова кургана.

скихъ войскъ вынуждены были отступить изъ развалинъ Севастополя.

Успѣхи русскихъ на кавказской границѣ и взятіе сильной турецкой крѣпости Карса отчасти дали намъ нѣкоторое удовлетвореніе. Императоръ Александръ Второй, вступившій въ это время на Престолъ, не захотѣлъ продолжать трудной войны и согласился на миръ, обязавшись не имѣть въ Черномъ морѣ военнаго флота, возвратить Турціи взятые у нея крѣпости и города въ Малой Азіи и уступить прилегающую къ устью Дуная часть Бессарабіи, отошедшую къ Молдавіи. Мирный договоръ подписанъ былъ въ Парижѣ 18 марта 1856 года.

Обязательство не имѣть флота въ Черномъ морѣ значительно подрывало военную мощь Россіи, и многіе въ Россіи отъ души огорчались заключеніемъ невыгоднаго для насъ мира. Силы Россіи были еще не истрачены, одушевленіе въ народѣ велико, и казалось возможнымъ продолжать борьбу съ надеждою на побѣду. Но Императоръ Александръ Второй вполнѣ обдуманно пошелъ на уступки. Имъ руководилъ при этомъ глубокій и вѣрный расчетъ: внутреннія дѣла Россіи требовали всего вниманія и заботы Императора.

Своевременно и необходимо было провести цѣлый рядъ важныхъ преобразованій, намѣтить новые законы и порядки. Война была помѣхою въ великомъ дѣлѣ, задуманномъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, и онъ спѣшилъ заключеніемъ мира, твердо вѣря, что Россія, приведя въ порядокъ свои внутреннія дѣла, съумѣетъ скоро возстановить и передъ другими державами свою мощь и славу.

Современный видъ Севастополя съ южной бухтой.

Памятникъ Императору Александру Второму въ Московскомъ Кремлѣ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ВТОРОЙ— ЦАРЬ-ОСВОБОДИТЕЛЬ.

Воспитаніе Государя.

Въ то время, какъ въ Севастополѣ лилась кровь русскихъ героевъ, скончался Императоръ Николай Павловичъ (18 февраля 1855 года). Въ духовномъ завѣщаніи Императоръ писалъ: «Я умираю съ пламенной любовью къ нашей славной Россіи, которой служилъ по крайнему моему разумѣнію вѣрой и правдой. Жалѣю, что не могъ сдѣлать всего добра, котораго столь искренно желалъ. Сынъ мой меня замѣнитъ. Буду молить Бога, да благословитъ его на тяжкое поприще, на которое вступаетъ...» Своему же преемнику и другимъ сыновьямъ Государь передъ смертью говорилъ:

«Служите Россіи. Мнѣ хотѣлось принять на себя все трудное, все тяжкое, оставивъ царство мирное, устроенное, счастливое. Прови-

Императоръ Александръ Второй.

дѣніе судило иначе. Теперь иду молиться за Россію и за васъ. Послѣ Россіи, я васъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ».

Послѣ смерти Императора Николая Перваго вступилъ на Престолъ его старшій сынъ Александръ, который неизгладимо запечатлѣлъ свое имя въ исторіи освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, важными внутренними преобразованіями, завоеваніемъ свободы отъ мусульманскаго ига многимъ христіанамъ Турціи и, наконецъ, своей мученической смертью.

Императоръ Александръ Второй родился въ Москвѣ 17 апрѣля 1818 г. Знаменитый поэтъ и будущій его воспитатель Жуковскій привѣтствовалъ рожденіе царственнаго младенца стихами, въ которыхъ какъ-бы предугадалъ его будущую судьбу:

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ,
Да славнаго участникъ славный будетъ,
И на чредѣ высокой не забудетъ святѣйшаго изъ званій «человѣкъ».
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ, для блага всѣхъ—[свое позабывать!
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать—
Вотъ правила царей великихъ внуку.

Крестнымъ отцомъ будущаго Императора былъ его дядя—Александръ Благословенный. Первые годы его жизни прошли въ Аничковскомъ дворцѣ въ Петербургѣ, гдѣ жилъ его отецъ Великій Князь Николай Павловичъ, и въ Павловскѣ подъ Петербургомъ, у Августѣйшей его бабушки Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Когда мальчику пошелъ седьмой годъ, началось его военное воспитаніе подъ руководствомъ боевого офицера—капитана Мердера, который былъ лично извѣстенъ Императору Николаю Павловичу своими высокими душевными качествами. Будущему Государю не было еще восьми лѣтъ, когда наступили декабрскія событія 1825 г. Отецъ-Императоръ вынесъ его во дворъ, который былъ занятъ гвардейскимъ сапернымъ баталіономъ, и передалъ на руки заслуженнымъ старымъ солдатамъ. Гвардейскіе саперы восторженно привѣтствовали Наслѣдника Престола. Такъ началась тѣсная связь его съ войсками.

Обстановка, въ которой проходило дѣтство Наслѣдника, была простая. Императоръ не желалъ окружать сына пышностью. Онъ говорилъ, что хочетъ воспитать въ сынѣ прежде всего человѣка. Для этой цѣли Императоръ Николай Павловичъ въ наставники своему Наслѣднику выбралъ поэта Жуковскаго. Выборъ былъ какъ нельзя болѣе удаченъ: Жуковскій былъ благороднѣйшій, умнѣйшій и широко образованный человѣкъ. Къ своему высокому званію—наставника будущаго Царя Россіи—Жуковскій рѣшилъ

основательно подготовиться. Онъ испросилъ у Государя отпускъ за границу и, пользуясь здѣсь свободнымъ временемъ, въ теченіе года усиленно готовился. «Я весь, писалъ Жуковскій своимъ друзьямъ, поглощенъ одною мыслію, и эта мысль, основанная на любви, оживляетъ все мое существованіе».

Прежде чѣмъ начать занятія съ царственнымъ воспитанникомъ, Жуковскій составилъ планъ ученія. По его мысли, все воспитаніе и образованіе должно было направляться къ укрѣпленію въ Наслѣдникѣ Престола добродѣтели и къ тому, чтобы дать отвѣты на вопросы, что его окружаетъ, что онъ есть самъ, чѣмъ онъ долженъ быть, какъ человѣкъ, и, наконецъ, къ чему онъ предназначенъ. Планъ Жуковскаго былъ утвержденъ Государемъ. Жуковскій являлся главнымъ руководителемъ, а для преподаванія наукъ были приглашены лучшіе учителя того времени.

Два раза въ годъ Наслѣднику устраивались экзамены, часто въ присутствіи самого Государя, который не разъ послѣ нихъ выражалъ свое благоволеніе и Мердеру, и Жуковскому. Послѣ одного экзамена Императоръ писалъ Жуковскому: «Мнѣ пріятно сказать вамъ, что не ожидалъ найти въ сынѣ такихъ успѣховъ. Все у него идетъ ровно, все, что онъ знаетъ,—знаетъ хорошо, благодаря вашему способу обученія и ревности учителей».

Еще въ отроческихъ годахъ Александръ Николаевичъ поражалъ своихъ воспитателей и учителей живостью своего характера, быстротою сообразительности и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительною добротою. Къ обоимъ своимъ воспитателямъ онъ всегда питалъ самую сердечную привязанность; благородныя же мысли Жуковскаго онъ впослѣдствіи старался осуществить, будучи на Престолѣ.

Когда общее образованіе Цесаревича Александра было закончено, графъ Сперанскій ознакомилъ его, въ теченіе двухъ лѣтъ, съ наукой законодательства и управленія государствомъ, а другія лица познакомили его съ тогдашними отношеніями Россіи къ другимъ государствамъ, съ наукою о народномъ хозяйствѣ, а также съ высшими военными науками.

Весною 1837 года Наслѣдникъ, для завершенія своего образованія, отправился въ путешествіе по Россіи; въ этомъ путешествіи его сопровождалъ и Жуковскій. Черезъ Новгородъ и Тверь Наслѣдникъ проѣхалъ въ Угличъ, Рыбинскъ, Ярославль и Кострому, а оттуда въ Вятку, Пермь и Оренбургъ; посѣтилъ горные заводы въ верхнемъ Уралѣ, а затѣмъ первый изъ лицъ Царскаго Дома проѣхалъ по Сибири до Тобольска. На обратномъ пути изъ Сибири, Цесаревичъ посѣтилъ другіе города по Волгѣ, центральной и

южной Россіи, побывалъ на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей и на южномъ берегу Крыма. Все путешествіе совершалось на лошадяхъ — желѣзныхъ дорогъ тогда еще не было; Цесаревичъ часто останавливался въ пути и посѣщалъ не только сельскія церкви, но и крестьянскія избы, гдѣ воочію знакомился съ жизнью простого народа. Населеніе всюду встрѣчало его съ восторгомъ.

Путешествіе ближе познакомило Цесаревича съ Россіей, а народъ русскій съ его будущимъ Царемъ. Вслѣдъ за путешествіемъ по Россіи состоялась и продолжительная поѣздка его за границу. Онъ посѣтилъ почти всѣ иностранные дворы. Во время этой поѣздки Наслѣдникъ познакомился со своей будущей супругой—принцессой Дармштадтской Маріей. Бракъ ихъ былъ заключенъ въ 1841 г.

По возвращеніи въ Россію, Наслѣдникъ былъ привлеченъ къ участію въ дѣлахъ государственнаго управленія. Онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта, а затѣмъ комитета министровъ.

Во время своихъ отлучекъ за границу, Императоръ постоянно возлагалъ на Наслѣдника рѣшеніе всѣхъ тѣхъ дѣлъ, которыя рѣшалъ самъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Цесаревичъ исполнялъ обязанности главнокомандующаго гвардіей и гренадерскимъ корпусомъ и начальника военныхъ учебныхъ заведеній. Такъ, еще до вступленія на Престолъ Александръ Николаевичъ былъ хорошо знакомъ съ дѣлами высшаго военнаго и гражданскаго управленія.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Первое время новаго царствованія было всецѣло занято военными дѣйствіями: оставалось тяжелое наслѣдіе—крымская война. Коронація состоялась по окончаніи войны, въ августѣ 1856 года. Радостно встрѣчалъ народъ на улицахъ и площадяхъ московскихъ своего Монарха, твердо вѣря, что Александръ Второй даруетъ крѣпостнымъ давно желанную свободу. Увѣренность эта жила и въ кругахъ образованныхъ людей, и одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ тогдашнихъ москвичей, поэтъ и мыслитель—Хомяковъ привѣтствовалъ коронованіе Императора такими стихами:

И вѣримъ мы, и вѣрить будемъ,
Что дастъ онъ даръ—вѣнецъ дарамъ—
Даръ братолюбья къ братьямъ-людямъ,
Любовь отца къ своимъ сынамъ.

И дастъ года онъ яркой славы,
Побѣду въ подвигахъ войны
И средь прославленной державы
Года цвѣтущей тишины...

Слова Хомякова были вполнѣ справедливы. Государь былъ одушевленъ самымъ искреннимъ намѣреніемъ сдѣлать все для устраненія недостатковъ русской жизни. Еще въ первый годъ своего царствованія на отчетѣ министра внутреннихъ дѣлъ онъ сдѣлалъ надпись: «Читалъ съ большимъ интересомъ и благодарю, въ особенности за откровенное изложеніе всѣхъ недостатковъ, которые съ Божіею помощью и при общемъ усердіи съ каждымъ годомъ будутъ исправляться». Первымъ, главнымъ изъ этихъ недостатковъ Государь считалъ крѣпостное право, и онъ рѣшилъ его непремѣнно уничтожить.

Члены царской семьи всѣмъ, чѣмъ могли, старались помочь Государю въ его великомъ рѣшеніи:—Императрица Марія Александровна, братъ его Великій Князь Константинъ Николаевичъ, тетка его Великая Княгиня Елена Павловна. Вокругъ Великой Княгини,—женщины большого ума и благороднаго сердца,—объединились наиболѣе убѣжденные противники крѣпостного права. Но много препятствій стояло на пути великаго дѣла.

Крѣпостное право слагалось на Руси цѣлыми вѣками и тѣсно связалось со многими сторонами жизни. При низкомъ уровнѣ образованія, и среди дворянъ-помѣщиковъ много было людей малопросвѣщенныхъ и малосвѣдущихъ, которые думали, что безъ даровыхъ рабочихъ рукъ помѣщику не прожить, что съ освобожденіемъ крестьянъ грозитъ имъ разореніе. Многіе помѣщики боялись, что освобожденіе крѣпостныхъ будетъ сопровождаться безпорядками. Затѣмъ, кромѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, надо было подумать о будущемъ устройствѣ крестьянъ. Наконецъ, въ случаѣ надѣленія ихъ землею, возникалъ сложный вопросъ о вознагражденіи помѣщиковъ за земли, которыя отъ нихъ отойдутъ въ надѣлъ крестьянамъ.

Въ рѣчи своей къ московскому дворянству въ 1856 г. Государь ясно выразилъ свои намѣренія, сказавъ, что «существующій порядокъ владѣнія крестьянами не можетъ оставаться неизмѣннымъ».

Относительно задуманнаго имъ преобразованія Государь часто совѣщался съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Ланскимъ. Министръ, подъ вліяніемъ этихъ бесѣдъ, сталъ убѣжденнымъ сто-

ронникомъ отмѣны крѣпостного права и много поработалъ для проведенія въ жизнь этого великаго дѣла.

Государь еще въ началѣ 1857 года образовалъ изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ особый комитетъ, которому повелѣлъ обсудить возникавшія въ предыдущія царствованія предположенія объ улучшеніи быта крестьянъ и составить проектъ освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости. Однако многіе члены комитета были противниками намѣченной мѣры. Хотя дѣло освобожденія имѣло горячаго сторонника въ лицѣ Великаго Князя Константина Николаевича, входившаго въ составъ комитета, однако работы въ немъ шли медленно. Было видно, что большинство членовъ не сочувствуетъ освобожденію крестьянъ и во всякомъ случаѣ не считаетъ его дѣломъ ближайшаго времени. Уже лѣтомъ 1857 г. Государь былъ вынужденъ напомнить комитету— «не откладывать дѣла подъ разными предлогами въ долгій ящикъ». Затѣмъ, Государь, видя, что трудно всецѣло положиться на комитетъ, обратился къ инымъ средствамъ проведенія своей мысли.

Въ концѣ октября 1857 года въ Петербургъ прибылъ Виленскій генералъ-губернаторъ Назимовъ, бывшій въ молодости личнымъ адъютантомъ Государя, и представилъ ему адресъ дворянъ Виленской, Ковенской и Гродненской губерній. Эти дворяне, боясь установленія въ ихъ имѣніяхъ обязательныхъ инвентарей, были склонны лучше уже освободить своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но только безъ надѣленія землей. Они и просили Государя разрѣшить имъ обсудить этотъ вопросъ. Привезенный Назимовымъ адресъ переданъ былъ Государемъ на разсмотрѣніе въ комитетъ. Большинство членовъ комитета высказалось за отклоненіе просьбы дворянъ трехъ губерній. Четыре же члена комитета, и въ числѣ ихъ Великій Князь, подали другое мнѣніе— разрѣшить тѣмъ дворянамъ образовать губернскіе комитеты для обсужденія вопроса объ улучшеніи быта крестьянъ, съ предоставленіемъ имъ въ собственность усадебъ, на которыхъ они жили, и въ пользованіе необходимаго количества земли. Государь согласился съ мнѣніемъ четырехъ членовъ, и 20 ноября 1857 г. данъ былъ на имя Назимова соотвѣтствующій Высочайшій рескриптъ.

Рескриптъ этотъ былъ сообщенъ тогда же министромъ внутреннихъ дѣлъ Ланскимъ всѣмъ губернаторамъ и понятъ на мѣстахъ дворянами, какъ опредѣленный призывъ ихъ Государемъ къ тому же дѣлу. Петербургское дворянство первымъ отозвалось на этотъ призывъ, и уже 5 декабря 1857 г. ему было разрѣшено Го-

сударемъ образовать губернскій комитетъ для составленія проекта объ улучшеніи быта крестьянъ. 17-го декабря Нижегородское дворянство представило Государю адресъ, выражая въ немъ готовность—«исполнить священную волю его на тѣхъ условіяхъ, какія ему благоугодно будетъ указать». Вслѣдъ затѣмъ послѣдовали подобные же всеподданнѣйшіе адреса отъ дворянъ всѣхъ другихъ губерній. Вскорѣ вся Россія покрылась сѣтью дворянскихъ губернскихъ комитетовъ, которые дѣятельно принялись за работу.

Государь зорко слѣдилъ за дѣятельностью этихъ комитетовъ. Узнавши, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ обсуждается вопросъ о необходимости вознагражденія помѣщиковъ за самое освобожденіе крестьянъ, онъ велѣлъ министру Ланскому немедленно всѣмъ разъяснить, что «личность крестьянина и обязательный его трудъ выкупу подлежать не могутъ». Въ другой разъ, узнавши, что нѣкоторые комитеты стали обсуждать вопросъ о предоставленіи крестьянамъ въ собственность полевыхъ угодій (въ рескриптѣ говорилось только объ усадебной осѣдлости), Государь велѣлъ объявить всѣмъ комитетамъ свое полное одобреніе подобному начинанію.

Послѣ открытія комитетовъ Государь счелъ необходимымъ предпринять въ августѣ 1858 года поѣздку по сѣвернымъ и среднимъ губерніямъ. Всюду, въ губернскихъ городахъ, гдѣ останавливался, онъ приглашалъ къ себѣ дворянъ и бесѣдовалъ съ ними. Тамъ, гдѣ комитеты работали хорошо и согласно его предначертаніямъ, Императоръ благодарилъ; тамъ, гдѣ дѣйствовали вяло, нерѣшительно,—онъ поощрялъ, торопилъ; къ тѣмъ же комитетамъ, гдѣ возникали разные споры, онъ обращался съ словами укоризны. Эта поѣздка оказала весьма благодѣтельное вліяніе на дѣло скорѣйшаго освобожденія крестьянъ. Изъ устныхъ обращеній Императора всѣ непосредственно убѣдились въ твердости и окончательности принятаго имъ рѣшенія. Когда комитеты кончили свои занятія, Государь велѣлъ явиться въ Петербургъ, для личныхъ дополнительныхъ объясненій, двумъ выборнымъ депутатамъ отъ каждаго изъ нихъ, выражающимъ мнѣніе въ комитетѣ большинства и меньшинства его членовъ.

Въ представленныхъ комитетами предположеніяхъ встрѣчались иногда сужденія и неправильныя; однако всѣ главнѣйшія мысли, которыя легли въ основу совершившагося освобожденія крестьянъ, были намѣчены въ разныхъ комитетскихъ проектахъ.

Упомянутому выше главному комитету трудно было справиться со всѣмъ множествомъ предположеній и мнѣній мѣстныхъ

комитетовъ. Поэтому, въ началѣ 1859 года, Государь велѣлъ образовать, въ помощь главному комитету, особую коммисію - редакціонную, т. е. такую, которая свела бы и изложила все то, къ чему пришли мѣстные комитеты, и разобралась бы въ объясненіяхъ вызванныхъ въ Петербургъ депутатовъ.

Предсѣдателемъ этой коммисіи назначенъ былъ пользовавшійся особымъ довѣріемъ Государя генералъ Ростовцевъ, а въ составъ ея были привлечены, какъ изъ числа чиновниковъ, такъ и изъ мѣстныхъ дѣятелей, наиболѣе даровитые, убѣжденные сторонники освобожденія крестьянъ, хорошо знакомые съ ихъ бытомъ.

Изъ этихъ лицъ особенно выдѣлялись товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Милютинъ и помѣщики Юрій Самаринъ и князь Черкасскій. Какъ эти дѣятели, такъ и большинство остальныхъ членовъ редакціонной коммисіи были горячими сторонниками освобожденія крестьянъ и надѣленія ихъ землею, хотя сами они были помѣщиками, владѣвшими большимъ числомъ крѣпостныхъ. На этихъ благородныхъ людяхъ, равно какъ и на тѣхъ писателяхъ изъ дворянъ, которые въ литературѣ вели борьбу съ крѣпостнымъ правомъ, русское дворянство показало, на какія жертвы оно готово идти по призыву своего Государя.

При личныхъ совѣщаніяхъ редакціонной коммисіи съ пріѣзжими депутатами много было пререканій, иногда острыхъ и горячихъ. О самомъ освобожденіи крестьянъ споровъ уже не было; непреклонная воля Государя всѣмъ была извѣстна. Зато много споровъ было о томъ, какъ осуществить освобожденіе съ наименьшимъ ущербомъ для помѣщиковъ и возможными выгодами для крестьянъ. Предсѣдатель редакціонной коммисіи и большинство членовъ ея прилагали всѣ старанія къ тому, чтобы защитить интересы крестьянъ.

Уже къ концу 1859 года редакціонная коммисія выработала въ главныхъ чертахъ проектъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ.

Много труда и всякаго безпокойства выпало на долю членовъ ея и особенно предсѣдателя. Ростовцевъ отъ непосильныхъ для его лѣтъ трудовъ захворалъ и въ началѣ 1860 года скончался; но и на смертномъ одрѣ онъ былъ проникнутъ заботами о скорѣйшемъ освобожденіи крестьянъ Когда умирающаго навѣстилъ Императоръ, то послѣдними его словами, обращенными къ Государю, были слова ободренія его въ этомъ святомъ дѣлѣ.

Новый предсѣдатель редакціонной коммисіи получилъ отъ Государя приказаніе ни въ чемъ не измѣнять принятыхъ рѣшеній и озаботиться скорѣйшимъ завершеніемъ дѣла.

Къ осени того же года коммисія составила полный проектъ положеній объ освобожденіи и устройствѣ крестьянъ и передала его въ главный комитетъ. Въ это время тяжело заболѣлъ предсѣдатель комитета князь Орловъ, и Государь вмѣсто него назначилъ Великаго Князя Константина Николаевича. Новый предсѣдатель быстро повелъ дѣло, и къ половинѣ января 1861 г. проектъ редакціонной коммисіи былъ уже разсмотрѣнъ. Великій Князь приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы все нужное и полезное для крестьянъ въ этомъ проектѣ было сохранено. Несмотря на первоначальное противодѣйствіе большинства членовъ, благодаря твердости и настойчивости Великаго Князя, проектъ былъ принятъ лишь съ нѣкоторыми несущественными измѣненіями. Въ послѣднемъ засѣданіи главнаго комитета Государь лично присутствовалъ и по окончаніи засѣданія благодарилъ Великаго Князя за его труды: нѣсколько разъ обнялъ его и поцѣловалъ. Теперь предстояло внести проектъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

Первое засѣданіе совѣта (28 января 1861 г.) открылъ самъ Государь, произнесшій замѣчательную рѣчь. Онъ говорилъ, что откладывать это дѣло больше нельзя, что необходимо его окончить въ февралѣ, чтобы объявить волю къ началу полевыхъ работъ. Указавъ далѣе на то, что было сдѣлано для облегченія крѣпостного права его Державными Предками, Государь сказалъ: «Мы не желали, давая личную свободу крестьянамъ, сдѣлать изъ крестьянъ людей бездомныхъ... Мы хотѣли избѣгнуть того, что происходило за границей, гдѣ преобразованіе совершилось почти вездѣ насильственнымъ образомъ»...

Въ заключеніе Государь предлагалъ членамъ государственнаго совѣта—съ Божіею помощью безотлагательно приступить къ работѣ.

Рѣчь Императора произвела на всѣхъ ее слышавшихъ глубокое, неотразимое впечатлѣніе. «Эта рѣчь, пишетъ одинъ современникъ, поставила Государя безконечно выше всѣхъ его министровъ и членовъ совѣта. Отнынѣ онъ пріобрѣлъ себѣ безсмертіе»...

Въ серединѣ февраля Положеніе объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и дальнѣйшемъ ихъ устройствѣ было разсмотрѣно и одобрено государственнымъ совѣтомъ. При разсмотрѣніи его Самодержцу не разъ приходилось обезпечивать своимъ твердымъ вмѣшательствомъ сохраненіе коренныхъ началъ осуществляемаго имъ преобразованія.

18 февраля 1861 года, въ шестую годовщину смерти своего отца, Императоръ Александръ Николаевичъ долго молился у его гробни-

Императоръ Александръ Второй у гроба Отца Своего 18 февраля 1861 г.

цы въ Петропавловскомъ соборѣ. На другой день, 19-го февраля, министръ внутреннихъ дѣлъ привезъ Государю для подписанія законъ объ освобожденіи и устройствѣ быта крестьянъ и Высочайшій манифестъ объ этомъ. Императоръ приказалъ выйти всѣмъ изъ кабинета; ему хотѣлось передъ подписаніемъ этого великаго закона, «остаться, какъ онъ самъ говорилъ, наединѣ съ своею совѣстью».

Знаменательный манифестъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости былъ составленъ, по желанію Государя, митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ. Въ началѣ манифеста говорилось о тѣхъ общихъ основаніяхъ, на которыхъ производилось освобожденіе крестьянъ. Далѣе Государь выражалъ свою благодарность дворянству, «которое, добровольно, побуждаясь только уваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовью къ ближнимъ, отказалось отъ упраздняемаго нынѣ крѣпостного права»... Вмѣстѣ съ тѣмъ Императоръ выражалъ надежду, что «крѣпостные люди, при открывающейся для нихъ новой будущности, поймутъ и съ благодарностью примутъ важное пожертвованіе, сдѣланное дворянствомъ для улучшенія ихъ быта». Крестьяне призывались въ манифестѣ «къ вѣрному и прилежному употребленію въ дѣло дарованныхъ имъ правъ». «Самый благотворный законъ,—говорилось въ манифестѣ,—не сможетъ людей сдѣлать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучіе». Заканчивался манифестъ 19 февраля высокотрогательными словами, которыя всякій русскій человѣкъ долженъ всегда помнить: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго».

Подписанный Александромъ Вторымъ манифестъ былъ объявленъ въ обѣихъ столицахъ въ прощеное воскресенье, 5 марта, а въ другихъ городахъ—въ ближайшую недѣлю нарочно для этой цѣли посланными отъ Государя довѣренными лицами.

Въ Петербургѣ, когда Государь вышелъ послѣ развода изъ Михайловскаго манежа, и его окружила толпа народа, онъ самъ прочелъ собравшимся манифестъ. Впечатлѣніе было чрезвычайное. Когда коляска Государя показалась потомъ на площади передъ Зимнимъ Дворцомъ, многотысячная толпа народа восторженными кликами привѣтствовала Царя-Освободителя. «Было прощеное воскресенье, писалъ очевидецъ, а прошло оно, словно Свѣтлое Христово Воскресеніе. Многіе незнакомые люди поздравляли другъ друга, обнимались, цѣловались на улицѣ».

По всей Россіи «воля» была встрѣчена народомъ съ глубокой благодарностью Монарху, ее даровавшему, и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойно: волненій, которыхъ многіе опасались, совсѣмъ почти не было. Русскій простой народъ показалъ тогда себя достойнымъ освобожденія отъ крѣпостной неволи и этимъ оправдалъ доброе о немъ мнѣніе Государя и доставилъ великую радость своему Царю-Благодѣтелю. Во многихъ иностранныхъ земляхъ крѣпостное право было отмѣнено раньше, чѣмъ въ Россіи, но почти вездѣ

Императоръ Александръ Второй читаетъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ.

отмѣна его сопровождалась смутами и безпорядками. Кромѣ того крестьяне тамъ освобождались безъ земли, и часто ихъ положеніе послѣ освобожденія становилось тяжелѣе: они попадали въ полную имущественную зависимость отъ помѣщиковъ, такъ какъ собственной земли у нихъ не было ни пяди. На нашей же родинѣ сдѣлано было иначе: каждый освобождаемый крестьянинъ получалъ душевой надѣлъ, размѣръ котораго былъ въ разныхъ мѣстностяхъ различенъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Такъ какъ надѣлы крестьянамъ были отводимы изъ земель, составлявшихъ собствен-

ность помѣщиковъ, то послѣднимъ и надлежало возмѣстить ея стоимость.

Изъ 20-ти милліоновъ освобождаемыхъ крестьянъ только немногіе немедленно могли сами расчитаться за предоставляемыя имъ земли, огромному же большинству пришло на помощь государство, которое оплатило помѣщикамъ стоимость выдѣленныхъ крестьянамъ надѣловъ съ тѣмъ, чтобы крестьяне возмѣстили казнѣ выплаченныя за ихъ счетъ деньги ежегодными взносами.

Эти взносы, извѣстные подъ названіемъ «выкупныхъ платежей», съ того времени стали вноситься освобожденными крестьянами въ казну, вплоть до самаго послѣдняго времени, когда нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ простилъ крестьянамъ оставшуюся часть недоплаченнаго долга государству, и взысканіе выкупныхъ платежей было прекращено.

Въ 1866 г., Государь велѣлъ примѣнить общія основанія Положенія 19 февраля 1861 г. относительно помѣщичьихъ крестьянъ и къ крестьянамъ государственнымъ.

Польская смута и мѣропріятія въ западномъ и привислинскомъ краяхъ.

Мирное теченіе жизни въ нашемъ отечествѣ, столь необходимое для успѣшнаго проведенія великихъ реформъ Императора Александра Второго, было нарушено поляками. За тридцать лѣтъ, протекшихъ со времени возстанія при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, поляки ничего не забыли и ничему не научились: они попрежнему продолжали мечтать о возстановленіи Польши и совсѣмъ какъ-бы не видѣли тѣхъ заботъ и расположенія, которыя къ нимъ проявляла русская власть. Императоръ Александръ Второй былъ одушевленъ по отношенію къ полякамъ лучшими намѣреніями: было даровано прощеніе полякамъ, замѣшаннымъ въ мятежѣ 1830—1831 г.г., какъ бѣжавшимъ за границу, такъ и находившимся въ ссылкѣ. Преемникъ князя Паскевича въ должности намѣстника (съ 1856 г.) князь Горчаковъ, по характеру человѣкъ мягкій, относился къ полякамъ весьма снисходительно. Онъ испрашивалъ все новыя и новыя милости Царству Польскому. По его представленію Государь назначилъ начальникомъ всѣхъ школъ въ Царствѣ Польскомъ поляка Велеполь-

скаго. Въ Варшавѣ рѣшено было учредить особый государственный совѣтъ для обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ, въ губернскихъ же и уѣздныхъ городахъ особыя совѣты изъ выборныхъ лицъ для завѣдыванія городскимъ хозяйствомъ. Всѣ внутреннія дѣла, касавшіяся управленія, суда, просвѣщенія и вѣры, были сосредоточены въ рукахъ самихъ поляковъ.

Но всѣ эти благожелательныя мѣры не измѣнили враждебнаго къ Россіи настроенія крайнихъ польскихъ партій, имѣвшихъ большое вліяніе. Онѣ въ значительной мѣрѣ составились изъ участниковъ прежняго возстанія и увлеченной ими молодежи-учащихся и рабочихъ. Вліянію ихъ подчинилось мало-по-малу и польское общество. Съ самаго начала 1861 года въ Варшавѣ начались уличные безпорядки. Русскимъ офицерамъ и солдатамъ опасно было показываться на улицѣ; а когда однажды, выведенный изъ терпѣнія нанесенными оскорбленіями офицеръ, шедшій съ отрядомъ солдатъ, велѣлъ сдѣлать залпъ въ толпу, и нѣсколько поляковъ было убито, поляки подняли крикъ на всю Европу, ежедневно стали служить по костеламъ съ вызывающей торжественностью заупокойныя обѣдни по убитымъ и надѣли трауръ.

Крестьянское однако населеніе почти повсюду оставалось спокойнымъ, хотя оно и находилось въ большой зависимости отъ помѣщиковъ, такъ какъ, получивъ ранѣе волю, оно не было надѣлено землею.

Хотя до Государя и доходили свѣдѣнія о томъ броженіи, которое происходило въ Польшѣ, но онъ не мѣнялъ своего благожелательнаго отношенія къ полякамъ, надѣясь, какъ въ свое время Императоръ Николай Павловичъ, на ихъ благоразуміе. Вслѣдъ за Государемъ и все образованное наше общество, по исконному русскому благодушію, не только не питало какихъ-либо недружелюбныхъ чувствъ къ полякамъ, но напротивъ всемѣрно было проникнуто мыслями объ устраненіи вѣковыхъ недоразумѣній между двумя родственными славянскими народами.

Намѣстникомъ Царства Польскаго въ маѣ 1862 года былъ назначенъ братъ Государя Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Въ отвѣтъ на такое милостивое и почетное для поляковъ назначеніе, польскіе заговорщики произвели на жизнь Великаго Князя покушеніе тотчасъ по прибытіи его въ Варшаву. Къ счастью, покушеніе не удалось: Великій Князь былъ только легко раненъ въ плечо. Даже и послѣ этого гнуснаго дѣла отношеніе русской власти къ полякамъ не перемѣнилось.

Принимая черезъ недѣлю послѣ покушенія польскихъ сановниковъ, Великій Князь говорилъ: «Братъ мой желаетъ вашего счастья, вотъ почему онъ прислалъ меня сюда. Разсчитываю на вашу помощь, чтобы я могъ исполнить его порученіе».

Хотя броженіе въ краѣ не прекращалось, Польша продолжала получать все новыя и новыя льготы. Почтовыя учрежденія были изъяты изъ подчиненія почтовому вѣдомству Имперіи; губернаторами и начальниками мѣстныхъ учрежденій продолжали назначать природныхъ поляковъ, Велепольскій назначенъ помощникомъ намѣстника по всѣмъ частямъ гражданскаго управленія; управленіе, судъ, обученіе производились на польскомъ языкѣ; въ Варшавѣ вновь открытъ былъ польскій университетъ, закрытый послѣ перваго возстанія. Но ничто не помогало. Поляки пользовались каждымъ случаемъ, чтобы сдѣлать оскорбительное для русской власти выступленіе въ своихъ церквахъ или на улицахъ.

Въ январѣ 1863 г. долго подготовлявшееся вооруженное возстаніе, наконецъ, проявилось открыто: молодые люди, призванные на военную службу, бѣжали изъ Варшавы ночью со 2 на 3 января 1863 г. и укрылись въ лѣсахъ. Они вооружились и образовали первыя шайки повстанцевъ. Между тѣмъ главные заговорщики въ Варшавѣ рѣшили напасть на разставленные въ разныхъ мѣстахъ русскіе отряды и истребить ихъ.Польскія шайки въ ночь на 11 января произвели рядъ неожиданныхъ нападеній на русскія войска, но получили должный отпоръ. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сонные офицеры и солдаты, застигнутые врасплохъ, стали жертвою гнуснаго предательства. Руководители мятежа разослали въ то же время повсюду воззванія о востановленіи Польши и присоединеніи къ ней русскихъ губерній до Западной Двины и Днѣпра. На тѣхъ поляковъ, которые не желали принимать участія въ возстаніи, мятежники стали дѣйствовать путемъ устрашенія, часто даже за отказъ дать деньги на возстаніе убивали.

Мятежъ изъ губерній Царства Польскаго перекинулся и въ западный край. Въ самой Вильнѣ возникли волненія: въ ней образовалось подпольное правительство, которое облагало денежными налогами на поддержку возстанія польскихъ помѣщиковъ западнаго края, требовало отъ нихъ снабженія повстанцевъ продовольствіемъ, завело особыхъ жандармовъ-вѣшателей, убивавшихъ по его приказу ненавистныхъ имъ русскихъ начальниковъ и всѣхъ, кого считали вредными для польскаго мятежа. Мятежническія шайки составлялись главнымъ образомъ изъ мелкопомѣстной

шляхты, панской дворни и отчасти горожанъ. Во главѣ становились и поляки-офицеры, принесшіе при вступленіи въ русскую службу присягу на вѣрность Государю, и польскіе помѣщики, и даже польскіе священники. Эти шайки большого вреда не могли причинить; онѣ главнымъ образомъ нападали на беззащитныя мѣста, при столкновеніяхъ же съ войсками повстанцы обыкновенно разбѣгались по лѣсамъ. Особенно страдали отъ этихъ шаекъ православные священники и крестьяне, тѣ и другіе за то, что не хотѣли пристать къ мятежу и вмѣстѣ съ поляками добиваться возстановленія Польши. Нѣсколько священниковъ было повѣшено повстанцами, у многихъ отнято все имущество, и сами они подверглись мученіямъ и надругательствамъ. Много и сельскихъ крестьянскихъ властей, и даже простыхъ крестьянъ-бѣлоруссовъ и малороссовъ запечатлѣли смертью свою вѣрность Царю и Россіи.

Возстаніе проникло и въ губерніи, граничившія съ Царствомъ Польскимъ, Ковенскую и Гродненскую. Поляки также всячески стремились къ тому, чтобы возстаніе охватило всѣ губерніи, когда-то бывшія подъ властью Польши: французскій императоръ Наполеонъ Третій, поддерживавшій польское возстаніе, говорилъ, что при возстановленіи Польши въ нее будутъ включены всѣ тѣ мѣстности, гдѣ была пролита кровь. Поэтому мятежныя шайки появились даже въ мѣстахъ, сплошь занятыхъ русскимъ населеніемъ, къ великому его изумленію: въ окрестностяхъ Кіева, въ восточной части Волынской губерніи, въ Могилевской и Витебской губерніяхъ.

Мятежники надѣялись, что за нихъ заступятся западно-европейскія государства. Особенно они разсчитывали на Наполеона. Они, дѣйствительно, не ошиблись. Нѣсколько иностранныхъ державъ, руководимыхъ Франціей и Англіей, сдѣлали черезъ своихъ пословъ въ Петербургѣ нашему министру иностранныхъ дѣлъ князю Горчакову заявленія, клонившіяся къ заступничеству за Польшу. Это дѣйствіе державъ являлось неумѣстнымъ и въ высшей степени оскорбительнымъ вмѣшательствомъ въ наши внутреннія дѣла. Оно вызвало сильнѣйшее негодованіе въ русскомъ народѣ.

Извѣстный писатель Катковъ въ газетѣ «Московскія Вѣдомости» своими патріотическими статьями, какъ нельзя болѣе, отвѣтилъ всеобщему воодушевленію. Къ подножію Царскаго Трона со всѣхъ мѣстъ Россіи и отъ всѣхъ сословій русскаго народа потекли многочисленныя выраженія безпредѣльной преданности Государю и готовности жертвовать всѣмъ, если понадобится, за честь и достоин-

ство родины. Особенно горячо отозвалась первопрестольная Москва: здѣсь вѣрноподданническія заявленія были поданы Государю отъ дворянства, отъ городской думы, отъ университета, отъ старообрядцевъ Рогожскаго кладбища, отъ старообрядцевъ-безпоповцевъ Преображенскаго кладбища и, наконецъ, отъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ Московской губерніи. Крестьяне выражали готовность идти въ огонь и въ воду за Царя-Освободителя, а старообрядцы писали: «Мы хранимъ свой обрядъ, но мы Твои вѣрные подданные. Мы всегда повиновались властямъ предержащимъ, но Тебѣ, Царь-Освободитель, мы преданы сердцемъ нашимъ. Въ новизнахъ Твоего царствованія намъ старина наша слышится». Такое всеобщее патріотическое одушевленіе и готовность, если понадобится, нести тягости войны, укрѣпляло, конечно, русское правительство при переговорахъ съ западно-европейскими державами. Князь Горчаковъ отвѣтилъ иностраннымъ правительствамъ, что Россія, сама не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла другихъ государствъ, ни въ какомъ случаѣ не потерпитъ вмѣшательства ихъ и въ свои внутреннія дѣла. Изъ-за Польши западныя державы воевать, разумѣется, не стали, и заступничество ихъ за нее окончилось ничѣмъ.

Для подавленія же мятежа были приняты рѣшительныя мѣры. Въ Варшаву былъ посланъ намѣстникомъ графъ Бергъ, а въ Вильну генералъ-губернаторомъ шести сѣверо-западныхъ губерній генералъ Муравьевъ. Дѣйствовали они быстро и рѣшительно, особенно же Муравьевъ. Онъ зналъ, что, чѣмъ суровѣе возьмется за подавленіе мятежа, тѣмъ скорѣе и съ меньшимъ числомъ жертвъ его подавитъ. Прежде всего, онъ обложилъ большими военными налогами имѣнія польскихъ помѣщиковъ, разсуждая, что разъ они давали деньги на мятежъ, то должны представить средства и на его усмиреніе. У тѣхъ же польскихъ помѣщиковъ, которые были болѣе замѣчены въ поддержкѣ мятежа, были отбираемы имѣнія въ казну. Такимъ образомъ, мятежъ лишился тѣхъ денежныхъ средствъ, которыя его поддерживали. Шайки повстанцевъ Муравьевъ преслѣдовалъ безъ устали, и вскорѣ всѣ онѣ были переловлены.

Къ участію въ подавленіи возстанія Муравьевъ призвалъ вѣрное Царю крестьянство; крестьяне, съ пріѣздомъ въ Вильну Муравьева, сами стали представлять начальству пойманныхъ ими повстанцевъ. Муравьевъ не такъ строго относился къ простымъ повстанцамъ, какъ къ мятежникамъ изъ высшаго сословія—дворянамъ и ксендзамъ. Онъ казнилъ нѣсколькихъ знатныхъ пановъ,

а также нѣсколько ксендзовъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, или подстрекавшихъ свою паству къ мятежу. Всѣмъ этимъ Муравьевъ навелъ страхъ и въ нѣсколько мѣсяцевъ подавилъ мятежъ, чѣмъ и доказалъ правильность усвоеннаго имъ плана дѣйствій. Въ губерніяхъ Царства Польскаго подавленіе возстанія нѣсколько затянулось: тамъ вообще оно было сильнѣе. Но въ 1864 г. и Бергъ окончательно справился съ нимъ.

После подавленія возстанія рѣшено было губерніи привислинскаго края во всемъ сблизить съ прочими мѣстностями Имперіи. Во всѣхъ десяти губерніяхъ этого края были введены правительственныя, судебныя и другія учрежденія, какія существуютъ въ коренныхъ губерніяхъ, съ дѣлопроизводствомъ на русскомъ языкѣ. Русскія учебныя заведенія замѣнили собою польскія. Вмѣстѣ съ тѣмъ было обращено особенное вниманіе на крестьянское населеніе. Еще до подавленія возстанія Государь привлекъ къ этому дѣлу упомянутыхъ выше Милютина и князя Черкасскаго, много потрудившихся въ великомъ дѣлѣ 19 февраля 1861 г. Государь поручилъ имъ отправиться въ привислинскій край, присмотрѣться къ жизни тамошнихъ крестьянъ и потомъ доложить ему, что слѣдовало бы сдѣлать для улучшенія ихъ тяжелаго положенія. Милютинъ съ княземъ Черкасскимъ объѣхали край и по возвращеніи въ Петербургъ доложили Государю, что положеніе польскихъ крестьянъ ужасное, и что для улучшенія ихъ быта всего лучше примѣнить и къ нимъ законъ 19 февраля 1861 г. Государь вполнѣ съ этимъ согласился, и 19 февраля 1864 г. польскіе крестьяне получили тѣ блага, которыя раньше дарованы были русскимъ крестьянамъ. Польскимъ крестьянамъ дано было и самоуправленіе, въ родѣ нашего волостного, называющееся у нихъ гминнымъ (гмина то же, что волость). Осуществлено все это дѣло было подъ руководствомъ тѣхъ же Милютина и Черкасскаго.

Царь-Освободитель вспомнилъ и о русскомъ населеніи Холмскаго края, входившаго въ составъ Царства Польскаго. Когда въ 1839 г. уніаты всей западной Руси возсоединялись съ православною церковью, холмскіе уніаты отстранены были отъ возсоединенія на томъ основаніи, что они жили въ предѣлахъ Царства Польскаго. Уніатами они дожили и до польскаго возстанія, въ которомъ никакого участія, конечно, не приняли. Государь обратилъ теперь на нихъ вниманіе. Милютинъ и Черкасскій позаботились о надѣленіи ихъ землею. По ихъ же почину, были открыты и первыя русскія училища въ Холмщинѣ. Подъ вліяніемъ этихъ мѣръ у холмскихъ уніатовъ прояснилось русское сознаніе. Многіе изъ

нихъ захотѣли бросить и самую унію. Въ 1875 г. произошло возсоединеніе съ православною церковью послѣднихъ уніатовъ въ Россіи—холмскихъ.

Важное государственное значеніе имѣли тѣ мѣры, которыя были проведены Муравьевымъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ; эти мѣры, по волѣ Государя, были распространены и на юго-западный край. Муравьевъ хорошо понималъ, что недостаточно подавить возстаніе вооруженной рукой, что надо сдѣлать такъ, чтобы оно навсегда стало невозможнымъ. Онъ видѣлъ, что поляки составляютъ въ западныхъ губерніяхъ лишь ничтожное меньшинство, что большинство жителей въ нихъ (кромѣ Ковенской губерніи, населенной литовцами) состоитъ изъ православныхъ малороссовъ и бѣлоруссовъ, что и въ числѣ католиковъ этихъ губерній не мало русскихъ (особенно бѣлоруссовъ). Только вѣковая зависимость этихъ русскихъ крестьянъ отъ поляковъ—помѣщиковъ и евреевъ—арендаторовъ, только вѣковой польскій и еврейскій гнетъ сдѣлалъ ихъ робкими и забитыми. Для Муравьева было ясно, что нужно, во что бы то ни стало, поднять русское народное сознаніе въ этихъ загнанныхъ русскихъ крестьянахъ.

Когда Муравьевъ ближе ознакомился съ условіями жизни крестьянъ сѣверо-западнаго края, то онъ увидѣлъ, что положеніе 19 февраля 1861 г. почти не измѣнило ихъ тяжелаго состоянія. Многіе польскіе помѣщики, въ виду ожидавшагося освобожденія крестьянъ, заблаговременно замѣнили находившіяся въ пользованіи крестьянъ земли худшими, которыя потомъ и достались имъ въ надѣлъ. Много крестьянъ и совсѣмъ было обезземелено. Это положеніе было закрѣплено и уставными грамотами, составленными мировыми посредниками-поляками.

Муравьевъ распорядился закрыть мировыя посредническія учрежденія и взамѣнъ ихъ образовалъ изъ русскихъ чиновниковъ особыя повѣрочныя коммисіи, которымъ и поручилъ пересмотрѣть уставныя грамоты: возвратить крестьянамъ отобранныя у нихъ земли, надѣлить землею обезземеленныхъ крестьянъ, оцѣнить крестьянскіе надѣльные участки по дѣйствительной ихъ стоимости. Только теперь, благодаря Муравьеву, крестьяне западнаго края почувствовали великое благодѣяніе, оказанное крестьянству Царемъ-Освободителемъ 19-го февраля 1861 г.

Устроивши хозяйственное благополучіе западно-русскихъ крестьянъ, Муравьевъ обратился къ другимъ заботамъ о нихъ. Еще при его предмѣстникѣ были открываемы для крестьянъ народныя училища, въ которыхъ, за недостаткомъ учителей, учило по

преимуществу мѣстное православное духовенство, часто въ своихъ домахъ. Муравьевъ исходатайствовалъ деньги и на постройку зданій для школъ, и на жалованье учителямъ. Для подготовки преподавателей открыта была въ мѣстечкѣ Молодечнѣ (Виленской губерніи) первая въ Россіи учительская семинарія. Дѣятельнымъ помощникомъ Муравьева въ устройствѣ русскихъ народныхъ училищъ былъ попечитель Виленскаго учебнаго округа Корниловъ. Они обратили вниманіе и на другія школы западнаго края: замѣнили польскихъ учителей въ нихъ русскими, ввели въ нихъ русскій духъ. Муравьевъ удалилъ и изъ всѣхъ правительственныхъ учрежденій чиновниковъ-поляковъ, замѣнивши ихъ русскими. Очень много онъ сдѣлалъ и для православія въ западномъ краѣ: вмѣсто ветхихъ и убогихъ деревянныхъ церквей во многихъ приходахъ—городскихъ и сельскихъ—были устроены на испрошенныя имъ деньги прекрасные каменные храмы; древніе храмы и монастыри западнаго края, лежавшіе въ развалинахъ или находившіеся въ запущенномъ видѣ, были возстановлены въ должномъ величіи. Наконецъ, Муравьевъ счелъ нужнымъ принять мѣры къ тому, чтобы пространство земель, находившихся во владѣніи польскихъ помѣщиковъ въ западномъ краѣ, не увеличивалось, а русское землевладѣніе возрастало.

Не долго продолжалась въ сѣверо-западномъ краѣ дѣятельность Муравьева, возведеннаго Государемъ въ награду за его заслуги въ графское достоинство,—всего лишь два года; но она оставила послѣ себя великій слѣдъ. Теперь уже никто не скажетъ, что сѣверо-западный край—польскій: благодаря твердости и мудрымъ заботамъ графа Муравьева-Виленскаго, посланнаго для усмиренія западнаго края лично Императоромъ Александромъ Вторымъ, по непосредственному его избранію,—весь русскій народъ этого края воспрянулъ, ободрился, окрѣпъ и получилъ возможность безпрепятственно развивать свою исконную русскую мощь.

Земство, новый судъ и всеобщая воинская повинность.

Польская смута не остановила Императора Александра Николаевича въ дѣлѣ государственнаго устроенія. Черезъ три года послѣ освобожденія крестьянъ, въ 1864 г., было создано земство.

Освобожденіе отъ крѣпостной зависимости крестьянъ совершенно мѣняло укладъ нашей мѣстной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ

расширились и усложнились многія потребности ея. Для удовлетворенія этихъ потребностей, для веденія земскаго хозяйства на мѣстахъ нужны были особыя учрежденія.

Уже въ началѣ 1859 г. Государь образовалъ особую коммисію, которой поручилъ выработать проектъ устройства этихъ учрежденій. При этомъ въ руководство коммисіи Государь предуказалъ: «необходимо предоставить хозяйственному управленію въ уѣздѣ большее единство, большую самостоятельность и большее довѣріе». На это обращеніе Государя къ мѣстнымъ людямъ за содѣйствіемъ дворянство многихъ губерній откликнулось живѣйшимъ образомъ, причемъ просило призвать къ участію въ будущихъ земскихъ учрежденіяхъ людей всѣхъ сословій. Объ устройствѣ земскихъ учрежденій ходатайствовали и выборные отъ губернскихъ комитетовъ, вызванные тогда въ Петербургъ для обсужденія крестьянской реформы: они указывали на то, что веденіе мѣстнаго хозяйства одними правительственными чиновниками, безъ участія земскихъ людей, не принесетъ добрыхъ плодовъ.

Поручивъ разработку этого дѣла особому вниманію новаго министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, Государь слѣдилъ самъ за тѣмъ, чтобы оно шло безъ проволочки, и даже на одномъ докладѣ, представленномъ Валуевымъ, написалъ: «Требую, чтобы дѣло это непремѣнно было окончено до 1 января 1864 г.». Воля Государя была исполнена: 1 января 1864 г. было Высочайше утверждено Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ.

По этому Положенію, лицамъ всѣхъ сословій, владѣющимъ въ предѣлахъ уѣздовъ извѣстнымъ земельнымъ или инымъ имуществомъ, а также сельскимъ крестьянскимъ обществамъ, предоставлялось право участія въ дѣлахъ хозяйственнаго управленія чрезъ выборныхъ-гласныхъ, составлявшихъ уѣздныя и губернскія земскія собранія. Для непосредственнаго же веденія разныхъ отраслей земскаго хозяйства были созданы—земскія управы уѣздныя и губернскія. Отнынѣ къ земству перешло попеченіе о главнѣйшихъ мѣстныхъ нуждахъ—о дорогахъ, о продовольствіи населенія, о народномъ образованіи, оказаніи врачебной помощи населенію. Для осуществленія всего этого необходимы были денежныя средства, поэтому земству предоставлено было устанавливать особые земскіе сборы.

Въ земскихъ учрежденіяхъ наиболѣе видное мѣсто заняло дворянство, что и понятно: дворянство было сословіемъ наиболѣе образованнымъ и подготовленнымъ къ самоуправленію. Земскими

учрежденіями сдѣлано было многое для улучшенія условій мѣстной жизни. Особое значеніе имѣетъ открытіе ими большого числа школъ, больницъ и улучшеніе мѣстныхъ путей сообщенія.

Дѣятельность земствъ по оказанію врачебной помощи крестьянскому населенію обратила на себя милостивое вниманіе Государя Императора, который и объявилъ въ 1877 г. многимъ земствамъ за нее свою благодарность.

Земство вводилось постепенно. Прежде всего земскія учрежденія были открыты въ Самарской губерніи—въ февралѣ 1865 г. Въ томъ же году эти учрежденія были введены въ 17 губерніяхъ. Къ концу же царствованія Императора Александра Второго земство было уже въ 33 губерніяхъ Европейской Россіи.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ учрежденія земствъ и городское населеніе получило право широкаго самоуправленія въ дѣлахъ городского хозяйства. Въ 1870 г. Государемъ утверждено было Городовое положеніе, въ силу котораго городскія думы, образованныя изъ выборныхъ гласныхъ, и избранныя этими думами для непосредственнаго веденія дѣлъ городскія управы стали вѣдать въ городѣ всѣ тѣ дѣла, которыя въ уѣздѣ вѣдали земскія собранія и управы. Участіе въ выборахъ гласныхъ городскихъ думъ было предоставлено лицамъ всѣхъ сословій, имѣющимъ въ городѣ землю или домъ, или же занимающимся какимъ-нибудь торговымъ дѣломъ.

Предоставленіе вновь вызваннымъ къ жизни земскимъ и городскимъ учрежденіямъ заботъ объ удовлетвореніи нуждъ ихъ мѣстной жизни было въ высокой степени цѣлесообразно. Оно передавало эти заботы въ руки лицъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ лучшемъ и полномъ ихъ удовлетвореніи.

Введеніе земскихъ учрежденій и расширеніе городского самоуправленія, кромѣ того, развивали въ населеніи самодѣятельность, и изъ рядовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей вышло не мало лицъ, прославившихъ себя потомъ и въ области дѣятельности общегосударственной.

Другимъ чрезвычайно важнымъ дѣломъ Императора Александра Второго было преобразованіе строя судебныхъ установленій и введеніе усовершенствованныхъ порядковъ судопроизводства гражданскаго и уголовнаго. Судебная часть у насъ имѣла крупные недостатки. Старый судъ былъ судъ негласный, дѣла въ немъ вершились путемъ переписки, обвиняемые часто даже не призывались въ судъ, разслѣдованіе преступленій производила полиція не всегда умѣло, а иногда и не безпристрастно. Дѣла тянулись долго,

судебная волокита была большою тягостью населенію. Негласное веденіе дѣлъ давало возможность проявленію неправды.

Уже Императоръ Николай Павловичъ видѣлъ недостатки тогдашняго суда и думалъ объ ихъ исправленіи. При немъ были приняты мѣры, облегчившія осуществленную при Императорѣ Александрѣ Второмъ судебную реформу.

По вступленіи на Престолъ Государь обратился къ этому государственному дѣлу и уже въ 1856 г. въ одномъ изъ манифестовъ выразилъ основное начало, которому долженъ отвѣчать новый судъ: «да царствуютъ въ немъ правда и милость».

Въ 1861 г. Государь учредилъ при государственной канцеляріи особое совѣщаніе для разработки главныхъ началъ преобразованія судебной части. Этому совѣщанію, составленному изъ лучшихъ русскихъ законовѣдовъ, онъ повелѣлъ ознакомиться съ устройствомъ суда во всѣхъ другихъ государствахъ и сообразить тѣ улучшенія, которыя должны быть введены въ русскія судебныя установленія.

Совѣщаніе исполнило возложенное на него порученіе уже осенью 1862 г. Главнѣйшія начала предпринимаего преобразованія суда, по обсужденіи ихъ государственнымъ совѣтомъ, удостоились Высочайшаго утвержденія и были обнародованы во всеобщее свѣдѣніе. Судъ рѣшено было сдѣлать вполнѣ самостоятельнымъ и независимымъ, свободнымъ отъ какихъ-либо вліяній. Для менѣе важныхъ дѣлъ намѣчалось устройство мировыхъ судовъ, близкихъ къ населенію; для прочихъ же дѣлъ учреждались окружные суды, въ которыхъ по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ вводилось участіе присяжныхъ засѣдателей, выбираемыхъ отъ населенія.

И въ мировыхъ, и въ общихъ судахъ намѣчалось по двѣ инстанціи: въ первыхъ—мировой судья и мировой съѣздъ, во вторыхъ—окружной судъ и судебная палата. Для высшаго наблюденія за судебными мѣстами и для пересмотра рѣшеній ихъ, въ случаѣ нарушенія формъ судопроизводства и неправильнаго примѣненія законовъ, предположено образовать въ составѣ правительствующаго сената два кассаціонныхъ департамента—гражданскій и уголовный. Указана необходимость полнаго уравненія тяжущихся сторонъ на судѣ и устнаго состязанія ихъ между собою на судѣ. Допускалась широкая свобода защиты. Устанавливалась гласность судебныхъ засѣданій. Для разслѣдованія преступленій предварительно направленія ихъ въ судъ учреждались судебные слѣдователи.

Утвердивъ главныя начала преобразованія суда, Государь учредилъ затѣмъ изъ опытныхъ лицъ особую коммисію, которой поручилъ выработать соотвѣтствующіе этому законы. Въ теченіе года коммисія выполнила возложенное на нее дѣло, и 20 ноября 1864 г. Государь уже утвердилъ новые «Судебные Уставы», долженствующіе дать судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ.

Много таланта и знанія вложено въ эти «Уставы». Устроенный Императоромъ Александромъ Николаевичемъ новый русскій судъ сравнялся по своимъ достоинствамъ съ наиболѣе совершенной постановкой судебнаго дѣла въ западной Европѣ.

Надежды, которыя возлагались на новый строй русскаго суда, оправдались. Старая судебная волокита прекратилась. Въ судебныхъ рѣшеніяхъ голосъ совѣсти судьи получилъ подобающее значеніе. Въ судебныхъ дѣлахъ не стало тайны, выгодной для тѣхъ, кто стремился къ неправдѣ.

Кромѣ введенія земства и новыхъ судовъ, царствованіе Императора Александра Второго ознаменовано еще преобразованіемъ нашей арміи. Въ самомъ началѣ царствованія Государь сократилъ прежнюю 25-ти-лѣтнюю солдатскую службу до 15 лѣтъ и отмѣнилъ тѣлесныя наказанія въ войскахъ. Важнѣйшимъ нововведеніемъ его въ этой области былъ указъ 1 января 1874 г. объ установленіи всесословной воинской повинности. Уже свыше ста лѣтъ высшія сословія въ государствѣ были освобождены отъ обязательной военной службы. Вся тяжесть ея лежала на податныхъ сословіяхъ, съ которыхъ производили въ извѣстные сроки наборы рекрутовъ. Забритые, какъ тогда говорилось, въ рекруты отрывались отъ семьи на многіе годы и возращались въ родную деревню уже немолодыми.

Правда, для храбраго и толковаго солдата всегда представлялась возможность дослужиться до офицерскаго чина: дѣдъ Скобелева—знаменитаго «бѣлаго генерала»,—взятый рекрутомъ изъ простыхъ крѣпостныхъ крестьянъ, достигъ генеральскаго чина. Но все-же въ рекрутской повинности стараго времени была несправедливость. При Императорѣ Александрѣ Второмъ созрѣла мысль уравнять всѣхъ въ дѣлѣ несенія военной службы.

Въ манифестѣ о введеніи всеобщей воинской повинности говорилось, что «дѣло защиты отечества есть общее дѣло народа и священная обязанность каждаго русскаго подданнаго».

Къ отбыванію воинской повинности съ 1874 г. стали ежегодно призываться всѣ молодые люди, достигшіе 21 года, къ какому бы званію они ни принадлежали; изъ нихъ и бралось необходимое въ каж-

домъ году число новобранцевъ. Въ законѣ были предусмотрѣны справедливыя льготы для нѣкоторыхъ разрядовъ лицъ; такъ, освобождались отъ службы по семейному положенію, сокращенъ срокъ службы для лицъ, получившихъ образованіе, нѣкоторыя же, какъ напримѣръ учителя, и вовсе освобождены отъ нея.

Образованіе и просвѣщеніе были предметомъ особенныхъ заботъ Императора Александра Николаевича. Число учебныхъ заведеній—гражданскихъ, военныхъ и духовныхъ — увеличилось, причемъ они получили и новое улучшенное устройство. Въ Сибири открыто первое высшее учебное заведеніе (университетъ въ Томскѣ). Очень заботился Государь и о распространеніи низшаго образованія въ городахъ и селахъ. Уѣздныя училища въ большей части городовъ преобразованы были въ городскія училища. При учрежденіи земствъ вмѣнена имъ въ обязанность забота о заведеніи начальныхъ сельскихъ школъ. Земства охотно занялись этимъ, и число школъ стало значительно увеличиваться. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ не было земства, заботы о сельскихъ школахъ приняло на себя правительство. Для обезпеченія городскихъ и сельскихъ училищъ подготовленными учителями открыты были учительскіе семинаріи и институты. Императоръ Александръ Второй по справедливости долженъ быть названъ создателемъ сельской школы. Наконецъ, Государь и Императрица Марія Александровна способствовали болѣе широкому распространенію женскаго образованія. При начальныхъ училищахъ въ городахъ были устроены отдѣленія для дѣвочекъ. Въ городахъ же открыты были женскія гимназіи и прогимназіи для приходящихъ ученицъ, въ отличіе отъ закрытыхъ заведеній—институтовъ, гдѣ воспитанницы должны были проживать въ самомъ заведеніи. Въ концѣ царствованія открытъ былъ женщинамъ доступъ и къ высшему медицинскому образованію.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что за 26-ти-лѣтнее царствованіе Императора Александра Второго Россія далеко ушла впередъ по пути торговаго и промышленнаго развитія. Улучшились и пути сообщенія: при вступленіи Государя на Престолъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи не было и одной тысячи верстъ, а къ концу его царствованія протяженіе ихъ составило около двадцати тысячъ верстъ. Цѣнно то, что увеличившееся число учебныхъ заведеній дало возможность вести и развивать промышленность въ Россіи при помощи русскихъ техниковъ и инженеровъ. Постройка желѣзныхъ дорогъ равнымъ образомъ совершалась преимущественно русскими инженерами.

Замиреніе Кавказа.

Парижскій миръ 1856 года ослабилъ силы и значеніе Россіи на Черномъ морѣ, но наша нелегкая борьба съ горцами продолжалась съ успѣхомъ. Эта борьба, тянувшаяся безъ перерыва уже свыше полувѣка, становилась, чѣмъ дальше, труднѣе. Вначалѣ горцы дѣйствовали порознь, защищая лишь свою разбойничью вольность. Но позже, во времена Императора Николая Павловича, въ горахъ появились проповѣдники священной войны, призывавшіе горцевъ сплотиться для борьбы съ русскими; ихъ страстная проповѣдь разожгла среди мусульманъ-горцевъ невиданное дотолѣ одушевленіе, изувѣрскую ненависть къ христіанамъ. Особенно опасно для насъ было это движеніе въ восточной половинѣ Кавказскихъ горъ: жители этихъ областей (Чечни и Дагестана) и прежде выдѣлялись среди другихъ горскихъ племенъ дикой храбростью. Въ горахъ Дагестана появился необыкновенный по дарованіямъ и силѣ духа человѣкъ, величавшій себя пророкомъ. Это былъ знаменитый Шамиль. Никто изъ горцевъ не могъ сравниться съ нимъ въ силѣ и ловкости. Онъ не зналъ ни усталости, ни болѣзни. Спокойно, точно гуляя, разъѣзжалъ онъ подъ градомъ пуль и снарядовъ, сыпавшихся на него. Не только простодушные горцы, но даже русскіе солдаты считали его волшебникомъ, заговореннымъ отъ пули и ядра. Въ то же время Шамиль отличался строгимъ благочестіемъ, рѣдкимъ знаніемъ священныхъ книгъ и законовъ своей вѣры. Его краснорѣчіе производило потрясающее впечатлѣніе на толпу, которая точно пьянѣла отъ его страстныхъ рѣчей и съ дикимъ одушевленіемъ шла за нимъ, хотя бы на вѣрную смерть.

Вольнолюбивые горцы, не привыкшіе никому подчинять свою дикую волю, сами, въ порывѣ одушевленія, становились подъ власть этого удивительнаго человѣка, котораго они суевѣрно признавали пророкомъ, добровольно сносили его строгое, а иногда и жестокое управленіе. Скоро вся Чечня и Дагестанъ признали надъ собою власть Шамиля, и русскимъ пришлось имѣть дѣло уже не съ раздробленными шайками разбойниковъ, а съ цѣлымъ народомъ, дѣйствовавшимъ сплоченно и дружно. Всякій походъ русскихъ въ горы вызывалъ движеніе во всѣхъ окрестныхъ аулахъ, и отрядъ бывалъ окруженъ множествомъ невидимыхъ враговъ, осыпавшихъ его градомъ пуль съ каждаго дерева, изъ-за каждаго камня. Огромныя скопища горцевъ, ослѣпленныхъ сильнымъ одушевленіемъ, не знавшихъ страха смерти, обрушивались на отдѣль-

ныя русскія укрѣпленія, орлиными гнѣздами раскиданныя въ горахъ. Нерѣдко и удавалось имъ раздавить сопротивленіе горсти солдатъ, защищавшихъ эти маленькія укрѣпленія. Спокойное и стойкое мужество русскаго солдата не уступало однако одушевленію горцевъ. Если у отряда не хватало силы защитить ввѣренный ему постъ, послѣдніе защитники бросали огонь въ пороховой погребъ, и полуразрушенное укрѣпленіе взлетало на воздухъ, хороня подъ обломками и стойкихъ защитниковъ, и ворвавшихся въ него враговъ.

Кавказскіе горцы.

Съ появленіемъ Шамиля и началомъ священной войны натискъ горцевъ настолько усилился, что отъ ихъ набѣговъ небезопасны стали даже области, лежавшія за Кавказской линіей. Ставропольская губернія, бывшая при Александрѣ Первомъ уже спокойнымъ русскимъ краемъ, стала теперь мѣстомъ военныхъ дѣйствій. Самъ Ставрополь превратился какъ-бы въ военный лагерь, а мирные жители не смѣли выйти изъ города безъ сильной военной стражи.

Въ это время Императоръ Николай Павловичъ, желая лично ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, рѣшилъ самъ побывать на Кавказѣ. Онъ прибылъ Чернымъ моремъ, высадился въ Геленджикѣ (нынѣ Черноморской губ.) и отсюда, черезъ неусмиренныя еще гор-

ныя области западнаго Кавказа, проѣхалъ въ Грузію и по Военно-Грузинской дорогѣ на Линію. Въ Ставрополѣ, въ присутствіи Императора, открыта была (1837 г.) первая гимназія, и такимъ образомъ положено начало русскому просвѣщенію въ такомъ мѣстѣ, гдѣ 50 лѣтъ назадъ была голая степь и кочевали татарскія орды. Императоръ, щадя горцевъ, пробовалъ склонить ихъ къ покорности, обѣщая мирное управленіе, разныя льготы и вольности. Но горцы, въ своемъ изувѣрствѣ, не желали ничего слушать, и Государю пришлось дать приказаніе продолжать войну. Эта война тянулась безъ перерыва до конца его царствованія. За полвѣка, протекшее съ начала военныхъ дѣйствій, врядъ-ли осталась въ Россіи крестьянская хата или дворянская усадьба, которая не послала бы на далекій Кавказъ хоть одного борца-солдата или офицера. Не перечислить всѣхъ жертвъ, какія поглотила эта кровавая борьба, не назвать и не припомнить всѣхъ великихъ и трогательныхъ подвиговъ мужества и самоотверженія, совершенныхъ безвѣстными и безыменными героями въ глухихъ горныхъ трущобахъ. Но эти безчисленные подвиги и жертвы не прошли даромъ.

Съ каждымъ годомъ наши укрѣпленія продвигались дальше въ глубь горъ. Дремучіе лѣса ложились подъ топорами. Укрѣпленные аулы, гнѣздившіеся на недоступной вышинѣ каменныхъ скалъ и утесовъ, одинъ за другимъ смирялись и подчинялись русской власти или брались съ бою. Вскорѣ послѣ того, какъ закончилась неудачная для насъ крымская война, на Кавказѣ были достигнуты крупные успѣхи. Императоръ Александръ Второй, назначивъ намѣстникомъ Кавказа и главнокомандующимъ кавказскихъ войскъ князя Барятинскаго, усилилъ кавказскую армію новыми войсками и повелѣлъ ему нанести горцамъ рѣшительный ударъ. Цѣлый годъ прошелъ въ военныхъ приготовленіяхъ. Наконецъ, лѣтомъ 1857 г. армія, подъ предводительствомъ генерала Евдокимова, начала наступать на Чечню. Въ теченіе года Чечня окончательно занята была русскими войсками, населеніе ея настолько истощено упорной борьбою, что можно было уже не опасаться съ его стороны новыхъ возстаній. Въ самомъ Дагестанѣ сопротивленіе горцевъ становилось все слабѣе; видно было, что сила ихъ и твердость духа сломлены. Наконецъ, въ 1859 г. весь почти Дагестанъ призналъ надъ собою власть Россіи. Грозная и неприступная разбойничья страна была усѣяна русскими укрѣпленіями; лѣсныя трущобы повырублены; въ разныхъ мѣстахъ горы прорѣзаны удобными дорогами: населеніе могло видѣть воочію, что русскіе уже не уйдутъ изъ ихъ горъ, что они устраиваются въ Дагестанѣ навсегда.

Въ то же время горцы не безъ удивленія видѣли, что русская власть не грозитъ имъ никакой бѣдою, и что русскіе не собираются ни истреблять ихъ, какъ истребляли зачастую другъ друга азіатскіе народы, ни посягать на ихъ мусульманскую вѣру. Дикій край понемногу успокаивался, привыкалъ къ мирной жизни и отдыхалъ отъ долгой борьбы и отъ тяжелой, суровой власти грознаго Шамиля.

А Шамиль, между тѣмъ, покинутый почти всѣми, съ небольшимъ отрядомъ отборныхъ храбрецовъ, готовыхъ положить голову за своего пророка, укрѣпился въ аулѣ Гунибъ, стоявшемъ на огромной труднодоступной скалѣ.

Войска плотнымъ кольцомъ, со всѣхъ сторонъ, окружили гору. Прибылъ самъ главнокомандующій князь Барятинскій. Ночью въ русскомъ станѣ забили тревогу, какъ-бы къ началу приступа. Горцы, полагая, что русскіе уже взбираются на гору, открыли въ ту сторону непрерывную пальбу, стали скатывать въ темнотѣ огромныя каменныя глыбы, но тревога была ложная, чтобы отвлечь вниманіе горцевъ въ эту сторону. А между тѣмъ съ другой стороны, которая, по крутизнѣ, считалась совершенно неприступною, солдаты въ темнотѣ взобрались на вершину горы, и съ разсвѣтомъ горцы увидѣли передъ собою, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ аула, цѣлый полкъ, готовый къ приступу.

Послѣ короткаго колебанія, Шамиль рѣшилъ выйти изъ аула и сдаться (25 августа 1859 г.). Громкое ура раздалось въ рядахъ, когда мимо проходилъ плѣнникомъ грозный Шамиль, 30 лѣтъ бывшій непримиримымъ врагомъ Россіи. Барятинскій ласково встрѣтилъ своего плѣнника. Государь Императоръ, умѣвшій цѣнить истинное мужество и во врагѣ, также отнесся къ бывшему владыкѣ восточнаго Кавказа привѣтливо. Шамиль дожилъ свои дни въ почетномъ плѣну, въ Калугѣ. Его сыновья взяты были на воспитаніе въ кадетскій корпусъ, а потомъ вступили на русскую службу. Императоръ Александръ Николаевичъ, подобно своему отцу, счелъ нужнымъ посѣтить далекую Кавказскую окраину. Онъ также пробовалъ личнымъ своимъ присутствіемъ и переговорами склонить къ мирному подчиненію непокорившихся еще горцевъ западнаго Кавказа, но эта попытка также не достигла цѣли. Братъ Императора, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, назначенный вмѣсто князя Барятинскаго (въ концѣ 1862 г.) намѣстникомъ Кавказа, принужденъ былъ продолжать военныя дѣйствія. Генералъ Евдокимовъ, нѣсколько лѣтъ уже ведшій войну съ горцами западнаго Кавказа, особенно въ Закубанскомъ краѣ, весной 1864 г. счастливо ее закончилъ.

Одни за другими горцы западнаго Кавказа покорились русскимъ войскамъ, и такимъ образомъ завершилась безпримѣрная по трудности и упорству полувѣковая борьба. Отъ Чернаго моря до Каспійскаго все подчинялось теперь русской власти. И Кавказскія горы, и Закавказье прочно слились съ Россіею и зажили общею съ нею мирною жизнью. Императоръ Александръ Николаевичъ, получивши отъ Великаго Князя-намѣстника извѣстіе объ окончательномъ покореніи Кавказа ко дню своего рожденія, отвѣтилъ ему слѣдующей

Взятіе въ плѣнъ Шамиля.

телеграммой: «Лучшаго подарка получить не могъ. Спасибо отъ души тебѣ, Евдокимову и славнымъ нашимъ войскамъ».

Завоеванія въ Средней Азіи и на Дальнемъ Востокѣ.

Въ то время, какъ заканчивалась война на Кавказѣ, Россіи пришлось взяться за оружіе еще въ другомъ мѣстѣ своей азіатской границы.

Русскіе съ давнихъ поръ стали проникать въ киргизскую степь, лежавшую къ востоку и сѣверо-востоку отъ Каспійскаго

моря. Уже во время Петра Великаго построены были по Иртышу укрѣпленія—Омскъ и Семипалатинскъ.

Затѣмъ, въ царствованіе Анны Іоанновны часть киргизовъ вступила въ подданство Россіи; но другіе киргизы продолжали нападать на наши пограничныя владѣнія. Отъ нихъ приходилось защищаться устройствомъ длинныхъ оборонительныхъ линій—отъ Оренбурга до Омска, Семипалатинска и далѣе. Только въ 19-мъ столѣтіи, въ царствованіе Александра Перваго, приняты были мѣры къ болѣе дѣйствительному подчиненію русской власти всѣхъ киргизовъ. Въ степяхъ, на удобныхъ мѣстахъ, построены были укрѣпленія, вокругъ которыхъ основались русскія поселенія. Постепенно русская власть распространилась на все громадное пространство, занятое теперь Уральскою, Тургайскою, Акмолинскою и Семипалатинскою областями. Въ царствованіе Императора Николая Перваго наши владѣнія подвинулись еще дальше на югъ, вглубь Средней Азіи. Въ составъ Русской Державы вошла почти вся нынѣшняя Семирѣченская область, гдѣ въ близкомъ уже сосѣдствѣ съ Китаемъ явилось съ теченіемъ времени особое Семирѣченское казачье войско.

Продвигаясь постепенно къ югу, русскіе, наконецъ, стали непосредственными сосѣдями Кокандскаго ханства, издавна враждовавшаго съ нами.

Набѣги кокандцевъ на русскую границу и частое разграбленіе ими русскихъ торговыхъ каравановъ побудили русскихъ взяться за оружіе, чтобы усмирить разбойниковъ. Въ 1864 и 1865 г.г. небольшое русское войско, подъ предводительствомъ Черняева, врѣзавшись въ середину кокандскихъ владѣній, взяло приступомъ главные кокандскіе города Туркестанъ и Ташкентъ. Въ послѣднемъ было сто тысячъ жителей и 30 тысячъ войска; городъ былъ окруженъ крѣпкими стѣнами, общею длиною въ 24 версты, и вооруженъ пушками. Ташкентъ былъ взятъ приступомъ небольшимъ русскимъ отрядомъ изъ 2 тысячъ человѣкъ съ 12 пушками. Этотъ приступъ поразилъ всю Среднюю Азію ужасомъ передъ войсками Бѣлаго Царя, какъ называли азіаты Русскаго Императора.

Вмѣшательство Бухарскаго эмира въ нашу борьбу съ Кокандскимъ ханомъ побудило русскихъ военныхъ начальниковъ перенести войну въ бухарскія владѣнія. Наши войска подъ предводительствомъ генерала Кауфмана нанесли бухарцамъ рѣшительное пораженіе и заняли цѣлый рядъ бухарскихъ городовъ, въ томъ числѣ и священный ихъ городъ Самаркандъ. Бухарскій эмиръ просилъ мира, и этотъ миръ въ 1868 г. дарованъ былъ ему на слѣ-

дующихъ условіяхъ: всѣ бухарскіе города, завоеванные русскимъ оружіемъ, остались за Россіей; надъ остальными же бухарскими владѣніями эмиръ сохранилъ власть, но обязался состоять въ повиновеніи Русскому Государю. Кромѣ того эмиръ обязался освободить всѣхъ невольниковъ и прекратить торговлю людьми. Еще раньше на тѣхъ же условіяхъ заключенъ былъ миръ съ Кокандскимъ ханомъ. Изъ завоеванныхъ тогда кокандскихъ и бухарскихъ владѣній образовались нынѣшнія наши области Сыръ-Дарьинская (съ главнымъ городомъ Ташкентомъ) и Самаркандская.

Жители Туркестана.

Удачная для насъ война съ Бухарою и выгодный миръ съ нею и съ Кокандомъ были дѣломъ неутомимаго генерала Кауфмана.

Не мало прославилъ вскорѣ затѣмъ русское оружіе молодецкій походъ на Хиву въ 1873 г.

Хивинское ханство, небольшое по размѣру, со всѣхъ сторонъ было окружено мертвою песчаною пустынею, которая дѣлала Хиву недоступною для вражескаго нападенія. Въ сыпучихъ пескахъ этой пустыни погибло однажды отъ жажды и отъ безкормицы цѣлое бухарское войско. Только сами хивинцы и прирожденные жители того края—туркмены—перебѣгали страшную пустыню на привычныхъ коняхъ или на верблюдахъ. Набѣги и разбои хивинцевъ

и туркменов заставили, наконецъ, рѣшиться на опасный и трудный походъ, чтобы однимъ ударомъ усмирить разбойничье гнѣздо.

Четыре русскихъ отряда, числомъ по 2 и по 3 тысячи человѣкъ каждый, навьючивъ кладь на верблюдовъ, съ разныхъ сторонъ вступили въ пустыню, окружавшую Хивинское ханство. Трудно описать тягости и лишенія, какія пришлось имъ перенести въ этомъ смѣломъ походѣ. Навѣрное, ни одно европейское войско не вынесло бы ихъ. Солнце палило, какъ огнемъ, обжигая кожу на рукахъ, на лицѣ и на шеѣ. Отъ страшнаго зноя трудно было дышать. Раскаленный, сыпучій песокъ сквозь обувь обжигалъ ноги, въ пескѣ

Походъ въ Туркестанской степи.

вязли пушки, и отрядъ медленно двигался впередъ. Временами поднималась буря: за тучами песку, вздымаемаго вѣтромъ, ничего нельзя было разглядѣть, песокъ слѣпилъ глаза и захватывалъ дыханіе. Запасъ воды, навьюченный въ мѣхахъ на верблюдовъ, скоро изсякъ, а колодцы встрѣчались рѣдко—верстъ на 50—60 одинъ отъ другого—и были они очень глубокіе. Вытащить ведро воды требовало много времени, и отрядъ подолгу долженъ былъ толпиться у колодца. Вдобавокъ, идти приходилось всегда на-сторожѣ: туркмены, удивительные стрѣлки и наѣздники, сжившіеся съ этой обстановкой, на лихихъ своихъ коняхъ кружились все время около

отрядовъ, тревожили ихъ внезапными нападеніями. Каждую ночь нѣсколько разъ тревога будила и поднимала на ноги солдатъ, не давая имъ отдохнуть послѣ утомительнаго перехода.

Главный изъ четырехъ отрядовъ, шедшій подъ начальствомъ генерала Кауфмана, едва не погибъ цѣликомъ: онъ втянулся въ самое сердце песчаной пустыни, гдѣ не разъ погибали караваны, куда даже привычные туркмены избѣгали заѣзжать. На десятки верстъ вокругъ не было ничего, кромѣ сыпучаго, раскаленнаго песку. Верблюды падали и околѣвали десятками—весь путь отряда былъ усѣянъ ихъ трупами. Солдаты выбивались изъ силъ. Съ неимовѣрными трудностями, рискуя гибелью всего отряда, русскіе, наконецъ, достигли обитаемыхъ мѣстностей; мертвая пустыня была пройдена, впереди начались пространства, гдѣ была уже вода и, благодаря ей, растительность, и были раскинуты поселенія; отрядъ дошелъ до Хивинскаго ханства. Съ такими же лишеніями и трудами добрались до мѣста назначенія и другіе три отряда. Хивинцы, никогда не видавшіе вражескаго войска на своей землѣ и считавшіе себя за песками въ безопасности, были поражены ужасомъ. Хивинское войско, собравшееся было навстрѣчу врагамъ, разбѣжалось отъ нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, и русскіе съ торжествомъ вступили въ столицу ханства Хиву. Походъ былъ оконченъ.

Перепуганный ханъ покорно принялъ условія, предписанныя ему побѣдителями; онъ уступилъ Россіи весь правый берегъ р. Аму-Дарьи и прилегающія къ нему хивинскія земли; онъ обязался настрого запретить своимъ подданнымъ набѣги на русскія владѣнія, дать свободный доступъ для торговли русскимъ купцамъ, навсегда отмѣнилъ въ своемъ государствѣ рабство и запретилъ торговлю людьми; самое ханство Хивинское признало надъ собою покровительство Россіи.

Третье ханство Кокандское, изъ-за происходившихъ въ немъ внутреннихъ междоусобій и замѣшательствъ, было включено въ составъ Имперіи въ 1876 г. Молодой генералъ Скобелевъ, отличившійся уже въ хивинскомъ походѣ, быстро усмирилъ эти замѣшательства и подавилъ поднявшееся было возстаніе части кокандцевъ противъ Россіи. Изъ Кокандскаго ханства была образована новая область—Ферганская.

Немного позже наши владѣнія въ Средней Азіи раздвинулись еще шире въ сторону Туркменской степи, лежавшей къ западу отъ Бухарскаго и Хивинскаго ханствъ до самаго Каспійскаго моря. Еще въ 1873 г. русскіе овладѣли южной половиной восточ-

наго берега этого моря, тутъ построено было нѣсколько укрѣпленій, и въ томъ числѣ Красноводскъ. Изъ этихъ укрѣпленій и рѣшено было вести войну противъ туркменскаго племени—ахалтекинцевъ, не дававшихъ покою нашимъ средне-азіатскимъ владѣніямъ своими смѣлыми набѣгами. Въ 1879 г. предпринять былъ походъ въ туркменскую степь. Но онъ оказался неудачнымъ. Тогда Государь Александръ Николаевичъ поручилъ въ слѣдующемъ году начальство въ новомъ походѣ генералу Скобелеву, прославившемуся и въ войнѣ съ турками 1877—1878 г.г. Хорошо знавшій мѣстныя условія, Скобелевъ сдѣлалъ заблаговременно всѣ нужныя для нея заготовки. Война съ туркменами была не легче и хивинскаго похода; но Скобелевъ предвидѣлъ всѣ трудности и смѣло пошелъ имъ на встрѣчу. Въ октябрѣ 1880 г. войска Скобелева выступили изъ Красноводска, а въ концѣ ноября по пути соединились съ вспомогательнымъ русскимъ отрядомъ, пришедшимъ изъ Туркестана; 12 января 1881 г. взято было приступомъ Геокъ-Тепе, гдѣ сосредоточилась вся сила ахалтекинцевъ. Туркмены смирились и просили о принятіи ихъ въ подданство Россіи. Это совершилось уже въ первые мѣсяцы царствованія Императора Александра Третьяго. Изъ туркменскихъ земель и степей, прилегающихъ къ восточному берегу Каспійскаго моря, образована Закаспійская область (съ главнымъ городомъ Асхабадомъ).

Пять нашихъ новыхъ средне-азіатскихъ областей (Семирѣченская, Сыръ-Дарьинская, Ферганская, Самаркандская и Закаспійская) охватили огромное пространство, размѣромъ около полутора милліона квадратныхъ верстъ.

Водвореніе русской власти въ краѣ было благодѣтельнымъ для самого населенія присоединенныхъ областей. Въ нихъ былъ водворенъ прочно порядокъ, заведены правильные суды, школы дороги, населеніе стало переходить къ мирной жизни и стало богатѣть. Для Россіи въ свою очередь завоеванія въ Средней Азіи были весьма цѣнными.

Плодородіе Туркестанской почвы—чисто сказочное. Даже безплодныя, пустынныя земли превращаются здѣсь въ плодороднѣйшія нивы, если оросить ихъ водою, отведенной канавами изъ рѣкъ. Такія земли даютъ богатые урожаи хлопка, идущаго на выдѣлку хлопчато-бумажныхъ тканей. Богатства Туркестана мало еще использованы, а между тѣмъ высчитано, что водою изъ рѣкъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи можно оросить нѣсколько милліоновъ десятинъ земли. Въ настоящее время правительство озабочено расши-

реніемъ площади орошаемыхъ земель. Когда будутъ кончены намѣченныя работы, средне-азіатскія владѣнія Россіи станутъ настоящимъ золотымъ дномъ.

Въ царствованіе перваго Государя изъ Дома Романовыхъ большія пространства въ Восточной Сибири вошли въ составъ Русскаго государства—нынѣшнія Енисейская губернія, Якутская область и почти вся Иркутская губернія. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Русской Державѣ принадлежали уже все побережье Охотскаго моря и крайній сѣверо-востокъ Сибири до самаго Берингова пролива, отдѣляющаго Азію отъ Америки. На югѣ Сибири русскіе тогда же перешли за озеро Байкалъ и разселились къ востоку отъ него, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя образуютъ теперь Забайкальскую область. Вскорѣ затѣмъ заняли русскіе и большой полуостровъ Камчатку.

Съ давнихъ поръ русское населеніе стало стремиться и въ мѣста, примыкающія къ лѣвому берегу р. Амура. Окончательно утверждена за Россіей эта мѣстность (нынѣшняя Амурская область) лишь впослѣдствіи, въ царствованіе Императора Александра Втораго.

Еще при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ заложилъ недалеко отъ устья Амура укрѣпленный пунктъ Николаевскъ.

Императоръ Александръ Николаевичъ предоставилъ Муравьеву войти въ переговоры съ Китаемъ относительно разграниченія нашихъ владѣній съ китайскими на Амурѣ. Государь при этомъ находилъ необходимымъ утвердить за Россіей весь лѣвый берегъ Амура. Переговоры съ китайцами шли медленно. Тогда Муравьевъ самолично прибылъ въ китайскій городъ Айгунъ и убѣдилъ китайскаго уполномоченнаго согласиться на всѣ требованія Россіи (8 мая 1858 года). Кромѣ того онъ добился согласія китайцевъ на то, чтобы впредь Уссурійскій край (отъ р. Уссури, праваго притока Амура, до Японскаго моря) былъ въ общемъ владѣніи Россіи и Китая.

За заслуги Муравьева Государь Императоръ пожаловалъ ему графскій титулъ и повелѣлъ именоваться впредь Муравьевымъ-Амурскимъ.

Китайское правительство не сразу утвердило Айгунскій договоръ. Только въ 1860 г. послу въ Китаѣ, графу Игнатьеву, удалось добиться утвержденія его. Игнатьевъ достигъ и боль-

шаго. Уссурійскій край совсѣмъ былъ уступленъ Россіи. Это послѣднее пріобрѣтеніе было очень важно, такъ какъ предоставило Россіи длинную береговую полосу Японскаго моря. На южномъ концѣ этой береговой полосы вскорѣ заложенъ былъ важный въ военномъ и торговомъ отношеніяхъ городъ Владивостокъ. Изъ новопріобрѣтенныхъ владѣній по берегу Японскаго моря, съ присоединеніемъ къ нимъ побережья Охотскаго моря, образована была новая область—Приморская.

Такимъ образомъ въ царствованіе Императора Александра Второго Россія твердой ногой стала на берегахъ Великаго океана. Для защиты южной сибирской границы издавна вдоль ея устраивалась казачья охранная линія—явились новыя казачьи войска—Сибирское, Забайкальское, Амурское, Уссурійское. Всѣ эти молодецкія войска несли и несутъ въ Сибири великую службу отечеству.

Война за освобожденіе славянъ.

Проведя задуманныя великія преобразованія во внутренней жизни, Императоръ Александръ Второй быстро вернулъ Россіи и въ дѣлахъ внѣшнихъ то положеніе, какое она занимала среди европейскихъ державъ до крымской войны. Мы видѣли, что уже въ 1863 г. Россія чувствовала себя настолько сильною, что смѣло отказалась подчиниться требованію, предъявленному ей отъ имени европейскихъ державъ въ защиту бунтовавшей Польши.

Въ 1871 г. Императоръ Александръ Второй во время войны Франціи съ Пруссіей увѣдомилъ державы, подписавшія Парижскій договоръ 1856 года, что Россія слагаетъ съ себя обязательство, принятое послѣ крымской войны,—не имѣть на Черномъ морѣ военнаго флота, и приступаетъ къ постройкѣ военныхъ кораблей.

Не успѣлъ однако отстроиться нашъ Черноморскій военный флотъ, какъ на Балканскомъ полуостровѣ произошли новыя столкновенія славянъ съ турками, вызвавшія вмѣшательство Россіи.

Первыми стали волноваться сербы въ областяхъ, остававшихся еще подъ турецкимъ управленіемъ: они стремились отложиться отъ Турціи и соединиться съ Сербскимъ и Черногорскимъ княжествами. Лѣтомъ 1875 г. въ Босніи и Герцеговинѣ, населенныхъ сербами, вспыхнуло открытое возстаніе.

Ближайшимъ поводомъ къ возстанію были нестерпимыя притѣсненія, чинимыя турецкими властями. Начались кровавыя схватки между сербами и турками. Для усмиренія сербовъ двинуты были турецкія войска. По несчастнымъ Герцеговинѣ и Босніи полилась рѣкой славянская кровь. Императоръ Александръ Второй, движимый чувствомъ жалости къ единоплеменникамъ, обратился къ турецкому султану съ требованіемъ прекратить рѣзню и облегчить ихъ положеніе. Къ сожалѣнію, западныя державы не поддержали благороднаго начинанія Русскаго Императора, а напротивъ совѣтами своими въ Константинополѣ укрѣпляли упорство турокъ.

Сербія и Черногорія открыто взялись за оружіе и вступили въ войну съ Турціей за освобожденіе своихъ родичей-босняковъ и герцеговинцевъ.

Начались волненія и среди болгаръ. Турки двинули войска на Сербію и Черногорію и стали подавлять волненія болгаръ съ возмутительной жестокостью, вырѣзывая населеніе цѣлыхъ селъ и городовъ, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей. Въ одномъ Филиппопольскомъ округѣ было перерѣзано болѣе 12 тысячъ человѣкъ.

Въ Россіи судьба братьевъ-славянъ, близкихъ намъ и по вѣрѣ, и по языку, вызывала большое сочувствіе во всѣхъ сословіяхъ. Тысячи добровольцевъ русскихъ поступали въ сербскія войска, и начальникомъ всѣхъ вооруженныхъ силъ Сербіи сталъ русскій-же, генералъ Черняевъ. Также и денежныя пожертвованія во множествѣ стекались со всей Россіи на поддержку войны: во всѣхъ церквахъ производился сборъ на нее. Всю Россію охватилъ одинъ святой порывъ—помочь освобожденію своихъ порабощенныхъ братьевъ. Между тѣмъ громадная турецкая армія обрушилась на Сербское княжество. Несмотря на поддержку доблестныхъ русскихъ добровольцевъ, небольшое сербское войско не могло сдержать страшнаго натиска, и уже туркамъ открытъ былъ прямой путь въ сербскую столицу—Бѣлградъ.

Императоръ Александръ Второй не допустилъ разгрома маленькой Сербіи. Нашъ посолъ въ Константинополѣ графъ Игнатьевъ передалъ султану 19 октября 1876 г. требованіе Государя, чтобы Турція прекратила военныя дѣйствія противъ сербовъ, въ противномъ случаѣ Россія начнетъ войну. Турція подчинилась, и грозившее Сербіи нашествіе турецкихъ войскъ было остановлено.

Затѣмъ, начались переговоры Россіи и другихъ державъ съ Турціей объ обезпеченіи положенія православныхъ славянъ на Балканскомъ полуостровѣ. Въ этихъ переговорахъ прошла вся осень и зима. Въ дѣйствіяхъ западно-европейскихъ державъ

не было искренности и надлежащей твердости въ поддержанiи справедливыхъ требованiй России, вслѣдствiе чего турки и продолжали проявлять упорство. Въ России же возрастало сочувствiе къ несчастнымъ болгарамъ и сербамъ. Государь переживалъ тѣ же чувства, что и русскiй народъ. Видя, что переговоры съ турками не обѣщаютъ успѣха, онъ рѣшился силою оружiя достигнуть освобожденiя Балканскихъ славянъ и объявилъ 12 апрѣля 1877 г. войну Турцiи. Русскiя войска вступили въ предѣлы Румынiи и двинулись къ Дунаю.

Князь Румынскiй считался, наравнѣ съ княземъ Сербскимъ, въ подчиненiи Турцiи. Желая окончательно освободиться отъ этого подчиненiя, Румынiя примкнула къ России.

Война оказалась для России тяжелою. Державы, враждебныя намъ, снабдили турокъ такими ружьями и пушками, которыя далеко превосходили вооруженiе нашей армiи. Вступленiе въ предѣлы Турцiи было затруднено необходимостью перейти черезъ широкую рѣку Дунай, защищаемую какъ сухопутной армiей, такъ и особыми сильными военными судами. Противъ этихъ судовъ выступили наши удальцы-моряки, которые на небольшихъ паровыхъ катерахъ предпринимали смѣлыя нападенiя на непрiятеля, при чемъ имъ удалось нѣсколько турецкихъ судовъ взорвать съ помощью минъ. Это навело страхъ на турокъ, и дѣйствiя ихъ судовъ стали нерѣшительны, а русскiе тѣмъ временемъ выбрали мѣсто для переправы и съ боемъ перешли Дунай у Систова. Мѣсто переправы было укрѣплено, и армiя вступила въ предѣлы Турцiи.

Главнокомандующимъ въ этой войнѣ былъ Великiй Князь Николай Николаевичъ (родной братъ Императора Александра Второго). Однимъ изъ отрядовъ успѣшно начальствовалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ, впослѣдствiи—Императоръ Александръ Третiй. Самъ Государь прiѣхалъ въ армiю. Онъ хотѣлъ одушевить войска своимъ присутствiемъ и раздѣлить съ ними трудности боевой жизни. Цѣлыхъ семь мѣсяцевъ, самое тяжелое время войны, Императоръ безотлучно пробылъ въ дѣйствующей армiи. Отъ лишенiй и тревогъ военной жизни его здоровье разстроилось; но просьбы врачей не могли заставить его уѣхать, пока рѣшительный успѣхъ не склонился уже явно на нашу сторону. Каждый день Государь, несмотря на свое болѣзненное состоянiе, обходилъ лазареты, ласково бесѣдуя съ больными и ранеными, желая утѣшить ихъ.

Болгары повсюду съ восторгомъ привѣтствовали великодушнаго Царя, явившагося среди нихъ съ тѣмъ же именемъ Освободи-

теля, какое далъ ему русскій народъ. Такъ-же восторженно встрѣчали Императора и свои солдаты, и союзники-румыны.

Турки оказали очень сильное сопротивленіе. Нѣсколько разъ пришлось призывать изъ Россіи подкрѣпленія. Была двинута за Дунай и императорская гвардія, заслужившая добрую боевую славу во многихъ сраженіяхъ и трудныхъ переходахъ. Особенно тяжелы были бои подъ городомъ Плевной, а затѣмъ осада и взятіе его. Сильное турецкое войско, подъ командой лучшаго изъ турецкихъ военоначальниковъ Османа-паши, защищало Плевнинскія укрѣпленія упорно и мужественно, и намъ пришлось стянуть сюда большія силы и въ теченіе 4½ мѣсяцевъ вести тяжелую осаду по плану инженернаго генерала Тотлебена, прославившагося еще при защитѣ Севастополя. Тѣмъ временемъ съ юга надвигались другія турецкія силы. Необходимо было задержать ихъ до тѣхъ поръ, пока Плевна не будетъ взята.

Турецкой арміи, наступавшей съ юга, надо было перейти по дорогѣ хребетъ Балканскихъ горъ. Русскіе заняли главный перевалъ на Балканахъ—Шипку, черезъ который должны были проходить турки. Начальствовавшій шипкинскимъ отрядомъ генералъ Радецкій рѣшилъ скорѣе погибнуть, чѣмъ отдать ввѣренный его защитѣ важный постъ. Съ невозмутимымъ спокойствіемъ, стоя на обледенѣлыхъ горныхъ высяхъ, заносимыхъ снѣгомъ, среди ужасовъ не прекращавшейся ни на одинъ мигъ борьбы съ многочисленнымъ врагомъ,—Радецкій день за днемъ доносилъ главнокомандующему: «На Шипкѣ все спокойно!» Несмотря на нечеловѣческія лишенія и усталость отъ безсмѣнной, надрывающей силы, борьбы—на большое число замерзшихъ, русскій отрядъ отбилъ всѣ нападенія, со страшнымъ урономъ для врага.

28 ноября, послѣ отчаяннаго, крововаго боя сдалась Плевна: свыше 40 тысячъ турокъ было взято въ плѣнъ. Великое торжество радостно отпраздновала вся Россія и весь славянскій міръ.

Успѣхъ теперь явно склонялся на нашу сторону. Восточный Рущукскій отрядъ, которымъ командовалъ Цесаревичъ, одержалъ побѣду надъ дѣйствовавшей противъ него турецкой арміей. Лихой кавалерійскій генералъ Гурко еще во время осады Плевны занялъ своимъ отрядомъ другой переходъ черезъ Балканскія горы, разбивши защищавшихъ его турокъ. Еще до паденія Плевны, наша кавказская армія, которою командовалъ младшій братъ Государя, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, овладѣла турецкими крѣпостями въ Малой Азіи—Ардаганомъ, Баязетомъ и Карсомъ.

Въ бояхъ съ турками особенно выдѣлился среди военачальниковъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ. Онъ проявилъ необычайную храбрость и удивительныя военныя дарованія, доставившія ему громкую славу среди своихъ и среди враговъ. Всѣ солдаты хорошо знали его имя и его молодецкую фигуру—всегда на бѣломъ конѣ, лѣтомъ—въ бѣломъ кителѣ: солдаты такъ и звали его—«бѣлый генералъ». Его удивительное умѣнье обращаться съ солдатами, быстрота соображенія на полѣ битвы и стремительность грозной атаки—напоминали великаго Суворова. О Скобелевѣ, какъ о Суворовѣ, слагались въ войскахъ восторженныя, увлекательныя сказанія.

Скобелевъ передъ войсками.

Послѣ взятія Плевны, несмотря на суровую зиму, наши войска немедленно двинулись на югъ. Скобелевъ зашелъ съ тыла 25-тысячной турецкой арміи, осаждавшей Радецкаго у Шипки, и, напавши на нее одновременно съ нимъ, разбилъ и взялъ ее всю въ плѣнъ. Вслѣдъ затѣмъ Гурко двинулся къ г. Филиппополю, гдѣ разбилъ послѣднюю турецкую армію. Въ это время Скобелевъ стремительно направился дальше на югъ, къ г. Адріанополю. Всѣ турецкіе отряды по пути безъ боя сдавались бѣлому генералу, не смѣя и думать о сопротивленіи. 8 января 1878 г. Адріанополь былъ взятъ.

Послѣ взятія Адріанополя Скобелевъ не сталъ медлить, 17 января онъ былъ уже въ виду Константинополя. Приближеніе русскихъ войскъ привело султана и его совѣтниковъ въ ужасъ, и онъ согласился на всѣ предъявленныя условія, которыя составили предварительный Санъ-Стефанскій договоръ.

Война была окончена. Европейскія державы снова вступились за разбитую Турцію, настаивая, чтобы Россія смягчила требованія, предъявленныя ею для заключенія мира, хотя сама Турція уже изъявила согласіе на нихъ. Россіи пришлось уступить, чтобы не вызвать, какъ въ 1854 г., войны съ союзомъ европейскихъ державъ. Англія уже угрожала войной и ввела сильный флотъ въ Мраморное море; ея примѣру готова была послѣдовать Австрія, поддерживаемая Германіей. Но все-же побѣдоносная война принесла большія выгоды и самой Россіи, и христіанскимъ народностямъ Балканскаго полуострова, за которыхъ Россія подняла оружіе.

Сербія и Румынія признаны были независимыми княжествами, и кромѣ того къ Сербіи прирѣзано нѣсколько округовъ, бывшихъ доселѣ подъ турецкою властью, а къ Румыніи присоединена находящаяся по правому берегу нижняго Дуная область Добруджа. Впослѣдствіи князья Сербіи и Румыніи приняли королевскій титулъ.

Черногорія увеличена была новыми земельными владѣніями, изъ которыхъ особенно важно было для нея пріобрѣтеніе приморскаго города Антивари.

Болгары, живущіе къ сѣверу отъ Балканскихъ горъ, получили свободу: они образовали особое княжество. Хотя оно и обязалось признавать надъ собою верховную власть Турціи, но это подчиненіе было призрачнымъ. Болгары получили право избрать князя, имѣть войско, установлять законы.

Освободивъ Болгарію отъ турецкаго ига, великодушный Императоръ озаботился и установленіемъ внутренняго благоустройства княжества, начатымъ еще во время войны кн. Черкасскимъ; въ Болгаріи былъ оставленъ съ этой цѣлью уполномоченный, князь Дондуковъ-Корсаковъ, снискавшій у болгаръ такую любовь, что народное собраніе даже хотѣло его избрать своимъ княземъ; но державы, не желавшія видѣть на болгарскомъ княжескомъ престолѣ русскаго, помѣшали этому избранію.

Противодѣйствіе нѣкоторыхъ западныхъ державъ помѣшало стремленію Россіи предоставить свободу и независимость всѣмъ славянамъ Балканскаго полуострова. Болгары, живущіе къ югу отъ Балканскихъ горъ, не вошли въ составъ Болгарскаго княжества. Но все-таки они освобождены были отъ непосредственнаго управленія турокъ. Они образовали особую полусвободную область—Восточную Румелію. Турки обязались назначать въ нее генералъ-губернатора изъ христіанъ, и притомъ съ согласія державъ; жителямъ ея было предоставлено самоуправленіе во внутреннихъ дѣлахъ; они были ограждены отъ произвола турецкихъ властей

и войскъ. Впослѣдствіи Восточная Румелія соединилась съ Болгаріей.

Южные болгары не всѣ вошли въ составъ Восточной Румеліи: болгары Адріанопольскаго округа остались подъ непосредственною властью турецкаго султана. Македонія, съ ея славянскимъ населеніемъ, близко родственнымъ болгарамъ и сербамъ, осталась также подъ властью Турціи. Наконецъ, и часть сербовъ, такъ называемая Старая Сербія, осталась подъ турецкою властью. Боснія и Герцеговина, хотя и отдѣлены были отъ Турціи, но были предоставлены во временное управленіе Австріи, которая впослѣдствіи совсѣмъ включила ихъ въ составъ своихъ владѣній.

Во всѣхъ тѣхъ христіанскихъ областяхъ, которыя остались подъ властью турецкаго султана, обѣщаны были имъ христіанскимъ его подданнымъ свободное исповѣданіе вѣры и гражданскія права. Тѣ же права обезпечены и христіанскому духовенству во всѣхъ турецкихъ владѣніяхъ. Въ Іерусалимѣ и въ другихъ святыхъ мѣстахъ султанъ подтвердилъ обязательство ничего не предпринимать во вредъ православной церкви.

Россіи война 1877—1878 г.г. доставила нѣкоторыя земельныя пріобрѣтенія. Она, въ обмѣнъ на Добруджу, переданную Румыніи, получила южную часть Бессарабіи, уступленную Румыніи по Парижскому мирному договору 1856 г. Въ Азіи къ Закавказью были присоединены города—Ардаганъ, Карсъ и Батумъ съ ихъ округами. Особенно важно было пріобрѣтеніе Батумской крѣпости и гавани на Черномъ морѣ. Новопріобрѣтенныя земли образовали особую Карскую область.

Не всѣ благія намѣренія Императора въ отношеніи славянъ Балканскаго полуострова удалось осуществить. Но и то, что было сдѣлано для нихъ, было чрезвычайно важно. Свято чтится у Балканскихъ славянъ благодарная память объ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ: въ Софіи, столицѣ Болгаріи, воздвигнутъ ему величественный памятникъ; увѣковѣчено также воспоминаніе о немъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ во время войны имѣлъ пребываніе. Болгары бережно охраняютъ и свято чтутъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ пролилась за нихъ русская кровь: на братскихъ могилахъ устроены храмы, часовни, поставлены памятники.

Мученическая кончина Царя-Освободителя.

За всѣ свои великія дѣла Императоръ Александръ Николаевичъ былъ горячо любимъ народомъ: русскіе люди жили надеждой, что чѣмъ дольше продлится для Россіи его славное царствованіе, тѣмъ больше пользы и добра получитъ родина. Не такъ думала горсть внутреннихъ враговъ. Не понимая того, что народное благосостояніе и улучшеніе условій жизни достигаются долгой, упорной, а главное—мирной и спокойной работой цѣлаго ряда поколѣній, эта кучка безумныхъ злоумышленниковъ воображала, что можно вдругъ создать какой-то рай земной, если будутъ осуществлены ихъ замыслы, заимствованные у западно-европейскихъ такъ называемыхъ соціалистовъ и анархистовъ. Замыслы эти ни въ Европѣ, да и нигдѣ въ мірѣ, никогда не были осуществлены. Русскіе революціонеры, послѣдователи европейскихъ безумцевъ, проводили въ Россіи тѣ же несбыточныя задачи, не разбираясь притомъ въ средствахъ къ ихъ достиженію, забывая, что изъ насилья и злого дѣла никогда не можетъ выйти добра.

Эти русскіе революціонеры, главари и вдохновители которыхъ по большей части въ безопасности проживали за границей, въ началѣ 60-тыхъ годовъ стали настойчиво распространять свои ученія въ Россіи. Но только среди части увлекающейся и неуравновѣшенной молодежи, не пріобрѣвшей истинныхъ знаній, они нашли себѣ сторонниковъ. Народъ, только-что освобожденный отъ крѣпостной зависимости, оставался глухъ ко всѣмъ заманчивымъ картинамъ, которыя рисовали ему въ подметныхъ листкахъ (прокламаціяхъ).

Чтобы легче добиться довѣрія, революціонеры зачастую переодѣвались въ одежду крестьянъ и рабочихъ и въ этомъ видѣ—волковъ въ овечьей шкурѣ—проповѣдывали свои лжеученія. Старались они вызывать бунты и всякія смуты, полагая, что являющееся вмѣстѣ съ тѣмъ недовольство можетъ служить лучшею помощью для проникновенія въ народъ ихъ ученій. Въ большинствѣ случаевъ народъ оставался спокоенъ и выдавалъ бунтарей властямъ. Мало помогла и помощь русскимъ революціонерамъ мятежныхъ поляковъ. Видя малоуспѣшность своихъ дѣйствій, революціонеры рѣшили усугубить свои насилія и злодѣянія и направить ихъ на священную особу Государя—Помазанника Божія.

4 апрѣля 1866 г., когда Императоръ послѣ прогулки садился въ коляску у Лѣтняго сада, нѣкто Каракозовъ выстрѣлилъ въ него; но находившемуся вблизи костромскому крестьянину Осипу Комиссарову удалось отвести руку злодѣя, и пуля миновала Госу-

даря. Народъ, узнавшій о спасеніи обожаемаго Монарха, восторженно его привѣтствовалъ.

Это было первое покушеніе на жизнь Императора Александра Николаевича. Революціонеры рѣшили путемъ такихъ покушеній устрашить общество и правительство. Въ слѣдующемъ году на Государя произвелъ покушеніе полякъ Березовскій во время пребыванія его въ Парижѣ.

Долгіе годы Богъ хранилъ своего Помазанника. Крамольники стали снова волновать молодежь, распространять прокламаціи. Послѣ русско-турецкой войны возобновились покушенія, но всѣ они были неудачны. Революціонеры пытались взорвать императорскій поѣздъ близъ Москвы. Въ 1880 г. имъ удалось произвести взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ подъ императорской столовой, куда черезъ нѣсколько минутъ должна была войти царская семья. Отъ взрыва погибло 10 нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, который въ этотъ день держалъ во дворцѣ караулъ. Болѣе 50 человѣкъ солдатъ было ранено, изъ нихъ многіе тяжело. Взрывъ былъ ужасенъ, но никто изъ царской семьи не пострадалъ.

Государь рѣшилъ сосредоточить власть по борьбѣ со смутой въ рукахъ довѣреннаго лица. Была учреждена чрезвычайная Верховная распорядительная коммисія, во главѣ которой былъ поставленъ графъ Лорисъ-Меликовъ, отличившійся во время послѣдней турецкой войны въ Азіи и въ дѣлѣ прекращенія чумы, возникшей въ Астраханской губерніи. Ему были даны широкія полномочія. Лорисъ-Меликовъ задумалъ бороться съ революціонерами прежде всего обращеніемъ къ ихъ совѣсти и чувству. Въ отвѣтъ революціонеры произвели покушеніе на него же. Но онъ все-же не оставлялъ надежды на достиженіе успокоенія безъ примѣненія суровыхъ мѣръ. Покушенія на нѣкоторое время прекратились, Лорисъ-Меликовъ полагалъ, что настало время приступить къ преобразованіямъ въ государственномъ устройствѣ, которыхъ желала нѣкоторая часть образованнаго общества, о которыхъ подавали Государю ходатайства нѣкоторыя земства. Эти преобразованія клонились къ призыву выборныхъ людей къ участію въ обсужденіи новыхъ законовъ. Онъ получилъ уже на это согласіе Государя. Многіе были увѣрены, что революціонеры прекратили свои злодѣйства. Но это было ошибочно. Они притаились для того, чтобы тѣмъ легче поразить свою жертву: намѣчаемыя преобразованія не отвѣчали ихъ желаніямъ и замысламъ.

Злодѣи подготовили новое покушеніе въ воскресенье первой недѣли Великаго поста, 1 марта 1881 г., при возвращеніи Государя въ Зимній Дворецъ изъ Михайловскаго манежа.

Государь не направился сразу изъ манежа домой, а заѣхалъ сначала въ Михайловскій дворецъ, и уже оттуда въ 2 час. 15 мин. дня выѣхалъ по набережной Екатерининскаго канала. Трое злодѣевъ съ ручными разрывными снарядами заняли мѣста на пути слѣдованія царскаго экипажа. Одинъ изъ нихъ бросилъ снарядъ подъ карету, отъ этого взрыва Государь остался невредимъ. Онъ вышелъ изъ кареты и подошелъ къ злодѣю, котораго схватилъ народъ. На тревожные вопросы окружающихъ Императоръ сказалъ: «Слава Богу, я уцѣлѣлъ, но вотъ...» и при этомъ онъ указалъ на лежавшихъ на мостовой раненыхъ. Въ эту минуту второй злодѣй приблизился и бросилъ подъ ноги Государя свой снарядъ; произошелъ еще болѣе ужасный взрывъ. Когда разсѣялся дымъ, то уцѣлѣвшіе въ живыхъ увидали Императора, лежащаго съ раздробленными ногами и всего окровавленнаго. Государь тихо промолвилъ: «холодно, холодно!» Подбѣжавшему Великому Князю Михаилу Николаевичу Императоръ прошепталъ: «Поскорѣй... во дворецъ... тамъ умереть...» Это были послѣднія слова царственнаго страдальца. Умирающій, лишившійся сознанія Государь былъ привезенъ во дворецъ, и въ 3 ч. 15 мин. сердце его перестало биться. Царь-Освободитель сталъ Царемъ-Мученикомъ.

Всю Россію, какъ громомъ, поразила страшная вѣсть: ея Государь, такъ ее любившій и такъ много принесшій ей добра, палъ отъ руки злодѣевъ! Величавый образъ Царя-Освободителя, Царя-Мученика останется неизгладимымъ въ памяти народа русскаго во вѣки вѣковъ.

На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ смертельно раненъ Императоръ Александръ Второй, высится теперь построенный на всенародныя пожертвованія храмъ Воскресенія-Христова.

Храмъ Воскресенія Христова въ Петербургѣ.

Дворецъ въ г. Гатчинѣ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ — ЦАРЬ-МИРОТВОРЕЦЪ.

Время до восшествія на Престолъ.

Когда прошелъ первый ужасъ при извѣстіи о мученической кончинѣ Царя-Освободителя, взоры всего русскаго народа обратились на того, кто вступилъ на Престолъ. Вся Россія ждала, что будетъ дѣлать, какъ будетъ править Императоръ Александръ Третій.

Новый Императоръ въ дни своего дѣтства и юности не готовился быть Государемъ: онъ былъ вторымъ сыномъ Императора Александра Николаевича. Помыслы его сводились къ тому, чтобы всю жизнь быть вѣрнымъ другомъ и добрымъ помощникомъ старшаго брата Цесаревича Николая Александровича.

Воспитателемъ къ Великому Князю Александру Александровичу былъ назначенъ еще его дѣдомъ Императоромъ Николаемъ

Первымъ графъ Перовскій, храбрый воинъ и человѣкъ строгихъ нравственныхъ правилъ. Учителями же Великаго Князя были выдающіяся лица. Русскій языкъ ему преподавалъ ученый знатокъ его Гротъ. Родную исторію онъ изучалъ у знаменитаго русскаго историка Соловьева, который съумѣлъ внушить Великому Князю большую любовь къ родной старинѣ. Наконецъ, завершеніемъ образованія явились занятія по русскому законодательству съ извѣстнымъ ученымъ и государственнымъ дѣятелемъ—Побѣдоносцевымъ. Рядомъ съ этимъ общимъ образованіемъ шло изученіе военныхъ наукъ и военнаго дѣла. Послѣ окончанія образованія, Александръ Александровичъ вмѣстѣ со старшимъ братомъ совершилъ продолжительное путешествіе по Россіи.

Самая тѣсная дружба соединяла обоихъ братьевъ. Цесаревичъ много бесѣдовалъ съ братомъ о дѣлахъ управленія, и всегда прямодушные и разумные взгляды Александра Александровича производили на него впечатлѣніе.—«У Александра, говаривалъ не разъ Цесаревичъ Николай, душа чистая, какъ хрусталь».

Между тѣмъ здоровье Цесаревича пошатнулось и стало быстро ухудшаться. Весну 1865 года онъ проводилъ на южномъ берегу Франціи. Когда болѣзнь Цесаревича приняла опасный оборотъ, выѣхалъ туда Императоръ съ Великимъ Княземъ Александромъ Александровичемъ. 12 апрѣля вся царская семья собралась у постели умиравшаго Цесаревича. Передъ самой кончиной онъ взялъ руку своей невѣсты—датской принцессы Дагмары и, вложивъ ее въ руку брата, проговорилъ: «Оставляю Тебѣ тяжелыя обязанности, славный тронъ, отца и невѣсту, которая облегчитъ Тебѣ это бремя». Спустя нѣсколько минутъ, Цесаревичъ скончался, и Великій Князь Александръ Александровичъ сталъ Наслѣдникомъ Престола.

Скорбные дни, проведенные имъ на югѣ Франціи, навсегда остались у него въ памяти; онъ такъ выразилъ свои чувства: «Пріѣхать Великимъ Княземъ, а уѣхать Наслѣдникомъ—тяжело, и въ особенности лишившись самой вѣрной моей опоры, лучшаго друга и любимѣйшаго брата. Но что же дѣлать—это воля Божія».

Тогда же, 12 апрѣля 1865 года, Высочайшій манифестъ объявилъ Россіи о провозглашеніи Великаго Князя Александра Александровича Наслѣдникомъ-Цесаревичемъ, а черезъ годъ Цесаревичъ сочетался бракомъ съ датской принцессой Дагмарой, нынѣ здравствующей Государыней Императрицей Маріей Ѳеодоровной.

Послѣ бракосочетанія Наслѣдникъ поселился въ Аничковскомъ Дворцѣ. Здѣсь, живя просто, онъ занимался порученными

ему дѣлами, стремился ближе и лучше знакомиться съ положеніемъ Россіи и часто принималъ пріѣзжающихъ въ столицу мѣстныхъ дѣятелей. Въ 1868 году постигъ Россію сильный голодъ. Во главѣ коммисіи, образованной для оказанія помощи пострадавшимъ, Государь поставилъ Цесаревича. Тутъ ему пришлось познакомиться со множествомъ свѣдущихъ людей изъ разныхъ мѣстъ Россіи и самому проявить кипучую дѣятельность.

Въ славную войну съ турками въ 1877 г. Цесаревичу выпала самостоятельная и нелегкая задача. Онъ былъ поставленъ Государемъ во главѣ Рущукскаго отряда. Этотъ отрядъ долженъ былъ отражать турокъ съ востока и защищать этимъ наши силы, которыя въ то время осаждали Плевну. Задача, возложенная на Цесаревича, была выполнена имъ блестяще — значительныя турецкія силы съ успѣхомъ были отражаемы войсками, находившимися подъ его начальствомъ, благодаря чему армія и могла безпрепятственно обложить Плевну и ее взять.

Во время войны ясно обнаружилось, какъ неблагопріятна для насъ слабость морскихъ силъ. Для того, чтобы получить возможность грозить торговымъ сообщеніямъ Англіи, проявлявшей тогда враждебность къ Россіи, было рѣшено создать легкія быстроходныя суда. Цесаревичъ Александръ Александровичъ, съ разрѣшенія Государя, обратился съ горячимъ воззваніемъ къ русскому народу о пожертвованіяхъ на подобный флотъ, и въ весьма короткое время были собраны большія деньги. На нихъ были построены суда Добровольнаго флота.

Отличительными чертами, всегда характеризующими дѣйствія Цесаревича, являлись разумная твердость, спокойствіе и большое трудолюбіе. Когда Провидѣнію было угодно призвать его на Престолъ, онъ явился, какъ и его отецъ въ свое время, вполнѣ подготовленнымъ къ великому служенію Россіи.

Умиротвореніе государства.

Въ тяжелую и скорбную годину Императоръ Александръ Третій вступилъ на Прародительскій Тронъ. Крамола была распространена по Россіи и не могла не ослаблять ея силъ и международнаго положенія. Государю надлежало прежде всего успокоить страну и подавить крамолу. Затѣмъ, ему предстояло поднять

народное благосостояніе и укрѣпить за Россіей подобающее мѣсто среди великихъ государствъ міра.

Успѣхъ начинаніямъ Государя обезпечивали твердая его желѣзная воля, искренность и прямота, вѣра въ Россію, ясный взглядъ на задачи и цѣли ея.

Все государство съ трепетомъ ожидало, какъ Государь опредѣлитъ общее направленіе своего царствованія. И въ отвѣтъ на это, 29 апрѣля, съ высоты Трона раздалось твердое слово: «Посреди великой Нашей скорби—говорилось въ Высочайшемъ манифестѣ—гласъ Божій повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло правленія, въ уповании на Божественный Промыселъ, съ вѣрою въ силу и истину Самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній». Далѣе, Государь призывалъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества ободриться и всѣми силами содѣйствовать «къ искорененію гнусной крамолы, позорящей землю русскую, къ утвержденію вѣры и нравственности, къ доброму воспитанію дѣтей, къ истребленію неправды и хищенія, къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіи учрежденій, дарованныхъ Россіи ея благодѣтелемъ, возлюбленнымъ Его родителемъ».

Царское слово, мощно прозвучавшее надъ Россіей, какъ лучъ свѣта, прорѣзающій тьму, прояснило сознаніе многихъ колебавшихся и смущенныхъ и вызвало внутреннія, крѣпкія силы для противодѣйствія крамолѣ; призывъ же царскій къ нравственному обновленію нашелъ живѣйшій откликъ повсюду. Всѣ поняли, что время колебаній минуло.

Государственная власть почувствовала себя тверже, и борьба съ крамолой пошла успѣшно. Тѣ мѣстности, въ которыхъ особенно развиты были смута и преступная дѣятельность, были объявлены на положеніи усиленной и чрезвычайной охраны, предоставляющей властямъ большія средства и большія полномочія для борьбы съ ними. Призывъ Государя и его высокое довѣріе воодушевили правительственныя и общественныя силы и способствовали успокоенію земли и ослабленію крамолы.

Для обсужденія предположеній о необходимыхъ государственныхъ преобразованіяхъ Императоръ Александръ Третій считалъ полезнымъ привлечь и различныхъ мѣстныхъ дѣятелей.

Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Игнатьевъ, отличившійся, какъ хорошій русскій дѣятель въ званіи посла въ Пекинѣ и Константинополѣ, пригласилъ въ Петербургъ въ іюлѣ 1881 года свѣдущихъ лицъ изъ числа земцевъ на совѣщаніе о пониженіи

крестьянскихъ выкупныхъ платежей. Послѣдствіемъ работъ этого совѣщанія явилось чрезвычайно важное для крестьянъ Высочайшее повелѣніе 28 декабря 1881 года о повсемѣстномъ пониженіи выкупныхъ платежей.

Императоръ Александръ Третій.

Осенью того же года было созвано новое совѣщаніе свѣдущихъ людей по переселенческому дѣлу и по борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ.

Особыя условія государственной жизни объ эту пору побудили Императора Александра Третьяго ввести нѣкоторыя ограниченія въ установленномъ въ предшествующее царствованіе строѣ земскаго и городского самоуправленій; кромѣ того было уменьшено примѣненіе выборнаго начала въ мировомъ судѣ, въ уѣздахъ исполненіе судейскихъ обязанностей передано вновь учрежденнымъ земскимъ начальникамъ.

Государь Александръ Александровичъ въ своей дѣятельности былъ Русскимъ Православнымъ Царемъ-Самодержцемъ. Открытое и добродушное лицо его, весь могучій внѣшній его видъ, величественно-спокойная осанка, твердая поступь—все являло въ немъ древне-русскаго богатыря. Этимъ чисто русскимъ чертамъ внѣшняго облика Императора вполнѣ соотвѣтствовалъ и его русскій характеръ—искренній, безхитростный, не надменный, твердый въ словѣ, настойчивый въ дѣлѣ. Семейная жизнь Государя на всю Русь, въ поученіе ей, свѣтила ровнымъ, тихимъ, невозмутимымъ свѣтомъ. Добрые древніе нравы какъ-бы воскресли на Руси въ семьѣ Царя-богатыря во всей ихъ полнотѣ и святости.

Императоръ Александръ Александровичъ горячо любилъ все свое родное: русскую рѣчь, пѣсню, одежду. Русскія народныя пѣсни при немъ вышли изъ забвенія, пронеслись по широкому лицу земли русской, перенеслись даже за границу, гдѣ и привлекли общее вниманіе.

Государь ставилъ себѣ задачей устроить все такъ, чтобы русскій народъ на всемъ обширномъ протяженіи Имперіи былъ народомъ-хозяиномъ, чтобы окраины тѣснѣе слились съ коренной Россіей.

Какъ Русскій Царь—Александръ Третій былъ глубоко вѣрующимъ православнымъ человѣкомъ и для православной церкви старался сдѣлать все, что считалъ для нея нужнымъ и полезнымъ.

Ясно сознавая, что Православіе составляетъ основу души нашего народа, Императоръ и своимъ личнымъ примѣромъ, и всею своею дѣятельностью стремился возвести на подобающую высоту православную церковь.

Вслѣдъ за вступленіемъ его на Престолъ стала замѣтно оживляться церковная жизнь: церковныя братства стали дѣйствовать бодрѣе и успѣшнѣе. Начали возникать общества, ставившія себѣ задачею устройство духовно-нравственныхъ чтеній и собесѣдова-

ній и борьбу съ пьянствомъ. Вмѣстѣ съ истово совершаемымъ богослуженіемъ въ храмахъ православный людъ сталъ чаще слышать и въ храмахъ, и внѣ храмовъ живое слово Христовой истины.

Для возвышенія и укрѣпленія Православія въ царствованіе Императора Александра Третьяго основывались вновь или возстановлялись монастыри.

Государь обратилъ особенное вниманіе на малое число въ Россіи, сравнительно съ количествомъ населенія, православныхъ храмовъ, и при немъ началось усиленное церковное строительство. Самъ Царь былъ большимъ знатокомъ русской церковной старины и любилъ, чтобы церкви строились по древнимъ образцамъ.

Государь щедро жертвовалъ изъ личныхъ средствъ на постройку новыхъ и возстановленіе старыхъ церквей. Примѣръ его вызывалъ пожертвованія и со стороны русскихъ людей. За его 13-лѣтнее царствованіе на казенныя средства и на пожертвованныя деньги было сооружено до 5.000 церквей. Если прикинуть это число къ днямъ его царствованія, то придется по одной церкви на каждый день.

Изъ храмовъ, построенныхъ за это время, замѣчательны по своей красотѣ и внутреннему благолѣпію: храмъ Воскресенія Христова въ Петербургѣ на мѣстѣ смертельнаго пораненія Царя-Мученика, законченный и освященный уже при благополучно нынѣ царствующемъ Государѣ Императорѣ Николаѣ Александровичѣ, соборъ въ Ригѣ и величественный храмъ во имя Святого Равноапостольнаго князя Владиміра въ Кіевѣ. Послѣдній весь внутри расписанъ знаменитѣйшими русскими художниками, среди которыхъ по справедливости выдѣляется Васнецовъ.

Въ годъ коронованія Государя торжественно освященъ въ Москвѣ законченный сооруженіемъ храмъ Христа Спасителя въ память избавленія Россіи отъ Наполеонова нашествія. Въ этомъ храмѣ величіе зодчества, красота внутренней живописи и убранство дивно сочетаются во славу Христа Спасителя, охранившаго Святую Русь отъ дерзкаго завоевателя.

Чрезвычайно важнымъ дѣломъ Императора Александра Третьяго были церковно-приходскія школы, мысль о возсозданіи которыхъ явилась еще въ послѣдніе годы жизни Императора Александра Второго.

Государь желалъ, чтобы народъ черезъ школу воспитывался въ духѣ Христовой вѣры и преданности Православію. Православная церковь искони была воспитательницей и учительницей рус-

скаго народа; школы при церквахъ были первыми и долгое время единственными школами на Руси. До половины шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка почти исключительно священники и прочіе члены причта были наставниками въ сельскихъ школахъ.

Съ первыхъ же дней своего царствованія Императоръ Александръ Александровичъ былъ проникнуть мыслью о необходимости широкаго возрожденія церковно-приходской школы и ея болѣе прочной постановки.

13 іюня 1884 года Государемъ были утверждены «Правила о церковно-приходскихъ школахъ». Утвержд я эти правила, Государь на докладѣ о нихъ написалъ: «Надѣюсь, что приходское духовенство окажется достойнымъ своего высокаго призванія въ этомъ важномъ дѣлѣ».

Такимъ образомъ духовенству православному ввѣрялось Государемъ особенное попеченіе о народномъ образованіи. Церковно-приходскія школы стали открываться во многихъ мѣстахъ Россіи, часто въ самыхъ глухихъ и отдаленныхъ селеніяхъ. Здѣсь онѣ являлись единственными источниками просвѣщенія для народа. При восшествіи на Престолъ Императора Александра Третьяго у насъ было всего около 4.000 церковно-приходскихъ школъ, а въ годъ его кончины ихъ было уже 31.000, и въ нихъ обучалось болѣе милліона мальчиковъ и дѣвочекъ.

Вмѣстѣ съ числомъ школъ укрѣплялось постепенно и ихъ положеніе. Первоначально эти школы основывались на церковныя средства, на средства церковныхъ братствъ и попечительствъ и отдѣльныхъ благотворителей. Потомъ пришла къ нимъ на помощь и государственная казна. Для завѣдыванія всѣми церковно-приходскими школами былъ образованъ при Святѣйшемъ Синодѣ особый училищный совѣтъ, который издаетъ множество книгъ, нужныхъ для церковно-приходскихъ школъ и полезныхъ для народа вообще.

Въ церковно-приходской школѣ Императоръ Александръ Третій высоко цѣнилъ ея твердый устой—Православіе и народный духъ, что охраняетъ ее отъ тлетворнаго вліянія и соблазновъ извнѣ. Такое направленіе Государь желалъ видѣть и въ прочихъ сельскихъ школахъ, забота о которыхъ всегда была близка его сердцу. Къ приходскому духовенству, дружно откликнувшемуся на царскій призывъ къ школьной работѣ, Государь относился всегда отечески заботливо. До него приходское духовенство лишь немногихъ епархій получало содержаніе отъ казны. При Императорѣ Александрѣ Третьемъ былъ начатъ отпускъ изъ казны суммъ на обезпеченіе духовенства. Этимъ распоряженіемъ Императоръ поло-

жилъ начало улучшенію быта русскаго приходскаго духовенства. Когда духовенство приносило благодарность за это распоряженіе, онъ сказалъ: «Буду вполнѣ радъ, когда мнѣ удастся обезпечить все сельское духовенство».

Заботясь о сохраненіи въ народѣ его исконнаго православно-народнаго духа, Императоръ Александръ Александровичъ всегда стремился къ тому, чтобы русскій народъ занималъ въ Имперіи принадлежащее ему первенствующее мѣсто.

Держась твердо правила «Россія для русскихъ» и стремясь сплотить окраины наши съ коренной Россіей, Государь не могъ не обратить вниманія на положеніе прибалтійскаго края и Финляндіи.

Три губерніи прибалтійскаго края—Лифляндская, Эстляндская и Курляндская—жили обособленной отъ остальной Россіи жизнью. Мѣстные помѣщики—нѣмецкіе бароны—ревниво охраняли свои старинныя права и преимущества. Крестьяне-латыши и эсты въ этомъ краю были въ большомъ угнетеніи; православные же должны были платить всѣ сборы въ пользу лютеранскихъ церквей и духовенства. Русскій языкъ находился въ пренебреженіи; въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ судахъ господствовалъ языкъ нѣмецкій. Всему этому Императоръ положилъ конецъ: русскій языкъ сталъ обязательнымъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ этихъ трехъ губерній; облегчено зависимое положеніе мѣстныхъ крестьянъ. Затѣмъ, городу Дерпту было возвращено его старое русское наименованіе Юрьевъ, и Дерптскій университетъ былъ переименованъ въ Юрьевскій и переобразованъ по образцу другихъ русскихъ университетовъ. Этими мѣрами было сглажено обособленное положеніе прибалтійскаго края.

Финляндія также должна была привлекать вниманіе Государя. Исподоволь она сумѣла добиться совершенно исключительнаго положенія,—она даже пользовалась правомъ имѣть свою монету и держать свои войска. Задорный притомъ образъ дѣйствій финляндцевъ ясно свидѣтельствовалъ, что эта окраина пытается совсѣмъ обособиться отъ Россіи. Со стороны Императора Александра Третьяго такое настроеніе Финляндіи получило должный отпоръ.

Въ 1890 году Государь въ своемъ рескриптѣ Финляндскому генералъ-губернатору указалъ, что Финляндія состоитъ въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской, и что необходимы мѣры для достиженія болѣе тѣснаго единенія Великаго Княжества съ прочими частями Россійской Державы.

Вскорѣ въ Финляндіи почтовыя учрежденія были объединены съ русскими, и введены общегосударственныя почтовыя марки. Затѣмъ, было повелѣно правительственнымъ учрежденіямъ Финляндіи принимать платежи и русской монетой на ряду съ финляндской; были приняты надлежащія мѣры по отношенію особаго финляндскаго войска, которое впослѣдствіи, при нынѣ благополучно царствующемъ Государѣ Императорѣ Николаѣ Александровичѣ, и совсѣмъ упразднено.

Въ западномъ краѣ Императоръ Александръ Третій продолжалъ начинанія своего Родителя по водворенію русскаго землевладѣнія. Когда имъ былъ учрежденъ въ Имперіи государственный дворянскій земельный банкъ, онъ предоставилъ право пользоваться кредитомъ изъ него въ западномъ краѣ только русскимъ землевладѣльцамъ. Затѣмъ, обративъ вниманіе на то, что иностранцы, по преимуществу германскіе подданные, стали скупать въ большомъ количествѣ имѣнія у польскихъ помѣщиковъ, особенно въ пограничной полосѣ, онъ воспретилъ иностранцамъ пріобрѣтать недвижимое имущество въ западномъ краѣ внѣ городовъ и мѣстечекъ. При устройствѣ особаго крестьянскаго поземельнаго банка Государь предоставилъ пользованіе кредитомъ изъ него и всѣмъ крестьянамъ западнаго края—русскимъ, полякамъ и литовцамъ. Такимъ образомъ, большія площади земли въ этомъ краѣ стали постепенно переходить въ крестьянскія, по преимуществу русскія, руки. Всѣми этими мѣрами западный край тѣснѣе сближался съ остальной Россіей.

Твердое управленіе Императора Александра Третьяго повысило благосостояніе русскаго народа. Императоръ засталъ при вступленіи на Престолъ наше денежное хозяйство въ тяжеломъ положеніи: послѣдствія русско-турецкой войны еще давали себя знать—государственные расходы превышали доходы. Государь всюду насаждалъ разумную бережливость, самъ подавая къ тому примѣръ.

Принятыя мѣры обезпечили необходимое равновѣсіе между государственными доходами и расходами, причемъ удалось еще и сократить нѣкоторые налоги, падавшіе на крестьянское населеніе; между прочимъ уничтожена была подушная подать, дававшая государству ежегодно около 60 милліоновъ; были уменьшены выкупные платежи за крестьянскія надѣльныя земли.

О томъ, какъ увеличилось за это время народное благосостояніе, можно судить по размѣру вкладовъ въ государственныхъ сберегательныхъ кассахъ.

Въ годъ вступленія на Престолъ Государя вкладовъ въ этихъ кассахъ было всего 10 милліоновъ рублей, а въ годъ его смерти ихъ было уже 330 милліоновъ.

Забота о мирѣ и кончина Государя.

Достигнутыя въ царствованіе Императора Александра Третьяго внутреннее успокоеніе, укрѣпленіе связи съ окраинами и повышеніе народнаго благосостоянія повели за собою усиленіе международнаго значенія Россіи. Въ сознаніи иностранныхъ государствъ это значеніе еще болѣе укрѣплялось личностью Государя, тою твердостью и прямотою, которыя онъ проявлялъ и въ дѣлахъ внѣшнихъ. Хотя Россія и не вела за это царствованіе войнъ, однако положеніе ея среди европейскихъ государствъ было высокое, и съ нею всѣ считались.

Только одинъ разъ Россіи пришлось обнажить мечъ для защиты своего достоинства, но это не была собственно война, а только рѣшительный отпоръ, данный афганцамъ, грозившимъ нашимъ границамъ.

Столкновеніе при Кушкѣ произошло по такому поводу. Еще въ царствованіе Императора Александра Второго русскія владѣнія проникли далеко въ глубь Азіи. Въ 1884 же году туркмены Мервскаго оазиса, лежащаго по сосѣдству съ нашей Закаспійской областью, добровольно вступили въ русское подданство. Англичане стали опасаться приближенія русскихъ къ ихъ владѣніямъ въ Индіи и начали возбуждать противъ насъ Афганскаго эмира, который и занялъ своими войсками нѣкоторыя Мервскія земли.

Тогда начальнику нашего отряда, стоявшему въ тѣхъ предѣлахъ, генералу Комарову, было приказано придвинуться къ границѣ. Переговоры, которые началъ Комаровъ съ афганцами, не привели ни къ чему, и они даже стали строить укрѣпленія, подстрекаемые находившимися съ ними англійскими офицерами.

Видя это, генералъ Комаровъ, не теряя времени, рано по утру 18 марта 1885 года двинулъ свои туркестанскіе баталіоны на афганцевъ, во много разъ превосходившихъ числомъ наши войска и хорошо вооруженныхъ. Афганцы были разбиты на-голову. Потерявъ до 1.000 человѣкъ въ этомъ боѣ на р. Кушкѣ, они бѣжали

вмѣстѣ съ англійскими офицерами, оставивъ всѣ свои пушки и лагерь побѣдителямъ.

Послѣ этого блестящаго дѣла англійскія газеты подняли шумъ, требуя чуть ли не суда надъ генераломъ Комаровымъ. Само англійское правительство показывало видъ, будто бы оно дѣятельно готовится къ войнѣ съ нами. Императоръ Александръ Третій проявилъ твердость и русскій духъ; онъ, не смущаясь раздававшимися угрозами, немедленно выразилъ генералу Комарову свое полное одобреніе и пожаловалъ ему награду за храбрость. Твердость, выказанная Государемъ въ этомъ дѣлѣ, имѣла благія послѣдствія. Англія пошумѣла, но начать военныя дѣйствія не рѣшилась. Россія же закрѣпила за собой Мервъ и присоединила область къ югу отъ него по теченію рѣки Кушки.

Государь ясно понималъ значеніе желѣзнодорожныхъ путей для укрѣпленія связи коренной Россіи съ дальними окраинами, и, несмотря на громадныя трудности сооруженія желѣзной дороги черезъ песчаныя, безводныя пустыни, по его повелѣнію, была построена Закаспійская желѣзная дорога, соединившая наши средне-азіатскія владѣнія, въ томъ числѣ и Мервъ, съ берегомъ Каспійскаго моря.

Другой чрезвычайно важный желѣзнодорожный путь, задуманный Императоромъ и начатый при немъ—великая Сибирская желѣзная дорога — соединилъ Европейскую Россію съ Дальнимъ Востокомъ, прорѣзавъ и ожививъ всю Сибирь вплоть до Великаго океана. Закладку этого великаго пути совершилъ на Дальнемъ Востокѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ.

Заботясь объ обезпеченіи Россіи отъ внѣшнихъ осложненій и ради поддержанія всеобщаго мира, Императоръ Александръ Третій рѣшилъ вступить въ союзъ съ Франціей, для того, чтобы противопоставить соединенныя силы этихъ двухъ государствъ образовавшемуся въ Европѣ тройственному союзу Германіи, Австріи и Италіи, недружелюбному какъ Россіи, такъ и Франціи. Государь своимъ яснымъ умомъ понялъ, что этого требуетъ польза Россіи и Европы.

Отечественная война была дѣломъ не столько французовъ, сколько тщеславнаго завоевателя Наполеона. Послѣдовавшее сближеніе Россіи съ Франціей было проявлено тѣмъ, что лѣтомъ 1891 года Государь вмѣстѣ съ народомъ сердечно и привѣтливо встрѣтилъ французскую эскадру, пришедшую въ

Кронштадтъ, а въ 1893 году русскій флотъ былъ торжественно привѣтствованъ французами въ городѣ Тулонѣ. Достиженіе Государемъ равновѣсія силъ европейскихъ державъ, упрочившее миръ въ Европѣ, а также глубокій миръ, въ коемъ протекло его царствованіе, побудили благодарный русскій народъ именовать его Царемъ-Миротворцемъ.

Большіе труды и тревоги надорвали силы и здоровье Государя. Онъ уже зимой 1893—1894 г.г. чувствовалъ себя худо, но крѣпился и старался не показать даже вида окружающимъ, что онъ боленъ. Однако весною 1894 года доктора опредѣлили у него серьезную болѣзнь и совѣтовали ему покой. Но Царь мало отдыхалъ, продолжая усиленно работать. Лѣто 1894 года въ Петербургѣ было сырое и холодное, такая погода еще болѣе усилила болѣзнь Государя.

Но онъ все-же крѣпился и 7 августа, когда уже болѣзнь его была въ полномъ разгарѣ, объѣзжая войска въ красносельскомъ лагерѣ, сдѣлалъ болѣе 12 верстъ. Затѣмъ, Государь пожилъ недолго на западѣ Россіи, въ Бѣловѣжской пущѣ. Тяжелый недугъ развивался, и, по совѣту врачей, Императоръ переѣхалъ въ Крымъ. 21 сентября онъ прибылъ со всей семьей въ Ливадію, гдѣ ему суждено было прожить всего лишь одинъ мѣсяцъ.

Въ то время, какъ силы царственнаго больного постепенно угасали, вся Россія молилась о сохраненіи драгоцѣнной его жизни: каждаго краткаго извѣщенія изъ Ливадіи всѣ ждали съ трепетомъ и сквозь сухія сообщенія докторовъ старались угадать истину. Скорбь народа была всеобща.

Господь даровалъ Государю праведную кончину. Въ теченіе послѣдняго мѣсяца болѣзни онъ дважды удостоился принятія Святыхъ Тайнъ—одинъ разъ изъ рукъ извѣстнаго всей Россіи и глубоко ею чтимаго Кронштадскаго протоіерея Іоанна Сергіева, пріѣхавшаго нарочно въ Ливадію. Отецъ Іоаннъ трогательно описалъ послѣдніе дни жизни незабвеннаго Императора.

Наступилъ роковой день—20 октября 1894 года. Государь ясно сознавалъ, что конецъ его близокъ. Онъ бесѣдовалъ до послѣдней минуты съ Императрицей и Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Въ 2 часа 15 минутъ пополудни праведная душа его обрѣла вѣчный покой.

Такова была кончина Царя - Миротворца и Правдолюбца, воплотившаго въ себѣ лучшія черты русскаго народнаго духа.

Личность покойнаго Императора и его значеніе правильно выражены въ слѣдующихъ стихахъ:

Въ часъ смуты и борьбы, взойдя подъ сѣнь престола,
Онъ руку мощную простеръ,
И замерла вокругъ шумѣвшая крамола,
Какъ потухающій костеръ.
Онъ понялъ Руси духъ и вѣрилъ въ ея силу,
Любилъ просторъ ея и ширь,
Онъ жилъ, какъ Русскій Царь, и Онъ сошелъ въ могилу,
Какъ истый русскій богатырь.

Памятникъ Императору Александру Третьему въ Москвѣ возлѣ храма Христа Спасителя.

ВРЕМЯ СЪ 1894 ПО ЮБИЛЕЙНЫЙ 1913 ГОДЪ.

Послѣ кончины Императора Александра Третьяго на Всероссійскій Престолъ вступилъ нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Николай Александровичъ, явившій Себя продолжателемъ миролюбивыхъ завѣтовъ своего Родителя, незабвеннаго Царя-Миротворца. Эти завѣты вполнѣ отвѣчали и насущнымъ нуждамъ Россіи.

Отечество наше широко раскинулось въ Европѣ и Азіи, у насъ имѣется большая площадь малозаселенныхъ и непочатыхъ обработкой земель, богатый запасъ нетронутыхъ еще ископаемыхъ сокровищъ. Использованіе всего этого для повышенія народнаго благосостоянія требуетъ приложенія спокойнаго и мирнаго труда, знаній и денежныхъ средствъ. Войны же, вызывая громадныя затраты народныхъ силъ и требуя много денегъ, задерживаютъ мирное развитіе жизни государствъ. Россія, вынужденная много воевать, особенно сильно страдала отъ этой задержки.

Царствованіе Императора Александра Третьяго прошло безъ войнъ, и Россія за это время получила возможность сосредоточиться на мирной внутренней работѣ.

Но и въ мирное время государствамъ приходится содержать многочисленныя арміи и нести огромные военные расходы, тяжелымъ бременемъ ложащіеся на государственную казну. Расходы эти все увеличиваются въ виду успѣховъ техники, почти ежедневно дающей все новыя и новыя изобрѣтенія въ области военнаго дѣла.

Зачастую государствамъ приходится обзаводиться новымъ усовершенствованнымъ вооруженіемъ, съ затратою на это большихъ денегъ, лишь вслѣдствіе того, что одна изъ сосѣднихъ державъ завела у себя подобныя усовершенствованія, иначе этотъ лучше вооруженный сосѣдъ можетъ начать войну и навѣрняка побѣдить хуже вооруженнаго противника. Насколько велики успѣхи военной техники, видно изъ того, что въ началѣ 19-го вѣка ружья стрѣляли—самое большое—на 200 шаговъ, а пушки—не дальше версты, причемъ пальба шла медленно; въ наше же время изъ ружей бьютъ на 3.000 шаговъ, а большія пушки метаютъ снаряды на 15 и 20 верстъ; къ тому же и ружья, и пушки теперь скорострѣльныя. Военный корабль, построенный 20 лѣтъ тому назадъ, является теперь совершенно незначущей величиной. Державы наперерывъ другъ передъ другомъ вынуждены строить все новые и новые корабли, съ каждымъ годомъ все болѣе огромные, цѣною въ десятки милліоновъ рублей каждый, съ чудовищными по величинѣ пушками. Нѣтъ ничего удивительнаго, что государства расходуютъ на содержаніе арміи и флота до половины своихъ доходовъ, что не можетъ не задерживать удовлетворенія насущныхъ ихъ потребностей.

Государь Императоръ Николай Александровичъ, заботясь о мирномъ развитіи Россіи и другихъ народовъ и уменьшеніи военныхъ издержекъ, которыя приходится теперь нести, сдѣлалъ починъ къ облегченію этого бремени и поднялъ голосъ въ пользу того, чтобы государства, по доброму между собою соглашенію, ограничили свои военные расходы, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшали впредь столкновенія и споры между собою не войною, а третейскимъ судомъ.

Державы согласились на то, чтобы этотъ вопросъ былъ подвергнутъ обсужденію въ совѣщаніи изъ особо отъ нихъ уполномоченныхъ лицъ, которыя и собрались въ 1898 г. въ столицѣ Голландіи Гаагѣ. Но взаимное недовѣріе и тайные замыслы нѣкоторыхъ державъ помѣшали совершиться великому дѣлу, благодѣтельному для всего человѣчества. Понятно, что послѣ этого и Россія не могла передъ хорошо вооруженными сосѣдями сократить свои войска и не слѣдовать за ними въ дѣлѣ постояннаго введенія новыхъ, дорого стоящихъ улучшеній боевого вооруженія.

Въ 1904 г. на нашу родину налетѣла нежданно военная буря, и съ той стороны, съ которой ее менѣе всего ожидали.

Во второй половинѣ прошлаго вѣка на Дальнемъ Востокѣ, вблизи нашихъ границъ, стало развиваться и крѣпнуть государство, которое до тѣхъ поръ было слабымъ и не внушало никому опасеній. Это государство—Японія. Она расположена на нѣсколькихъ

большихъ островахъ въ Великомъ океанѣ. По размѣру она равняется Франціи или Англіи и имѣетъ около 60 милліоновъ жителей. До 60-хъ годовъ прошлаго вѣка японцы были мало развиты и вели обособленный образъ жизни. Но съ этого времени они отказались отъ прежней замкнутости, открыли въ свою страну широкій доступъ европейцамъ, сами стали ѣздить въ Европу учиться—и въ короткое время усвоили себѣ знанія, какими сильны просвѣщенные народы, ввели у себя европейскіе порядки и установленія. Въ Японіи быстро развилась промышленность, стали расти города, открылось много школъ, были проведены желѣзныя дороги.

Съ особенной жадностью перенимали японцы пріемы военнаго искусства, къ которому проявили много склонности. Вскорѣ ихъ войска, преобразованныя по европейскимъ образцамъ, сравнялись съ лучшими арміями; кромѣ того они завели военный флотъ изъ пріобрѣтенныхъ въ Европѣ лучшихъ кораблей. Учась и работая упорно, японцы въ нѣкоторыхъ частяхъ военнаго дѣла создали такія усовершенствованія, что превзошли европейцевъ, причемъ, держа эти усовершенствованія въ полной тайнѣ, они хорошо использовали ихъ для усиленія своего флота.

Страдая отъ малоземелья на своихъ островахъ, японцы были полны мечтами о пріобрѣтеніи новыхъ земель. Въ 1894 г. они объявили войну сосѣднему съ ними огромному, но слабому въ военномъ дѣлѣ Китаю и отняли у него нѣсколько острововъ. Испытавъ свою военную силу, японцы стали искать случаевъ къ дальнѣйшему расширенію своихъ владѣній. Прежде всего взоры ихъ обратились на слабую Корею, расположенную на полуостровѣ того же имени, близко къ Японскимъ островамъ. Затѣмъ, ихъ привлекала къ себѣ и китайская область Манчжурія, примыкающая къ Великому океану. Наконецъ, японцы зарились и на нашъ островъ Сахалинъ, южная половина котораго до 1875 г. принадлежала Японіи. Съ подозрѣніемъ смотрѣли они и на то, что Россіею былъ сооруженъ, по соглашенію съ Китаемъ, желѣзнодорожный путь черезъ Манчжурію, который своею южною вѣтвью упирался въ Портъ-Артуръ, переданный Китаемъ Россіи, по особому договору, во временное владѣніе.

Между Россіей и Японіей нѣсколько разъ возникали недоразумѣнія по разнымъ вопросамъ, но главнымъ образомъ изъ-за Кореи. Въ 1903 г. происходили длительные переговоры между правительствами обѣихъ державъ: путемъ ихъ Японія хотѣла добиться закрѣпленія для нея преобладающаго положенія въ Кореѣ, которое, конечно, должно было являться переходной ступенью

къ полному подчиненію ея Японіи. Для Россіи, имѣющей большіе интересы на Дальнемъ Востокѣ, это не могло быть желательно, и потому домогательства Японіи встрѣчали съ нашей стороны противодѣйствіе. Рѣшившись тогда на войну съ Россіей, Японія стала скрытно подготовляться къ ней и обезпечила себѣ благожелательное отношеніе со стороны Англіи и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Когда японцы сочли себя достаточно готовыми, они открыли военныя дѣйствія, безъ объявленія войны Россіи, предательскимъ ночнымъ нападеніемъ своихъ миноносцевъ на нашъ флотъ около Портъ-Артура (27 января 1904 г.), причемъ надолго вывели изъ строя наши лучшія суда.

Такъ началась памятная всѣмъ война—тяжелое испытаніе, посланное намъ Богомъ. Положеніе Японіи въ этой войнѣ было несравненно выгоднѣе нашего. Въ нѣсколько недѣль послѣ начала войны на многочисленныхъ военныхъ и торговыхъ судахъ японцы перевезли на материкъ свои военныя силы. Намъ же приходилось подвозить войска за нѣсколько тысячъ верстъ, по одноколейной желѣзной дорогѣ. Несмотря на чрезвычайное напряженіе, мы не могли продвинуть сразу большого числа войскъ, пушекъ, снарядовъ и запасовъ, и только къ самому концу войны наши силы сравнялись съ силами противника. Въ битвахъ японцы имѣли надъ нами численный перевѣсъ, а въ природной храбрости и воинственномъ духѣ они не уступали русскимъ.

Самая мѣстность, гдѣ разразилась война,—Манчжурія, населенная родственнымъ японцамъ племенемъ,—заблаговременно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, была изучена ими съ военною цѣлью вдоль и поперекъ: гдѣ наши шли ощупью въ чужой странѣ, тамъ японцамъ вѣдомы были каждая горка, каждый ручеекъ, каждая деревушка. Этому особенно содѣйствовали присущая имъ хитрость и способность къ шпіонству. Къ тому же несчастья преслѣдовали въ этой войнѣ Россію: лучшіе наши военоначальники на сушѣ и на морѣ погибли въ началѣ военныхъ дѣйствій; такъ, еще въ апрѣлѣ погибъ смѣлый адмиралъ Макаровъ, краса и надежда русскаго флота; при осадѣ японцами Портъ-Артура былъ убитъ генералъ Кондратенко, мужество и распорядительность котораго больше всего поддерживали крѣпость. Среди главныхъ русскихъ полководцевъ не нашлось, на нашу бѣду, ни одного, подобнаго Румянцеву, Суворову или Скобелеву, которые и съ небольшими силами побѣждали многочисленнаго непріятеля. Обнаружились во время войны также ошибки и недостатки въ дѣлѣ подготовки и снабженія войскъ необходимыми запасами. Особенно сильно ска-

зались эти ошибки и неустройства во флотѣ: наши корабли по вооруженію оказались слабѣе японскихъ. Хотя посланная въ подмогу эскадра, подъ начальствомъ адмирала Рожественскаго, совершила безпримѣрный въ военно-морской исторіи, въ исключительно-трудныхъ условіяхъ, переходъ изъ Балтійскаго моря на Дальній Востокъ вокругъ Африки,—хотя она и выказала великую силу духа,—тѣмъ не менѣе, встрѣченная превосходно подготовленнымъ и лучше насъ вооруженнымъ японскимъ флотомъ, потерпѣла тяжкое пораженіе, столь непривычное для славнаго русскаго флота.

Наши солдаты и офицеры проявили на сушѣ и на морѣ обычное для русскихъ мужество, отвагу и самоотверженіе, вызывавшія удивленіе, похвалу и уваженіе отъ японцевъ, но противъ стеченія гибельныхъ для насъ событій и условій несчастной войны оказались безсильны храбрость и подвиги отдѣльныхъ лицъ и отдѣльныхъ отрядовъ. Эти обстоятельства, а также возникшее въ Россіи внутреннее нестроеніе заставили подумать о прекращеніи военныхъ дѣйствій, которыя пришлось вести въ столь неблагопріятной для насъ обстановкѣ. Такъ какъ русская армія была подкрѣплена прибывшими свѣжими войсками, которыя рвались въ бой, то, когда возникли переговоры о мирѣ, Россія имѣла возможность выговорить условія мира не очень для насъ обременительныя. Россія передала Японіи Портъ-Артуръ, съ прилегающимъ къ нему участкомъ желѣзной дороги, и уступила южную половину острова Сахалина, ту именно, которая была пріобрѣтена Россіей отъ Японіи по договору 1875 г. Миръ былъ заключенъ въ Портсмутѣ осенью 1905 года.

Государь Императоръ, соглашаясь на миръ, поступилъ такъ, какъ поступилъ въ свое время его Дѣдъ, Императоръ Александръ Второй, прекратившій крымскую войну, дабы сосредоточиться на неотложныхъ дѣлахъ внутренняго устроенія государства. Въ первую очередь надлежало успокоить страну, въ коей вновь возникло революціонное броженіе, затихшее послѣ рѣшительныхъ и твердыхъ мѣръ, принятыхъ Императоромъ Александромъ Третьимъ. Затѣмъ, предстояло совершить большое государственное дѣло—привлечь выборныхъ отъ населенія къ участію въ законодательной дѣятельности, устранить въ организаціи арміи и флота тѣ недочеты и ошибки, которые были обнаружены войною, снабдить армію усовершенствованнымъ вооруженіемъ и всѣмъ тѣмъ, что необходимо для успѣшныхъ ея дѣйствій, и возсоздать боевой флотъ, отвѣчающій современнымъ требованіямъ.

Крамола вновь внесла смуту въ русскую жизнь и причинила не мало вреда государству. Постепенно развивавшаяся дѣятельность

революціонеровъ проявила себя, наконецъ, въ рядѣ предательскихъ убійствъ, жертвами которыхъ пали Великій Князь Сергій Александровичъ, дядя Государя Императора, и нѣсколько высшихъ государственныхъ сановниковъ. И неблагопріятному для насъ теченію войны съ Японіей способствовала также предательская дѣятельность этихъ враговъ родины: въ то время, какъ наша доблестная армія въ далекой Манчжуріи проливала свою кровь, крамольники устраивали забастовки на тѣхъ заводахъ и фабрикахъ, которые снабжали армію военными припасами, и затрудняли отправку на войну подкрѣпленій и военныхъ грузовъ. По окончаніи войны, смута усилилась и стала прорываться въ разныхъ мѣстахъ открытыми бунтами, безсмысленнымъ разореніемъ усадебъ и хозяйствъ землевладѣльцевъ. При этомъ крамольниками совершались возмутительныя злодѣянія и безчинства.

Борьба съ проявленіями крамолы и успокоеніе страны и составили предметъ особыхъ заботъ и напряженной дѣятельности всѣхъ правительственныхъ учрежденій и властей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь Императоръ, въ манифестѣ отъ 18 февраля 1905 г., призывалъ благомыслящихъ людей всѣхъ сословій и состояній соединиться въ дружномъ содѣйствіи Государю въ искорененіи крамолы и въ разумномъ противодѣйствіи смутѣ внутренней. Затѣмъ, въ манифестѣ было пояснено, что лишь при спокойномъ и бодромъ состояніи духа всего населенія страны возможно обновить духовную жизнь народа, упрочить его благосостояніе и усовершенствовать государственный порядокъ.

Важнѣйшею мѣрою въ дѣлѣ благоустроенія государства и явилось привлеченіе выборныхъ отъ населенія къ участію въ законодательствѣ.

Государство Россійское созидалось и крѣпло неразрывнымъ единеніемъ Царя съ народомъ и народа съ Царемъ. Это единеніе Царя и народа — великая нравственная сила, созидавшая Россію въ теченіе вѣковъ, отстоявшая ее отъ всякихъ бѣдъ и напастей,—является донынѣ залогомъ ея единства, могущества, независимости и цѣлости, матеріальнаго благосостоянія и развитія духовнаго въ настоящемъ и будущемъ.

При первыхъ Царяхъ изъ Дома Романовыхъ выборные люди созывались нерѣдко на земскіе соборы и много помогли Царю Михаилу Ѳеодоровичу въ устройствѣ государства, потрясеннаго смутою. При Алексѣѣ Михайловичѣ они собирались, но рѣже. Петру Великому въ его преобразованіяхъ приходилось идти наперекоръ большинству его подданныхъ, не отдававшихъ еще себѣ яснаго

отчета въ значенiи и пользѣ ихъ. Поэтому онъ и не созывалъ выборныхъ, такъ какъ не могъ ждать помощи себѣ отъ нихъ. При Императрицѣ Екатеринѣ Второй были созваны выборные для составленiя новаго Уложенiя. У Императора же Александра Благословеннаго была уже мысль привлечь выборныхъ людей къ постоянному содѣйствiю въ отправленiи законодательства. Но и у него, и у его Царственныхъ Преемниковъ заботы о неотложныхъ государственныхъ дѣлахъ и прежде всего объ освобожденiи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости поглощали много вниманiя. Кромѣ того, надлежащее осуществленiе этихъ намѣренiй встрѣчало затрудненiе еще въ томъ, что большая часть русскаго народа была безправна и находилась въ крѣпостной зависимости; наконецъ, образованiе было еще очень слабо распространено среди населенiя. Императоръ Александръ Второй, даровавъ свободу крѣпостнымъ, нашелъ уже возможнымъ поручить выборнымъ людямъ дворянскаго, духовнаго, городского и крестьянскаго сословiй земскiя хозяйственныя и иныя дѣла на мѣстахъ. Къ концу его царствованiя, у него уже созрѣла мысль призвать выборныхъ отъ земли и къ участiю въ отправленiи законодательства. Осуществить это намѣренiе помѣшала Императору его кончина.

Проведенiе въ русскую жизнь постояннаго участiя выборныхъ отъ населенiя въ законодательной работѣ совершено было нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ. Въ Высочайшемъ рескриптѣ 18 февраля 1905 г. на имя министра внутреннихъ дѣлъ Булыгина было указано, что Государь Императоръ, продолжая царственное дѣло Вѣнценосныхъ Предковъ своихъ—собиранiе и устроенiе земли Русской, вознамѣрился привлекать избранныхъ отъ населенiя людей къ участiю въ законодательныхъ работахъ. Далѣе въ рескриптѣ было сказано, что Государи Россiйскiе всегда принимали въ соображенiе особыя условiя обширнаго Отечества нашего, разноплеменность состава его населенiя и слабое, въ нѣкоторыхъ его частяхъ, развитiе гражданственности. Поэтому они и «даровали необходимыя, въ зависимости отъ назрѣвшихъ потребностей, преобразованiя, лишь въ порядкѣ извѣстной послѣдовательности и съ осмотрительностью, обезпечивающей неразрывность крѣпкой исторической связи съ прошлымъ, какъ залога прочности и устойчивости этихъ преобразованiй въ будущемъ».

6 iюня того же года, принимая въ Петербургѣ земскихъ дѣятелей, Государь Императоръ сказалъ имъ: «Моя воля созвать выборныхъ отъ народа—непреклонна... пусть установится, какъ было

встарь, единенiе между Царемъ и всею Русью, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ».

Работы по осуществленiю указанной Монаршей воли шли ускореннымъ ходомъ, и 6 августа 1905 года было уже Высочайше утверждено положенiе объ учрежденiи государственной думы.

Это положенiе однако не было осуществлено въ томъ именно видѣ, какъ оно было утверждено. 17 октября былъ обнародованъ манифестъ, оповѣщавшiй населенiе о тѣхъ началахъ, которыя будутъ положены въ основу работъ по обновленiю условiй русской жизни. Въ соотвѣтствiи съ этимъ манифестомъ послѣдовало видоизмѣненiе полномочiй государственной думы, опредѣленныхъ положенiемъ 6 августа, и увеличенiе числа лицъ, пользующихся правомъ участiя въ выборахъ членовъ думы.

Новое положенiе было обнародовано 11 декабря 1905 года. Въ немъ и въ особо-изданныхъ въ апрѣлѣ 1906 года основныхъ законахъ Россiйской Имперiи Русскiй Самодержавный Царь даровалъ своему народу участiе, чрезъ выбираемыхъ имъ лицъ, въ законодательной дѣятельности. Вмѣстѣ съ этимъ Государь Императоръ преобразовалъ и государственный совѣтъ, призвавши въ него выборныхъ отъ духовенства, дворянства, земскихъ учрежденiй, торговли и промышленности и науки.

Государственная дума перваго созыва, начавшая свои занятiя въ апрѣлѣ 1906 года, вмѣсто того, чтобы сосредоточиться на обсужденiи крайне нужныхъ для Россiи новыхъ законовъ, стала проявлять попытки къ вмѣшательству въ дѣла управленiя, вѣдѣнiю ея не предоставленныя, и предъявлять требованiя, имѣвшiя главною цѣлью поддержанiе смуты въ странѣ. Въ виду этого послѣдовало распоряженiе о ея роспускѣ и производствѣ новыхъ выборовъ. Государственная дума второго созыва оказалась не лучше первой. Пришлось и ее распустить. Затѣмъ, въ виду выяснившейся необходимости, Высочайшимъ манифестомъ 3 iюня 1907 года было возвѣщено о нѣкоторыхъ измѣненiяхъ въ правилахъ избранiя въ члены думы.

Государственная дума третьяго созыва оказалась, въ большинствѣ ея членовъ, сознающею свой долгъ предъ Государемъ и родиной, и своею работою, по мѣрѣ силъ и знанiй, содѣйствовала обновленiю и улучшенiю многихъ сторонъ государственной жизни. Дума проработала всѣ пять лѣтъ назначеннаго для нея закономъ срока дѣятельности.

Такъ создалось обновленiе строя нашего законодательства; ходъ его хотя и былъ нелегокъ, но волею Государя Императора преобразованiе это окончательно утвердилось.

Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ съ Его Императорскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Алексѣемъ Николаевичемъ.

Завершилась давнишняя мысль Русскихъ Монарховъ о привлеченіи къ участію въ законодательной дѣятельности выборныхъ отъ населенія: создана государственная дума, преобразованъ государственный совѣтъ. Вмѣстѣ съ этимъ объединена дѣятельность главныхъ начальниковъ вѣдомствъ въ совѣтѣ министровъ, подъ предсѣдательствомъ назначеннаго Государемъ Императоромъ лица.

Вступая нынѣ въ четвертое столѣтіе жизни Россіи подъ скипетромъ Государей изъ Дома Романовыхъ, естественно окинуть бѣглымъ взоромъ пережитое нашею родиною за минувшее трехсотлѣтіе.

Невольно душа проникается безпредѣльною благодарностью къ Божественному Провидѣнію, благословившему нашу Святую Русь, помогшему ей выйти изъ тяжелыхъ невзгодъ и испытаній окрѣпшею и обновленною; готовою, съ Божіею помощью, бодро идти впередъ по пути дальнѣйшаго своего развитія и преуспѣянія.

Передъ 1613 годомъ Московское царство было истерзано внутреннею смутою, нашествіемъ внѣшнихъ враговъ; въ самомъ сердцѣ его—въ Москвѣ владычествовали поляки, была принесена даже присяга польскому королевичу.

Но по кличу нѣсколькихъ крѣпкихъ духомъ русскихъ людей воспрянула Русская земля, сбросила съ себя путы, наложенныя на нее врагами, выбрала себѣ Царемъ юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова, объединилась около него и подъ державною властью его и его Преемниковъ стала крѣпнуть, шириться, совершенствоваться.

Много труда и заботъ, много одухотворенной мысли вложили Россійскіе Вѣнценосцы въ дѣло принятаго ими на себя служенія родинѣ Велики были и тяготы, которыя несъ Русскій народъ, устрояя свое государство. И Богъ благословилъ ихъ труды. Нынѣ Имперія Всероссійская широко раскинулась въ Европѣ и Азіи, занимая въ общемъ шестую часть суши всего земного шара и заключая въ себѣ 160 милліоновъ населенія. Еще болѣе великое будущее ждетъ въ дальнѣйшемъ нашу родину, когда она, крѣпкая вѣрой Христовой и русскимъ народнымъ духомъ, укрѣпленная просвѣщеніемъ, проникнувшимъ во всѣ слои населенія, широко разовьетъ свои могучія силы.

Въ прошломъ наибольшіе труды въ созданіи Русской государственности выпали на долю главной отрасли Русскаго народа—великоруссовъ. Освободивъ малоруссовъ и бѣлоруссовъ отъ польской зависимости и соединившись съ ними, они преодолѣли враждебныя племена, опустошавшія своими набѣгами наши южныя и восточныя окраины, завоевали плодородныя южныя степи, необъятныя рав-

нины Сибири и Средней Азіи, простерли Россійскіе предѣлы до береговъ Балтійскаго, Чернаго и Каспійскаго морей и Великаго океана.

Не мало различныхъ народностей и племенъ входитъ теперь въ составъ Державы Россійской; подъ ея мощной охраною всѣ они имѣютъ возможность, сохраняя свою вѣру и особенности, жить мирно и плодотворно работать на пользу свою и общаго отечества.

И въ грядущіе вѣка сила Государства Россійскаго, какъ и встарь, будетъ корениться въ вѣрѣ въ Бога, въ самоотверженной любви къ родинѣ, въ готовности жизнь свою положить за нее и въ беззавѣтной преданности своимъ Государямъ, которые всѣ свои думы и заботы отдаютъ на служеніе Россіи. Каждый изъ нихъ имѣетъ право сказать о себѣ, какъ сказалъ Великій Преобразователь Россіи: «О Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога, жила бы только Россія въ благоденствіи и славѣ».

Теперь, когда, по волѣ Государя Императора Николая Александровича, въ дѣлѣ государственнаго служенія установилась еще большая связь между Царемъ и народомъ, благодаря участію выборныхъ отъ населенія въ законодательной работѣ на благо родинѣ, умѣстно вспомнить слова, сказанныя однажды Государемъ Императоромъ этимъ выборнымъ: «Трудная и сложная работа предстоитъ вамъ. Вѣрю, что любовь къ родинѣ, горячее желаніе послужить ей воодушевятъ и сплотятъ васъ... Богъ въ помощь Мнѣ и вамъ».

Этой горячей вѣрой въ помощь Всевышняго, молитвой къ Нему о томъ, чтобы Имперія Всероссійская всегда была достойна Божіихъ милостей, мы и закончимъ нашъ обзоръ событій, пережитыхъ Россіею за время трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ.

Европейская Россія.

государственная граница при воцареніи Дома Романовыхъ — нынѣшняя государственная граница

СОДЕРЖАНІЕ.

Смутное время.

Прекращеніе дома Рюриковичей. Борисъ Годуновъ и первый Самозванецъ. Василій Шуйскій и усиленіе смуты. Государство на краю гибели. Поляки въ Москвѣ. Нижегородское земское ополченіе и избраніе въ Цари Михаила Θеодоровича Романова . . . . 1—30

Первые Романовы.

Михаилъ Θеодоровичъ.—Борьба съ врагами, заселеніе новыхъ земель. Миръ со Швеціей и Польшей. Татары. Казаки. Сибирь . . . . 31—49

Алексѣй Михайловичъ.—Начало возсоединенія Руси. Польская и Литовская Русь. Малороссія и Москва. Война съ Польшею . . . . . . 49—69

Заботы о внутреннемъ благоустройствѣ государства. Успокоеніе земли. Время Царя Алексѣя Михайловича . . . . 69—83

Петръ Великій.

Дѣтство и юность Царя. Азовскіе походы. Борьба за море. Положеніе дворянскаго и крестьянскаго сословій. Заботы о развитіи промышленности и торговли. Преобразованіе государственныхъ учрежденій и заботы о просвѣщеніи. Петербургъ—столица государства . . . . 84—124

Елизавета Петровна и Екатерина Великая.

Время отъ смерти Петра до Елизаветы. Общее направленіе дѣятельности Императрицъ Елизаветы и Екатерины. Положеніе сословій. Дѣла законодательства и управленія. Ломоносовъ и русское просвѣщеніе. Присоединеніе Бѣлоруссіи, Волыни, Подоліи и правобережной Украйны. Турецкія войны. Конецъ Польши . . . . 125—166

Павелъ Петровичъ и Александръ Благословенный.

Участіе Россіи въ европейскихъ войнахъ. Начало новой войны съ Франціей. Войны съ Швеціей и Турціей и присоединеніе новыхъ областей. Великая Отечественная война. Бородинскій бой и сожженіе Москвы. Расплата за Москву. Заботы о внутреннемъ благоустройствѣ государства . . . . 167—199

Императоръ Николай Павловичъ.

Вступленіе на Престолъ. Дѣла законодательства и управленія. Польское возстаніе и положеніе западно-русскихъ областей. Пушкинъ и расцвѣтъ русской литературы и искусства . . . . 200—220

Войны съ Персіей, Турціей и Кавказскими горцами. Положеніе Россіи на Ближнемъ Востокѣ. Предкавказье и Грузія. Кавказская линія. Подданство Грузіи. Первыя войны за освобожденіе христіанъ Балканскаго полуострова. Войны съ Турціею при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ . . . . 221—246

Императоръ Александръ Второй—Царь-Освободитель.

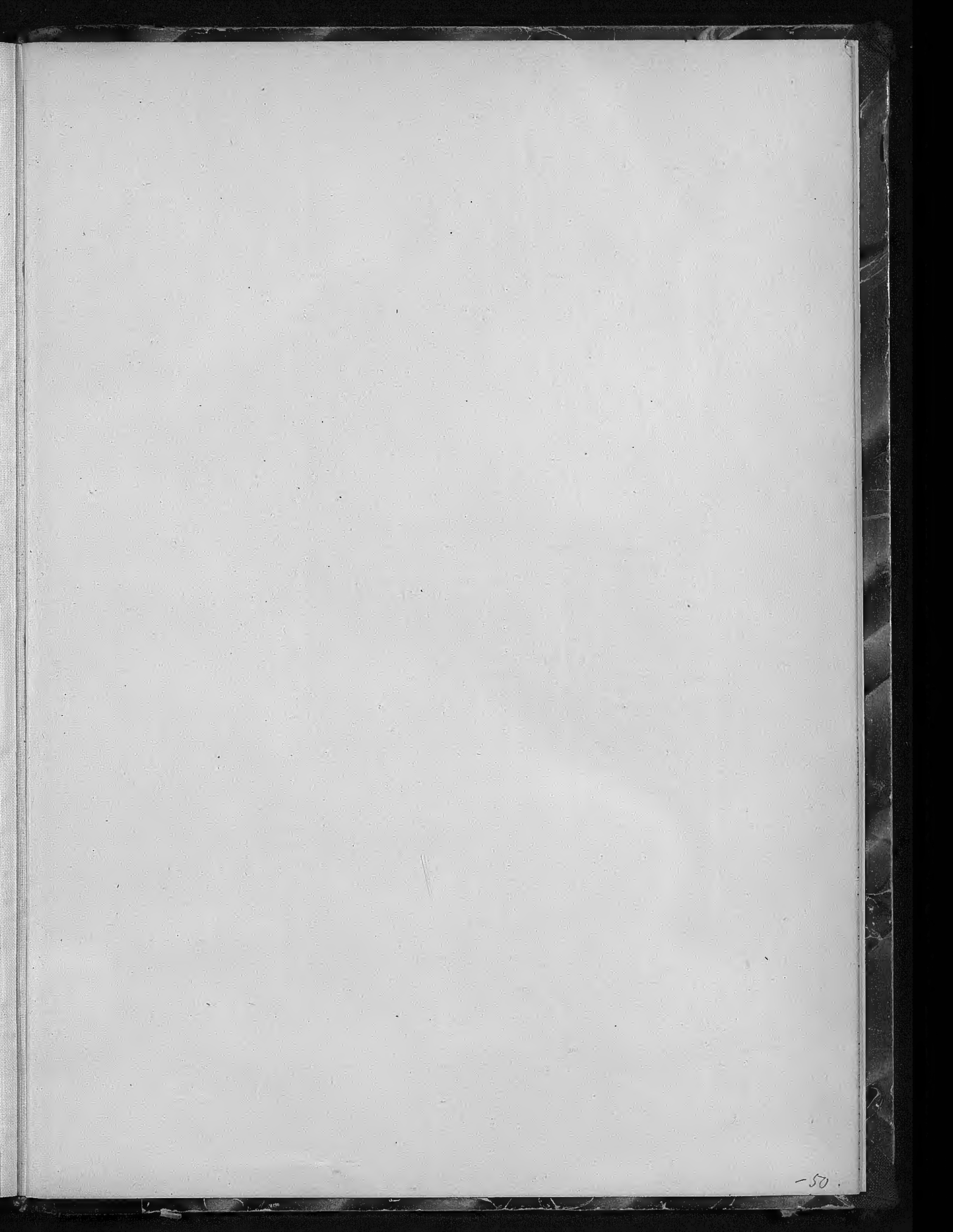
Воспитаніе Государя. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Польская смута и мѣропріятія въ западномъ и привислинскомъ краяхъ. Земство, новый судъ и всеобщая воинская повинность. Замиреніе Кавказа. Завоеванія въ Средней Азіи и на Дальнемъ Востокѣ. Война за освобожденіе славянъ. Мученическая кончина Царя-Освободителя . . . . 247—293

Императоръ Александръ Третій—Царь-Миротворецъ.

Время до восшествія на Престолъ. Умиротвореніе государства. Забота о мирѣ и кончина Государя . . . . 294—307

Время съ 1894 по юбилейный 1913 годъ . . . . 308—318

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ТИПОГРАФІЯ

-50

